

Тревоги и надежды старшего лейтенанта Берзалова

Михаил Белозёров

2023-09-03

Михаил Белозёров

asanri@yandex.ru

Copyright ©

Тревоги и надежды старшего лейтенанта Берзалова

роман

Любимой жене посвящается

...проходят религия, мифологии, философии человечества, рассыпаются прахом, исчезают в пустыне. Они сменяются первобытным анимизмом, хаосом, исполненным враждебных человеку сил... Круг замыкается...

Игорь Иванович Гарин

Глава 1

Дурные предчувствия

- Товарищ старший лейтенант!.. Товарищ старший лейтенант!..

Роман всплывал из сна, как из глубокого омута, как из той, прошлой жизни, в которой было всё совсем не так, как в этой, и поэтому просыпаться ему никак не хотелось. Снились ему мирный Питер и его жена Варя, которая погибла полтора года назад. По крайней мере, он думал, что она погибла. А во сне она была живая, улыбающаяся, с ямочками на щеках, они целовались, и её сосок под его руками стремительно твердел.

- Товарищ старший лейтенант!

- А?.. Что?.. Вашу-у-у Машу-у-у!.. - ещё не разомкнув век, он по привычке сел, как рассерженный индюк мотая головой. - Бур!.. Я же предупреждал!.. - начал выговаривать сквозь зубы. - Поднимать меня... - запнулся, всё ещё ухватывая край сновидения, - поднимать... - ощущения миров путались, цеплялись, явь ещё не в полной мере овладела его сознанием, - меня... в крайнем случае! - голос его свирепел по мере того, как он приходил в себя.

Однако между делом Берзалов также быстро просчитывал варианты: их атакуют, но это невозможно, особенно после недавнего боя, да и тихо в округе; приехал ротный или того хуже - командир батальона полковник Калитин; или просто явился старый друг - Славка Куоркис с бутылкой водки, но тот бы сам разбудил, а не посылал Бура, который, зная железный кулак Берзалова, что называется, лез на рожон. Значит, или Ашкинази, или Калитин. Ашкинази, если что, можно было культурно послать, а вот с Калитиным шутки плохи, тот их не понимал и был прямолинеен, как телеграфный столб, который может ненароком и придавить.

- Товарищ старший лейтенант... - Губастый Бур на всякий отступил на два шага и обиженно замер, показывая всем своим видом, что он человек подневольный и в тонкостях отношений с начальством не разбирается - не положено по уставу.

- Ну что тебе Бур?.. Тако-ой сон перебил! - уже более определённо высказался Берзалов, одной рукой нащупывая под койкой берцы, другой снимая со спинки куртку. - Чего надо-то?..

Глупо было выказывать свои чувства, но Варенька снилась ему всего-то третий раз за полтора года, и он даже обижался на себя за то, что так редко. Любил он её и не мог забыть. Кирочная, пять, квартира восемь. Четыре пролета по широкой лестнице со скрипучими перилами. Он даже помнил голубиный запах парадной и каждую ступеньку, третья во втором пролёте - с выщербиной. Вот и теперь с замиранием сердца он взбежал на второй этаж, привычно споткнулся на третьей ступеньке и с трепетом распахнул дверь, не удивившись, что она не заперта, потому что спешил, потому что там, за ней, было его счастье, к которому он так долго стремился. И Варя - его вечно-счастливая Варя с копной мелких кудряшек, в которых тонули ладони. А запах! Он готов был вдыхать его вечно, но больше всего ему хотелось увидеть её глаза - милые, родные и любимые! И на тебе - припёрся этот несносный Бур и всё испортил.

- Извините, товарищ старший лейтенант... - ещё обиженнее вытянулся Бур, боязливо косясь на Берзалова, как курсант на швабру, на его приплюснутый боксёрский нос без хрящей, на брови в шрамах, на деформированные уши, которые внушали трепетное уважением. - Пленных притащили... Ага...

- Ну и подождали бы пленные... - упрекнул его Берзалов с железным тембром в голосе, ловко зашнуровывая берцы. - Чай, не пряники, не зачерствеют... - хотя понимал, что пленным надо допрашивать тёпленькими, когда они ещё в шоке и в душевном трепете.

- Ранен один... - доверительно поведал Бур, - того и гляди окочурится... ага...

Ко всему прочему Бур был крепеньким, плотным блондином с бесцветными глазами, в которых таилась искусственная солдатская смекалка. Благодаря этой хитрости за полтора года он умудрился не дослужиться даже до звания младшего сержанта. Всегда сам по себе, всегда где-то в уголке, как тень, правда, исполнительный, но без инициативы, а это настораживало: то ли больной, то ли убогий? Филонил при первом удобном случае, пререкался или просто ворчал под нос. Пару раз уснул в карауле, за что был нещадно наказан. С тех пор к нему доверия не было. Впрочем, Берзалов быстро привык к его сладковатому запаху хитрости. Чёрт с ним! - давно махнул на него рукой. Может, это у него такая форма самозащиты? Может, он по-другому не может? Бывают же в природе идиоты со смещенным центром сознания. Все люди в душе хотят выглядеть честными, но не у всех это получается. Иногда выгоднее быть ловчилой. Авось выживет. Однако мы философствуем, как о постороннем, подумал он о себе и усмехнулся.

- А-а-а... - с тяжестью в душе сказал он, больше не обращая ни на что внимания. - Ну веди-и... Сусанин... - разрешил он великодушно, застегивая на ходу куртку и подхватывая автомат. Разгрузку с рожками, как и бронежилет, он не взял, полагая, что скоро вернётся. Лишнюю тяжесть тащить ни к чему. Не в поле, чай, идём. Он бросил в рот подушечку мятной жвачки, которую им выдавали в пайке. - Вперёд!

Глубокий ход из землянки вывел их под крепостную стену, и Берзалов как всегда покосился на её крутые бока: хорошо, что у наших противников нет ни артиллерии, ни танков - даже одного завалывшегося, потому что выстрела достаточно, чтобы засыпать проход и землянку заодно. Надо перенести, надо перенести, подумал он чисто рефлекторно, в который

раз откладывая это безотлагательное дело – место было весьма и весьма удобным: на холме, в окружении старых-старых рвов, которые, благо, за триста лет не засыпали отцы города – руки не доходили. Их головотяпство обернулось пользой – теперь это самый мощный узел обороны правого фланга, с настоящей обсыпкой укреплений в десять метров толщиной, с бетонированными входами и со стальными бойницами, глядящими за реку. Обойдётся, как всегда, подумал он, следуя за крепеньким, но юрким, как ящерица, Буром, который терпеливо сносил его крутой нрав, потому что старший лейтенант был суров, но справедлив, и о нём говорили: «Хоть и ворчун, но свой мужик, этот не сдаст и не бросит, а вытащит и спасёт, если что, конечно...»

Они спустились, от ячейки к ячейке, к подножию холма. За спиной остались развалины древней крепости и Высоцкого монастыря, от которого возвышалась одна лишь голубая звонница да золоченый крест, торчащий косо и обречённо. Брустверы окопов давно поросли лопухами да полынью, и Берзалов запрещал обновлять их, чтобы не демаскировать позиции, а требовал таскать землю в мешках и сыпать в овраг, за что командиры отделений на него обижались, но Берзалов был непреклонен. «Лень им, видите ли! Да вы мне потом спасибо скажете!» – увещевал он их. Но однообразная окопная жизнь и долгое сидение на одном месте, подтачивали не только дух и не только у Берзалова. Солдаты становилось неряшливыми и теряли чувство опасности, некоторые бегали в самоволку, а один даже умудрился завести роман в Серпухове и собрался жениться. Поэтому Берзалов каждый день гонял всех «по тактике и по уставу», а через день устраивал «инженерные работы» – заставлял удлинять окопы и укреплять их досками, а ещё соорудил баню, чтобы не вшивели, и даже привёз из города спортивные снаряды, которые разместил в бывшей трапезной. Организовал секцию бокса и сам же тренировал желающих два раза в неделю, учил солдат не бояться ударов, привыкать к ним. В общем, не давал никому засохнуть, нагружал вверенный ему взвод по полной программе. Но всё было напрасно: народ дурел, потому что не было явного противника, а против своих кому воевать охота? Поэтому и творили самые разнообразные глупости. Должно быть, радиация действует? – напрасно гадал Берзалов. Лёгкий намёк на всеобщий кретинизм и помешательство – все ждали «второго удара» Америки. А его всё не было и не было. Хорошо хоть не разбежались, как стадо обезьян, а служат, как умеют.

Пленных притащили из-за реки в запасную пулеметную ячейку. Были они мокрыми, несчастными, изголодавшимися, больными

и худыми, как щепка. У одного, чёрного, бородатого, с наглыми глазами в спине была дырка, и он харкал кровью. В душе Берзалова ни с того ни с сего возникло дурное предчувствие. Ох, как он не любил это дурное предчувствие. Как он его ненавидел – всеми фибрами души. Сколько раз он попадал из-за него в переделки, правда, к счастью, всегда и везде выходил без единой царапины, но с твердым намерением больше никогда не искушать судьбу. Хотя ещё в училище о нём ходили легенды, мол, Ромка – тот человек, которому во всём везёт. Бывают такие люди, встречаются в природе. Уникумы. Один на сто миллионов, а может, и на миллиард. Человек, с которым никогда не происходит ничего дурного. Даже в спорте. Если бы только от меня зависело? – порой суеверно думал Роман, разматывая бинты и снимая перчатки после очередной победы. Если бы знали, как это тяжело даётся. Тренер неизменно ликовал, публика неистовствовала. И только один он подозревал, в чём залог удачи – в ангеле-хранителе, которого он называл Спасом. Почему именно Спасом, он и сам не знал. Просто Спас, на русский манер. Догадывался, что, может, ошибся при медитации, в те времена, когда ещё занимался восточными философиями и был приверженцем Будды. Но потом и это ушло. Стало не до умствований, а Спас остался, и конечно же, он с ним не спорил, а всячески старался угодить, предугадывая повороты его настроения, а настроение у него было примерно такое же, как и Берзалова. Неужели судьба снова приготовила подарок? Главное об этом не думать, а то начну бояться. Ну, Боже, пронеси меня и на этот раз!

– Суки... – словно между делом сказал прапорщик Гаврилов, – Игнатьева подстрелили... дурилки картонные!

– Игнатьева! – воскликнул Берзалов, с угрозой посмотрев на пленных. – Вашу-у-у... Машу-у-у! Что за дела-то?!

– Мы их мирно окликнули, а они, дурилки картонные, хватились за автоматы...

– Гады... – беззлобно согласился боец по фамилии Рябцев с жутким шрамом, пролегающим от уха до рта, что делало его улыбку похожей на оскал сатира. – Мы им, товарищ старший лейтенант, поесть хотели дать, а они-и-и... ух!.. вроде как не русские, – и с угрозой замахнулся на пленных.

Теперь чаще стреляли, чем разговаривали, потому что всем всё осточертело: политикам – политика, военным – война, народу – голод, а всем вместе – то, что называется одним словом – атомный век, со всей вытекающей из этого безысходностью. И никто не хотел объединяться, все хотели быть первыми и

самыми главными над всеми.

- Отставить-ь-ь... - лениво сказал Берзалов. - Разберё-ё-мся...

Раненому было всё до лампочки, похоже было, что ему и чёрт не страшен. Второй, похожий на студента, в чёрной спецовке, без воротника, явно сдрейфил, хотя и не подал вида, но Берзалов почувствовал, что от него волнами исходит горький, полынный запах неуверенности и страха.

- Да вы не волнуйтесь, товарищ старший лейтенант, - так же между делом успокоил его прапорщик Гаврилов. - Легко подстрелили, его уже штопают.

Это была любимая поговорка старшего прапорщика Гаврилова. Любую процедуру, мало-мальски связанную с медиками, он называл штопаньем и латанием, не очень вдаваясь в суть медицинских терминов. Лицо у него было обыкновенное - рязанское, с носом-картошкой, кожа в складках, посеченная мелкими трещинами. На левой скуле, под ухом, белый шрам.

- Точно легко?.. - Берзалов так пристально посмотрел на пленных, что у молодого по лицу пробежала судорога, а глаза стали белыми-белыми, как у больной собаки, волна же запаха сделалась невыносимой - горько-кислой, на грани отвращения.

- Точно, йодом смажут, и будет, как новенький, - простодушно пообещал Гаврилов, улыбаясь при этом обезоруживающе, как няня в детском садике.

Берзалова это только бесило. Такая была натура у старого, испытанного жизнью пограничника, прибывшего к бригаде в одну из декабрьских ночей. Шёл он аж от самой южной границы, а как дошёл, одному богу известно - на одной воле. Но дошёл, без ног, без пальцев, и пошёл бы дальше в родной Псков, да Пскова больше не было, и стало быть, идти ему было некуда, вот он и остался. Подлечили ему гангрену, подштопали, подлатали, как он любил выражаться, кое-что отрезали, совсем малость, и направили в третий взвод под командование Романа Георгиевича Берзалова, как к самому боевому и удачливому офицеру.

- Это меняет дело! - сказал Берзалов звенящим голосом. - Вашу-у-у... Машу-у-у! Значит, мы вас сразу не убьём! - пошутил он, но так, чтобы они ничего не поняли. Свои поняли, а больше никто ничего не понял. Пусть трясутся от страха, разговорчивее будут.

Убивать пленных, конечно, никто не собирался, но последнее время стычки приобрели ожесточенный характер по многим причинам, и главная из них та, что девяносто пятая отдельная

гвардейская бригада специального назначения держала оборону очень удобного района в излучине между реками Нара и Протва, и вся Заокская низменность была перед ними, как на ладони. К тому же здесь находились огромные склады росрезерва, а значит, город Серпухов был лакомым кусочком во всех отношениях – старая-старая крепость ещё времён монголо-татарского нашествия. Ан, пригодилась! Во-первых, Серпухов не зацепила ни одна из ядерных атак, во-вторых, кастровые пещеры в округе дали возможность спрятаться всему личному составу, а в-третьих, первые полгода, когда радиация была особенно опасна и губительна, ветра дули совсем в другую сторону, и район в этом плане считался более-менее благополучным. Вот и образовался недалеко от Москвы своеобразный оазис, огромный треугольник с почти равными сторонами: Тула, Серпухов, Калуга. Первая послевоенная зима выдалась снежной и ветреной, всех радионуклидов вымела, размела по лесам, по болотцам и погребла в реках под толстым слоем ила. Поэтому и выжили случайно, поэтому на что-то ещё и надеялись. Лотерея, счастливый фантик! Судьба на фоне атомного века! Геннадий Белов, у которого всегда водился медицинский спирт, со знанием дела объяснял: «Происходит естественный отбор генотипов людей, устойчивых к радиации. Что из этого выйдет, одному Богу известно. Может быть, через сто лет возникнет хомо-радиоактивнус, которому не будет страшна любая атомная бомба? Кто знает?» Тираду эту он обычно произносил под стопку спирта. Хорошо получалось – главное, со вкусом.

В душе Берзалов соглашался. Но когда? Когда этот «хомо» возникнет? Когда все передохнут? Уже были времена, когда погибшие плыли по Оке вереницами, а увечные умирали по городам и весям. Похоронные команды с ног сбивались. Долгие месяцы приходилось ходить и воевать в противогазах, даже спать в них. Самым большим дефицитом стали негашеная известь и хлорка. Геннадий Белов только и делал, что ворчал: «На сегодня хлорки... три бочки извели...» Всё это Роман вспомнил в мгновение ока, прежде чем принять окончательное решение: в штаб не тащить, допрашивать надо здесь, в окопе, пока ещё не очухались.

– Откуда топаете, дядя?! – спросил он у бородатого, который лежал на дне ячейки и тихо, через силу стонал.

От него пахло давно не мытым телом, огромным-огромным несчастьем и ещё чём-то, чего Роман понять сразу не мог. Ну да, конечно, полем, лесом, кострами и вшами – это всё понятно. Трагедией века – тоже, теперь все несчастные и потерянные,

но ещё чём-то – гордостью, что ли, за которой стояла сила. Ага... – сделал вывод Берзалов, хотя конкретно мысль не сформулировал. Обычно пленные гордостью не пахли, они были подавлены и ужасались своей судьбе, поэтому они пахли горьким-горьким запахом страха. А этот стойко пах грецкими орехами. Откуда они такие? – удивился Роман и даже хмыкнул, мол, ничего не понял, но приму к сведению.

– Откуда шли? – ещё раз спросил он и присел перед бородатым.

У того изо рта стекала сукровица, и он периодически размазывал её по клокастой бороде.

– Так я тебе и сказал, – покосившись, как на идиота, ответил бородатый, через силы кашлянув так, что изо рта вылетел сгусток крови.

– Что, гордый, что ли? – осведомился Берзалов.

– Гордый... – выдавил из себя ответ бородатый, исходя смертельным потом.

Дышал он тяжело и хрипом. Чувствовалось, что он вот-вот отдаст богу душу.

– Ну и подохнешь! Погоди-и... – Берзалов словно невзначай остановил фельдшера, который уже приготовился сделать противошоковый укол. – Скажи, откуда и куда, и мы станем друзьями. Здесь у нас жратвы навалом... отъедитесь... отдохнёте... Город, однако...

– И что, отпустишь? – насмешливо спросил бородатый и посмотрел взглядом обреченного человека.

– Вашу-у-у... Машу-у-у! – беззлобно выругался Берзалов и поднялся.

Конечно, не отпустим, а перевоспитаем и сделаем нашим, с былым восторгом подумал он, русские друг друга не убивают. Зачем нам гражданская война? Мало нас осталось. Кот наплакал. Приходят такие идиоты и демонстрируют вселенскую тупость. Кто их так кодирует? Выжить еще надо. А если мы будем друг друга убивать, то никого не останется на радость нашим врагам. На это и рассчитано. Только с каких пор я стал мягкотелым? О истинных врагах, затеявших Армагеддон, думали редко. Американцы за океаном давно стали неким абстрактным понятием. Притихли, как мыши. Может, их нет уже? Два медведя в одной берлоге не живут. Может, они точно так же вымирают, как и мы? Кто знает? Об этом даже не говорили, тема неактуальная. Не имело смысла гадать на кофейной гуще. Подошли, ну и чёрт с ними. Куда важнее

объединить и возродить страну. А Америка подождёт. Будут силы, ещё вломим, думал Берзалов. Но сил вломить явно нет, иначе бы мы видели пуски ракет да и вообще – продолжение банкета. Значит, будем делать ракеты, а если не ракеты, то что-нибудь попроще. На какое-то мгновение он отвлёкся, думая об этих самых ракетах и представляя, как они полетят над Европой, чтобы поразить врага в самом его сердце – Вашингтоне. Сладостная картинка несколько секунд грела душу, потом его отвлекли.

- Товарищ старший лейтенант... – попросил фельдшер, показывая на шприц, который держал в руках. – Помрёт ведь...

- Что жалостливый?! Жалостливый?! Вашу-у-у... Машу-у-у!
- Берзалов поймал себя на том, что не верит даже самому себе, что стал заводиться по малейшему поводу – оттого, что всё понимаешь, но ничего не можешь сделать, словно попал в порочный круг страха. Нервы ни к чёрту, выжить, видать, хочу, трушу, а ещё с Варей не дали пообщаться... архаровцы... страна... идиотская война без конца и края... – Ладно, делай свой укол, – сказал он, – и тащите его в госпиталь. Да... охрану выделить, а то удерёт ведь. Слышишь, Гаврилов?..

- Зачем охрану? – удивился фельдшер. – Он еле дышит.

- Выделить, и всё! – приказал Берзалов, который не любил неожиданностей. – Если что, поможет тащить.

- Есть выделить, – равнодушно отозвался прапорщик, даже не повернув головы. – Жуков!

- Я! – поднял голову боец из соседней ячейки, который вообще, похоже, спал, потому что стал отчаянно зевать и тереть глаза.

Ох, наведу я порядок! – подумал Роман, ох, наведу! Боец этот был славен тем, что имел большой чуб и был похож, как близнец, на поэта Есенина. «Ты не родственник?» – часто спрашивали у него.

- Пойдёшь с санитарями!

- Есть! – радостно отозвался боец, похожий на Есенина.

- Да смотри мне там!.. Знаю я тебя, дурилка картонная!

- Есть смотреть, – ещё радостней отозвался боец, потому что не надо было торчать в окопе, а можно было с толком и культурно провести время в городе, может даже, в кино забежать, если девки в канаву не утащат.

Чёрта-с два, подумал Берзалов, напьётся, скотина! Но приказа не отменил. Всех подозревать – себе дороже, глаз и нервов не

хватит.

- А можно мне тоже, товарищ прапорщик?.. - в наглую попросился боец с мелкими гнилыми зубами, которого звали Петр Морозов.

От подобной дерзости Берзалов только заскрипел зубами. Распустил Гаврилов отделение! Распустил! Сейчас отправлю всех на «губу»!

- Нельзя, - как показалось Берзалову, с сожалением ответил Гаврилов, а то бы отпустил и Морозова, на лице которого лежала печать лихого человека, и должно быть, из-за этого, а ещё из-за рискованности в характере Гаврилов чаще других брал его с собой.

Прапорщик Гаврилов сидел по-турецки на бруствере среди лопухов, глядел на луга за рекой, откуда они притащили пленных, и, казалось, не участвовал в допросе из-за того, что всё-всё понимал. А ведь первые минуты - это те самые первые минуты, когда любой расколется, даже будь он из гранита. Этот не раскололся. Значит, готов был к подобному повороту событий. Из своих, из армейцев. Кому же он служит, если молчит, как партизан? Должно быть, на крепком крючке, раз такой упёртый. Не пытаться же в самом деле? - ломал голову Берзалов. Хрен с ним, не нашего ума дело. В штабе есть кому допросить. Там костоломы найдутся подурнее наших архаровцев.

Прапорщик был старым - в представлении Берзалова - целых сорок пять лет. Из Пскова. Женат, или, точнее, был женат. Район тот пограничный накрыло в первую очередь, наверняка никого из живых не осталось, вот и он зачерствел душой похлеще Берзалова. Но делал свою работу надёжно и верно, как робот. Разведка и поиск с его участием - сплошное удовольствие. Берзалов ходил с ним не раз, имел честь удостовериться. Даже он, казалось, проникнувшийся ремеслом до глубины души, и то нашёл, чему поучиться - старой русской школе единоборства. Золото, а не человек. Снимал «на шёпот» караульного, в упор уходил от пули, мастерски умел «вязать» хоть десятерых. Берзалов, который до сих пор думал, что это всё русские народные сказки, только дивился до глубины души. Чтобы заниматься этим, сумасшедшим быть не обязательно, но не помешает. А для чего живёт прапорщик, непонятно. Цели в жизни нет, идей нет. Коптит, как и все, небо, поэтому и смурной. Может, от радиации? А еще обижается на Берзалова. А чего на меня обижаться, думал Берзалов. Я тоже человек подневольный. Дали приказ, я выполняю: «Не пущать прапорщика в поиск, предоставить товарищу прапорщику недельный отпуск со

всеми вытекающими из этого удовольствиями!» Кто же против? Да всей душой! А он геройствует каждый день, изводит себя. Смерти ищет. Кому от этого выгода? В ночь сходил, притащил пленных, показывает, какой везучий и умелый. За пленных, конечно, большое спасибо, а за остальное надо было бы взгреть первостатейно, да как-то язык не поворачивается, потому что человек ходит по лезвию, живёт делом, а не животом или чинами, и денег не просит, а от военной работы, в отличие от других, не отлынивает. Вот какие у нас люди! Побольше бы таких сумасшедших! И гражданская война не страшна.

- Вы, Федор Дмитриевич-ч-ч... - он начал цедить слова сквозь зубы, не разжимая челюстей, - должны у меня отдыхать. Я вам что приказал?!

- Что?.. - терпеливо вздохнул прапорщик, невозмутимый, как рептилия.

- Командировал вас в город, освежиться, вдохнуть цивилизацию. А вы?! - Его тяжёлый взгляд переполз с далёких ив на Гаврилова, физиономия которого была сродни камню у дороги. Тонкий шрам белел у него под ухом.

- А что я? - невинно спросил прапорщик, делая удивленное лицо. Вернее, он думал-то, что оно удивленное, а оно, скорее, было у него хитрое, как у пятнадцатилетнего пацана.

- Вот именно, что?! - не сдержавшись, воскликнул Берзалов.
- Приказы командира надо выполнять безукоризненно! - и добавил уже в сердцах: - Вашу-у-у... Машу-у-у!

- Есть, безукоризненно, - как эхо, отозвался Гаврилов, но даже не поменял позы, то есть он не боялся и не раболепствовал, а отвечал в соответствии с установками внутри себя. А установки были такими, какие приводят в преждевременной смерти. К бабке не ходи. Погибнет ведь, как-то неожиданно догадался Берзалов, в самые ближайшие дни, до лета не дотянет. Но прапорщик всем своим видом показывал: «Может, я не хочу дожить наравне со всеми до старости, может, мне этого и не надо, а это уж, извини, моё полное моральное право - умереть в бою от шальной пули или холодного штыка».

- Знаете, что?! - вспылил Берзалов на крутых обертонах, и подумал, что не стоит его здесь, при всех, строить Гаврилова и напоминать о дисциплине.

- Что?.. - на этот раз он удосужился повернуть голову так, чтобы видеть своего непосредственного командира краем глаза.

«Ну что ты можешь со мной сделать, – читалось в нём. – Послать на передовую, в окопы или отлучить от любимого дела? Ах, да, я забыл, ещё есть гауптвахта. Так я этого всего нахлебался, ещё когда ты не родился».

– Ничего... – сказал Берзалов. – Потом поговорим... – пообещал он, не намереваясь пускать всё это на самотёк, но потихонечку стал остывать.

До такого возраста я не доживу, думал он почти уныло, по нашей жизни-то. И действительно, госпиталь в городке был переполнен облученными. В первое атомное лето первого атомного века каждый день хоронили по сотне и более человек, через полтора года уже – по одному-два, в основном, конечно, гражданских, потому что они не были обучены, хуже были экипированы, не принимали цистамин¹, которым пичкали военных, часто рисковали почём зря. Теперь пошли те из них, кто получил относительно малые дозы, но всё равно заболели. Через год заболеют те, кто облучился ещё меньше, и так до бесконечности, пока все не вымрут. Арифметическая, то бишь геометрическая прогрессия наоборот. Были и такие, которые облучались по глупости, забредая на радиоактивные территории или употребляя в пищу отравленные продукты или воду из неизвестных источников. Говорят, что якобы у верховного командования есть страшно дефицитные американские таблетки, которые моментально выводят радикалы из организма, и якобы таблетки эти помогают людям, схватившим даже смертельную дозу. Но это не про нас, думал Берзалов, мы люди простые, окопные, нам и цистамин подойдёт. Судьба нас, видать, пока миловала. И не умнее мы, и не счастливее, а просто везучие. Планида, ничего не скажешь, мать её за ногу.

– А ты чего молчишь? – раздраженно спросил Берзалов у второго пленного. – Юпитин, развяжи ему руки! И дай спирта!

– Товарищ старший лейтенант...

– Дай, дай... – со смыслом посоветовал Берзалов. – Хуже не будет. И хлеба дай, если есть.

– Он, дурилка картонная, Игнатьева ранил... – напомнил прапорщик Гаврилов.

Он произнёс это равнодушно, скорее для проформы, перекладывая на плечи старшего лейтенанта последствия его решений, в том числе и чисто с моральной точки зрения: «Надо б было наказать по всей строгости». Однако Берзалов не обратил на его слова никакого внимания. Вернее, он-то, конечно же, обратил и даже

подумал, что Федор Дмитриевич имеет права на своё суждение, но в данной конкретной ситуации следовало разговаривать с пленным, тем более, что сержант Игнатъев, по его же словам, ранен легко и через пару-тройку дней встанет в строй.

- Студент, что ли?.. - спросил Берзалов беззлобно, чтобы наладить контакт.

- Ага... - односложно ответил пленный, давась хлебом. - Педагогический... - добавил он с набитым ртом, едва двигая языком.

- Ха! - с презрением отреагировал Юпитин и скорчил отвратительную рожу, которая как нельзя лучше подчёркивала его рязанские корни, а ещё отражала целую солдатскую философию: мол, чего с пленным возиться - никчёмный человечиска, даже стрелять не умеет, такого ни кормить, ни поить не надо, тем более спиртом угощать.

Но Берзалов не стал вникать в мысли и поступки старшего сержанта Игоря Юпитина, командира второго отделения, человека, в общем-то, вдумчивого и предсказуемого. Его интересовало другое, то что было продолжением утреннего сна. «Педагогический» - это звучало, как привет из другой, мирной жизни, которая никогда не вернётся. Все это понимали и все старались проникнуться настоящим моментом, чтобы не сойти с ума. Только это плохо получалось. Человеку нужно прошлое, он так устроен. Однако теперь этого прошлого ни у кого не было. Оно было разделено на мирную жизнь - такую желанную, о которой вспоминали с трепетом и пиететом, и на атомный век, которому не было видно ни конца ни края, потому что он только-только начался. И все, кто сейчас живёт, его конца не увидят, да и какой может быть конец после Третьей мировой? Только очень плохой. «Хана нам всем», - считали многие. Вот народ и дурел потихоньку. Ну и голод, конечно, извечный спутник этого самого атомного века.

От пленного пахло маргаритками, и Берзалов удивился, что этого никто не замечает. Человек пахнет маргаритками! С чего бы это? Но разведчикам по нынешним временам, похоже, было всё равно. На то они и разведчики, чтобы ничему не удивляться.

Пленный с жадностью глотнул спирта, даже не закашлялся и снова вгрызся, как кролик, острыми зубами в краюху чёрного хлеба. Кадык на его худой шее ходил вверх-вниз, вверх-вниз. Он держал краюху двумя руками, как человек, который не ел лет десять. В бровях и из-под шапки над ушами виднелись белые яйца вшей.

- Мы... мы... - промямлил он, - последнее время одной крапивой питались.

- А куда шли? - спросил Берзалов.

- На юг, - очень даже по-деловому ответил пленный.

Язык у него заплетался.

- Куда-а-а... на юг?

- А я что знаю?.. - осмелел он. - Фомин...

От пленного даже не «фонило». Дозиметр, встроенный в часы, показывал меньше нормы облучения, всего-навсего двадцать девять микрорентген в час. Значит, знали, где идти, удивился Берзалов.

- Бородатый, что ли?...

- Ага... ничего не говорил... Идём себе, и всё... А водица есть?.. А то у меня фляжка...

Берзалов вопросительно посмотрел на старшего сержанта Юпитина, у которого на лице появилось выражение, которое ассоциировалось с известным русским выражением, когда человека посылают куда подальше.

- Дай... дай... - приказал Берзалов, - не жадничай.

Юпитин поморщился, но отстегнул от пояса фляжку и брезгливо протянул пленному.

- А откуда идете?

- Из Великого Новгорода...

- Вашу-у-у Машу-у-у! - невольно воскликнул Берзалов и понял, почему от бородатого пахло гордостью. Проникся он, ни за что ничего не расскажет. Накачали их и перековали идиоты политики, которые жаждали только одного - гражданской войны. Берзалов видел таких и называл их фанатиками. Глаз у них не было - одна гордость. Впрочем, я тоже фанатик, даже ещё больше, чем бородатый, только я за единую Россию, подумал он.

- Ну да... - покаянно сказал пленный, всем своим видом показывая, что он не в ответе за отцов-политиков, которые провозгласили республику и отделились от Москвы, которой уже не существовало.

- лейтенант, - словно проснулся Гаврилов. - Да он вам сейчас такого напоёт... Я совсем забыл, дурилка я картонная, мы у них карту взяли...

- Какую карту?.. - безмерно удивился Берзалов и моментально стал свирепеть. - Вашу-у-у... Машу-у-у! - О самом главном ему докладывают в самую последнюю очередь. Ох уж этот Гаврилов! Ох и пограничник! Отправлю в самый глубокий тыл! - безжалостно решил Берзалов.

- Да шпионы они, - ещё раз ожил Гаврилов. - Чего здесь гадать-то? К бабке не ходи! Дурилка я картонная! А карта необычная, со значками. У обычных бойцов карт не бывает!

«Вот какой я, - говорил он всем своим видом, - а ты меня в отпуск!» «Да не я, - хотел возразить Берзалов, - а командование, точнее, командир батальона Калитин, а почему, не знаю, из-за жалости, что ли? Лично я бы не жалел, потому что это унижает бойца». Но, конечно же, он ничего не сказал, потому что это было лишним, ненужным, потому что просчитывалось на подсознании. Всё и так встало на свои места: лазутчики из Великого прощупывают оборону, а то, что они такие голодные, так кто сейчас сыт? За тем и пришли. Может, вообще, от маршрута отклонились и случайно попали в лапы Гаврилову?

За последний год сепаратизм расцвёл таким буйным кустом, что все друг от друга моментально отложились, в том числе и от Москвы. Москва осталась как символ. Не было Москвы больше. Погибла Москва. Вот все и кричали: «Мы центр! Центр!!! Нам и подчиняйтесь!!!» И Великий, и Нижний Новгород, и Ростов Великий, и Казань, даже Вологда не удержалась! Но о Москве помнили и говорили: «Возродите, тогда вернёмся и начнём всё сначала». Другие же твердили, как заклинание: «Хватит единовластия, пора жить по-новому». А как, и сами не знали, зато талдычили, как свою идею-фикс: «Каждый сам за себя». Все, кто чувствовал в себе единение с Москвой, назывались с тех пор московскими. Но были ещё и великоновгородские, нижегородские, рязанские, ярославские и прочие по мелочи. Слава богу, что не было ни калужских, ни орловских, ни курских, не потому что районные города лежали в радиоактивной пыли, а потому что они не утратили чувства единения, из-за бедности, из-за унижения, из-за боли. Даже мурманские заявили, что они с Москвой. Астрахань - одновременно ставшая центром политической жизни, потому что на неё не упала ни одна бомба, объявила себя столицей Хазарского царства и, судя по всему, жила себе на отшибе припеваючи: налоги не платила и ела свою рыбку да чёрную икру. Даже еретические Харьков и Донбасс в новый атомный век объявили о своём тяготении к Москве. А вот что там стало с Дальним Востоком и с Сибирью, никому не известно. Приходили самые противоречивые вести: то ли бьются ещё наши с китайцами, то ли захватили те исконные

русские земли. Сибирь же лежала неизведанной территорией, и её надо было осваивать заново. Что там и как там, никто толком ничего не знал.

- Да ну вот же... - Гаврилов сделал вид, что ему всё равно, что там думает и что скажет старший лейтенант, и протянул ему офицерский планшет.

- Что ж ты молчал? - упрекнул его Берзалов.

- Так вы же не спрашивали, - обиженно сказал Гаврилов и отвернулся, как показалось Берзалову, с презрением.

В голове у Берзалова появился тот самый противный звон - предвестник вспышки ярости. Он уже хотел было одернуть прапорщика, может быть, даже наорать на него, но в последний момент, сам не зная почему, сдержался - не к месту было и не ко времени. Он мельком взглянул на карту и в сердцах воскликнул:

- Карта как карта! У меня точно такая же!

- Такая, да не такая, - с упреком ответил прапорщик Гаврилов.

- Ну и что в ней особенного? - с трудом сдерживаясь, спросил Берзалов. - Что?!

Звон в голове стал таким нестерпимым, что хотелось треснуть себя по темечку. Когда тебя в течение десяти лет бьют по голове, ещё и не такое случается.

- Ну во-первых, карт несколько, одна аж до Азовского моря.

- Согласен, - упёрся Берзалов. - И что?

- А то, что, зачем им такие карты, раз они топали за жратвой?

- Ерунда! - безапелляционно заявил Берзалов. - Подумаешь, карты!

Он чувствовал, что не прав, что карты не могли просто так попасть в планшет к Фомину, что его, Берзалова, понесло, но ничего с собой уже поделать не мог. В действительности, карта их района была несколько иной. В отличие от его карты, на ней были показаны более подробно зоны радиоактивного заражения. На других картах к тому же в окрестностях Железногорска, Белгорода и Харькова были показаны танки или, возможно, другая тяжёлая техника. Но Берзалов уступить не хотел.

- А вы у него спросите, - усталым голосом предложил Гаврилов.

- Спросите...

Действительно, подумал Берзалов, чего я напал на Федора Дмитриевича, и поостыл.

- Говори, куда прётесь?! Говори быстро! - дёрнул Берзалов пленного за рукав.

Пленный ещё больше испугался. Тонкая шея в воротнике беззащитно дёрнулась.

- Так-х-хх... - потерял он голос, глаза у него стали белыми-белыми и дыхание сделалось прерывистым.

- Говори, паскуда! - заорал Берзалов, давая выплеск бешенству.

Пленный выронил недоеденный хлеб в грязь:

- Не знаю!.. Ей богу! Фомин всё...

- Так, встал! Вашу-у-у... Машу-у-у! - Берзалов передёрнул затвор.
- Сейчас я тебя расстреляю к едрёне-фене, как шпиона и врага России.

И снова, на этот раз основательно и безоговорочно, дурное предчувствие охватило Берзалова. Всё, капец, подумал он. Погибну ни за что ни про что.

- А вы, Федор Дмитриевич-ч-ч... собирайте манатки и отправляйтесь-ка в распоряжение госпиталя! Я вам приказываю. Явитесь, - Берзалов взглянул на часы, - двадцать четвертого мая, в восемь ноль-ноль. Выполнять!

При госпитале было что-то вроде санатория, там можно было отъестся и отдохнуть. С женщинами пообщаться, хотя, наверное, Гаврилова они уже не интересовали.

- Есть выполнять... - неохотно, по-стариковски, поднялся Гаврилов.

- Ну вот... - с облегчением спрятал улыбку Берзалов. - Это другое дело...

Ему показалось, что прапорщик Гаврилов всё-всё-всё понимает в этой жизни и поэтому презирает его за трусость, за несдержанность. Если бы я ещё что-то мог сделать, подумал он устало и махнул на всё рукой.

Берзалов только-только успел отправить в штаб бригады пленного, докладную записку и карты, а также план действия по демонтажу древней стены, когда явился Славка Куоркис. Притащил рыба - две штуки, и домашнего, то бишь ротного пива, которое варилось в большом секрете от командования, иначе пришлось бы делиться. К тому же сахар он доставал с помощью длинного и сложного ряда комбинаций, составляющих большую военную тайну, и Куоркис этим гордился. Берзалов

даже не спрашивал: если от тебя что-то скрывают, значит, есть веская причина.

- А водки нет? - он покосился на знакомый бидон, который для маскировки был выкрашен в зелёный цвет.

Он всё ещё не отошёл после разговора с Гавриловым и чувствовал, что судьба хитро обвела его вокруг пальца, но не понимал, как, а главное - в чём? Что-то от него ускользнуло, оставив в руках холодный, мерзкий хвост неудовольствия. Вот это неудовольствие он и переваривал. А ангел-хранитель, Спас, привычно помалкивал. Если в течение суток не дёрнет, гадал Берзалов, значит, пронесло. Но другая его половина говорила, что не пронесёт, что снова придётся доказывать свою удачливость. А он устал это делать. Сколько можно? Надо и меру знать. ****

- Водка с утра - дурной тон, - заметил Славка Куоркис и обезоруживающе улыбнулся, блеснув белыми-белыми зубами.

Славка никогда не курил и не пил крепкого чая. Чёрный, высокий, гибкий, как хлыст, он был большим сердцеедом, но с наступлением тяжёлых времён поумерил свой пыл, иначе можно было влипнуть в историю, а историй этих у него было великое множество, ещё с суворовского училища. Помнится, на последнем курсе он завёл бурный роман с десятиклассницей из двести пятьдесят второй школы напротив, а полугодом позже лечился от дурной болезни. У Берзалова, в отличие от Славки, таких подвигов не было. Был он однолюбом и ничего с собой поделать не мог. К тому же он занимался спортом: вначале бегом, а потом - боксом в ЦСКА, и времени у него всегда было в обрез. А потом появилась Варя, и на последнем курсе Рязанского института ВДВ он женился. И не жалею до сих пор, думал он. А чего жалеть-то?

- Ну если дурной тон, то давай по пивку, - согласился Берзалов и потянулся к рыбцам, которые пахли так умопомрачительно, что рот моментально наполнялся вязкой слюной.

Рыбцы были отменные: не сухие, и не сырые, не солёные, не пресные, с каким-то пахучими специями. Во взводе у Куоркиса один умелец прекрасно солил и коптил рыбу. Несколько раз майор медицинской службы Трофимов под предлогом радиоактивности пытался прикрыть лавочку, но стоило ему удалиться с конфискованными карпами, как умелец снова брался за дело, благо река была под боком. Да и радиации в тех рыбах было кот наплакал, почти что в норме. Каких-нибудь сорок-пятьдесят микрорентген. Чепуха! Главное было не употреблять икру и внутренности, а всё остальное вполне

съедобно. Все так думали, и ещё никто не умер от этой самой радиации, к девкам в город разве что меньше бегать стали. Так что из двух зол приходилось выбирать меньшее.

- Знаешь, что я тебе скажу... - Берзалов одним движением разорвал рыбца вдоль позвоночника, отделив спинку от брюшка, и принялся сдирать серебристую чешую. Чистить таким образом рыбу его в своё время научила Варя, которая в детстве жила под Астраханью и могла дать любому знатоку по части рыбы сто очей вперёд. - Надоело мне всё. Хочется, чтобы наконец что-то случилось. Большое, огромное, как... как... В общем, ты меня понимаешь!

Тревога на некоторое время оставила его, он почти забыл о ней, как можно забыть о ноющей ране, и вдруг в памяти всплыл самый первый бой: Илья Павлович - первый его тренер, выставил Берзалова, тогда ещё десятилетнего, против крупного, сильного, а главное - великовозрастного бойца. Тогда я целых тридцать секунд летал по воздуху, вспомнил он, но с ринга не ушёл, а махался до последнего. Было во мне что-то, что я уже подрастерял.

- Понимаю, - согласился Куоркис, - не один ты мучаешься. Вся бригада на ушах стоит. Правда, от той бригады остались жалкие слёзы. - Давай выпьем за тех, кого с нами нет: Генка Серомаха, Иван Савельев, Колька Бурлюнов...

- А я к чему? - понимающе кивнул Берзалов. - Мы здесь так и вырем, как мамонты. Главное, чтобы был какой-то смысл. Москвы-то нет...

- Её здесь заложат, - важно сообщил Славка Куоркис.

- Где?! - безмерно удивился Берзалов, потому что ничего не слышал о подобном проекте.

Славка Куоркис пах запахом друга, тонким, как ландыши в лесу, и с ним можно болтать на любые темы, кроме разве что его любимых женщин. Это было табу. О своих похождениях Куоркис, как истинный джентльмен, естественно, не распространялся. Обмолвится двумя словами, не называя имён, мол, такая-то черноокая или блондинка с осиной талией, и снова молчок.

- Ну здесь, - чуть кисло пояснил Куоркис, мол, чего взять с непонятливого. - Есть такая идея. Заложить здесь, в ста километрах, а потом по мере возможности перенести в Москву.

- Это правильно, - обрадовался, не зная почему, Берзалов, и хотя идея показалась ему сомнительной, он воодушевленно добавил:
- Пусть через сто лет, но перенесём!

- Раньше, - уверенно сказал Куоркис. - Гораздо раньше.

Они с глухим звоном сдвинули бокалы.

- Там, поди, радиация тысяча рентген? - усомнился Берзалов и отхлебнул пиво.

- Может, чуть поменьше, но примерно так же, - согласился Славка Куоркис. - Однако судя по испытаниям ядерных бомб на атоллах Тысячелетия, она падает значительно быстрее, чем люди думали. Французы тоже постарались со своими термоядерными и тоже воображали, что оставят после себя радиоактивную пустыню на тысячу лет, а через два десятилетия на островах уже селились птицы и появились аборигены, а крысы так те вообще размножились до невероятных пределов. Так что не всё так очевидно, как кажется.

Видно, Славка в штабе наслышался подобных вещей и вдохновился, с сомнением подумал Берзалов, в институте их учили совершенно обратному - радиация, она и Африке радиация.

- А как новую столицу назовут? - спросил он. - Новая Москва? Или, может, Москва-на-Оке?

- Почему бы и нет? - пожал плечами Куоркис и тоже хорошенько приложился к своей кружке. - Главное, чтобы была Москва. Бренд, - сказал он, вытирая с чёрных усиков пену. - Нет, я не против... Политика тоже нужна, но как бы я ей не доверяю. Дашь какому-нибудь охламону власть, а он заведёт тебя в дебри и спасибо не скажет, а потом же тебе мозги будет парить, что ты неверно его понял.

Берзалов насторожился:

- Какому охламону? - он разорвался рыба на длинные полоски: мясо отдельно, позвоночник отдельно, плавники отдельно. Рыбец был прозрачным, янтарным. Жирные ребрышки Роман сунул в рот принялся их жевать, а кости складывал на край старой, ещё довоенной газеты.

- У начальства есть какие-то таинственные планы. Не могут они без верховной власти, понимаешь?

- Это понятно, - согласился Берзалов. - Все хотят хоть какой-то определенности, хотя зачем нам кто-то сверху? Мы сами с усами. У нас генерал, зачем нам президент?

- Э-э-э... - миролюбиво протянул Славка Куоркис, - не понимаешь. Президент нужен. Генералов много, а президент - один. Изберём Турбаевского президентом, и баста!

Действительно, зачем нам чужие дяди, которые тут же приберут склады росрезерва и оружие к рукам. И останемся мы на бобах, с полным безразличием согласился Берзалов. Великий Новгород вещает за республику и подминает под себя север по старой памяти ещё древних времен. Екатеринбург тоже не слабак, готов прикарманить нефтеносные районы. А что делается восточнее, где газ и руда? Дураков разделить хватает. Сядут такие князьки по областям и начнут войну за свои интересы. На Россию им наплевать, главное, набить карманы. Но мы-то как можем повлиять?

- Ха! - с лёгким превосходством ответил Куоркис, - политика - дело тонкое. Политикой должны заниматься политики, они для этого созданы.

- Может, да, а, может, и нет, - ответил Берзалов. - Может, наш генерал тоже на что-то годится?

- Три дня назад к нему приезжала целая делегация из центральных районов, - стал ему объяснять тонкости Куоркис. - Мол, хотим объединиться, да объективных причин к этому не видим. Вот если вы пройдёте огнём и мечом по центральным и северным областям, Нижний нагнёте, сотворите порядок на Вологодчине, только после этого мы подхватим у вас власть.

- Нашли дураков, - высказался Берзалов, совершенно не замечая иронию в словах Славки Куоркиса.

- И я о том же, - живо кивнул Куоркис, и они снова чокнулись.

- Ну а что Турбаевский? - гнул своё Берзалов. Интересно ему было, хоть какие-то новости в их страшно тоскливой жизни.

- Сидит думает, - безразлично пожал плечами Славка Куоркис.

- Откуда у тебя такие сведения? - усомнился Берзалов и внимательно посмотрел на Куоркиса.

Какой смысл во всём этом копошении, если американцы нанесут «второй удар»? Опомнятся. Сделают пару десятков ракет и нанесут самый последний удар. Апокалипсический. Самый последний и самый-самый смертельный, от которого уже никто не оправится. И ни куда-нибудь, а именно по девяносто пятой отдельной гвардейской бригаде специального назначения. Больше не по кому. Жизнь под дамокловым мечом давала свои результаты - никто не дышал по-настоящему, то есть будущим, а всё больше - одним днём, робко заглядывая в завтрашнее утро. Ощущение бессмысленности любых деяний овладело всеми. «Второй удар последний», - говорили все и обречённо смотрели на пустое небо. Поэтому Берзалов с надеждой и

спросил Славку Куоркиса, вдруг он хоть что-нибудь знает, хоть какой-нибудь намёк на определенность. Если воевать, так воевать, может, десант послать в Америку, а если жить – то дальше, но только не так, как сейчас.

– Информаторов надо иметь, – похвастался тот и обезоруживающе улыбнулся белозубой улыбкой.

– Тебе бы в штабе бригады служить, – похвалил его Берзалов.

– Э-э-э... – кисло среагировал Куоркис, – не моё это дело...

– Ну да, – с иронией согласился Берзалов, полагая, что Славке с его талантами только там и место.

Куоркис был в своей стихии – дай ему порассуждать, он и не такое наплетёт. Лучше ни о чём не знать, спокойнее жить буду, думал Берзалов. Не успели Третью мировую проиграть, как новую затеваем, только теперь между собой, за власть, за территории. Эх, народ, народ... – дивился Берзалов, нет тебе покоя.

Штаб бригады находился в Туле, не в самом городе, конечно. Связи со штабом бригады у взводов не было. А это значило, что Славка Куоркис надыбал канал информации. Разумеется, он об этом ничего не скажет, но вестями делиться будет. Однако Куоркис неожиданно разоткровенничался:

– Есть там у меня приятель в узле связи. Тарасова помнишь?

– Юрку, что ли? – удивился Берзалов и едва не поперхнулся пивом. – Так он же?..

– Ну!.. – радостно блеснул зубами Куоркис и возбужденно втянул в себя воздух.

– Помню, конечно! – так же восторженно воскликнул Берзалов. – Постой, постой, он же артдивизионом командовал?!

От гибели бригаду спасло то обстоятельство, что её перед самой войной, буквально за несколько дней, сняли из-под Владикавказа и перебросили под Старый Оскол в сосновые леса, где сохранились укрытия ещё со времен отечественной войны. Видно, в Генеральном штабе решили прикрыть центральные районы страны с юга на случай десанта противника. Только того десанта не случилось. Этот десант по слухам уничтожили ещё на подходе, ещё в воздухе, на границах СНГ, превратив за одно пол-Европы в радиоактивную пыль. Теперь оттуда второй год ни слуху, ни духу. Одни радиоактивные ветра и дожди. Тоже проблема. Рано или поздно придётся туда переться и смотреть,

что там творится, но до этого надо навести хотя бы видимость порядка у себя дома, со своими генералами и политиками.

- А теперь в связи, - многозначительно поднял свои чёрные брови Куоркис.

Любил его Роман за это - за удаль и дружеский трёп, была в их взаимоотношениях какая-то теплота, а это по нынешним временам большого стоит. Разучились люди понимать друг друга, всё выгоды ищут.

- Я не знал... - признался Берзалов, потягивая пиво, после второго бокала оно казалось ему горьким.

- И не мог знать. Его только две недели назад назначили.

- А-а-а... - вспомнил Берзалов. - Хромова в госпиталь положили.

- Точно, - согласился Славка Куоркис. - Хромов в тяжелом состоянии.

- Что сказал Тарасов? - спросил Берзалов, не потому что не хотел обсуждать положение капитана Хромова, а потому что в этом вопросе всё было оговорено раз двадцать и все невольно только ждали смерти Хромова.

- Тарасов сказал, что грядут большие перемены. Что восстанавливается связь с другими боеспособными группами. Что якобы в Белгородской области наблюдается активность. Что будут делать новую структуру армии, и что в этом деле нам отводится ключевая роль. Но имей ввиду, что я тебе ничего не говорил. - Славка заржал радостно, совсем, как в летних лагерях, где проводились сборы.

- Ага-а-а... - глубокомысленно согласился Берзалов и налил себе ещё.

С одной стороны, это означало - прости-прощай спокойная окопная жизнь. Конечно, их не для этого готовили столько лет. Правда, есть мнение, что они своё уже отдали - для тех, кто больше всего устал. С другой стороны, после сумятицы мировой, после стольких смертей и полутора лет неурядиц хотелось собраться с духом и мыслями, ощутить хоть какую-то опору под ногами. Видать, кто-то торопится, понял Роман, очень торопится, не даёт нам передышки. Может, враги зашевелились. Нам-то неизвестно.

- Вот так-то! - со значением произнёс Славка Куоркис, и они чокнулись, а потом махом осушили по бокалу и налили ещё.

К генерал-лейтенанту Турбаевскому Семёну Аркадиевичу уже не раз посылали ходяков от самых разных партий из Тьмутаракани,

которые, в отсутствии к ним интереса, медленно, но уверенно шли ко дну. Действовали по старым демократическим меркам. Они-то и хотели склонить бригаду на свою сторону. Имея за спиной такую силищу, можно было забыть о ржавой демократии и запросто вершить новую историю страны, которая хоть и пережила мировую катастрофу, однако шевелилась по окраинам. За последние время таких делегаций было три, и все тянули в разные стороны: одни говорили, что надо делать столицу в Великом Новгороде, другие, что – в Нижнем Новгороде, третьи – вообще не хотели ничего делать, им нужны были автоматы и пушечное мясо. Бригаде же не хватало тяжелого вооружения. Это было её Ахиллесовой пятой. Но с другой стороны, бригаде ВДВ несказанно повезло, потому без этого тяжелого вооружения, а тем паче без атомного оружия, её не бомбили и не искали на огромной территории страны, да и дислоцировалась она в глуши. А теперь тяжёлое оружие было крайне нужно. Все понимали, что без тяжелого вооружения долго не продержаться, что рано или поздно появится диктатор, который не мытьем, так катаньем отобьёт хлебное место. И тогда пиши пропало. Вон и великоновгородцы зашевелились. Поняли наконец, что без баз, на одних идеях народовластия далеко не уедешь. Пусть даже эти идеи и самые радикальные, что толку от них, если брюхо пустое.

– Ты чего такой смурной? – спросил Славка Куоркис, выбирая кусочек повкуснее.

– Да понимаешь, – ответил Берзалов, – предчувствие у меня нехорошее. Мне бы этот день пережить да ночь продержаться без тревог и проблем. Душа устала. Варя сегодня приснилась, как живая... смеялась...

– Не расчесывай, само пройдёт, – посоветовал Куоркис. – Не узнаю друга Романа. Раньше ты готов был бежать, куда пошлют, а теперь?

– А теперь устал. Старым стал. Тупик какой-то. А главное, дороги не вижу.

Они оба не обратили внимания на тонкий, как гудение комара, звук вертолёт. Мало ли какие вертолёт по каким надобностям летают.

– Ну это ты брось, – уверенно сказал Славка Куоркис. – Что значит, дороги? Я слышал, – зашептал он, почему-то оглядываясь на вход в землянку, – группа на восток идёт, аж за Урал. Понял меня?..

– Понял, – поморщился Берзалов. – Расширяем ареал. Турбаевскому

все карты в руки.

- Дело даже не в Турбаевском, - таинственно заметил Славка Куоркис и снова блеснул своей белозубой улыбкой.

- А в ком?! - простодушно удивился Берзалов.

- Ну ты наивный! - воскликнул Славка Куоркис. - Цивилизация за год прирастает на пятнадцать процентов по всем параметрам!

- Сейчас уже ничего не прирастает, - уверенно ответил Берзалов.

- Что ты! - воскликнул Славка Куоркис. - Ещё как прирастает! Мы просто не знаем!

Берзалов на мгновение смутился под его напором и, чтобы скрыть свои чувства, чокнулся с Куоркисом и присосался к бокалу. А потом налил себе ещё и сунул в рот вкусное ребрышко, которое отдавало горечью. Даже другу необязательно знать его слабые места.

- Так что... выходит, появился новый Ленин или Сталин? - наивно осведомился он.

- Вот видишь, ты всё понимаешь без намеков, - обрадовался Славка Куоркис, видя в происходящем какой-то таинственный, а главное, очень увлекательный смысл. Роман Берзалов этого смысла не видел. Трудно было уловить смысл в хаосе. Нет, конечно, я понимаю, думал он, для этого дела союзники нужны, а тем более армия, которая подчиняется уставу. Без устава мы - никуда. И страны не будет. Но с другой стороны, душа, она ведь не этого хочет, не страну возрождать, а - счастья, личного, простого, человеческого. Варя, вот! Этот простой и ясный вывод был для него целым открытием. Целую минуту он тупо смотрел в пол землянки и думал, думал, думал о ней, о не сложившейся жизни. Хотя у кого она теперь сложилась? Атомный век - одним словом. Славке вон хорошо - под каждым кустом ждут с распростертыми объятьями. Счастливому и на воде сметана, тяжело думал Роман, невольно завидуя легкости друга. А я так не могу. Полюбить я должен женщину, по-лю-бить!

- Ты чего? - всерьез испугался Куоркис.

- Да так... - встряхнулся Берзалов. - Плохо мы живём, Слава, тоскливо, можно сказать. Воевать надоело, стрелять надоело.

- Согласен, - ответил Куоркис, заглядывая ему в глаза. - Но заживём лучше. Даже не сомневайся.

- А хватит нам жизни? - усомнился Берзалов с неподдельной тоской в голосе.

Славка Куоркис с испугом посмотрел на него ещё раз и авторитетно заверил:

- Хватит! Какие наши годы?! Ещё детишек нарожаем и на твоей свадьбе плясать будем. Ну извини, извини! – исправился он, заметив, как заходили желваки у Романа.

С высоты их двадцати пяти лет жизнь казалась им безмерно длинной. Где-то там далеко впереди ещё только маячил тридцатник, а сороковник вообще был как в тумане, не говоря уже о пятидесятилетии, до которого надо было ещё дожить. Шансы, судя по всему, были ничтожны, можно сказать, в минусовой степени.

- Ты главное, много не думай, – наивно, он со знанием дела, посоветовал Славка Куоркис. – Вредно нам думать, мы военные. Нам приказали, мы выполнили.

- Это точно, – охотно согласился Берзалов, давно сросшийся с армией позвоночником и не помышляющий о другой жизни. – Жить вообще вредно, опасно для здоровья.

- О! – обрадовался Славка Куоркис оптимистичным речам друга. – Давай за всех нас, за то, что ещё живые и умирать не собираемся, – предложил он.

- Сплюнь, – посоветовал Берзалов и потянулся за своим бокалом, в котором успела осесть пена.

Только они чокнулись, только закусили соленым рыбцом, как требовательно затрезвонил зуммер полевого телефона. Ну всё, с холодеющим сердцем понял Берзалов, не пережил я этого дня. Дёрнула меня судьба, не отвертись. А может?.. Ещё надеясь непонятно на что, он поднял трубку:

- Старший лейтенант Берзалов слушает.

- Роман Георгиевич, – услышал он знакомый голос Калитина Андрея Павловича. – В двенадцать ноль-ноль я жду вас в штабе батальона.

- Слушаюсь, – ответил Берзалов и выразительно посмотрел на Куоркиса. – Кончился праздник, Слава, начались будни.

Куоркис всё понял:

- Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, – сказал он. – Попили пивка... – и с сожалением посмотрел на бидон, который они даже не ополовинили.

Глава 2

Сборы и волнения

Берзалов успел ещё побриться, сменил куртку, в которой не стыдно было появляться перед высоким начальством, и с тяжёлым сердцем отправился штаб батальона. Чувствовал он, что судьба готова круто изменить его жизнь. Ну что же, думал он, не зря меня этому учили и не зря я пережил третью мировую, быть может, для того чтобы совершить... этот самый... как его... подвиг? Ох, устал я что-то от этих подвигов. Ох, устал...

Штаб находился в Бутурлино, в старом, но хорошо сохранившемся монастыре с глубокими подвалами. Главное, что эти подвалы были сухими и чистыми. Здесь было электричество, от которого Берзалов с лёгкостью отвыкал на позициях. Да и вообще оказалось, что цивилизация – вещь хрупкая. Стоило её как следует встряхнуть, как она рассыпалась, словно стекляшка. В этом плане тот, кто быстрее привык обходиться малым, имел больше шансов выжить.

Роман Берзалов с детства жил далеко не в тепличных условиях, и керосиновые лампы для него не были в новинку. Он происходил из семьи военных. Дед был армейским разведчиком, воевал в отечественную, дошёл от Каспия до Берлина, трижды был ранен – штыком, гранатой и пулей, дважды контужен – в плечо и в голову. Роман его плохо помнил. Помнил, что он все время кашлял и долго умирал от болезни легких. Отец служил в ПВО, и вся сознательная жизнь Романа прошла на севере в гарнизонах, где финские домики утопали в снегах по крышу, где вокруг были одни голые скалы и где минимальные удобства считались вполне приемлемыми на фоне сурового климата и ограниченных ресурсов. Электричество подавалось только днём, генератор, который беспрестанно тархтел на весь поселок, выключался в двенадцать часов ночи. Но порой и этой роскоши не было, и свечи, и трехлинейные лампы с закопченными стеклами были в ходу. А ещё в ходу были фонари самых различных модификаций: и длинные, и плоские, и с цветными стеклами, и с динамкой внутри – жужжи, не хочу, пока рука не устанет. А ещё у него была куча знакомых собак на сеновале и щенок по кличке Рекс. Хорошее было у него детство, камерное – в крохотных гарнизонах, где не было обычной городской шпаны и где в библиотеках пылились редкие книги. Однажды он до них таки дорвался и долгими ночами читал под одеялом с фонариком. Впрочем, библиотек тех хватало ненадолго – Роман проглатывал книги одну за одной, как пирожки. А ещё он научился отлично бегать на лыжах и даже в метель отыскивать

дорогу домой. Летом же отец вывозил семью на юг, чаще всего в Геленджик, где они всегда останавливались по одному и тому же адресу, Киевская, 19, у Булгаровых, людей добрых и сердечных. Неделю Роман ходил по городу, как варёный. После прохладного и влажного севера находиться под жарким южным солнцем было настоящей пыткой. Он даже не загорал до того состояния, как остальные отдыхающие, потому что был блондином, только волосы ещё сильнее выгорали и становились, как снег, а кожа слегка темнела лишь на плечах. Так что когда они возвращались домой, обычно в конце августа, никто бы не сказал, что мальчик отдыхал на юге. Однако тёплое море одарило его умением хорошо плавать, а главное – нырять с маской, что потом ему весьма пригодилось в жизни.

Наверное, они бы так и жили – полярной зимой на севере, а летом – на юге, но всё кончилось в седьмом классе. Отец был направлен советником в одну из южных стран, мать поехала с ним, а Роман угодил в Санкт-Петербургское Суворовское военное училище, где его приняли с распростертыми объятьями. Опыт жизни в гарнизонах весьма и весьма ему пригодился: во-первых, он был не избалован и привык всегда действовать самостоятельно, а во-вторых, таких мальчиков из отдаленных гарнизонов было весьма много.

В те годы страна находилась в тяжелом положении, потому что страны НАТО формировали ПРО², и Россия прилагала титанические усилия для сохранения баланса сил. Система ВКО³ была чисто оборонительной, а стратегические наступательные силы оказались скованными договорами СНВ. И видно, этого баланса не хватило, раз америкосы затеяли войну. Хотя, судя по всему, их экономика рассыпалась, как карточный домик. Так что, похоже, третья мировая была predeterminedена не военными амбициями противника, а его неуверенным положением в мире: мол, пока есть силы, надо воевать. А то потом и сил не будет – Россия окрепнет настолько, что воевать будет себе дороже, а пока есть шанс уцелеть в третьей мировой и даже расцвести на её пепелище. Разумеется, США принялись за Россию со всем тем лицемерием, на которое всегда были большие мастера. Умасливали на всяческих саммитах обещаниями и лестью и тут же с безмятежным видом подкладывали «свинью» в виде самых разных провокаций, дабы шантажировать Россию, держать её на коротком поводке и беззастенчиво вешать обвинительные ярлыки. Потом уже оказалось, что все их «перезагрузки» гроша ломаного не стоят. Политическое шарлатанство, ограничение маневра России, расшатывание власти с помощью продажной оппозиции – вот те иезуитские принципы которые были

положены в основу политики США. Говорили одно, обещали другое, делали третье, втайне готовясь к войне. Слава богу, наши не прозевали, думал Берзалов, но от этого не легче. Все предстоит начинать сначала. Кстати, идеи о постъядерной зиме оказалась мифом. Первое атомное лето, действительно, было холодным и дождливым, но это во многом и помогло смыть с поверхности земли радиоактивные осадки. Правда, эпицентры ядерных взрывов были недоступны, но по словам тех немногих, кто специально был направлен туда на разведку, жизнь там зарождалась в виде полчищ крыс и тараканов. Баяли также, что там появились мутанты. Но это оказалось досужим вымыслом фантастов и неврастеничных натур.

На поле рядом с монастырём стояли два вертолётa Ми-17. Их-то и слышали они со Славкой Куоркисом, когда пили пиво. Значит, кто-то прилетел по мою душу, решил Берзалов и не ошибся. Его встретили начальник штаба батальона подполковник Егоров, его заместитель Якушев и подполковник Степанов из штаба бригады.

Берзалов сразу же уловил их нервозный запах. В каждом из них он отличался всего лишь степенью этой нервности. Сильнее всех «благоухал» Егоров, к его обычно спокойному запаху роз примешивался резкий, почти отталкивающий запах скипидара. Несомненно, что его душа вошла в противоречие с приказом, привезенным из штаба бригады подполковником Степановым, который тоже нервничал. Но не из-за тревоги за жизнь старшего лейтенанта Берзалова, а из-за того, что ему здорово намылит голову никто иной, как командир бригады Турбаевский, и теперь почему-то карьера подполковника целиком и полностью зависела от него – старшего лейтенанта Берзалова. Однако, естественно, подполковник Степанов об этом ничего не сообщал, поэтому его запах был с хитринкой, чуть приторный, правда, не такой, как у Бура, мягче, не бурный, а стойкий.

Кто из них троих пах меньше всего – так это майор Якушев, который, будучи ни рыбой и не мясом, всю ответственность с лёгким сердцем перекладывал на Егорова. И какой бы приказ ни привёз подполковник Степанов, он согласился бы с любым, даже если бы в нём говорилось, что во имя победы надо положить всю бригаду. Посему пахло от него очень романтически – библиотечной пылью и... клопами... – мелкими, бурыми, кровавыми.

– Лейтенант, подойдите к столу, – попросил подполковник Степанов.

Берзалов сделал два шага вперёд и увидел, что на столе,

наряду с другими картами, лежит та самая, которую он сегодня утром отправил в штаб бригады. Должно быть, она и стала той, последней каплей, которая переполнила чашу под названием судьба, а точнее, та самая, которая, должно быть, уточнила общую картину, творящуюся в головах начальника штаба бригады и генерал-лейтенанта Турбаевского.

- Основная твоя задача, - сказал подполковник Степанов, - разведка и ещё раз разведка. Самая настоящая глубокая разведка. У нас нет никаких данных в южном направлении. Вернее, они конечно, есть, но надо проверять и ещё раз проверять, а потом уже....

Берзалов очень удивился. Он полагал, что уж южное-то направление как раз разведано лучше всего, потому что, считай, под боком, каких-нибудь полторы тысячи километров, если мерить до самого Азовского моря. По военным меркам это совсем ничего. Но если это утверждает главный «оператор» штаба бригады, то так тому и быть, потому что «оператор» - это тот человек, который занимается анализом оперативной обстановки.

- А что именно? - спросил он настороженно и по тому, как кисло поморщился Егоров, понял, что спрашивать не стоило, что они сами сомневаются в достоверности сведений, но даже этой малостью делиться не хотят, по каким-то своим соображениям.

Эту его нервозность уловил подполковник Степанов и сказал железным тоном:

- Не буду от вас скрывать, в юго-западном направлении мы посылали две трупы. Однако... - он сделал паузу, дабы его слова прозвучали более весомо, - никто из них не вернулся. По нашим сведениям... - он пригласил Берзалова жестом подойти ближе, - где-то здесь... - он очертил карандашом круг километров в двести, прихватив Харьков и Белгород, - где-то здесь... они пропадали. Связь, сами понимаете, плохая. Последний сигнал пришёл из окрестностей города Красный Лиман. Всё, что я вам сейчас скажу... - он почему-то сердито посмотрел на Егорова и Якушева, - является государственной тайной. В общем, есть предположение... что американцы все же успели высадить десант в этом районе. Мы иногда ловим отсюда странные сигналы. Но... - и подполковник для наглядности поднял указательный палец, - из вашей группы никто не должен знать об этом, потому что такие сведения могут сыграть на руку нашим вероятным конкурентам.

- Теперь понятно, - сказал Берзалов, - почему великоновгородцы шли на юг.

- Вот то-то и оно... - охотно согласился подполковник Степанов.
- Кто первый выйдет на этот таинственный район, тот получит сильнейшего союзника.

- Или наоборот, - не удержался подполковник Егоров, - противника.

- Согласен, - кивнул подполковник Степанов. - Или разбудит сильного противника. - Но в любом случае, ни того, ни другого допустить нельзя. Нельзя, чтобы кто-то получил преимущество перед нами или активизировал врага.

И ни слова о «втором ударе», как будто это было не самым важным. Берзалов стал злиться. Командиры хреновы!

Тут они немного поспорили. Подполковник Степанов считал, последствия очевидны: окончательная гибель России, а значит, кто бы там ни был в этом районе, его надо уничтожить. А подполковник Егоров считал, что американцев, если они там есть, конечно, надо использовать в своих целях, а потом уже уничтожить.

- Может, мы действительно всю Америку грохнули, и им некуда идти?! - то и дело вопрошал подполковник Егоров.

Несколько минут они выясняли отношения, как два дуэлянта, всаживая вдруг в друга аргументы «за» и «против». И ничего не решили.

- Наоборот, если мы их не смогли вчистую, то они здесь свой аванпост оставили! - утверждал подполковник Степанов. - А так на кой ляд?! Поэтому их надо грохнуть!

Даже майор Якушев не удержался, подал голос, но весьма нейтрально, мол, и так хорошо, и так неплохо, в общем, как вывезет, но на его реплики спорщики не обратили внимания и даже перешли на повышенные тона, пока Берзалов почтительно не кашлянул в кулак, не спросил насчёт задачи.

- А какова задача, кроме разведки? Я понимаю, что с моими силами вести боевые действия глупо?

- Совершенно верно, - быстро согласился подполковник Степанов. - Столкновений надо избегать любым способом. По возможности, выяснить причину гибели наземных и вертолетных групп. Ну и попутно приглядывай военные базы, где есть тяжёлое вооружение, координаты мы тебе дадим.

- Хорошо, - сказал Берзалов и уточнил: - А какого характера боестолкновения произошли у разведчиков?

Подполковник Степанов посмотрел на него так, словно он выведывал у него эту самую сокровенную военную тайну, сокровенней не бывает, и ответил нехотя, даже поморщившись при этом:

- Связи не было... Вернее, была, но очень плохая...

- Связь глушили, - уточнил майор Якушев так, словно упрекнул подполковника Степанова, и посмотрел на него задиристо, как заяц на медведя.

- Да, - и в этот раз нехотя согласился подполковник Степанов, - но кто глушил, мы не знаем. Ни одна из групп в заданное время не вышла в эфир, что само по себе настораживает.

- Понятно, - нейтральным тоном сказал Берзалов. - То есть всё равно не понятно.

Подполковник Степанов от досады крикнул: странный лейтенант попался, сам не может догадаться. Тогда подполковник Егоров объяснил:

- Мы предполагаем, что противник занял район девять, но основного десанта не дождался и... - он осторожно глянул на подполковника Степанова, словно спрашивая у него разрешения.

У подполковника Степанова на лице возникло такое выражение, словно он не хочет, но должен спасовать:

- Кто бы там ни был, он очень опасен.

Берзалову надоели эти хождения вокруг да около. В голове у него роилось не меньше сотни вопросов, которые он готов был задать горе-командирам.

- А почему противник не ушёл? - спросил он, - что он вообще делает полтора года на нашей территории?

- Вот это самый главный вопрос! - почти счастливым голосом воскликнул подполковник Егоров.

Однако подполковник Степанов не дал ему закончить мысли и со всё той же досадой на лице сообщил, тяжело вздохнув:

- Мы полагаем, что этот район техногенный...

- То есть?.. - крайне удивился Берзалов.

Что-то их не учили таким терминам. Это слово больше напоминало о компьютерных игрушках, в которые он играл ещё до войны.

- Известные технологии, - осторожно вмешался в разговор подполковник Егоров, и Берзалов понял, что он снова не договаривает. - Последняя радиogramма второй наземной группы была такая: «Окружены, ведем бой с механизмами». Больше связи не было.

Подполковник Степанов счёл нужным объяснить:

- Посылали вертолёты...

Да, я помню... - подумал Берзалов.

Три машины. Первая - разведка. Когда машина упала где-то в районе станции Поньри, на её поиски был отправлен второй вертолёт, но и он пропал, а уж третий летел, чтобы разгадать тайну гибели первых двух, но тоже исчез. Погибло тринадцать человек. На своих ошибках не учились, чужие - не признавали. Об этом долго судачили в бригаде, строя самые нелепые версии, а вон как оказалось. А ведь правды не скажут. Или не знают, или не хотят. Скорее всего, последнее. Не хотят пугать так, чтобы я испугался и, не дай бог, не провалил задание.

- Лейтенант, не хочу тебе заморочить голову окончательно, - словно прочитал его мысли подполковник Степанов, - но ни один из вертолётов не то что не долетел, даже не приблизился к этому району, и честно говоря, - этой фразой он заранее поставил на Берзалове жирный крест, не потому что не верил в старшего лейтенанта, а потому что таковы были реалии поствоенного времени: шансы в таком деле, как глубокая разведка, исключительно низки. Осталось только подтвердить их подозрения - мол, область там такая, странный район, закрытый для человечества, тайна, или даже сверхтайна, о чём не хотелось даже думать. Конечно же, он знал о том, что Берзалов очень удачливый командир взвода, что у него гораздо меньше потерь за три года службы в бригаде, чем во всех других отделениях вместе взятых, что он не только умел предугадывать действия противника, но и обладал, как говорили в штабе, интуицией боевого офицера. А это дорогого стоит - интуиция, которая не подводит. Но всё это были легенды, домыслы и фантазии. Ходили они в бригаде в том числе и с лёгкой руки Славки Куоркиса, а легендам и домыслам подполковник Степанов не привык доверять. Был ли это его недостаток как начальника штаба бригады, или он полагался только на стратегические расчеты, сказать было трудно, ибо здесь начиналась та грань удачи-неудачи, которая не только сводится к понятию «пятьдесят на пятьдесят», но вольно или невольно придавала всему мероприятию мистический ореол. Такова природа человека: если не ясно, значит, всё всегда

таинственно.

Да и вообще, первыми двумя группами, которые отправились на юг, командовали не менее блестящие и не менее опытные офицеры. Берзалов обоим хорошо знал и не считал, что они чём-то уступают ему. Просто им не повезло, а в чём именно – надо разбираться на месте. Он, как и подполковник Степанов, считал, что в реальности мистике места нет, что всё можно объяснить, надо только пристально взглядеться. Он даже представил, как найдёт один из вертолётчиков где-нибудь в ущелье, как обнаружит подбитый БТР с экипажем Веселова и как будет хоронить товарищей. Чёрт!!! Видение взметнулось и пропало.

– А может, там и нет никаких американцев? – невпопад расхрабрился майор Якушев. – Может, какая-нибудь враждебная группировка? Сидит и ждёт в засаде. А раз сидит и ждёт, то, значит, на то есть причины. А?

– Лучший способ узнать правду, это спуститься в ад... – пробормотал Берзалов.

– Что?.. Что вы сказали, старший лейтенант?! – брезгливо спросил майор Якушев, и на лице у него появилось возмущенное выражение.

В его представлении старший лейтенант не должен был иметь собственного мнения, а должен был чётко выполнять поставленную задачу.

– Извините, больше не повторится, – вспыхнул Берзалов. Ему показалось, что он увидел себя со стороны – покрасневшего и чуть растерянного.

– В общем так, лейтенант, – кисло поморщился подполковник Степанов, который устал от разговоров и гаданий на кофейной гуще, – три часа тебе на сборы. Формируй группу десять-пятнадцать человек. Перебросим вас воздухом в Ефремов. А оттуда на двух бэтэрах двинете своим ходом. Заодно по пути возобновите связь с разрозненными частями на территории, по которой будете проходить. Детали операции, контрольные сроки, частоты и позывные обговорите с майором Якушевым. Вернётся, получишь звездочку и роту. Ну а не вернётся... сам понимаешь, пошлём других. Так что ты просто обязан вернуться героем, чтобы больше никто не погибал.

– Есть вернуться... героем, – как эхо отозвался Берзалов, заботясь только об одном, как бы никто не заметил, что он испытывает приступ неуверенности, если не страха.

- Товарищ, старший лейтенант!.. Товарищ старший лейтенант!..

- Ну что тебе... Вашу-у-у... Машу! - повернулся на пятках Берзалов.

Он был зол и собран, как никогда, как перед любой другой операцией, но теперь ему приходилось бороться с самим собой, дурными предчувствиями и с бестолковыми подчиненными.

- Ну возьмите меня с собой... ага?..

- Ты как обращаешься?! - раз десятый уже вспылел Берзалов. - Как?! По уставу... По уставу! - Он уже не мог без содрогания смотреть на круглую, как блин, физиономию Бура. - Смирно, кругом, шагом марш на кухню за обедом.

- Есть за обедом, - покорно отвечал Бур и, неожиданно чётко повернувшись через левое плечо и сделав три чеканных шага, перешёл на рысь и устремился в сторону кухни, а когда вернулся, запыхавшись, как после подъёма в гору, тут же принялся за старое: - Товарищ старший лейтенант... - молил он. - Жизни мне нет... ага...

- Что золотце моё, что?! - устал отбиваться Берзалов, приюхиваясь к котелку, где в жирном борще плавали лучшие куски телятины, Бур расстарался. - Что?..

- Ну возьмите меня с собой!.. чего вам стоит... ага?..

- Ты пойми, Ефрем... - прибежал он к душевной теплоте, как к последнему средству вразумления, - ты будешь обузой, там ведь бегать придётся, а если, не дай бог, нарвёмся на противника?..

Все эти таинственные намёки подполковника Степанова на особый район с непонятными свойствами, гибель всех предыдущих групп поселили в душе Берзалова тревогу и неуверенность, и он никак не мог справиться с мыслями, которые сами собой лезли в голову. И что там? И как там? Оставалось только ждать, когда эта неуверенность пройдёт сама собой, как насморк. А случится это не раньше, чем они усядутся в бронетранспортёры и двинутся в путь. Значит, придётся мучиться ещё полсуток, как минимум. К тому же он чувствовал, что страх, обычный страх неудачи, всё сильнее и сильнее охватывает его. Это было нечто новенькое, неизведанное. А ангел-хранитель, Спас помалкивал в тряпочку. Ну что я тебе сделал? - спрашивал Берзалов. Что? Скажи, пожалуйста! Но Спас молчал, как убитый, он и в былые времена молчал, предоставляя Берзалову полную свободу выбора. Может, поэтому всё идёт нормально? - думал он, страдая без меры.

- Я выдержу... я выносливый... - Щёки у Бура обиженно дрожали, как студень. - А то меня... меня...

- Что тебя?! - уточнял Берзалов, у которого уже слюни текли на наваристый борщ, на две котлеты с гречневой кашей и на распластаный огурец, посыпанный крупной солью, как любил Берзалов.

Как в это время года Бур вымолил у повара огурец, так и осталось военной тайной. Единственная тепличка в бригаде снабжала овощами только штабных офицеров, а там и связь, и охрана, и бог весть ещё какие приживалки, питающиеся за счёт щедрот начальства. Так что Бур, считай, совершил подвиг, думал Берзалов, с удовольствием уплетая борщ. Даже чёрный хлеб был особый, рассыпчатый, пахучий, а не как обычно, пластилиновый, для рядового состава.

- Мне уже и так в роте прохода не дают. Говорят, что без вас спишут меня в хоззвод за свиньями глядеть. Ага.

- Вот это самое твоё место, - не удержался от комментария Берзалов, облизывая ложку. Он уже забыл, каково быть подчиненным.

Борщ был хорош, даже с каплей сметаны. Мясо в меру жёсткое, с вкраплениями жира - большущий дефицит по нынешний времена.

- Я не хочу в хоззвод, я хочу воевать, - ныл над душой Бур.

- Уйди!

- Товарищ старший лейтенант...

- Уйди... Христом Богом...

Но через минуту всё началось сызнова.

- Товарищ старший лейтенант...

- Что, стыдно стало? - любопытствовал Берзалов и впервые с интересом взглянул на Бура.

У того на кончике носа из-за усердия застыла капля пота. И вообще, он был мокрым, как мышь, несмотря на майскую прохладу.

- Так точно, - резво вытянулся Бур, впрочем, в следующее мгновение колени его подогнулись, и он снова завёл старую пластинку: - Товарищ старший лейтенант... товарищ старший лейтенант...

- Ладно... Чёрт с тобой! Но ведь подохнешь там. По-дох-не-шь... Понимаешь?!

- Понимаю, - жалобно шмыгал Бур носом.

- А здесь спокойно, тихо. Переживешь лихое время. А? - искушал его Берзалов.

- Не переживу, я хочу с вами. Ага?

- Ну смотри, сам напросился, - неожиданно для самого себя, зловеще произнёс Берзалов. - Нянчиться с тобой никто не будет.

- Есть напросился! - обрадовался Бур и выпрямил ноги. - Да я, товарищ лейтенант... Да я... за вас... ага...

- Беги к старшему прапорщику Гаврилову, скажешь, что я приказал тебя взять, пусть он на тебя харчи выпишет, патроны, гранаты и огнемёт. Будешь у нас вторым огнемётчиком.

Может, и к лучшему, усилит группу, а Кумарин, у которого Берзалов всё время сдерживал порывы души, пойдёт в разведку. Насчёт старшего прапорщика Берзалов всё ещё сомневался: брать в глубокую разведку или не брать, всё-таки старый, изношенный, надорвётся ещё, возись потом. Возьму молодого, шустрого Кокурина, который, может, и не так опытен и спокоен, но зато молод и силен, и бойцы его уважают. А? Берзалов отвлёкся.

Кокурин был его любимчиком, первым в боксе и первым в разведке. Ходил за командиром и глядел на него влюбленными глазами. Даже подражал Берзалову и покрикивал на салабонов⁴: «Вашу-у-у Машу-у-у!», но, естественно, в тот момент, когда рядом не было Берзалова.

- Есть, огнемётчиком! - подскочил Бур, не отрывая от лица Берзалова сияющего взгляда.

Ей богу, как в детском саде, подумал Берзалов и тут же раскаялся в своём решении, подумав, что на войне жалость плохой советчик, но отступить было поздно - давши словно крепись, а не давши держись. Ну да ладно, посмотрим, подумал он.

- Беги! - сказал со значением Берзалов. - Беги, пока я не передумал!

- Есть! - и Бур исчез, так быстро, что после него в воздухе осталась смесь запахов испуга и радости. Радости было больше.

Берзалов только закончил обедать и похрустывал огурцом, когда явился старший прапорщик Гаврилов:

- Товарищ старший лейтенант! Роман Георгиевич!..

Берзалов в это момент был занят тем, что зашивал на маскхалате дырку, которую надо было зашить ещё неделю назад, да всё руки не доходили.

- Я вас слушаю, Федор Дмитриевич, - Берзалов отложил работу в сторону и дожевывал огурец.

- Бойцы не хотят идти в таком составе. Дурилка я картонная! - покаялся Гаврилов.

- Что значит не хотят?! - безмерно удивился Берзалов и начал заводиться: - Вашу-у-у Машу-у-у! Новые проблемы?!

- Вместе с Буром - тринадцать человек... - кротко объяснил Гаврилов, - да и...

- Что, «да и»?! - Берзалов почувствовал, что начал заводиться ещё быстрее. Не успели выйти, а уже разногласия. - Бур такой же боец, как и все. Найдите ещё добровольца!

Гаврилов вздохнул так, словно решал непосильную задачу:

- Старший сержант Гуча... - произнёс он менее решительно.

- Чего-о-о?... - удивился Берзалов, поводя головой, как бык.

- Это который Болгарин, - на всякий случай уточнил прапорщик, хотя Берзалов и так знал, кто такой Болгарин.

- Я знаю, кто такой Болгарин, - язвительно напомнил Берзалов.

- Так точно, Болгарин, - терпеливо согласился Гаврилов и снова покаялся. - Дурилка я картонная!

Выдержка у него была отменная. Её бы хватило на всю роту, и еще осталось для бригады. Не то чтобы прапорщик благоволил Болгарину, но чаще других брал с собой в вылазки. Болгарин один стоил пятерых, не только потому что был здоров и силен, но и потому что умел слушать опытных людей и схватывал всё на лету. А в разведке это качество было незаменимым. Однако нрав у него был бешеный, а в пьяном виде он был неуправляемым, как бычок-перволеток.

- Ладно, бери Гучу... - разрешил Берзалов, глядя куда-то вбок, словно не имея к этому делу никакого отношения.

- Так он же сидит...

- Ах, да... - звонко шлёпнул себя по лбу Берзалов. - Вашу-у-у Машу-у-у!.. А сколько ему ещё?

- Сутки... Дурилка я картонная!

Гуча прославился тем, что был страшно невезучим и всегда попадал в неприятности. Последний раз он сходил в самоволку и вернулся, естественно, пьяным вдрабадан. Но это ещё полбеды. Он умудрился напороться на командира батальона и командира роты, которые с лёгкой душой и на законных основаниях отправили его трезветь на гауптвахту. Хорошо, лычки не сняли. Теперь предстояло вытащить его оттуда без шума и пыли. Пришлось звонить Ашкинази вроде бы как уточнить насчет замены позиций на время отсутствия группы. И хотя уже было оговорено, что Славка Куоркис временно замещает Берзалова, что примет командование взводом, Берзалов сделал вид, что ему кое-какие вопросы не ясны. В конце он со страдальческими нотками в голосе испросил разрешения взять с собой Гучу.

Командир роты после секундной паузы спросил:

- Ты-ы-ы... за него отвечаешь?..

- Отвечаю.

- Точно? Не подведёт?

- Как за самого себя.

Разумеется, он ни на кого не мог положиться, как на самого себя, но в армии так принято - перекладывать ответственность на другую голову, а потом, если что, эту самую голову с удовольствием отворачивать.

- Тогда забирай, - разрешил Ашкинази.

- Спасибо, Виктор Захарович, - поблагодарил Берзалов и, не успев бросить трубку на рычаг, крикнул: - Эй, есть кто там?

- Есть! - в дверном проёме, как привидение, возник жуликоватый Иван Зуев по кличке Форец, с цыганской внешностью, разухабистый, ловкий, разве что без серьги в ухе.

Это боец был известен тем, что часов за пять до начала войны во время дежурства на пункте связи поднял тревогу, что абсолютно случайно спасло бригаду. То ли ему приснилось, то ли померещилось, однако он, не предупредив дежурного офицера, врубил сигнал «ядерная атака». За такие совпадения во время войны давали героя России, а на этот раз обошлись гауптвахтой. Пока проверяли, пока делали запросы по постам наблюдения, пока звонили в вышестоящие инстанции, бригада стояла до начала реальной войны по готовности номер один,

то есть по местам, в АЗК⁵, в напряжении, да ещё и в укрытиях. Можно представить, какие проклятия сыпались на голову рядового Зуева. «Да ты, Зуев форец!⁶ – воскликнул генерал-лейтенант Турбаевский, когда к нему доставили нарушителя спокойствия. – Посидишь десять суток!» Так кличка Форец и приклеилась к Зуеву.

- Дуй к Гаврилову, пусть забирает своего архаровца Гучу, комроты разрешил.

- Есть! – обрадовался Зуев по кличке Форец и убежал быстрее ветра.

Только Берзалов перевел дыхание, только наложил последний стежок и полюбовался на плоды своей работы, как в землянку влетел сержант Померанцев – высокий, худой, рыжий, с тощей шеей, как у облезлого кота. Порой Берзалов ловил его на том, что он ходит с недельной щетиной, которая росла у него исключительно на этой самой тощей шее, ну и наказывал, естественно, но строго в рамках устава. За что на Берзалова даже не обижались.

- Товарищ старший лейтенант, товарищ старший лейтенант, там наших бьют!

- Как!!! – подскочил Берзалов и прибежал как раз вовремя.

Прапорщик Мартынов лежал на земле под священными стенами храма и подвергался побоям со стороны страшно небритого старшего сержанта Гучи. Вокруг образовалось кольцо из бойцов, которые, к счастью, в драку не лезли, а всего лишь самозабвенно орали:

- Врежь ему!!! Врежь ему!!!

Естественно, врезать надо было прапорщику, которого Гуча усердно кормил пылью.

- Вашу-у-у Машу-у-у!.. Отставить! Гуча, в чем дело?! – крикнул Берзалов таким громовым голосом, что борющиеся в пыли разом расцепились.

- Так он знает, что сказал?! – вскочил с Мартынова здоровяк Гуча, придерживая его, однако, могучим коленом. – Знаете?!!

- Докладывай! – велел Берзалов, заранее делая прапорщика Мартынова обвиняемой стороной.

- Он!!! – Гуча показал грязным пальцем на Мартынова, как на врага народа. – Сказал, что мы всё равно смертники и что

огнеметы «шмель-м» нам без надобности, мол, мы обойдёмся обычными РПГ-7⁷. Мамой клянусь!

Лицо у Гучи было вечно несерьезным, словно он, общаясь с собеседником, одним ухом слушал ещё кого-то. Вот и сейчас он вроде бы, говорил с Берзаловым, но подразумевал словно бы ещё кого-то третьего. Странная у него мимика, подумал Берзалов, не поймёшь, когда он весел, а когда угрюм.

- У-у-у... гад!!! - загудели все, готовые растерзать прижимистого Мартынова даже не на мелкие кусочки, а на атомы.

- Тихо! Вашу-у-у Машу-у-у!.. - рассвирепел Берзалов. - Ты что, прапорщик, белены объелся?!

- Никак нет, - заныл Мартынов, размазывая по лицу кровавые сопли. - Они меня неправильно поняли. «Шмель-м» страшный дефицит. Я им говорю, принесите мне подтверждение от командира роты, я выдам...

Берзалов сразу всё понял: прапорщик Мартынов, как всегда, качал права. Нравилось ему быть барином: хочу дам, хочу не дам, а прикрывался Ашкинази, потому что Ашкинази коллекционировал оружие, а Мартынов имел возможность доставать ему самое экзотическое и редкое. Хочешь американскую штурмовую винтовку SCAR, семь шестьдесят два, на тридцать девять, или даже с усиленным патроном на пятьдесят один миллиметр - пожалуйста; хочешь, опять же американский дробовик ММ-12 с барабанным коробкой на двадцать патронов - пожалуйста; а хочешь многоствольный пулемет «миниган» - вообще без проблем, только закрывай глаза на шалости прапорщика Мартынова. А с командиров отделений, не говоря уже о рядовых, три шкуры спускал за несданное или попорченное в бою оружие, сам же, похоже, приторговывал амуницией и ещё кое-чем, в частности, взрывчаткой, которой глушили рыбу. Только за руку его никто поймать не мог. Поэтому, как говорится, у бойцов и накипело.

- У тебя список есть?! - Берзалов невольно сделал по направлению прапорщика приставной шаг, которым обычно двигаются в боксе, принаравливаясь к противнику.

Прапорщик Мартынов был здоровее даже старшего сержанта Гучи, и поджарый Берзалов со своим вторым средним весом в обычной жизни против такого здоровяка не выстоял бы и минуты, но за плечами у Берзалова было девятнадцать боёв международного уровня и ни одного поражения, а хук правой в челюсть или в висок оказывался роковым для большинства противников, даже такой комплекции, как Мартынов, поэтому

прапорщик Гнездилов покорно ответил, шмыгая разбитым носом:

- Есть...

- Выдавай согласно списку, который согласован с командиром роты. Ясно?!

- Так-х-хх... - начал было спорить Мартынов, но здоровяк Гуча так дёрнул его за рукав гимнастерки, что едва не оторвал его, затрещали нитки, и на землю полетели пуговицы.

- Ты что-то хотел возразить?.. - проникновенно спросил Берзалов, как забияка, отстраняя в сторону старшего сержанта Гучу.

На этот раз прапорщик Мартынов сообразил, что теперь быть ему битым многократным чемпионом мира, вовремя заметил, что правая рука Берзалова готова достичь его челюсти по самой короткой траектории, и сдался без боя:

- Всё выдам... - мотнул он головой.

- Ну моли бога, чтобы мы не вернулись, - медленно, как в плохом кино, произнёс Берзалов, чувствуя, что адреналин в его крови зашкаливает все нормы, - потому что я до тебя доберусь в первую очередь.

- А я что?.. - испуганно стал оправдываться Мартынов, - я ничего... я как начальство велит... вы же меня знаете?..

- Я твоё начальство! - процедил сквозь зубы Берзалов. - Будешь у меня сортиры драить! Вашу-у-у Машу-у-у!..

- Пусть драит, сволочь!!! - заорали все разом. - Гад!!! Поганка чёрная!!! Вошь тыловая!!! Упырь-рь-рь!!!

А Гуча, который уже был в курсе последних сплетен, прошептал прапорщику Мартынову на ухо:

- После задания Берзалов получит капитана и станет комроты, а тебе, козлу, каюк, сошлют тебя в ликвидаторы. Мамой клянусь!

Ликвидаторами называли тех, кого приговаривали на работы в зараженной местности, без средств защиты и с превышением норм облучения. В эту категорию попадали самые безнадежные залётчики, никто из них не проживал больше двух месяцев.

В этот момент прибежал запыхавшийся Гаврилов и разрядил обстановку:

- Роман Георгиевич, вертолёты ждут! Начальство торопит!

- Грузите в машину, - скомандовал Берзалов, - и дуйте к вертолётам.

- Есть дуть к вертолётам, - спокойно и с достоинством козырнул прапорщик, не подозревая, что судьба его висит на волоске: - А ну, ребята, дурилки картонные, взяли... дружнее... дружнее...

И вдруг Берзалов спонтанно решил: всё, беру Гаврилова, и больше на эту тему не рассуждаем! А Кокурина - в следующий раз, пусть отдохнёт и... и... ума-разума наберётся, молод ещё.

- Старший сержант Гуча! - позвал Берзалов.

- Я! - От Гучи ничем особенным не пахло, кроме застарелого пота и прогорклой селёдки, а ещё у него, кроме клички Болгарин, была странная кличка Щелкопёр, из-за пристрастия к армейским газетам. Но, естественно, так его называли только за глаза, помятуя о его пудовых кулаках и свирепом характере.

- Пять минут, чтобы побриться и привести себя в порядок.

- Есть привести себя в порядок! - радостно крикнул Гуча.

- Да... - сказал его в спину Берзалов, - и подушись одеколоном, воняет, как от козла.

- Есть подушиться! - радостно прокричал Гуча.

Через полчаса они уже были в воздухе. Трясло так, словно они катились с каменистой горки в корыте. Таинственные воздушные потоки бросали вертолёт, как игрушку. Спас вдруг подал голос: «Будь начеку...», и всё, и замолк, как воды в рот набрал. Что бы это значило? Спас редко давал советы, но уж если давал, то пренебрегать ими не стоило. Только толку от них, как от козла молока. Ну упадём, обречённо думал Берзалов, ну и хрен с ним! Рано или поздно все падают. Он даже закрыл глаза в пренебрежении к происходящему. Дело было в том, что предостережению Спаса никогда нельзя было внять, то есть Берзалов знал, что что-то должно было случиться, но что конкретно, гадать было бесполезно. Поэтому и на этот раз он не стал особенно забивать себе голову всякими вредными мыслями, тем более, что в душе у него почему-то, как и утром, поселился безотчётный страх, с которым он никак не мог справиться. Он его уже и уговаривал, и пытался от него отделаться, когда допрашивал пленных, и отвлекся, когда пришёл Славка Куоркис с пивом, - ничего не получалось. На некоторое время он сосредоточился на сборах, но стоило было перестать действовать и начать думать, как страх, словно скользкая змея, прокрадывался в душу и сворачивался

там кольцом. Причину этого страха Берзалов понять не мог. Никогда ничего не боялся: ни противника на ринге, ни врагов на поле боя, а здесь сдал. И это было плохо. Нет ничего хуже неуверенности перед важным делом. А может, оно и к лучшему, думал он, осторожней буду, а то за последние месяцы я обленился, перестал бояться, а это верный признак того, что скоро погибнешь. Нет, надо бояться, но так, чтобы страх не парализовал волю.

- Товарищ старший лейтенант!.. Товарищ старший лейтенант!..
- Ефрем Бур орал прямо в ухо, как оглашенный.

- Чего тебе? - Берзалов наклонился, чтобы лучше слышать.

Бур, который нежно, как на девушке, висел на своём огнемёте, выглядел несчастным.

- А долго лететь?..

- Час.

Ефрем Бур со страдальческим видом сообщил:

- Кажется... кажется меня, укачивает... ой! - он схватился за горло, словно пытался задушить сам себя, и закатил глаза.

- Ты что, пообедал?..

- Ага... - кивнул Бур, зеленея на глазах, как арбуз, и дыша так, словно для него кончался воздух.

Берзалов сделал движение, чтобы избежать близкого соседства, но бежать в тесной кабине, заваленной оружием и амуницией, в которой, кроме его и Ефрема Бура, сидели ещё пять человек, было элементарно некуда.

- Кто?! Кто разрешил кормить новичка?!

Ефрем Бур сообразил, что опростоволосился, что над ним зло пошутили, придумали тихую, но верную каверзу.

- Архипов! - крикнул Берзалов так, что на мгновение вой двигателей стал тише.

Высокий, жилистый сержант с большим лицом, сидящий третьим в противоположном ряду, живо открыл глаза. Должно быть, он по привычке спал. Ан, нет, оказалось, слушает музыку.

- Я не сплю, товарищ старший лейтенант, я всё вижу. - Иван Архипов, вытащил из уха наушник и приподнялся, волком глянув на Бура.

- Разберись, и чтобы впредь этого не наблюдалось!

- Есть разобраться!

Иван Архипов был чуть моложе Берзалова, и его очень уважали. Вместо того чтобы коршуном налететь на несчастного Бура и помочь ему, он локтём ударил сидевшего рядом Илью Кумарина:

- Ты попался, боец!

- А что я?! Я его не трогал! - Кумарин, у которого лицо и так было не шибко интеллигентным, притворился полным идиотом: раздул ноздри и возмущенно открыл было рот, блеснув железной фиксой. Даже сержантский чуб, который он носил не по званию, и тот выражал абсолютный нигилизм.

- Врёшь, сука, - Архипов посмотрел, как удав на кролика, - я думаю, куда вы пропали? А вы нарядились на кухню! Сам, поди, не ел?!

- Что я, дурак, что ли? - самодовольно ухмыльнулся Кумарин, - перед операцией-то. Ха! Я учёный. Меня однажды точно так же наказали, так я...

Должно быть, он решил, что шутка достойна тайного одобрения со стороны товарищей и что если бы не товарищ старший лейтенант, то всё обошлось бы радостным зубоскальством и подзатыльниками для Бура, которому до настоящего десантника ещё расти и расти.

- Будешь у меня станок от АГС⁸ таскать! - не дослушал его разглагольствования Архипов. - Сержант Чванов!

- Я! - отозвался боец, который сидел вместе с Сундуковым ближе всех к кабине пилотов, и шлем у него была величиной с казан, потому что сам Чванов был здоровым, как медведь, и даже такой же косолапый.

- Кумарин будет у тебя вторым номером. Отдашь ему свою цацку! - приказал Архипов.

- Есть отдать! - добродушно отозвался Чванов. - На это мы всегда готовы. - Его глубокосидящие глазки засияли радостью.

- Что, обломилась спинушка? - ехидно спросил сержант Рябцев, которого все называли Колюшкой за способность дружить со всеми и одновременно исполнять роль бескомпромиссного спорщика. Спорить он начинал с заявления «Не верю!» Спорил буквально по любому поводу и на всё, что возможно - даже на священные обед или ужин, и как ни странно, выигрывал чаще, чем проигрывал, поэтому на него поглядывали с удивлением и дико уважали за ухарство, полагая, что он не боится никого -

даже старшего лейтенанта Берзалова, который при случае мог здорово навалить.

- Товарищ старший сержант, кто ж знал, что он такой жадный, - окая по-волжски, запротестовал Кумарин, - я ему говорю: «Хочешь пожрать перед смертью?» Кумарин на всякий случай простодушно улыбнулся, чтобы его тут же на месте простили и не делали вторым номером у сержанта Чванова: «Ну не дурак ли?», но было поздно - отныне Игорь Сундуков занял его место разведчика. Хорошо хоть, Кумарин не заржал с горя, потому что подобной шутки со старшим сержантом Архиповым никто себе не позволял, иначе можно было нарваться на крупные неприятности. В этом плане Берзалов был спокоен за отделение.

- Дурак ты, Илья! - заключил Архипов. - Он сейчас всё здесь облюёт, и ты же сам будешь свой рюкзак от блевотины отмывать.

Кумарин сделал вид, что об этом не подумал. Кто ж думает о подобных мелочах? Главное, весело провести время, чтобы потом было что вспоминать. Да и зло посмеяться над недотёпой - это святое дело, на этом держится вся армия.

- Не наблюдёт! - заверил он Архипова и, совершенно не стесняясь Берзалова, показал Буру кулак.

При слове блевотина Ефрем Бур зажал себе рот обеими руками. Лицо у него сделалось страшно изумлённым. Глаза полезли из орбит, а сквозь пальцы брызнула эта самая блевотина. Берзалов невольно дёрнулся, но всего лишь успел отвоевать пять сантиметров пространства, оперевшись левым бедром в ящички с патронами и консервами.

Архипов возмущенно заорал:

- Скотина, урод!!!

Ефрем Бур сделал единственное, что было в его силах - он принялся заглатывать то, что с такой охотой исторгнул из желудка.

Архипов сунул ему пакет:

- На!!! - и бросил взгляд на Берзалова, проверяя его реакцию.

Берзалову было всё равно, как он управится с ситуацией, лишь бы в следующий раз не повторилось.

Ефрем Бур ткнулся физиономию в пакет и долго мучился над ним, благо, что за шумом и тряской слышно не было ничего. Потом поднял лицо. Изо рта у него текло, в глазах застыло страдание, однако цвет его лица из зелёного стал розовым, глаза, правда,

налились кровью, ну и пахло, конечно, соответствующе – кислятиной. А я тебя предупреждал, хотел сказать Берзалов, что здесь не детский сад, но промолчал. Впрочем, если Спас намекал на Ефрема Бура, то он не впечатлил Берзалова. Нет, думал он с тягостным предчувствием, это не повод. Что-то ещё должно произойти. А что, бог его знает.

В Ефремове их уже ждали. На краю летного поля, под деревьями темнели два бронетранспортёра БТР-90. Командование расщедрилось. Майор Дружинин из связи был старшим. Он вышел из бронемшины «волк», в котором сидел, самодовольный, как повар в столовке, и поздоровался.

– Чего на ночь-то глядя?.. – кивнул на хмурое небо.

Берзалов неопределенно пожал плечами, выражая тем самым мысль, что, будь его воля, он бы двинулся в путь, как положено, на рассвете, с первыми лучами солнца, а лучше – в сумерках, и не пёрся бы, бестолково выпучив глаза в темноту, но начальство перестраховалось, ничего не попишешь, ему виднее, на то оно и начальство, хотя в глубине души был согласен: береженого бог бережёт, обжэгшись на молоке, дуешь на воду.

– Авось проскочим... – сдержано ответил он, хотя понимал, что майор прав: если там, за невидимой границей, их ждёт кто-то серьёзный, то он ждёт и ночью, и днём, и в полдень, и на рассвете, и в сумерках, и в дождь, и в снег, в общем, в любую погоду и в любое время суток. Так что шансов – кот наплакал, только русский авось, на который надеяться нет смысла.

Майор Дружинин как-то печально посмотрел на него, на его подтянутую фигуру, на лицо, кожа на котором была словно отбита скалкой, и, ничего не добавив, махнул рукой – то ли выражая безысходность ситуации, то ли давая команду водителям. Бронетранспортёры действительно утробно заурчали, выплюнули по облаку чёрного дыма и лихо подкатили к вертолётам, и бойцы стали перегружать в них амуницию и оружие. Управлялись даже ещё быстрее, чем грузились в вертолёты.

Темнело. От этого сосны казались выше и монолитнее. Над далёким лесом взошла луна. Воздух посвежел и приятно бодрил. Спас не подавал никаких знаков. Может, всё обошлось? – с надеждой думал Берзалов и не верил даже сам себе. Непокойно у него было на душе, что-то должно было случиться.

– Товарищ майор, – позвал водитель, – связь!

Дружинин взял шлемофон и приложил наушник к уху:

- Тебя, - и протянул шлемофон Берзалову.

- Роман Георгиевич, - узнал он голос подполковника Степанова.

- погоди минуточку, сейчас Семён Аркадиевич лично хочет тебя проводить в путь-дорожку.

- Есть погодить, - ответил Берзалов и невольно оглянулся - так и есть, что-то случилось: нехорошее, тёмное, мрачное, что не должно было случиться ни при каких обстоятельствах. Бойцы, которые если не весело, то по крайней мере, непринужденно болтали, вдруг настороженно примолкли.

К Берзалову уже бежал прапорщик Гаврилов. Пару раз он едва не упал на ухабистой дороге.

- Товарищ старший лейтенант! Товарищ... Дурилка я картонная!

- Что случилось?

- Рядовой Кумарин неудачно спрыгнул с борта и, похоже... дурилка я картонная...

- Что похоже?! - вздрогнул Берзалов, как лошадь, которую укусил слепень.

- Травмировался...

- Вашу-у-у... Машу-у-у! - вспыхнул Берзалов. - Что за ерунда?! А ну покажи! - быстрым шагом направился ко второму бронетранспортёру.

Он снова начал свирепеть, как и утром, потому что чувствовал, что до этого момента всё шло так, как он задумал, даже несмотря на предостережение Спаса, а потом сценарий моментально изменился, и управлять этим сценарием он был не в силах, словно судьба всё-таки отвернулась от него, показав свой цыплячий зад. И всё, что он делал ценной огромного душевного напряжения, в одночасье рухнуло. В какое-то мгновение он испытал сильное чувство усталости, чего с ним отродясь не бывало.

У заднего колеса слева, на траве, держась за руку, белый, как мел, сидел Кумарин. Лицо его было перекошенным от боли.

- Ты что, специально?! - спросил Берзалов первое, что пришло ему в голову. - Специально?! Да?!

Кумарин посмотрел на него так, что Берзалов понял - притворяться Кумарин не мог, не та ситуация, но всё равно не поверил: «Не захотел станок от АГС таскать! - зло думал он. - Устроил комедию! В дезертиры записался!» Однако пахло от Кумарина

не враньём – сдохшей крысой, и не кислым-прекислым, как алыча, запахом ловчицы, а большой-большой досадой – почти что мускусом, а ещё растерянностью. Идиот! – решил Берзалов, доигрался, не захотел из разведчики в гранатомётчики. Ну я тебе!..

– Разрешите мне... – поспешно вступился за Кумарина прапорщик.
– Я всё видел... Коробка с тушенкой соскользнула, он соскочил следом и задел локтём скобу.

Выходит, что Кумарин подвиг совершил, не дал банкам помяться. Задеть за скобу бронетранспортёра локтём может любой, но это случалось так редко, что на памяти Берзалова произошло только один раз в Ингушетии под Цори, где они нарвались на засаду и один из бойцов в горячке сиганул на землю прямо с башенки, и, конечно же, зацепился рукой за борт. Это была их единственная потеря. Нападение они успешно отбили и даже взяли пленного. А вот бойца пришлось везти напрямик в госпиталь. После этого Берзалов потратил массу времени, чтобы обучить личный состав приёмам безопасного покидания бронетранспортёра: «Опорной ногой на скобу – прыжок на землю, опорной ногой на скобу – прыжок на землю». Да видно, плохо обучал, если в обыденной ситуации боец умудрился себя покалечить.

Гаврилов стал что-то объяснять с упоминанием «картонной дурилки», но Берзалов остановил его и нервно спросил:

– Может, просто сильный удар? Где Чванов?!

– Чванова к старшему лейтенанту! – заорали сразу несколько человек, которым передалась тревога командира.

Запыхавшись, прибежал сержант Чванов, который по совместительству выполнял роль фельдшера. Берзалов отошёл в сторону, чтобы не мешать, и зло стал смотреть на луну, словно она была в чём-то виновата.

– Непруха... – напряженно посетовал Гаврилов. – Дурилка я картонная!

– М-да... – многозначительно поддакнул майор Дружинин.

– Непруха пошла... – согласился Берзалов и подумал, что если Спас предупреждал именно об этом, то цена такому предупреждению – копейка. Кто ж так предупреждает, со всё нарастающей злостью думал он, тоже мне ангел-хранитель. Нанялся предсказывать. Толмач хренов!

Прежняя неуверенность, с которой он боролся весь день, даже несмотря на злость, снова сковала его. Он ломал себя через колени. Казалось, что всё пропало, и Варя из далёкого-далёка

манит его. Хотелось на всё плюнуть и уйти в лес, просто побродить, ни о чём не думая. И вообще, война страшно надоела именно из-за бестолковости.

Дружинин и Гаврилов закурили. Берзалов невольно позавидовал уверенности прапорщика: затягивается спокойно, с достоинством под любым недобрым взглядом. Майор – тот, хотя и притворялся, вообще был не здесь, а там, где тихо и уютно, где пахнет карамелью и сладким чаем, где расстелена жаркая постель. Вот что значит, душа ничем не отягощена. Выпить, что ли? – с отчаяния подумал Берзалов. Геннадий Белов снабдил его на дорожку фляжкой неразбавленного девяносто шестого. Но пить спирт было нельзя. Спирт в качестве расслабляющего средства на него не действовал, от алкоголя на душе становилось только противнее. Душевную болячку надо было перенести на ногах и на трезвую голову – так быстрее и надёжнее, а главное – без потерь. Так было с Варей, так было во время войны, со всеми её неожиданностями, к которым он так и не привык.

– Плохо другое... – размеренно рассуждал Гаврилов, выдыхая сизый дым.

– Ну?.. – вроде бы как участливо спросил майор Дружинин, мимолетно скользнув взглядом по обоим и отгородившись от них точно так же, как и подполковник Степанов – списали их, это было ясно сразу.

Берзалов от подобных взглядов только злился. И ведь не объяснишь, не схватишь за грудки. Эх, его бы с нами! Вся шелуха враз слетела бы.

– Нас снова тринадцать... Дурилка я картонная!

Слова были обращены к Берзалову, и страшно ему не понравились, но зато отвлекли от глупых мыслей.

– Погоди... – сказал он так, что свело скулы, – нельзя же... мы же не за этим... нам же по-другому надо... – и подумал, что если уж прапорщик несёт всякую галиматью, то их вылазка заранее обречена на неудачу.

Майор ещё раз крякнул то ли понимая, то ли осуждая. И вдруг Берзалов разозлился окончательно и бесповоротно: всё скатывается к одному – к невезению, к провалу, а эти двое ещё и каркают, и если прапорщика он готов был простить за недомыслие, а главное – за опыт и выдержку, то майор, который сидел в штабе и выполнял роль порученца, капал на мозги по глупости. Он-то, по большому счёту, не имел права выказывать сомнение по поводу судьбы очередной глубокой разведки, а должен был демонстрировать оптимизм и положительный

настрой. И вообще, он пах полным равнодушием – какой-то весенней землёй и скошенной травкой. Вернётся в городок, зло думал Берзалов, под тёплый бок буфетчицы Аси и думать забудет о тех, кого проводил на задание, как о дураках. Помощнички, едрить вашу налево!

И такой должно быть был у него страшный вид, так отчаянно ходили на лице желваки, что майор Дружинин заткнулся и постарался сделать дружелюбное лицо, но у него плохо получалось, потому что под взглядом Берзалова он вдруг занервничал:

- Товарищ старший лейтенант, ну ты даёшь!

- Это девушки дают, – парировал зло Берзалов, – а мы берём!

Наступила пауза. У майора Дружинина начала болезненно дрожать щека. А кто любит, когда тебя одергивает младший по званию? Никто. Однако ничего не попишешь: Берзалов здесь как бы вне критики, может повернуть дело так, что недолго и звёздочки лишиться. Майоров штаба много, а такой, как старший лейтенант – один на всю бригаду, рабочий конёк. И ведь не объедешь, зло думал, проглотив обиду, Дружинин.

- Так я же и говорю... – как ни в чём ни бывал продолжил Гаврилов, – не всё так плохо, вместе с водителями нас пятнадцать человек.

Майор Дружинин тут же одобрил его слова робким смешком. Берзалов в свою очередь подумал, может, действительно, всё обойдётся, вывернется не так, как кажется. Случается так в жизни. Бывает. Не со всеми, но бывает. Он невольно ждал, что скажет Чванов. Если перелом – то их силы уменьшились ровно на одного человека, а в условиях операции, которая ещё не началась, это плохо. Рассчитывал он на усиление разведки, а вышло так, что получил плохо обученного огнемётчика – Бура.

Со стороны тёмного леса возникли огни машины, и через минуту рядом затормозил «уазик» командира бригады.

Гаврилов и Дружинин дружно бросили недокуренные сигареты в траву и встали по стойке смирно. Берзалов, который не курил, сделал это на мгновение раньше.

- Ну что, сынок, готовы?! – вместо приветствия спросил генерал Турбаевский, ловко выскакивая из машины.

Он был на голову выше Берзалова, плотный и сильный, с большим справедливым лицом и очень внимательными глазами.

- Так точно, – ответил Берзалов. – Один боец травмирован.

- Час от часу не легче, - посетовал Турбаевский. - Серьёзно?

- Выясняем.

Этот человек Берзалову нравился по двум причинам: если он спрашивал, то участливо, даже без намёка на фальшь, если во что-то вникал, то по сути. Поэтому он уважал генерал-лейтенанта Турбаевского, который, кроме всего прочего, прошёл все должности от лейтенанта до нынешнего своего звания, не потеряв при этом ни выправки, ни ловкости, ни душевности. Если он станет президентом, подумал Берзалов, я не против. Боевой президент, что может быть лучше?

Появился сержант Чванов и, спросив разрешения у генерал-лейтенанта обратиться к товарищу старшему лейтенанту, доложил о том, что у рядового Кумарина открытый перелом лучевой кости, что наложена временная шина и сделан обезболивающий укол.

- Все ясно, - резюмировал Турбаевский, беря Берзалова под локоть и отводя в сторону. - Первые потери. Ну что? Я на тебя очень надеюсь, Роман Георгиевич, - говорил он даже не участливо, а просяще и очень-очень подкупающе, словно Берзалов был гвоздем программы грандиозного мероприятия под названием глубокая разведка. - Дело, сам понимаешь, весьма опасное, но крайне нужное. Если всё сделаешь правильно, после тебя туда войска пойдут. Расширять будем территорию. И вообще, всё одним махом измениться может. Созрели мы для этого.

- Так точно, - продемонстрировал бодрость духа Берзалов, делаясь от искренних слов генерала мягче и спокойнее. - Всё сделаю, - опрометчиво пообещал он и незаметно скрестил пальцы за спиной, чтобы не сглазить. А Спас гнусаво прокомментировал: «Всё правильно, козел».

- Давай, сынок, с богом! - воскликнул генерал-лейтенант, словно благословляя Берзалова на героический подвиг. - Я на тебя надеюсь! Очень надеюсь!

У Турбаевского была привычка всех лейтенантов называть «сынками», если ты, конечно, не проштрафился. Жалел он их, наверное, что ли - не взявших от жизни всё, что положено взять человеку. А теперь брать уже поздно, да и негде. Всё пошло прахом - атомный век, одним словом.

Я должен идти, подумал Берзалов, подбегая к борту номер один, но не обязан возвращаться. Вот, что от меня требуется. Это и есть подвиг.

Глава 3

Кец и Скрипей

В час ночи Спас снова подал голос. Берзалов в этот момент был занят исключительно разведкой, впрочем, голубой экран СУО⁹ был мёртв. Вначале на нём, правда, ещё отражались синие «галки» «своей» техники, но постепенно и они пропали вместе с последним постом и «секретами» бригады.

Граница ответственности бригады определялась не только реками, впадающими в Дон, но и радиоактивным фоном местности. Никому не хотелось сидеть на зараженных землях, хватать свою полугодовую дозу за два часа, даже если ты регулярно принимаешь цистамин. Никаких войск не хватит для ротации. Или все быстро-быстро вымрут, или надо менять людей каждые полчаса. Легче было вообще не входить в радиоактивные зоны, а если входить, то во всеоружии, в костюмах химзащиты, внутри бронетехники, под избыточным давлением, а потом проводить полную дезактивацию, если есть, конечно, где проводить. Да и какой смысл контролировать эти радиоактивные зоны? Никакого. Маета одна и головная боль для командования, но только не для разведки, которую разве что сюда одну и пускали поглазеть на всякие чудеса и по возможности унести ноги живыми. Глубокой же разведкой мало кто занимался. Глубокая разведка требует смелости в принятии решений, а главное – значительного повода. Вот такой повод и нашли, думал Берзалов, безуспешно вглядываясь в экран СУО, на котором вслед за бегущим по кругу лучом отражался рельеф местности в радиусе двух километров. При желании можно было, конечно, поменять масштаб изображения, но результат был один и тот же: вокруг раскинулась пустыня, без жизни, без крова, хотя луч то и дело выписывал очередные развалины строений, а бортовой вычислительный комплекс ставил «галку» с номером. Однако «галки» эти были нейтрального зелёного цвета, потому что тепловизор не замечал в развалинах жизни: ни движения, ни тепла. Потом СУО лишние «галки» стирала, но тут же ставила новые, и так до бесконечности. Раза три, правда, в кустах справа мелькали неясные тени, но они были слишком мелки и принадлежали животным, так что тепловизор хотя и реагировал, СУО их не дифференцировала – собака она и есть собака. Сканер же, который засекал любой радиосигнал в радиусе ста километров, тоже упорно молчал.

Шли по правилам: если первый борт своей пушкой и приборами был нацелен направо, то второй, которым командовал старший прапорщик Гаврилов, и который вёл Дубасов, смотрел влево и

тоже готов был открыть огонь без команды.

Иногда с какой-либо стороны появлялись бесшумные тени – волки, огромные, как телята, преследовали недолго и, убедившись, что нечем поживиться, отваливали в сторону. Они давно уже стали сущим наказанием, и в них стреляли при первом случае. Вот и сейчас Колюшка Рябцев вдруг схватился за рукоять наводки орудия и даже стал её вращать.

– Отставить! – приказал Берзалов. – Демаскируешь!

В башенке было сумрачно, горела подсветка и тлели экраны. Тепловизор периодически «засыпал». Колюшка Рябцев, которого Берзалов посадил наводчиком-оператором, чуть ли не зевал со скуки. Впрочем, это была иллюзия из-за его жуткого розового шрама, пролегающего от уха до рта. Берзалов хотел было на всякий случай сделать Рябцеву замечание, да потом понял, что боец просто устал. Следовало поменять его, да где найдёшь не уставшего бойца.

На этот раз командование расщедрилось и с барского плеча выделило на операцию американские таблетки CBLB502. Они были хороши тем, что в отличие от цистамина, от которого можно было элементарно заработать язву желудка, не давали побочных эффектов и, разумеется, были более действенны, а ещё поговаривали, что CBLB502 воздействует на клетки даже после облучения, хотя лично Берзалов на себе, разумеется, ничего не ощущал.

В окрестных землях бродили самые разные люди – в основном больные, голодные и несчастные, которые, казалось, всё ещё пребывали в шоке и не знали, что им делать, куда идти и к кому обращаться. Однако попадались и такие, которые выпадали из общей закономерности. Называли их «дубами» за непреклонный нрав и дикость. Бились они до последнего и в плен не сдавались. Предполагали, что радиация оказала на них странное действие, разрушив все социальные связи. Они дичали, утрачивали способность говорить и общались исключительно с помощью криков. Лично Берзалов с ними не сталкивался, но слышал множество рассказов от людей бывалых, которые выходили из зараженных районов. Считалось, что «дубов» следует убивать сразу, не входя с ними в контакт, потому что они обладают гипнотическими способностями и отчасти опасны. Хотя, по мнению Берзалова, это было преувеличением. Как можно загипнотизировать человека без его желания? Никак! Нонсенс!

Напряжение первых часов движения постепенно спало, и было даже приятно катить по трассе Москва-Анапа – пустынной, как северный полюс.

Трасса была идеальной, словно здесь не прокатилась термоядерная война, словно они с Варей и компанией катили к этому самому синему морю, словно она сидит вместо наводчика-оператора, поэтому Берзалов влево старался не смотреть, чтобы видение не рассеялось. Плоский свет синих фар вырывал из темноты сухую придорожную траву и указатели тех городов, посёлков и деревень, которые уже не существовали. И небо – оно висело так низко, что за него, казалось, можно было зацепиться антенной. А ещё, конечно, брошенные во множестве авто: и грузовики, и автоцистерны, и легковушки – и целые, садись и езжай, и словно разорванные – одни остовы – по кюветам, по полям, в лужах и болотах – как будто их нарочно раскидала непонятная сила, а ещё какие-то фанерные развалюхи, покрытые кусками шифера, бесконечные трубы, то целые, то измятые гусеницами, и бочки, бочки – ржавые и никому не нужные.

Засмотрелся Берзалов на этот хаос, вроде бы похожий на то, что было у них в Серпухове. Только здесь всё выглядело зловещим, словно было наполнено непонятным смыслом и угрозой.

Вот тогда-то Спас и произнёс одну единственную фразу: «Пора, счастье проспишь, уродец!» Что значит «пора»? – страшно удивился Берзалов, но послушаться не посмел, только мысленно выругался: «Вашу-у-у Машу-у-у!..» Довел его Спас до ручки своими замечаниями.

Так или иначе, но на сто тридцать пятом километре, там где торчала вышка непонятного назначения, он отдал команду свернуть с трассы на Хмелец, не доезжая, разумеется, до Ельца. Такой манёвр был оговорен с Якушевым заранее, только сделал Берзалов это гораздо раньше, чем было запланировано, да и свернул он не направо, собственно, в нужную сторону, а – налево, с тем, чтобы обойти Елец восточнее. Чёрт его знает, подумал он, может, я ошибаюсь, может, перестраховываюсь, но с трассы надо убраться именно здесь и в этот момент, и именно в эту сторону, иначе... Впрочем, что «иначе», он не знал. Спас не сообщал о подобных мелочах. Это было ниже его достоинства. Просто Берзалов сделал то, что Спас попросил. Разумеется, он понимал, что топлива может и не хватить даже в одну сторону, но надеялся разжиться им по пути. К тому же восточнее Ельца радиация была меньше. Берзалову даже не надо было смотреть на карту. Она у него была в голове – узкий клин, естественного зелёного цвета, протянулся через Донское до Усмани, где было всего-навсего каких-нибудь пять рентген в час. При таком уровне можно было не опасаться умереть в ближайшие два года. Тоже игра природы. В год войны ветра дули так, что радиация легла, как лепестки ромашки. И теперь

предстояло ехать от одного лепестка к другому. Так по крайней мере, планировали в штабе. Как ни хотелось Берзалову найти оба сгинувших бронетранспортёра, а тем более вертолёт, однако задание было важнее.

- Филатов, - приказал Берзалов водителю, - сворачивай влево. Федор Дмитриевич, вы слышите меня?

- Я здесь, - отозвался Гаврилов, который находился во втором бронетранспортёре.

Его бронетранспортёр шёл на расстоянии пятидесяти метров и неизменно высвечивался на экране под синей «галкой» номером один.

- Обойдём районный центр восточнее, а потом снова выйдем на трассу в районе Задонска.

Первые две группы разведчиков, которые погибли, двигались в других направлениях: капитан Веселов шёл через Орел-Курск-Белгород, старший лейтенант Жилин взял севернее через Железногорск. Первая группа пропала на пятые сутки в квадрате двадцать два, вторая продержалась целую неделю. К сентябрю и ноябрю все сроки вышли, и получилось, что сгинули, словно растворились в пространстве, полсотни человек. Причём людей опытных и дисциплинированных. Вертолёт, все, как один, сгинул в районе городка Поныри на севере Курской области. Было, о чём задуматься. Нет, решил Берзалов, мы будем хитрее. Мы эти районы обойдем. Нечего туда соваться. И я знать ничего не знаю. Пусть их кто-то другой ищет, у нас главное задание - неизведанная область. Район девять.

- Товарищ старший лейтенант!.. - раздалось в наушнике.

- Да, я слушаю.

- Как бы мы здорово не отклонились от маршрута, - высказал свои сомнения Гаврилов, и голос его, измененный дешифратором связи, был странен.

- Правильно делаем, - бодро отозвался Берзалов, которого тоже терзали сомнения.

- Я что-то не понял, дурилка я картонная... - озадаченно высказался Гаврилов. - Дальше сплошные радиоактивные поля.

- А вы обратили внимание, товарищ прапорщик, что первые две группы пропали как раз на чистой территории. Мы сейчас вроде бы как проигрываем в расстоянии, зато выигрываем в безопасности. Наша задача продержаться, как можно дольше.

- Ага, - согласился Гаврилов. - А горючее?..

- Обнаружим! - уверенно ответил Берзалов, хотя он, разумеется, сомневался. - Выйдем на какую-нибудь узловую станцию или склад найдём. Не может быть, чтобы всё сгорело. Заправок на трассе миллион.

- Я не подумал об этом, - признался прапорщик. - Может, он нас здесь и не ждёт?

- Кто, «он»? - уточнил Берзалов.

- Наш... невидимый противник, - отозвался, несколько не смутившись, Гаврилов.

- Будем надеяться, - отозвался Берзалов, хотя не разделял точки зрения прапорщика. Ему казалось, что его, противника, они встретят ближе к Харькову, где ему самое место. Продвинемся, обойдём по кругу, а потом уже будем бояться, думал он. Чтобы не побить ничей рекорд, мы пойдём другим путём.

И тут Колюшка Рябцев закричал, как оглашенный:

- Вижу!!! Вижу!!! Вижу!!!

- Да не ори, ты! - одёрнул его Берзалов, у которого в ушах аж зазвенело. - Оглашенный!

Прапорщик Гаврилов сказал в микрофон своим спокойным голосом, в котором, однако, звучали басовитые нотки:

- Я тоже вижу... Дурилка я картонная!.. Ох, картонная... Дубасов!!! Да не суйся ты вперёд, не суйся... мать твою... притормаживай... притормаживай...

Только после этого на экране СУО высветилась красная «галка» под номером пятнадцать. В этот момент они двигались по второстепенной дороге, и скорость уменьшилась наполовину.

- Стоп! - скомандовал Берзалов как раз перед началом квартала.

Бронетранспортёр остановился, как сноровистая лошадь, дёрнувшись корпусом вперёд, а потом - назад. Берзалов больно ударился плечом о решетку вентилятора, а Бур, который сидел впереди, рядом с водителем, выругался матом.

- Филатов! - возмутился Берзалов, - это что тебе, ралли Формулы один? - и не слушая его объяснений перешел к делу: - Чок! Рябцев старший! Архипов и Бур, за мной! - крикнул он, выскакивая через верхний люк.

Этому предшествовала минутная слабость. Казалось бы, он всё делал автоматически, как делал до этого сотни раз. Однако у него было такое ощущение, что он едва преодолевает слабость. Каждое движение давалось с трудом, словно воля

была парализована, и он так разозлился на себя, что буквально заставил двигаться тело. Прыжок на землю стоил ему резкой боли в правой лодыжке, и несколько секунд он хромал, не замечая, что идёт дождь – тёплый, редкий, мелкий, и что самое время рассвета, однако небо едва угадывалось – тёмное, низкое, и почти ничего не было видно, пока вдали не блеснула молния. Только тогда он увидел то, что вначале принял за гладкую, блестящую поверхность – грязь на дороге, а плоские тени, как декорации на сцене: корявые деревья – сосны, вязы с голыми верхушками, угрюмо цепляющиеся за низкое небо. Утешило одно: Архипов и Бур покинули бронетранспортёр ещё нерасторопнее и теперь стояли перед ним, испуганно озираясь и невольно втягивая головы в плечи – после тёплого бронетранспортёра снаружи было немного зябко.

– За мной! – скомандовал Берзалов, чисто машинально передергивая затвор автомата и ставя «переводчик» на очередь.

В его чудо-шлеме было встроено забрало «мираж»: в режиме полутени одновременно можно видеть то, что видишь ты и то, что видит твой партнёр. Такой чудо-шлем был только у Берзалова, его заместителя и у обоих командиров отделений.

Естественно, что Берзалов забрало не опустил: ночью «мираж» был малоэффективен из-за невысокой контрастности инфракрасного излучения. Берзалов подумав, что, кто бы там не был в этой темноте, он очень даже неосторожен, раз позволил себя обнаружить. А ещё он помнил свет в окне и нашёл на карте здание школы, что позволило им идти не вслепую, а целенаправленно: через две улицы на третью, где были обозначены сквер и спортивная площадка.

Снова ударила молния – далеко, так что звуки грома донеслись лишь через несколько секунд. Мир стал плоским, как бумага. В темноте на мгновение высветился бетонный забор и какие-то строения типа трансформаторной будки и конечно же, дома с блестящими стёклами – всё с длинными, контрастными тенями – всё неживое, мертвое. За будкой находился детский сад, такой заросший, что его пришлось обходить вдоль забора.

– Товарищ старший лейтенант!.. Товарищ старший лейтенант!..
– раздалась в наушниках мольба Бура.

– Ну?.. – ответил Берзалов, ожидая следующую вспышку с юга, где шёл настоящий ливень и где сейчас по земле бежали бурные потоки радиоактивной воды.

– Я автомат не взял... ага... – в голосе Бура слышались истерические нотки.

- Почему? – терпеливо спросил Берзалов, безуспешно вглядываясь в темноту и жалея, что не захватил ночной бинокль. С другой стороны, молнии слепили бы.

- Ну вы же сами назначили меня огнемётчиком, а автомат я в кузове оставил...

- А что ты взял? – уточнил Берзалов, все ещё спокойный, как слон.

- Ничего... ага...

- Тьфу ты! Вашу-у-у Машу-у-у!.. – Берзалов выругался и оглянулся.

Бронетранспортёра уже видно не было. Посылать бойца назад было опасно – заблудится, как пить дать. Потом ищи дурака. Если же вернуться втроём – можно было лишиться оперативной неожиданности. Может, противник их уже засёк и меняет дислокацию? Хотя, с другой стороны, Ефрем Бур был отчасти прав – тащить с собой такую бандуру, как «шмель-м», глупо. Правда, огнемётчику автомат был не положен, в бою его прикрывали другие стрелки. Однако в нынешней ситуации один боец был за троих. По-другому никак не получалось. На то она и разведка, чтобы в ней все были универсалы.

- Почему?

В темноте лицо Бура белело, как алебастровая маска.

- Не успел... – произнёс Бур таким тоном, словно во всём был виноват Берзалов и Архипов в придачу.

- Архипов! Иван! – начал заводиться Берзалов, – почему не следишь за бойцом?!

- Виноват, – бодро ответил Архипов, и глаза его недобро блеснули.

Архипов был славен тем, что из ста очей выбивал девяносто девять, а автомат был естественным продолжением его руки. Командиром он был хорошим, понимал, что к чему, и держал подчиненных в ежовых рукавицах, особенно таких, как Бур.

- Бур, ещё одна подобная выходка, будешь за подразделением рюкзаки таскать! – разозлился Берзалов.

- Слушаюсь... – промямлил Бур.

- Слушаться надо было маму, – съязвил Берзалов в своей обычной манере сквозь зубы. – А здесь война, здесь надо думать головой! На черта мне боец без оружия?! Какая от тебя польза? Мишень ходячая!

Бур едва не провалился от стыда под землю. Даже в темноте было видно, что уши у него стали пунцовыми, а губы дёргались, как у паралитика, но ничего не произносили. Да и какие оправдания можно было привести в данной ситуации? Никаких. Так что получалось, Бур был кругом виноват, от ушей до пяток. И даже дыхание его было виновато.

- Товарищ старший лейтенант, - сжалился Архипов, - я ему пистолет дам?

- Ну дай, - согласился Берзалов. - Смотри, чтобы нас не подстрелил. А откуда у тебя пистолет?

- Трофейный...

- И глаз, и глаз за ним, а то куда-нибудь убежит!

- Слышал, боец?! - раздалось за спиной, и, кажется, Бур заработал оплеуху, но Берзалову было всё равно, как Архипов будет муштровать Бура, лишь бы был результат.

Не оборачиваясь, Берзалов проскользнул между домами. Только теперь он обратил внимание на дождь и к нему словно вернулся слух - дождь шелестел тихо, неназойливо, почти как в Санкт-Петербурге, когда они встречались с Варей. Некоторое время он думал о ней, вспоминал кусочек их короткой семейной жизни, в которой всё-всё было просто великолепно - даже их мимолётные ссоры, из-за которых он страдал и которые теперь казались милыми-милыми. Затем вдруг недалеко раздался собачий лай. Обычно так собаки лают не когда обнаружен посторонний человек, а от скуки, от тоски, что, собственно, соответствовало моменту и обстановке - атомному веку и мрачному городу. Совсем близко промелькнула тень, и Берзалов тихо поцокал. Полез в боковой карман, где у него была початая пачка печенья. С собаками он умел обращаться ещё с детства.

Пёс вынырнул из темноты в тот самый момент, когда ударила очередная молния и мир в очередной раз стал плоским, как бумага. Разумеется, пёс услышал шелест упаковки и, наострив уши, послушно уселся перед Берзаловым.

- Хороший... - обрадовался Берзалов, - хороший...

Пёс напомнил ему сеновал и давний-давний момент жизни, когда он подкармливал щенков конфетами «золотой ключик». Щенки вылезали между прессованными тюками сена и, урча, лизали угощение. Тогда он выбрал себе Рекса. Хорошее было время, беззаботное, а главное - мирное, и от этого приятное сердцу.

- Товарищ старший лейтенант, - почтительно спросил Архипов, с опаской заглядывая через плечо, - не боитесь?

- Не боюсь, - ответил Берзалов и протянул псу печенью.

Тот взял осторожно, не жадно, едва коснувшись брылами руки, из чего Берзалов сделал вывод, что пёс не голоден и знаком с людьми. Он скормил ему полпачки, потрепал по холке, и они стали друзьями. Однако на Бура пёс почему-то зарычал. Архипов, сияя, как медный тазик, сдавленно засмеялся, тем самым ставя Бура на самую низшую ступень иерархии, даже ниже пса. А как ты хотел? - подумал Берзалов. Назвался груздем, полезай в кузов. Нет у нас времени, читать лекции, как себя вести в разведке, надо схватывать на лету.

- Тихо! - замер он и прислушался.

В городе родился жуткий звук, словно кто-то открыл ужасно-ужасно скрипучую дверь. Звук был таким мощным, что от него задрожал воздух и по коже пробежали мурашки. Пёс вдруг вырвался из рук, словно его окликнули, и растворился в темноте.

- Я боюсь... я боюсь... - подал голос Бур, отступая и упираясь спиной в стену дома. Его зубы клацнули, как старый, ржавый капкан.

- Заткнись... - посоветовал ему Архипов, стараясь определить направление звука, но это сделать было трудно, казалось, звук приходит одновременно со всех сторон. Он словно был частью пространства и не имел конкретного источника. Странный был звук. Таких звуков на земле не бывает. Кажется, что Бур даже всхлипнул. У него были все основания пожалеть о своём опрометчивом желании попасть в глубокую разведку.

И тотчас в наушнике раздался заботливо-тревожный голос Гаврилова:

- Роман Георгиевич, у вас всё нормально?

- Нормально, - ответил Берзалов. - А у вас?

- Нормально, заняли оборону, ждём вас. А что это было?

- Не понял. Скрип какой-то.

- Мы тоже ничего не поняли, но звук больно нервный, аж за живое берёт.

- Ладно, до связи, - отключился Берзалов и скомандовал: - Вперёд...

После молнии наступила темнота. Они рысцой пересекли дорогу и спрятались за домом на противоположной стороне улицы.

Казалось, город, название которого Берзалов забыл, спал. Спали люди в нём, спрятавшись от дождя, спали большие и малые предприятия, магазины, заводы и фабрики – с тем, чтобы утром проснуться и заняться своими обычными делами. А утром забегают машины, троллейбусы будут подвывать, набирая скорость, на рынке будут переругиваться торговки семечками, потянется люд со всех сторон, и закипит та обыденная и милая сердцу жизнь, которую мы безвозвратно утратили. По крайней мере, Берзалову так казалось. Он уже и не чаял увидеть то светлое будущее, о котором пророчествовал его друг Славка Куоркис. Тогда бы он испросил отпуск на неделю и смотался бы в Санкт-Петербург, к Варе, и они куда-нибудь закатились бы, или в Лосево, или в Выборг, чтобы бесцельно бродить, глазеть, обедать в ресторанчиках и заниматься любовью в гостинице. И если прошлое и будущее перемешалось для него во что-то невероятно сложное и чувственное, то реальность была такова: вернулся пёс и, сунув морду под руку, потребовал вторую половину пачки. А ведь он прав, решил Берзалов, прошлое не даёт нам потеряться в настоящем, и от этого никуда не денешься, это наш крест.

– Товарищ старший лейтенант... – прошептал Архипов так, как молятся на икону, – свет...

– Вижу... – отозвался Берзалов почти-то с облегчением, потому что угроза, таящаяся в темноте, перестала быть таинственной и приняла зримые очертания.

И действительно, после очередной, почти что беззвучной вспышки, темнота не сделалась полновластной хозяйкой мира, а словно разделилась на до и после молнии, да и сам мир из плоского вдруг стал привычным, трехмерным и не таким жутким, потому что на стене углового дома лежали блики огня.

– Близо, – согласился Берзалов, – совсем близо... – и невольно перешёл на тот бесшумный шаг, которым привык подкрадываться к противнику.

Нет, он практически не боялся, но испытывал страшное сопротивление, словно тело двигалось против воли, словно Спас предупреждал таким странным образом и даже в чём-то переусердствовал. Бур усердно сопел с пистолетом в руках. Архипов двигался, как тень, на цыпочках, держа автомат наперевес, как держат его профессионалы – стволом вниз, предпочитая не вскидывать, а одним движением проложить «дорожку» в сторону противника, потому что в ближнем бою

нет времени прицелиться. И Берзалов внезапно подумал, что совершил величайшую ошибку, поддавшись страху и отправившись на разведку самолично. Таким образом, он в один момент поставил на кон судьбу всего задания. Если меня сейчас убьют, думал он, то Гаврилов не справится, а может, и справится, кто его знает? Но это ещё вопрос. Однако то, что я бездумно рискую, совершенно очевидно. Хотя по-другому я не могу, я просто обязан был что-то сделать, иначе можно свихнуться от этих мыслей и неуверенности. Страх сильнее рассудка. Он делает тебя рабом. Выжимает из тебя все соки, если... если с ним не бороться, ты погиб. Поэтому я правильно отреагировал. В данном случае риск оправдывает цель. Только всё надо сделать с умом.

Пока он так думал, снова появился чёрный, остроухий пёс и, оглядываясь и кружа, повёл их. Они беззвучно, как кошки, пересекли за ним квартал, прячась в тени домов, и вышли на следующую улицу. Пару раз пёс оглянулся, словно призывая следовать за ним, и глаза его, как казалось, Берзалову, блеснули голубым светом. Если кто-то и глядел из слепых окон, то вряд ли что-то заметил. Разве что неясные тени? Но мало ли теней в этом чёрном, плоском мире?

Свет горел в окнах школы втором этаже. И хотя он был не ярким, а скорее тусклым и жёлтым, всем он показался чуть ли не прожектором в ночи. Что же это такое? – с тревогой подумал каждый, а Бур даже перестал дрожать и принялся, сжимая пистолет, тарашиться так словно из-за каждого угла на него вот-вот выскочит «дуб» или какой-нибудь монстр. Впервые у Берзалова что-то отпустило в душе и на какое-то мгновение он расслабился и стал тем прежним, каким себя, собственно, воспринимал.

Должно быть, кто-то жёг костер на кухне, потому что свет дрожал, а в углу окон были видны следы от копти и кафель на стене, а ещё форточка в крайнем окне была открыта и лёгкий дым струился из неё.

– Чок! – Берзалов жестом показал, что Архипов прикрывает его справа, а Бур идёт последним, оберегая тыл. Правда, с его пистолетом это было проблематично.

Слово же «чок» означало «внимание, собраться и не болтать и вообще, думать о вероятном противнике, тогда есть шанс не быть убитым первым».

По краю школьного двора промелькнул пёс и пропал там, где была дверь. Берзалов снова дождался вспышки молнии и, пробежав под звуки далёкого грома до крыльца, проскользнул

внутри. Конечно, это было не по правилам. Конечно, надо было выждать, прислушаться. Давно забытое ощущение «голой спины» вернулось к нему, и он с облегчением почувствовал прежнюю уверенность, страх же перешёл в ту стадию инстинкта, когда он становится помощником, а не врагом, ослабляющим тело.

- Чок!

Они замерли, возбужденно дыша в тамбуре и обратившись в слух. Шелестящий звук дождя стал глуше, и каждый из них пытался уловить в нём что-то новое, идущее сверху, со второго этажа. Но было тихо и даже сонно, как только может быть сонно на рассвете, когда всё и вся спит и видит последний-последний сон.

Берзалов толкнул от себя следующую дверь. Она открылась на удивление бесшумно, и они очутились в школьном вестибюле, где с одной стороны когда-то была гардеробная, а с другой – буфет. Но теперь всё было разгромлено и валялось на полу грудями мусора. Пахло, как обычно пахнет в заброшенных помещениях, тленом и пылью, а ещё примешивался слабый запах костра.

Есть удивительное свойство у цивилизации: в отсутствие человека всему моментально приходит в упадок, Дальше будет только хуже, думал Берзалов, осторожно ступая между экспонатом человека в натуральный рост с оторванными руками и старым плакатом по географии, дыра на котором находилась как раз там, где была Африка. Мысли текли привычно, как старое русло реки. Он снова вспомнил Варю, сказал себе, что любит её, а какую-то там Олю, которую он уже и не помнил – не любит, что Славка Куоркис – верный друг, а Жора Твердохлебов из их курсантской роты, должно быть, уже погибший, никуда не годится как командир, потому что задирает нос и вообще ведёт себя заносчиво даже со своими, что Федор Дмитриевич мужик что надо, с умом, а Генка Белов – балаболка, что жизнь сложна и опасна в новый атомный век, что...

- Чок! – услышал он в наушнике предупреждение Архипова да так и замер с поднятой ногой.

Движение пришло сбоку из крыла, где, как и в любой школе, располагались туалеты. Вслед за дуновением ветра раздался едва слышимый звук – словно ветки стучали в окна. Пёс, должно быть, решил Берзалов и метнулся, как тень, готовый разрядить рожок в любого, кто окажется на пути. Но это оказалась всего лишь оконная створка, колышущаяся от сквозняка. В узком пространстве туалета Берзалов со своим длинным АК-74М

чувствовал себя не очень уверенно. Сюда бы подошел автомат с укороченным стволом, но в отделении ими не пользовались, потому что в реальном бою такое оружие было неэффективным.

Он повернулся встретился глазами с Архиповым, который всё понял без слов, и они стали осторожно подниматься на второй этаж. Под ногами скрипели песчинки, и хотя Берзалов знал, что такой звук распространяется не дальше двух-трёх метров, он всё равно двигался синхронно звукам грома, выбирая на лестничном пролете место, куда можно было смело ставить ногу. Идущим за ними Архипову и Буру было легче, они в точности копировали его движения. Молнии сверкали всё чаще и чаще, и отблески, падающие сквозь окна, ложились на школьные стены и пол. И всё равно, несмотря на все старания и ухищрения, их услышали.

Дверь в столовую оказалась выбитой. Последние три ступени Берзалов преодолевал особенно осторожно. Архипов страховал лестничный пролёт на третий этаж, а Бур, нет чтобы прикрывать тыл, бестолково топтался позади со своим никчёмным пистолетом. У Берзалова, как и у Архипова, не было времени вразумлять его.

Роман приподнялся и увидел: в центре вяло горел костер, сложенный из двух огромных тополиных стволов, поэтому и тлел он – долго и равномерно: древесина выгорала изнутри и могла гореть так всю ночь до рассвета и ещё полдня. По обе стороны бревен валялись матрасы и стояла какая-то посуда. Но столовая, судя по всему, была пуста. Впрочем, это надо было проверить. Берзалов подал знак Архипову, а сам взял под прицел правое крыло школы. В этот момент как раз ударила молния и свет из окон упал в коридор. Берзалову он показался пустым, с парой стульев и партами в самом конце да с распахнутыми кое-где дверьми. Однако как только молния погасла, вопреки всякой логике, он увидел тень с парой глаз, которую, собственно, в темноте увидеть было невозможно. Скорее, даже не тень, а намёк на неё, похожий на человека. А ещё – если бы не вспышка молнии, взгляд не выхватил бы из пространства несоответствие глубины коридора и предметов в нём. Именно за тенью коридор был бесконечен и тянулся далеко-далеко, явно за пределы школы, и сужался в самом конце. Берзалову стало очень и очень интересно, и он решил исследовать это явление, однако в тот же момент в столовой раздались крики:

– А-а-а!!!

Берзалов развернулся и бросился на помощь Архипову. Тут ещё Бур бестолково путался под ногами, не зная, куда пристроиться со своим усердием и пистолетом руках.

Кричал мальчишка, которого Архипов крепко держал за шиворот.

- Прятался под матрасами, - сказал Архипов. - Ух, ты, чертёнок, кусается!

И так у него здорово получилось, такое было серьёзное лицо, будто он только и делал всю жизнь, что вытаскивал из-под матрасов детей.

- Тебя как зовут? - спросил Берзалов, полагая, что Архипов-то в своём усердии не перегнёт палку.

Однако мальчишка заорал ещё усерднее, словно призывая кого-то помощь. Берзалова охватило беспокойства: бог знает, кто прибежит на этот крик. Может кровожадный «дуб», а может, толпа нагрянет. Так и хотелось спросить: «Чего бы орёшь?!»

- Отпусти его, - сказал Берзалов.

- Так убежит же! - возразил Архипов.

Выглядел он со своим большим лицом, с большой челюстью и огромными руками более чем застенчиво, словно говоря всем своим видом: «Я не хотел!»

- Не убежит. Правильно мальчик?.. Отпускай.

Архипов отпустил, и крик тут же прекратился. Правда, мальчишка сразу же, не успев коснуться пола, ловко сунулся вправо, влево. Берзалов, даже не сразу понял, что это обманные манёвры, и потом, когда запутался окончательно с этим сорванцом, обнаружил в руках всего лишь куртку, потому что малец ловко нырнул у него между ног и был таков. Вот когда пригодился Ефрем Бур, стоящий в дверях. Оказывается, он обладал изрядной долей ловкости, потому что умудрился при всей своей толщине ухватить пострела и плотно взять его в клещи. Лицо у Бура при этом засияло от счастья. «Вот видите, я же вам говорил, что пригожусь!»

- Молодец, боец! - похвалил его Берзалов и хмыкнул. - Ловко он меня обвёл вокруг пальца!

Пожалуй, впервые за сутки Берзалов улыбнулся. Ему даже стало весело, и на какое-то мгновение он забыл о странной тени в странном коридоре. Ещё бы: это было похоже на незнакомый приём в боксе. Если ты его не знаешь, это не значит, что он не существует, А вот уже во второй и в третий раз будешь во всеоружии. Однажды в бою за чемпионский пояс WBA с Джинни Монгсом Берзалов получил такой комбинированный удар через руку правой и левой по печени. Фокус заключался в том, что он

попал в определённое положение на средней дистанции, когда нужно было сделать шаг назад, но ты не успел сделать его. Противник этого ждал, и у него была заготовлена комбинация, как ключик к замку. Берзалов едва достоял до конца пятого раунда, потому что удар в печень очень болезненный и лишает сил. Хочется упасть, отползти в угол и там забыться. В перерыве тренер, хотя и орал на него, но смотрел, как на покойника: с отбитой печенью никто не воет, а удар левой у Монгса был дай бог каждому. И всё же в девятом Берзалов его поймал из всё того же положения, только с опережением и не с шагом назад, а с коротким нырком под руку, когда оказываешься словно в мертвой зоне, ну, и, разумеется, с тычком в висок. От этого удара Монгс улетел в синий угол и подняться уже не мог. Хорошее было время, подумал Берзалов, весёлое и беззаботное, а я ещё и кочевряжился, не нравилось оно мне, дураку.

- Что же ты убегаешь? - вполне миролюбиво спросил он, присаживаясь на корточки перед беглецом, чтобы не пугать его и быть на короткой ноге. - Мы тебе ничего плохого не сделаем. Куртку свою потерял...

Малец извивался в медвежьих объятиях Бура с таким неистовством, что Берзалову на мгновение стало страшно за его кости.

- Мы свои, военные, никто ничего тебе плохого не сделает! Слышишь?!

Мальчишка замер, вперившись в него яростным взглядом:

- А не врешь?!

Был он маленький, тертый, с длинными белыми локонами, торчащими из-под синей вязанной шапки, конечно, чумазый, дальше некуда. Даже черты лица было трудно разглядеть.

- Честное военное, - с усмешкой ответил Берзалов. - Чтоб я сдох!

- Пусть он меня отпустит! - задрал малец глаза на Бура.

- А убежать не будешь?

- Не буду, - пообещал он с таким видом, что верить ему почему-то не хотелось.

- Отпусти его, Бур.

- Правда, военные? - спросил мальчишка, поправляя на себе одежду, как очень и очень самостоятельный человек, знающий себе цену.

Куртка у него была на две размера больше, и он легко выскакивал из неё, как из простыни.

- Правда, правда, - сказал Архипов. - С севера мы.
- Врёшь... - убеждённо ответил мальчишка, - на севере жизни нет! Москвы нет! Пскова тоже нет! - привёл он свои аргументы.
- Этого как его, Питера нет...
- Нет, согласен, - кивнул Берзалов. - А жизнь есть.
- Чем докажешь? - очень по-взрослому спросил малец.
- Ну не знаю... - помялся Берзалов, пряча улыбку. - Чем мы докажем, ребята? - он подмигнул на Архипову и Буру, мол, давайте, подыгрывайте.
- У Архипова было очень массивное лицо, с тяжёлой, как тиски, челюстью, с остановившимся, почти бессмысленным взглядом - он слушал то ли шум дождя, то ли считал молнии. Бур же, как всегда, расслабился до невозможности, и Берзалов понял, что зря взял его, солдат из него был никакой. Не умел он ни концентрироваться, ни постигать ситуацию. А главное - не думал, совсем не думал, что место-то опасное.
- Во! - неожиданно сказал Бур. - У меня книжка есть про Серпухов. Только она в рюкзаке.
- Бур, ты зачем всякую дрянь таскаешь с собой?! - возмутился Архипов, который отвечал за снаряжение бойцов. - Вернёшься, два наряда плац чистить!
- Да книжка та малюсенькая... - стал оправдываться Бур.
- Три наряда...
- Да я... ага...
- Четыре наряда!
- Ага... - сказал Бур.
- Ну вот видишь, - сказал Берзалов, не обращая внимание на перепалку Бура и Архипова, хотя, конечно, Бура следовало в очередной раз примерно наказать, - мы действительно с севера.
- Это ещё ничего не доказывает, - возразил малец.
- Доказывает! - дёрнул его за плечо Бур. - Вернёмся, я тебе книжку дам посмотреть, ага.
- Логично, - согласился малец.
- Тебя как зовут?
- Кец.
- Кец? - удивился Берзалов.

- Пайка хлеба на жаргоне, - со смешком объяснил Архипов, однако не теряя бдительности и внимательно следя за входной дверью.

По правде, и у Берзалова было такое ощущение, что их подслушивают. Не нравится мне коридор, ох, как не нравится, подумал он, и тот, кто там, внутри, тоже не нравится.

- В одном кармане соль, в другом - хлеб. Отщипнёшь кусочек, макнешь в соль и - в рот, - сказал Кец. - А пострелять дашь? - Кец зачарованно притронулся к автомату.

- Да, - пообещал Берзалов. - Откуда сам родом?

- Из Липецка...

Берзалов с Архиповым понимающе переглянулись. Мальцу было от силы лет восемь. Это значило, что, по крайней мере, с семи лет он жил самостоятельно, что само по себе удивительно.

- Ну ладно... Кец, так Кец... - терпеливо согласился Берзалов, полагая, что о родителях потом расспросит. - А чего ты здесь один делаешь?

У Архипова вдруг сделалось очень тревожное лицо, и он показал жестом, что чувствует опасность. Берзалову уже давно хотелось убраться из непонятной школы. Впрочем, в следующее мгновение Архипов показал, что предположительно ошибся, и тихонечко двинулся к двери, держа автомат на изготовку и поводя головой из стороны в сторону, чтобы уловить звуки.

- Живу, - с вызовом ответил Кец, всё ещё не очень им доверяя и посмотрел на Берзалова очень даже по-взрослому.

- Тоже логично, - беспечно засмеялся Бур и почесал себе лоб дулом пистолета.

- Боец, ты лучше за окнами следи, - посоветовал ему Берзалов.

- Ага... следить... - дёрнулся Бур, но остался на месте, потому что ему было интересно.

- А собака твоя?

- Какая?

- Чёрная, остроухая?

- Моя.

- А где она?

- Сэр! Сэр! - позвал Кец.

Из того самого коридора, где Берзалову привиделась странная тень, вынырнул знакомый пёс. При тусклом свете костра он выглядел ещё значительнее: с бело-сахарными зубами и ушами торчком. Агатовые глаза были умными, умными, ну и конечно, пушистый хвост кренделем. Не пёс, а загляденье.

- Фу-у-у... - с облегчением согласился Берзалов. - Напугал... Значит, Сэр? - он снова взглянул на Архипова, который выглядывал в коридор и у которого всё ещё было очень напряженное лицо. Не доверял он увиденному и правильно делал.

Похоже, что там ещё кто-то есть, решил Берзалов, Архипов зря напрягать не будет. Сэр вежливо помахал хвостом и вывалил ярко-красный язык.

- А ты один здесь живёшь? - спросил Берзалов со всё нарастающим беспокойством.

- Один... - ответил Кец уже спокойнее.

- А бревна? - спросил Берзалов, поднимаясь и разминая ноги.

- А бревна кто-то притащил, - убеждённо произнёс Кец.

Врёт, наверное, подумал Берзалов. Три матраса, еда - по нынешним меркам совсем неплохая: килька в томатном соусе и чёрные маслины. Из ближайшего магазина, решил Берзалов. Только он собрался спросить о родителях, как Кец страшно сморщился и с криком: «Скрипей!» спрятался под матрас.

В следующее мгновение и они услышали знакомый звук. Воздух в кухне задрожал. Казалось, что стёкла прогнулись и едва не вылетели наружу. Пёс по кличке Сэр моментально исчез, а Бур бестолково заметался по кухне, опрокидывая стулья и остатки утвари. Берзалову и самому хотелось залезть вслед за Кецом под матрас.

- Уходим! - крикнул он.

- А мальчишку?! - крикнул Архипов, держа коридор под прицелом.

- Бур! - К его чести он очухался мгновенно, словно не носился, как ошпаренный по бане. - Хватай мальчишку!

- Слышь, пацан!.. - Бур стал выволакивать Кеца из-под матраса.

- Ах, ты гад! Пинается!

- Архипов, прикрывай! - Берзалов с опаской выглянул в коридор, памятуя, что в нём ещё кто-то был, кроме Сэра.

Скрипей всё ещё выводил свои жуткие ноты. Теперь он был даже громогласней, чем в первый раз. Руки сами тянулись заткнуть уши. Однако звуки, от которых, казалось, не было спасения, оборвались так же внезапно, как и возникли, и Бур наконец справился с Кецом. Он обнял его словно большую куклу, а сверху прижал пистолетом.

В тот момент, когда Берзалов вслед за Сэмом и Буром пересекали коридор в сторону лестничной площадки, заговорил автомат Архипова.

Они уже скатились на первый этаж, путаясь в школьном инвентаре, и пулей выскочили во двор. Сэр бежал рядом и хватал Берзалова за левую руку, призывая двигаться быстрее. Бур улепётывал так, что пятки сверкали. А Архипов всё стрелял и стрелял. Но Берзалов был спокоен за него, потому что Архипов хорошо знал своё дело. Он догнал их, когда они уже перебежали последнюю улицу перед трансформаторной будкой. Через две минуты прапорщик Гаврилов уже докладывал по всей форме БЧС, то есть боевой и численный состав. Но и одного взгляда было достаточно, чтобы удостовериться, что с группой всё в порядке.

- Уходим! - скомандовал Берзалов, не дослушав Гаврилова.

У него было такое предчувствие, сродни «голой спине», что их выслеживают. А кто или что - не понятно. Но Скрипей точно. А любая непонятность в военном деле - это источник опасности.

- А пёс? - недоумённо спросил Гаврилов по локальной связи, когда все очутились в бронетранспортёрах.

- Какой пёс? - коротко спросил Берзалов, включая СУО и сканер.

Система управления огнём ничего не показала, как, впрочем, и сканер, который не обнаружил в радиусе ста километров ни одной работающей радиостанции. Ну и слава богу, подумал Берзалов, меньше хлопот.

- Чёрныш... - ответил Гаврилов. - Сунулся к нам в компанию.

- А-а-а... - вспомнил Берзалов. - Это наш.

- Я так и понял, - добродушно сказал Гаврилов.

- Сэром зовут. Накормить и обогреть.

- Есть накормить и обогреть. А мальчишка?

- Мальчишка тоже наш. Не оставлять же его здесь?

- Ну да... логично... - степенно, в противовес нервозности командира, согласился Гаврилов. - Я только не успел доложить,

что пока вас не было, в окрестностях кто-то шастал, то ли люди, то ли животные. Они пришли со стороны Липецка.

- Липецка? - удивился Берзалов. - Там, поди, радиация сто рентген?

- Ну не знаю... - отозвался Гаврилов, тем самым давая понять, что начальству виднее. - А куда двигаем дальше?

- Назад нельзя, - нервно ответил Берзалов. - Если нас выслеживают, то будут ждать на выходе из городка. - Он мельком сверился с картой, хотя помнил её наизусть. - Давай прямо в сторону Архангельского, а там посмотрим! Ах, да, Федор Дмитриевич, прикажите всем принять американские таблетки.

- Есть принять таблетки, - как эхо отозвался Гаврилов.

- И собаке дайте, как-никак живая тварь.

- Полтаблетки, - со знанием дела сказал Гаврилов.

Берзалов вспомнил, что Гаврилов с пограничной заставы и, стало быть, умеет обращаться с собаками. А ещё он подумал, что при умеренной радиации рак псу не грозит, потому что жизнь у него и так короткая по меркам человека, и он умрет раньше, чем рак убьёт его. Потом он нагнулся и посмотрел назад: Кец сидел между Архиповым и Сундуковым Игорем и что-то им втолковывал с очень серьёзным видом. Вот же чертёнок! - непонятно почему восхитился Берзалов. А ещё Кеца страшно интересовал бэтээр, и он периодически кидал восхищенные взгляды на устройство отсека. Хороший парень, неожиданно подумал Берзалов и дал команду Климу Филатову:

- Вперёд! Всем выпить таблетки, и мальчишке дайте.

- А если он не захочет? - спросил Бур, который оправился от страха и занял своё место рядом с водителем.

- Архипов, обеспечь! - скрывая улыбку, сказал Берзалов. Нравился ему мальчишка, чем, непонятно, но нравился. - Кстати, ты в кого стрелял?

- Да тип там какой-то шастал, - ответил Архипов так, словно извинялся за причиненное беспокойство. Была у него такая чёрта характера - извиняться за то, за что извиняться не надо было. Исключительно добросовестным был Архипов и очень правильным.

- Ну да... - согласился Берзалов. - Мне тоже кажется, что я видел, как блеснули глаза.

- Я глаз-то не видел, я видел тень, - всё с той же серьезностью ответил Архипов.

- Я тоже видел тень... - только сейчас понял Берзалов.

- Думаете, следил за нами?

- А бог его знает, - ответил Берзалов, переживая свою промашку.

Значит, там был человек? - удивился он. Но ведь на самом деле человека я не видел.

И они понеслись в ночь дальше. Уже заметно рассвело, и серые майские сумерки делали мир привычным и узнаваемым, а связи всё не было и не было. Вместо этого эфир был наполнен шорохами и разрядами. А сканер так и не находил вероятного противника.

- Рябцев, давай мне связь с базой! Связь нужна!

Колюшка Рябцев хотел было сказать: «Не верю!» и поспорить горячо со вкусом, как он любил, но вовремя вспомнил, с кем разговаривает, и взялся за танкетку:

- Руслан, Руслан, я Алмаз, я Алмаз. Как слышите? Приём.

- Вызывай, вызывай, - велел Берзалов в ответ на недоумённый взгляд Колюшки Рябцева, который, должно быть, давно решил, что надрываться бессмысленно, потому что в эфире раздавался один бесконечный космический гул.

Страх, который было отпустил его, пока он ходил в школу, снова принялся теревить душу. И Берзалов стал сомневаться, правильно ли всё сделал.

Связи не было и в пять, и шесть, и в семь, а в восемь, когда они порядочно отъехали от Хмельца и когда распогодилось и даже из-за облаков нет-нет да выглядывало солнце, Берзалов скомандовал привал. Он как раз заметил за берёзовой опушкой поляну и приказал двигать туда. СУО показывала отсутствие противника в радиусе пяти километров, а радиация была в норме, каких-нибудь семь-восемь рентген.

- Федор Дмитриевич, выставь охранение. Разбей бойцов на двойки и займи позиции. Всем спать два часа.

Небо на юго-западе было тёмным и мрачным. Там то и дело сверкали зарницы без грома. Бронетранспортёры замаскировали камуфляжными сетями. Гуча испросив разрешения развести костёр, сбегал в речке, которая текла в овраге, и принёс два ведра воды для чая.

- Я, товарищ старший лейтенант, полагаю, что чайком мы себя можем побаловать?

Лицо у Гучи, как всегда, было несерьезным, на нём застыла смесь плотоядной ухмылки и готовности услужить.

- Можем, - согласился Берзалов, - смотри, чтобы только дыма не было.

- И не будет, будьте спокойны, - заверил Гуча, - я после недельного сидения в яме до сих пор напиться не могу. И зачем меня мама рожала?

- А чего так?

- Да ржавой селёдкой кормили, гады, а пить не давали. Я в жизни столько селёдки не ел и последние сутки точно не выдержал бы, почки вообще посадил, - пожаловался он с коротким смешком, тем самым давая понять, что добро помнит и не забудет до гробовой доски.

Гауптвахты, как таковой в виде здания, в гарнизоне, разумеется не существовало, её заменяла «яма» глубиной три с половиной метра, обустроенная, правда, лежаком и ведром. Сверху «яму» накрывали решёткой, а во время дождя - ещё и плёнкой, да и то только если караул снизойдёт. Режим, конечно, в отличие от «ям» для солдат противника, был мягким: кормили, как положено, три раза в день, а уж что давали, то это исключительно на совести коменданта. Так что Гучу, похоже, проучили, если не от души, то по крайней мере, с чувством выполненного долга, так чтобы пробрало до копчика и не тянуло нарушать воинскую дисциплину.

- Меньше пить будешь, - равнодушно посоветовал Берзалов, полагая, что совет всё равно не поможет. Гуча как искал приключений, так и будет продолжать их искать.

- Это точно, - подобоострастно согласился Гуча, - водка нас погубит.

Берзалов нашёл себе местечко под осиной, бросил коврик, расстелил спальник и, не снимая ботинок, а только расшнуровывая их, завалился спать. Даже учитывая, что они весь день собирались, а потом не спали всю ночь, ему нужно было не более часа, чтобы прийти в себя.

Ровно через час он проснулся свежим и бодрым. Солнце висело высоко, юго-запад по-прежнему был мрачен, там гроыхали далёкие зарницы, здесь же щебетали птицы, даже порхали ранние бабочки - вроде как и войны не было, только настроение стало препаскуднейшим: приснился ему север и родители, а

ещё собака Рекс, и как всё было хорошо в той предвоенной жизни, только Варя, как всегда, не приснилась. Хотелось ещё помечтать, но он заставил себя подняться и подойти к костру, который был разведён со знанием дела – в яме, а дым выводился через канаву в овраг. Такой костер можно было обнаружить, разве что учуяв его. А СУО зачем, а сканер? – с некой гордостью за ВДВ подумал Берзалов и почувствовал себя в безопасности.

– Товарищ старший лейтенант, чайку? – предложил Гуча, то бишь Болгарин, который был дневальным и который уже успел перемазаться, как трубочист.

– Как ты думаешь, Андрей, есть ли в мире справедливость?

Гуча удивился и ответил, едва заметно пожав плечами:

– Конечно, есть. Вот вы меня вытащили из «ямы». Это справедливость. Или Буру помогли.

– Как? – в свою очередь удивился Берзалов, хотя, конечно, подразумевал совершенно другую справедливость, вселенскую, что ли? От которой всё зависит, родина, бригада, их глубокая разведка в том числе. Да и вообще, ему казалось, что справедливо было бы, если бы они всё-таки выиграли, а не проиграли эту третью мировую войну. Американцы почему-то так и не удосужились закрепить успех. А может, ждут, когда мы здесь от радиации сдохнем? – предположил Берзалов. Многие в дивизии задавали себе этот вопрос, но вразумительного ответа как не было, так и нет.

– Ну... исполнили его мечту, – простодушно объяснил Гуча, пряча глаза.

Берзалов давно заметил, что здоровяк Гуча с офицерами ведёт себя весьма скромно, показывая всем своим видом, что он не такой буйный, как кажется. Но глаза его выдавали с головой. В них нет-нет да и проскакивали искры безумия. Впрочем, Берзалову было не до психоанализа. Психоанализ в армии с лихвой заменяет устав, и Гуча это прекрасно осознавал, но иногда залетал, вот его и учили с помощью ржавой селёдки и ямы.

– Он что, мечтал попасть в разведку?! – спросил Берзалов с иронией, будто никогда не слышал о Буре.

– Да не только в разведку. Он мечтал завоевать уважение.

– А-а-а... – понимающе согласился Берзалов. – Считаю, что это ему удалось.

– Правда?.. – искренне удивился Гуча.

Берзалов понял, что этот разговор почему-то важен для Гучи, но не стал вдаваться в подробности. Дружат они, что ли? – вспомнил он. Только странная это дружба: здоровяк Гуча и толстяк Бур. Пат и Паташонок. Кажется, их так и звали за спиной. Значит, Бура надоумил Гуча, решил Берзалов. А ещё они, кажется, из одного южного города? Точно – из Донецка. Бывал я там проездом, вспомнил Берзалов. Пиво там «сармат» хорошее, а ещё женщины красивые – чёрноглазые, длинноногие, ну и жарко, конечно, асфальт плавится.

– Конечно, правда, – ответил он, расставаясь с воспоминаниями, как хорошо жилось до войны и как мы были счастливы, только этого не понимали, были недовольны всем и вся. Жаждали перемен. Горланили на Болотной площади. И дождались-таки. – После первого боя увидим, – сказал он.

– Ну-у-у... а как он сегодня?..

– А зачем тебе?

Неужели, чтобы посмеяться? – удивился он.

– Да просто интересно... – сказал Гуча, из-за ложной скромности пряча глаза.

– В общем-то, на высоте для первого дня, – согласился Берзалов.

– Ну... если не совсем на высоте... – поправил он себя, вспомнив, что Бур забыл оружие, – то вполне... вполне... Может, так из него десантник и получится?

Дело заключалось в том, что после войны в ВДВ брали всех, кто мог держать автомат, и Бура прибило к ним, как щепку к берегу, одной из волн войны, поэтому таких необученных рекрутов было выше крыши. Обычно они несли все хозяйственные нагрузки, их даже в караул не ставили, а если ставили, то так, чтобы они были под присмотром бывалых десантников. Однако бывалых десантников с каждым днём становилось всё меньше и меньше. Не пошлешь же новичка в пекло? Вот бывалые шли и погибали, а достойно восполнять армию было некому.

– Это хорошо, это тоже справедливость, – с какой-то непонятной благодарностью закивал головой здоровяк Гуча. – Я ему всегда говорил: «Будь решительней и ничего не бойся!» Упрямый он.

– На упрямых воду возят, – иронически заметил Берзалов.

Точно, дружат, понял он, то-то Гуча радостно не заржал, как заржал бы любой другой на его месте, а только понимающе улыбался. Ну и хорошо. Значит, будет кому прикрывать Бура в бою. Он зачерпнул кружку чая, взял три куска сахара, напился и, позвав Гаврилова, Архипова и Юпитина – командира второго

отделения, держать совет, что дальше делать, а главное – как делать. Ещё один такой инцидент, и они кого-нибудь не досчитаются. Берзалов считал, что им сегодня повезло. Во-первых, в первый день никого не убило, а во-вторых, странный эффект открыли – длинный-длинный коридор. Может, им вообще всё померещилось со страху? Ну и в-третьих, встреча с крикливым Скрипеем тоже окончилась благополучно, по крайней мере, никто не оглох.

Гаврилов выслушал рассказ об их приключения и сказал, подёргав себя за мочку уха:

– М-да-а-а... ничего себе, за хлебушком сходили! Дурилка я картонная! Отродясь ничего подобного не слышал. Коридор-то, должно быть, особый. Может, это какой-нибудь экзотический ход неизвестно куда?

В чужих устах такая вольность в суждениях показалась Берзалову чистой фантастикой. Одно дело думать об этом, а другое дело выслушивать от подчиненного в качестве глупости. Гаврилов позволял себе фантазировать очень и очень редко. Всё-таки он стоял на реалистических позициях пограничника. На этот раз была веская причина: Скрипей! Что это за чудо в перьях, и с чем его едят? Неужто, действительно, человек? Вот прапорщик Гаврилов и расслабился, не учёл реальности. Так подумал Берзалов, который сам не мог предложить ничего путного, кроме, в общем-то, понятного скепсиса. Всё и всегда имеет логическое объяснение. Только это объяснение надо найти – всего-то делов. А пока вместо логики работает суеверие.

– Как куда? – чуть развязно сказал Архипов, который был польщён, что его позвали на совещание, – ясно же, что в неизведанную область.

И этот туда же, вздохнул Берзалов. Какая ещё неизведанная область? С чем её едят? Но ничего не сказал, дабы не прерывать полёта фантазий подчиненных. Может, выскажут что-то дельное, конструктивное?

– Это уже пахнет какой-то фантастикой, – то ли осуждающе, то ли, наоборот, констатируя, сказал Гаврилов, давая тем самым понять, что он, если и верит в чудеса, то только при определённых условиях. – А вы сами что думаете, товарищ старший лейтенант? – обратился он к Берзалову.

– Трудно что-либо сказать... – начал Берзалов, его сковывало обязательство ничего никому не сообщать об американцах. Но ведь рано или поздно мы с ними столкнёмся, подумал он, тогда молчание будет хуже предательства. – Я думаю, что это

какой-то оптический эффект типа зеркал, – сказал он, чтобы спустить фантазёров на землю.

– Очень даже может быть... Хотя что-то я о таких эффектах не слышал, – задумчив отозвался Гаврилов. – Нет, я конечно, не дока по жизни, но всё-таки в ней кое-что видел.

Юпитин, не по годам степенный, как столетний дед, тоже высказался:

– Среди бойцов ходит байка, что якобы «дубы» умеют проваливаться во времени. Может, «там» они с ума и сходят?

– Кто сказал? – спросил Берзалов и ему показалось, что во всем этом есть какое-то метафизический смысл, от которого по коже пробежали мурашки.

– Если это работа «дубов», тогда всё понятно, – важно заметил Гаврилов, и Берзалов не услышал в его словах иронию, до которой был охочий и которую желал услышать в устах своего заместителя. Постным был старший прапорщик, как щи без мяса, постным и правильным.

Берзалов от досады едва не заскрежетал зубами:

– Так кто сказал?!

– Да так... – испугался Юпитин. – Бают ребята...

Берзалов же подумал, что было бы неплохо поговорить с теми фантазёрами, узнать, откуда ветер дует, чтобы навести порядок. Но разве Юпитин признается, боится ведь, что в стукачестве обвинят.

– А что бают? – спросил Берзалов так, чтобы больше не пугать Юпитина.

– Говорят, что «дубы» владеют гипнозом, что они могут морочить человеку голову, – Юпитин сыграл отбой, то есть вышел сухим из воды: всё объяснил и никого не заложил.

Гаврилов задумчиво показал головой. В гипноз он не верил. Да и сама мысль, что кто-то может управлять твоим сознанием, казалась Гаврилову неправильной. «Вот меня никакой гипноз не берёт», – было написано на его мужественном лице.

– А ещё говорят, что они теряют человеческое обличье и общаются друг с другом с помощью свиста. Получается, это не люди. Я в него две обоймы всадил... – так растерянно сообщил Архипов, что все поняли: после этого ни одно живое существо выжить не может.

- То есть там никого не было? - уточнил Берзалов с едва заметной иронией, потому что теперь сам сомневался.

- Я не знаю... - признался Архипов. - Мне кажется, что я кого-то видел...

До войны Архипов работал на буровой платформе помощником мастера и был на хорошем счёту. Войну он встретил на Новой Земле, а как в условиях неразберихи добрался до материка, одному богу известно.

- Был там кто-то, - успокоил его Берзалов, спасая его репутацию бывалого солдата. - Точно был. Я тоже видел. Хотя без имени и овца баран.

Архипов сразу успокоился и даже поёрзал от удовольствия на пеньке, на котором сидел:

- Я ещё вот что нашёл, - он достал из кармана странный «предмет».

- А ну-ка... - удивился Берзалов.

«Предмет» был величиной с фонарик, как труба, только стенок не было. Были две заглушки с обеих сторон, а между ними колыхалась голубоватая жидкость. И судя по всему, этой жидкости было на самом доньшке, то есть мало-мало, если только встряхнуть, она размазывалась по невидимой поверхности.

- Занятная вещица, - согласился Берзалов, встряхивая «предмет» и любуясь, как голубоватая жидкость переливается всеми цветами радуги, но больше всего - голубым.

- Игрушка какая-то, - потянулся Гаврилов. - Ах, сука, током бьётся! - отдёрнул руку.

Все по очереди пощупали «предмет», но током больше никого не ударило.

- Я её уже и разбить пытался и даже в костёр бросил, ни хрена!
- пожаловался Архипов.

А если бы взорвалась? - подумал Берзалов, но ничего не сказал: к риску привыкаешь, как к смерти.

- Хе... - сказал Гаврилов, поглаживая руку, которую ударило током.

- Держи свою цацку, - сказал Берзалов, - нам сейчас не до этого.

- А если в результате атомного взрыва всё-таки появится этот самый временной туннель? Квантор? - вернулся Юпитин

к разговору о школе. – Если, предположим, случилось такое? Тогда из этого самого квантора действительно могли доноситься всякие звуки...

– А что такое квантор? – удивился Архипов, который успел закончить среднюю школу, поработать на производстве и как раз накануне войны загреметь в армию, после которой собирался учиться на инженера по вычислительной технике.

Было видно, что идея с временным туннелем ему нравилась больше. Ну да, подумал Берзалов, мы воспитаны на электронных игрушках и фантастике, а Гаврилов, поди, всё это в своём Буйнакске пропустил не по собственному желанию, разумеется, а потому что сидел на заставах и ходил в дозоры, родину охранял. Кто же из нас прав?

– Это коридор с бесконечным набором функций, который ведёт куда-то и что-то там такое соединяет, – объяснил Юпитин.

– А... ну да... – невольно засмеялся Архипов, – ты же учился на математика?..

– Учился... – с гордостью сознался Юпитин, в надежде, что его похвалят.

– Видать, плохо, – огорошил его Архипов и даже промычал что-то уничижительное.

– Почему это?.. – обиделся Юпитин и моментально набычился.

– Потому что я тоже учил высшую математику, но какое отношение она имеет к бесконечно длинному коридору, я не знаю. И какие там функции заложены, тоже весьма сомнительно.

Юпитин покраснел, как рак, и сделался похожим на варёную морковку.

– Обязательное плюс положительное равняется нулю! – выпалил он.

Все замолчали, пораженные этой мыслью. Берзалов же стал припоминать всё, чему его самого учили в отношении ядерного оружия, но ничего толкового вспомнить не мог. Никто никогда не говорил и не писал, что может возникать эффект туннеля, да ещё и временного. Может быть, только при очень мощных взрывах? Ведь до этого никто не испытывал одновременно сто ядерных бомб или даже двести. Вдруг между такими областями возникла какая-то связь. Не в виде туннелей, конечно, во что я не верю, а в виде физической психологии. Собственно, эту мысль он и выложил. Его собеседники уныло поскребли затылки.

Не понравилось им банальное объяснение, но и не возразили, не стали терзать душу командиру. Физическая психология, так физическая психология. Какая разница, лишь бы объясняла эффект туннеля.

- Мы никогда уже ничего не узнаем, - почти что с облегчением остудил горячие головы Берзалов. - Но в любом случае надо быть настороже. - «Мало ли что американцы навыдумали», хотел добавить он, но, конечно же, не добавил. - Докладывать обо всех необычных вещах. И вообще, варежку не разевать, а быть начеку, потому как мы в неизведанной области.

- А давайте спросим у мальчика? - вдруг к неудовольствию Берзалова предложил Юпитин. - Он-то что-то знает, - и почему-то выразительно посмотрел на Архипова, который был реалистом до мозга костей.

- Давайте, - кисло согласился Берзалов, который всё для себя решил и уже не хотел возвращаться в разговор о всяких там коридорах, тем более, что коридор тот вместе со Скрипеем остался далеко позади.

Гаврилов, который обладал почти что звериным чутьем, уловил настроение командира и сказал:

- Погоди, лейтенант... Пока вы спали, мы рекогносцировку местности провели...

- Да?.. - неподдельно удивился Берзалов. - Почему сразу не доложили? Почему не спали, как я приказал?

- Лично я в бэтээре прикорнул.

- И я тоже, - отозвался Архипов, хотя ему, похоже, идея Юпитина очень не понравилась.

- Ну хорошо, - удовлетворился их объяснением Берзалов. - Рассказывайте.

- Да, собственно, рассказывать нечего, только... Пусть вот Архипов изложит, - кивнул Юпитин на старшего сержанта, который разве что из штанов не выскакивал от желания поведать о новых приключениях.

- Мы Кеца с собой взяли. Вернее, он с нами увязался, а когда мы его обнаружили, то отсылать поздно было, заблудится ещё. Сделали мы кружок по лесам километров десять, ничего толкового не обнаружили, кроме радиоактивных грибов, зато поняли кое-что. Кец-то наш... радиацию чувствует... - он заговорщически переглянулся с прапорщиком. - Мы-то с Федором Дмитриевичем по приборам шли и не всегда на них

глядели. А Кец в одном месте возьми да упрись: мол, не пойду дальше, опасно, то в другом – возьми да обведи нас вокруг леска. – Я давеча хотел свернуть по мосту за речку, – объяснил Архипов, – так он мне не дал. Говорит, что место нехорошее, чумное. Хороший парень, – похвалил он то ли Кеца, то ли самого себя за догадливость.

– А вдруг он из нового поколения, которое чует радиацию? Ведь выжил же полтора года? – задал глупый вопрос неугомонный Юпитин.

– Он мне тоже нравится, – задумчиво согласился Берзалов. – Рассудительный. Я тоже никак не пойму, как он один жил. Кец! – позвал он, – бери свою чашку и дуй сюда.

Кец отделился от костра, где в обществе Сэра уминал огромный ломоть хлеба со сгущённым молоком и наливался чаем из огромной кружки, держа её полый безразмерной куртки. Бойцы его уже умыли от сажи и копоти, и теперь на Берзалова глядело детское-детское личико с очень и очень грустными глазами. Ему даже подстригли белокурые лохмы, которые торчали из-под шапки.

– Я вот почему-то думаю, – уверенно сказал Берзалов, когда Кец вполне по-дружески уселся рядом, а Сэр преданно переместился следом, не сводя глаз с куска хлеба и глотая слюну, – что у тебя был приятель?

Кец посмотрел на него очень взрослыми глазами и перестал жевать. Берзалову аж плохо сделалось. Почувствовал он, что прикоснулся к больной теме. Неизвестно, что мальчишка пережил, а здесь мы со своими дурацкими вопросами.

– Давай колись, парень, ничего не будет, – сказал Архипов.

Кец шмыгнул носом:

– Был... – сознался он и отложил кусок хлеба на пенёк.

Сэр облизнулся от уха до уха, но притронуться к хлебу не посмел.

– Я... – произнёс Кец и шмыгнул носом, – мы...

Не лез ему, видно, кусок в горло после таких вопросов. А кому полезет? – подумал Берзалов, когда ты, считай, четверть жизни прожил самостоятельно, без папы и без мамы. Я бы лично так не смог.

– Ешь, ешь и рассказывай, – велел он бодрым голосом. – Расскажешь, я тебе шоколадку дам, – пообещал он.

- Ванька... Габелый... - хлюпнул носом Кец. - Мы... мы с ним в одном доме жили.

Только сейчас Берзалов уловил его запах. Был он, как у месячного щенка - молочный и едва уловимый.

- Где жили? - не понял Гаврилов.

- В Липецке... - совсем раскис Кец.

- Стало быть, он твой друг?

- Ага...

- Ты воду-то не разводи, - приободрил его Берзалов. - Скажи по сути.

- А чего говорить? - взглянул на них Кец так, что они все поняли, хлебнул парнишка, так хлебнул, что им, воякам со стажем и при званиях такого не видать до конца дней своих. - Ушёл... - на лице Кеца заходили желваки, - он в этот самый коридор...

У Берзалова от этих слов что-то щёлкнуло в голове. «Вашу-у-у Машу-у-у!..» - он едва не выругался. И ему стало стыдно: вроде как пришли к единому мнению, а теперь снова здорово, наша песня хороша, начинай сначала. Он даже снова стал злиться, прежде всего, на самого себя, за ту самонадеянную глупость которую нёс перед бойцам и перед прапорщиком Гавриловым. Красовался павлином, ходил гоголем. Дурак дураком, летеха несчастный! А правда, она совсем иная, очевидная и лежит на поверхности.

- В какой коридор?! - невольно воскликнул он, чтобы скрыть замешательство, он даже украдкой взглянул на собеседников, проверяя их реакцию, но вроде никто из них не обратил внимания, что он покраснел и оконфузился. Мало того, Архипов многозначительно с ним переглянулся и покачал головой. Вот это да! - кажется, подумал он. Значит, глаза нас не обманули. Значит, мы действительно видели этот самый коридор, то бишь квантор, и баста! Значит, мы правы!!!

- Я ему говорил, не ходи... - у Кеца на лице заходили желваки. Он снова переживал случившееся. - А он... хочу, и всё! Хотя бы одним глазом глянуть, что там такое. Интересно ведь...

- Ну и что?.. - жалостливо и с придыханием спросил Юпитин и поморщился так болезненно, что стало ясно: если бы не война, не глубокая разведка и не очерстевшие души, он бы пошёл и нашёл бы друга Кеца, лишь бы Кец был счастлив. А уж какие там функции и производные от них, в жизни не имеет никакого значения, потому что жизнь - это не высшая математика.

- Ушёл... Ванька... - Кец степенно, как столетний дед, не глядя ни на кого, взял с пенька хлеб и снова принялся есть.

Сэр голодными глазами следил за каждым его движением. У него, как у собаки Павлова, слюни текли аж до самой земли.

Берзалова поразила взрослая реакция ребёнка, которая не всякому мужику свойственна - обречённость перед таким великим понятием, как жизнь, со всей её жестокостью и непредсказуемостью. Маленький, а понимает, подумал он с благодарностью. Я так не смогу. Я всё ещё фантазирую и витаю в облаках. Варю вот вспоминаю каждый день. Ему захотелось отойти в сторону, поковылять на луну или сунуть голову в радиоактивную лужу, встряхнуться и дать себе слово быть твердым, всепонимающим и целеустремленным, как полёт пули.

- Я его, дяденьки, три дня ждал... - доверительно поведал Кец, и, казалось, всхлипнул, но на самом деле не всхлипнул.

И всем ещё яснее стало, что Кец настоящий друг. Таких теперь нет. Все продались, и все купились, а о настоящих чувствах забыли. А настоящие чувства присущи только малым детям, потому что дети чисты и ясны, как утреннее солнце.

- Ну а бревна кто притащил? - не поверил Архипов.

- Бревна в школе давно лежали. Там вначале люди прятались.

- А где твои родители?

- Родителей я плохо помню, - вздохнул Кец. - Батя в армии служил. А мама - учительницей была.

- Ну, а где мама?

Хотя и так было ясно, что мамы у него нет.

- Мы ведь, дяденьки, на даче были, когда война началась. Это нас и спасло. А мама потом пропала, ушла за едой и не вернулась. Я дома долго сидел, а потом ходил, искал её, но так и не нашёл.

- Как же ты выжил?

- Да я уже привык. Мне, дяденьки военные, всегда везло. Вначале в магазине жил, потом, когда магазин сгорел, в подвал переехал. А летом мы собирались на море податься.

- Молодец, пацан, - похвалил его Архипов. - А кто, по-твоему, так страшно скрипел зубами?

- Я думаю, что это из того коридора, в который Ванька подался. Скрипеем зовут.

- Скрипеем?

- Ага...

- А зачем Иван ушёл?

- Да звал его Скрипей туда. Шёпотом, иди, мол, ко мне, иди. Изводил он нас и днём, и ночью. Только я почти что не слышал. А Ванька слышал, вот он и не выдержал. Я бы ещё подождал день или два и ушёл бы восвояси на море.

- Странно... - сказал Архипов, - а нас пугал...

- Может, он только детей привечает? - предположил Берзалов и внимательно посмотрел на Кеца.

- Нет, - убеждённо сказал Кец, и глаза у него были честные-честные, - он всех пугает.

- Ладно... - потрепал его по голове Берзалов. - Нечего тебе на море делать. Он теперь зараженное. Держи свою шоколадку, доедай и в машину, сейчас поедем.

- Хорошо, дяденька, я быстро.

- Не называй меня дяденька, говори, товарищ старший лейтенант или Роман.

- Хорошо, дядя Роман.

- Ну и договорились.

Берзалов вдруг понял, почему испытывает симпатию к Кецу - уж очень он походил на него самого в то время, когда он с родителями жил на севере. Был я таким же белокурый и таким же лохматым, вспомнил Берзалов, потому что стригся два раза в года - когда ездили на море, и когда возвращались. А стриг меня прапорщик по фамилии Круг.

Глава 4

«Дубы» и рабы

До Усмани они, конечно, не дошли. Не тот вариант, не при таких раскладах атомного века, когда тебе выпадает самая никчёмная карта. Только ты не знаешь, что проиграл, пока противник не выложит каре или стрит флеш, а то и роял флеш. Вот тебе и кажется, что всё гладко получалось - как на бумаге. А Берзалов этого не любил, не любил он случайностей, как не любил советов Спаса, хотя, разумеется, к ним прислушивался. Как всегда, он начал злиться на себя за вечное везение, за этот фетиш, который вечно таскал за собой, как собака - хвост. «Всё не как у людей» - ворчал он сам на себя, и тоска овладевала

им. Иногда у него возникало желание отречься от Спаса. Пожить простым смертным, без надежды на будущее, вкусить все прелести неудач и падений, может быть, даже смерти. О последнем, он, конечно, даже не заикался, боясь, как и все, сглазить судьбу.

Интуиция ничего не подсказывала, а Спас словно воды в рот набрал, должно быть, у него кончился запас сарказма. Где эти самые границы таинственной области? Когда начнутся? И как они выглядят? Гадать было бессмысленно. Зря я перестраховался, думал он, безрезультатно вглядываясь в экран СУО, на котором луч вычерчивал контуры местности. Ну не может всегда всё быть хорошо. Не может! Двести километров без сучка и задоринки, не считая Скрипея и Кеца. Будем надеяться, что чистая случайность. А если не случайность, если закономерность, только мы пока об этом мне знаем? Тогда пиши пропало. Тогда надо брать простыню и ползти на ближайшее кладбище. Что-то здесь не то, чего-то мы недопонимаем, что-то пропустили, а что – не пойму.

Деревни и посёлки они старательно объезжали, те из них, конечно, которые хоть как-то сохранились. Кое-где уцелели лишь руины и печные трубы – нет, не от ядерных бомбежек и не от ударных волн, а от повсеместных пожаров. Задонск на всякий случай обошли севернее – там, где от лесов осталась одна равнина с чёрными пнями, поросшая радиоактивным кипреем. Колюшка Рябцев, который всё знал, поведал, что вместо Задонска – одна большая, рыжая воронка. Государственную же трассу Москва-Анапа осторожно пересекли около Воробьевки, где непуганные коровы шарахнулись в кусты. Гаврилов хихикнул в микрофон:

– Давно я живность не видел...

– Погоди, – остудил его пыл Берзалов. – Слишком тихо вокруг... Не нравится мне это.

– Думаю, они за рекой, – бодро предположил Гаврилов, словно его вовсе не волновала сама ситуация, а была важна констатация факта. Хотя, с другой стороны, решил Берзалов, если бы Гаврилов не обладал способностью к подобным умозаключениям, он бы не дошёл из Дагестана до Серпухова.

Берзалов даже не стал спрашивать, кто «они»? И так было ясно – американцы, «дубы» и все прочие, которые попадутся на пути. Только в эти «они» не вписывался ни Скрипей, ни коридор, то бишь квантор. Логически не выходило. А если выходило, то получалось, что американцы достигли таких технологий, при которых войну могли выиграть одним махом. Но почему-то не

выиграли. Вот Берзалов и ломал голову над этой головоломкой. Не сходились у него концы с концами. Получалось, что если Скрипей и квантор явления не такие уж опасные, то и бояться нечего, а с другой стороны, зачем они тогда придуманы, если от них толка, как от козла молока. Значит, есть ещё, как минимум, одно объяснение. Будем считать, что мы столкнёмся с продвинутыми американцами, думал он, которые сами не знают, что они продвинуты. Парадокс парадоксов. Однако вопросов от этого меньше не стало.

- Почему? - спросил он, вглядываясь в экран, где действительно временами отображалось извилистое русло реки.

- Да место очень удобное. Естественная граница. Рубикон!

Ему так понравилось слово, что он несколько раз произнёс: «Рубикон, Рубикон, Рубикон...», смакуя его в разных тональностях.

Чёрт, едва не выругался Берзалов, я и не додумался. Что верно, то верно, лучшего рубежа не найти. Дон глубокий. Поставь в ключевых точках систему контроля и плюй себе в потолок. А если мосты разрушены? - испугался он. Тогда придётся форсировать вплавь? Ох, зря я свернул на запад, подумал он, ох, зря. Даже не знаю, что делать. Страх ошибиться опять схватил его за горло. Берзалову нужна была пауза, некоторое время, чтобы свести все интуитивные ощущения в логическую цепочку и принять верное решение. Но времени этого у него не было. Вот и приходилось всё на нервах, а они, как известно, у человека не железные.

- Радиация повышается...

- Вижу... - с досадой отозвался Берзалов, думая о своём. - Через два часа дадите экипажу таблетки. - И не расслабляться! Не расслабляться!

- Есть, не расслабляться, - буднично и вроде бы как сонно отозвался Гаврилов. - О-па! Мой сканер заголосил!

У заморских таблеток был один существенный недостаток - они всё же портили желудок, поэтому пить их приходилось только после обильной еды.

- А у меня пока нет... - Берзалов щёлкнул по круглому табло частот. - Ага! И мой тоже! - На панели загорелся светодиод контроля.

- Какая-то тарабарщина... - словно бы задумчиво сказал Гаврилов.

Только за этой задумчивостью крылась сила, которую Берзалов уважал и которой завидовал.

- Да, действительно... - кисло согласился он.

Из динамика доносились то басовитое щебетание, то странный модулированный гул космического порядка.

- Шифруются?.. - предположил Гаврилов.

- Никогда ничего подобного не слышал, - сказал Берзалов и ему стало стыдно за то, что он не уверен в себе.

- А вдруг это шифрованные запросы огромной мощности, скрытые в шуме? - предположил Гаврилов.

- Чёрт его знает... - расписался в собственной беспомощности Берзалов.

Обычно шифрованная передача имела дискретный характер звучания. А здесь даже периодов не было. Если только, конечно, шифровали известными способами. Берзалову казалось, что он уже где-то слышал подобные звуки, но где, хоть убей, вспомнить не мог. СУО молчала, как будто ничего не происходило. Не была она настроена на подобные штучки.

Надо было, не мудрствуя лукаво, прямиком наяривать на Харьков, подумал Берзалов с непонятной тоской, а по пути искать своих. На душе у него стало противно, словно он совершил грубую промашку. Может, это от страха? Может, страх мною управляет, а я не замечаю? Хотелось ущипнуть себя и проснуться. У кого бы спросить совета? Не у кого. Не виниться же Гаврилову. Он, может, и поймёт, и не осудит, сам, наверное, в подобной шкуре бывал не раз, но доверия я лишусь, а задание провалю. И Берзалов впервые подумал о заветной фляжке со спиртом. Но пить было нельзя. Да и алкоголь его не расслаблял, а только ухудшал настроение.

Чуть ниже поселка Хлебный они увидели высокий берег Дона и тёмный лес на фоне тёмного неба, где сверкали зарницы.

- Товарищ старший лейтенант, - услышал он в наушниках.

- Да?

- А вы обратили внимание на цвет неба?.. - Гаврилов тактично кашлянул в микрофон.

Тон у Гаврилова был такой, словно они совершили роковую ошибку.

- Нет, а что?.. - почти с испугом спросил Берзалов, решив, что пропустил ядерный удар или ещё что-нибудь похлеще, и впился

взглядом в триплекс.

- А вы посмотрите... небо-то над другим берегом зеленое.

- Хм... действительно, - с облегчением согласился Берзалов, позади небо обычное, голубое, а спереди - зловеще зеленоватое, переходящее в чёрное. - Нехорошее небо, - констатировал Берзалов. - Очень нехорошее. Как вы думаете, что это такое?

Обычно когда Гаврилов обращался к нему на «вы», он тоже выкал, а потом забывался и говорил то «вы», то «ты», не особенно расшаркиваясь в этом вопросе.

- А что штабные говорят по этому поводу? - в свою очередь тактично спросил Гаврилов, но подковырку спрятать не смог.

- Ничего, абсолютно. Из них лишнюю информацию клещами не вытащишь, - неожиданно для себя пожаловался Берзалов и от поднявшейся вдруг злости стряхнул с себя вялость: голова сделалась ясной, а мысли - четкими, простыми. - Федор Дмитриевич, вам не кажется странным, что на юге и на западе всё ещё идёт дождь?

- Я как раз хотел об этом поговорить, - отозвался Гаврилов.

- Странный дождь, словно кто-то прикрыл определённую область?

- Понаблюдаем ещё сутки, - сказал Берзалов, - а потом сделаем выводы. Может, это просто весенний циклон?

Война изменила розу ветров, теперь они дули совсем не так, как до войны, и погода была чуть-чуть не такой, как прежде - экзотичнее, что ли? С большим количеством пасмурных дней. Трудно было определить причину, сидя на одном месте. Для этого надо было подняться в космос, да спутники все были сбиты, и самолёты не летали. Ничего, мы всё начнём заново, неожиданно для самого себя решил Берзалов. Построим и ракеты и самолёты назло всем тем, кто уничтожил этот мир.

- Я предлагают остановиться за леском, - сказал он, - выдвинуть разведку и понаблюдать да послушать. Задача определить брод, наличие противника, мост разведать, охраняется ли? Федор Дмитриевич, вы остаетесь в машине следите за обстановкой, а я с бойцом сбегая напрямик к реке. Связь по результатам разведки.

- Лады, - согласился слегка разочарованный Гаврилов.

Неужели он полагает, что я его берегу? - подумал Берзалов и тут же забыл об этом.

В разведку ушли четверо: Юпитин, Гуча по кличке Болгарин, Колюшка Рябцев и Чванов. Бур рвался, но Архипов так на него цыкнул, что тот, как подросток, поворчал себе под нос, обиженно надул губы и замолк. Сэр уже выскочил и всю поливал придорожные кусты. А ещё он косился на всех сумасшедшими темно-янтарными глазами и порывался бежать следом, да его поймали и сунули в бронетранспортёр. Кец вышел, потянулся, как маленький мужичок, и сказал:

- Жрать охота...

- Иди сюда... - Архипов под одобрителем взглядом Берзалова полез в ящики с продуктами. Сколько тому мальцу надо?

Однако малец за неполные сутки сожрал пять банок сгущёнки и ещё не треснул.

Мост был ниже в пяти километрах. Пересекать его - всё равно что пройтись голым по бульвару, подумал Берзалов, будешь на виду у всех минимум полчаса. Рисковать или не рисковать? А вдруг мост заминирован или нашпигован датчиками. Я бы на месте американцев так и сделал бы. Значит, надо минеров пускать вперёд, а это чревато потерями. Нет, переправимся через реку. Весь берег не заминируешь и не поставишь сплошную систему обнаружения.

- Бур, за мной! - командовал он. - Автомат не забудь!

- Есть! - обрадованно вздрогнул Бур и, как всегда, замешкался: то ли у него бронжилет за что-то там зацепился, то ли магазины посыпались. В общем, Бур сразу отстал.

Берзалов прыгнул с брони, и все его сомнения окончательно улетучились. Левый берег был плоским, болотистым, поросшим берёзами, осинами и ивами. Переправляться здесь было нельзя, можно было застрять. А вот ближе к мосту виднелся остров, и Берзалов почему-то сильно на него понадеялся.

Бур нагнал его, когда он уже подходил в реку. Разгрузка на нём висела кое-как, магазины торчали вкривь и вкось. Берзалов даже не стал делать замечание - нет времён да и бесполезно. Жизнь научит, если конечно, успеет.

- Я, товарищ старший лейтенант, живым не дамся, - поведал Бур.

- В смысле? - спросил Берзалов, с подозрением косясь на него.

- Ну в смысле, если меня схватят враги, у меня есть вот это, - и он показал на гранату РГО¹⁰, которая торчала у него из кармашка под левой рукой.

В душе Берзалов, конечно, рассмеялся. Как-то он не представлял, что Бура захватят в плен. Кому он нужен? Сбегаем туда-сюда, и никаких боёв. Он придал лицу серьёзный вид и сказал:

- Правильно, я тоже на всякий пожарный держу гранату.

- А у меня их четыре, - похвастался Бур.

- Молодец, - похвалил Берзалов.

В овраге тёк ручей, и Берзалов воспользовался тропинкой вдоль его склона, чтобы не маячить на виду у правого берега. Слева за буераками простирался луг, на котором, как на картинах, словно нарисованные, стояли одинокие дубы. Как будто не было войны, подумал Берзалов, как будто мы с Варей отдыхаем где-нибудь на природе.

Его нагнал Бур.

- Я товарищ, старший лейтенант, добро помню... - как всегда, всё испортил он, - ага...

Берзалов даже не стал возмущаться и цедить своё извечное: «Вашу-у-у Машу-у-у!..» Бесполезно. Лицо у Бура было круглое, плоское и, кроме щенячьего восторга, ничего не выражало. Получалось, что он всё делал по недоразумению, из-за природной наивности. Такого ругать язык не поворачивается.

- Какое добро? - уточнил Берзалов, вслушиваясь в шорохи леса, которые ему страшно не нравились.

Неподражаемая наивность Бура его раздражала. Он следовал, как собачка на привязи, и Берзалов подумал, что такие погибают в первую очередь, потому что не умеют самостоятельно чувствовать опасность.

Ветер налетал сбоку, из-за ручья, и от этого казалось, что всё вокруг шевелится от врагов, затаившихся в подлеске. Берзалов понял, что слишком нервничает, что и сам потерял ощущение, когда чувствуешь противника загодя. Так я буду шарaxаться от каждого куста, зло думал он. Так не годится. Надо успокоиться и взять себя в руки.

- Ну как же?.. - наивно удивился Бур. - То, что вы в меня поверили.

- А-а-а... - неопределенно ответил Берзалов, с трудом возвращаясь к теме разговора. - Для некоторых это наказание. А ты сам напросился. Так что ты герой, - похвалил он его.

Ефрем Бур зарделся, как девушка. На щеках у него вспыхнул румянец. Рот растянулся до ушей. Берзалов от досады только

зубами скрипнул. Десантник не должен проявлять чувства, но теперь уже всё равно. За пять минут не обучишь воинским премудростям, а разрушить психологический контакт, как два пальца об асфальт, потом ищи горе-десантника в кустах.

- Так я же и говорю, спасибо большое, - проямли Бур, чувствуя настроение Берзалова.

- Пожалуйста, - безразличным голосом ответил Берзалов.

- А квантор ведёт напрямиком в Комолодун, - таинственным голосом поведал Бур. - Ага.

- Что ты несёшь?.. - удивился Берзалов и внимательно посмотрел на него, выискивая малейшие признаки сумасшествия. Но вид у Бура был обычный, то есть чуть-чуть восторженный и чуть-чуть глуповатый.

Неужели таким бывает просветление? - невольно подумал Берзалов.

- Ничего... - уверенно ответил Бур. - Я просто знаю... чувство во мне такое... - Впрочем, в следующее мгновение он явно испугался: захлопал ресницами и, как черепаха, втянул голову в плечи и преданно глядел на старшего лейтенанта.

Берзалов хотел уже было вполне серьёзно расспросить об этом самом Комолодуне и о бесконечном коридоре, то бишь, кванторе, авось пригодится, но внезапно присел, сам не зная почему:

- Тихо-о-о...

Ему вдруг страшно захотелось узнать, что там, за толстенным стволом ивы не далее чем в двадцати метрах впереди, потому что именно оттуда вылетела взъерошенная сорока и, перемахнув через русло ручья, уселась на ветку, стала сердито кричать, мол, «ты меня ещё попомнишь, я до тебя ещё доберусь».

Бур тяжело дышал в спину Берзалова и непонимающе крутил башкой, готовый положить жизнь за старшего лейтенанта.

- Дайте, я посмотрю... - попросил он, - ага?

- Тихо! - прижал к губам палец Берзалов и обратился в слух.

- Я умею... - начал канючить Бур, ничего не замечая, как тетерев на токовище.

- Тихо... - ещё раз повторил Берзалов и почувствовал, как дрожит Бур - испуганно и нервно. - Сиди здесь... - и легко подтолкнул, чтобы Бур сошёл с тропинки.

Трава вокруг стояла высокая, густая, почти в рост человека, и затеряться в ней, как в лесу, было парой пустяков. Берзалов на полусогнутых скользнул вперёд и снова прислушался, но ничего, кроме свиста ветра и трепетания листвы не услышал. А между тем, там, где начинались густые лопухи кто-то или что-то было – замерзшее и напряжённое. Ведь не зря сорока ругалась. Не зря. Он снова скользнул вперёд, бесшумно ставя ногу на носок, и вдруг подумал, что ветер-то дует наискосок в спину. Эта была непростительная ошибка сродни той, по поводу которой сетуют друзья, когда пьют на поминках за упокой твоей души. Да и Берзалов сам уже учуял тяжёлый звериный запах. В следующее мгновение из лопухов, будто пушечное ядро, выскочил чёрный вепрь – огромный, почти до плеч Берзалова, массивные лопатки были похожи на щиты, а в огромных жёлтых клыках застряли корешки. Он посмотрел на Берзалов своими крохотными глазами, фыркнул, опустил морду и бросился в атаку. Расстояние было слишком маленьким, чтобы прицельно стрелять, поэтому Берзалов предпочёл уступить дорогу. Он чисто инстинктивно шарахнулся в овраг, успев подумать о том, что Бур может по глупости вернуться на тропинку, ударился боком о склон, задохнулся от боли и покатился вниз. Ту же у него над головой пронёсся вепрь, а за ним всё стадо – без визга, в полной тишине, как приведения. Ещё не стих топот, а Берзалов уже карабкался вверх, придерживая правый бок, словно пропустил удар левой в печень.

– Бур!.. – кричал он, задыхаясь, – Бур!.. Вашу-у-у Машу-у-у!.. Бур!..

К его облегчению, перепуганный Ефрем не то что сидел рядом с тропинкой, а забился в такие густые и колючие кусты терновника, из которых выкарабкивался целых полчаса. А когда выбрался, то Берзалов уже пришёл в себя и не мог без смеха смотреть на его исцарапанную физиономию.

Гаврилов забеспокоился:

– Что-нибудь случилось, Роман Георгиевич?.. Что-нибудь случилось?..

– Возвращаемся, – с облегчением ответил Берзалов. – Всё нормально. Не волнуйтесь.

Надо было забрало опустить, подумал он. У него наступила реакция. Адреналин искал выхода, и было смешно, как Бур, ворча и в меру чертыхаясь, с оглядкой, естественно, на командира, выбирается на чистое место. Потом он искал автомат, потом – шлем, потом, как всегда – магазины, потом – правый ботинок. Аника-воин. И вылез расхристанный, как после

капитальной драки. На лбу у него выросла здоровенная шишка, прямо в центре лба, как у единорога.

- Ты что... с кабаном бодался?.. - пряча смех, спросил Берзалов.

Точно надо было забрало опустить. Гаврилов бы посмеялся. Он простил Буру всё: глупость, наивность суждений и вечное недовольство за одно то, что Бур остался цел и невредим. Больше брать с собой не буду, рассудил Берзалов. Пусть в бэтээре сидит, мух считает, авось выживет.

- Не-е-е... - не моргнув глазом, ответил Бур, - это я так... поспешил в кустах прятаться. У нас ведь как говорят: «Бедному Кузеньке и бедная песенка».

Вот это да... - удивился Берзалов, оказывается, он о себе всё понимает. И внимательно посмотрел на Бура. Но лицо у Бура было, как всегда, туповатым и ничего не выражало, кроме равнодушия, а ещё, кажется, по привычке он ворчал, как заведенный:

- Поперлись... вляпались... я же говорил...

- Что у вас там случилось? - забеспокоился Гаврилов. - На нас выскочило сумасшедшее стало кабанов, дурилки картонные, едва машины не опрокинули.

- Возвращаемся, - сказал Берзалов. - Никого, кроме свиней, здесь нет. Дикая свинья человека за три километра чует, так что люди здесь не водятся.

- Разведчики брод нашли, - обрадовал его Гаврилов.

Оказалось, что с левого берега в сторону острова тянется каменная гряда - ровное, как аэродромное поле. Идеальное место для переправы.

- А что с мостом? - спросил Берзалов.

- Мост взорван.

- Ну слава богу!.. - с души у Берзалова упал ещё один камень. - Всё к одному: и Бур остался жив, и путь свободен, и даже свиней напугали.

- А что с Буром-то случилось? - осторожно поинтересовался Гаврилов.

- Пусть он сам расскажет, - смеясь, ответил Берзалов, очищая на ходу пучком травы грязь с колен и локтя.

Ефрем Бур, всё ещё взбудораженный, как стадо диких кабанов, которое его чуть не растерзало, взлез на броню и

с восторженной фразой: «Вот что произошло!» нырнул в люк. Больше всего почему-то радовался Сэр, который встретил их с повизгиванием и долго крутился под ногами, мешая следить за обстановкой в округе. Ну и некоторое время, конечно, Бур был в центре всеобщего внимания.

Через полчаса они без особых приключений перебрались на правый берег, отошли вглубь под тень лесов, выслали разведку. И оказалось, что правый берег на глубину трёх и на расстоянии пяти километров обе стороны пустынен, как Марс после бурана. Нашли только сбитый истребитель МиГ-31. Видать, на последнем рубеже перехватывал крылатые ракеты, подумал Берзалов. Дальше по карте через десять квадратов значился посёлок Железнодорожный, и Берзалов, вопреки своим убеждениям, приказал двигать туда. Появилось у него это чувство правильности выбора. Долго где-то плутало. А здесь возьми да выскочи, как чёрт из табакерки. Может, кабаны помогли? Да и Спас подсказал: «Станция, придурок». Ага, даже не обиделся Берзалов. Что-то должно было произойти. Впрочем, на Спаса он не очень полагался и прислушивался к нему исключительно из-за страха попасть в очередную западню.

В шестнадцать ноль-ноль они их увидели.

Уже заметно холодало, и солнце на зловещем небе присело за лес по правую руку, когда на экране тепловизора чётко и ясно возникли, словно из ниоткуда, человеческие фигуры в оранжевом ореоле, рядом – ещё одна, потом – костёр и палатки. СУО тут же идентифицировала цель, обозначила её красной мигающей «галкой» под номером тринадцать, что означало опасность высшей степени.

– Роман Георгиевич, видите?.. – спросил Гаврилов.

– Вижу... – ответил Берзалов напряжённым голосом, вглядываясь в экран СУО: фигуры появились и пропали, потому что бронетранспортёр опустился ниже уровня железнодорожного полотна. Правда, СУО ещё некоторое время рисовала то, чего не видела. Но уже было понятно, что там, за полотном, у костра сидело не менее трёх человек.

Что ему нравилось в прапорщике – так это собранность, которую он демонстрировал в любое время суток, казалось, подними его в три часа ночи, и он отбарабанит тебе, где противник и что надо делать – наступать или убежать – золото, а не человек. Как будто для Гаврилова не существовало в жизни никаких отвлекающих факторов и моментов, а главное – настроение у

прапорщика всегда было ровное и спокойное, словно он загодя напился брома. Единственный недостаток – полное отсутствие юмора. Берзалов вспомнил о его погибшей семье, подумал о своём горе и ему стало стыдно. Посмотрим, каким ты будешь в сорок пять лет, подумал он. Наверное, гораздо хуже, и с юмором у тебя будет туго.

Они как раз двигались по просёлку. Справа их прикрывал смешанный лес, который к вечеру сделался угрюмым и настороженным, оттуда тянуло запахом грибов и прели, а справа то и дело мелькали нежилые дома – без окон и дверей, как будто кто-то нарочно ходил и бил всё, что можно было разбить. Впрочем, Гаврилов внёс ясность, сообщив, что скорее всего, это действие ударной волны, а не массовый психоз населения. Иногда виднелись свежие пепелища, искорёженные или просто брошенные грузовики, тупо смотрящие радиаторами в радиоактивную траву, и автомобильные шины, шины, шины – везде, куда только дотягивался взгляд, а ещё – бочки, бочки, бочки из-под горючего, и это тоже было более чем явным признаком человека.

– Я удивляюсь, – сказал Гаврилов, – радиация-то приличная, а люди живут... Какие-то дурилки картонные!

– Ну да... – согласился Берзалов, – а за рекой почти что чистое место. Только они этого, похоже, не знают. А может, это не люди?..

– «Дубы», – уверенно сказал Гаврилов. – Больше никому.

И Берзалов представил, как он достаёт из пачки сигарету, чтобы спокойно и вальяжно закурить. Завидовал он его выдержке. Не умел он ещё подавлять в себе чувства и страдал от этого.

– А если не «дубы»?

– А кто еще?.. – простодушно удивился Гаврилов.

Ну да, действительно. Берзалов прямо почувствовал всю подноготную этого вопроса и едва не брякнул: «Американцы, конечно!», но вовремя прикусил язык. Успеется, подумал он, успею напугать. Дурное дело не хитрое. Гаврилов не дурак, сам догадается. Того и гляди, начнёт задавать каверзные вопросы. Надо ещё Бура расспросить, что он такое молот о каком-то Комолодуне. Со страху, что ли?! Вашу-у-у Машу-у-у!.. Загадки на мою голову! А может, он сумасшедший?.. А что... тихо помешанный Бур? Прекрасно звучит. Нет... не может быть... его же медики смотрели... значит, так не бывает, здраво рассудил Берзалов, хотя этих самых сумасшедших он никогда в жизни не видел.

- Кто бы там ни был, переходим на вторую передачу, и крадёмся тихо, чтобы муха не взлетела, - нервно сказал он.

- Есть на вторую, - покладисто согласился Гаврилов, вроде бы даже так, что и глазом не моргнул.

- Слышь... Клим... Филатов... - приказал Берзалов, следя за дорогой через прицел, - сбавляй обороты, сбавляй...

В сеточке прицела проползли склады с огромными воротами и огромными же замками на них, штабеля гнилых бревен и досок, ржавые железные пути, разбегающиеся в никуда, полуразрушенное здание вокзала и ещё какое-то строение, типа сортир. Тут-то за мостиком они снова увидели людей. Теперь их было заметно больше - целый лагерь, не меньше пяти затрапезных палаток с разноцветными заплатками и большой костер в центре, над которым висел здоровенный котёл. Странно, почему никто не стреляет, или они охранение не выставили?.. - задал Берзалов сам себе вопросы и не стал вдаваться в суть - не до этого было, да теперь уже не важно - выставили или не выставили охранение, главное, что нас пока ещё не обнаружили.

- Стоп! - скомандовал он. - Стоп! Филатов, сдай назад и прижмись к крайнему дому.

Дом, с чудом сохранившимися стёклами в окнах, печально стоял у железнодорожного полотна. Крыша у него прохудилась, а деревья росли так, что мешали подняться на крыльцо.

Берзалов осторожно откинул люк и высунулся с биноклем в руках наружу. Сразу стало слышно, как ветер свистит в антеннах и как прохладный воздух струится вдоль горячего бока бронетранспортёра.

- Федор Дмитриевич, бери троих с пулемётом, зайдёте справа, я возьму левее. Архипов, остаешься в экипаже за старшего. Организовать оборону и следи за Кецом и псом, чтобы они нам охоту не испортили.

- Есть! - отозвался Архипов, - организовать оборону и следить за псом.

- Чванов, Сундуков, Рябцев и Гуча за мной! - скомандовал Берзалов и, старясь меньше шуметь, прыгнул на землю.

По ходу дела он отметил, что Гаврилов поставил свою машину так, чтобы в случае чего прикрывать из бортовой пушки первый экипаж и вести огонь по гребню железнодорожного полотна - на случай, если найдутся сумасшедшие, готовые подставить свои головы под стомиллиметровые снаряды автоматической

пушки и гранатомёт АГ-30М. Можно было, конечно, одним бронетранспортёром выйти на прямую наводку, но тогда никто не гарантировал внезапность атаки. Да и того, что увидел Берзалов, вполне хватило, чтобы понять: «дубы» беспечно сидят у костра и готовят ужин.

Сержант Клим Чванов казался неуклюжим, но только с виду. На самом деле, Берзалов знал, что в нужный момент он словно превращается в ловкого медведя средних размеров и в рукопашной схватке страшен и беспощаден. Низкорослый и кряжистый рядовой Сундуков тоже не нуждался в поощрении, потому что, несмотря на свой, в общем-то несколько изумлённый вид, в реальном бою не терялся и всегда присутствовал в нужный момент в нужном месте. А от его пулемёта полегло немало врагов. Зимой, когда усталая разведка с языком возвращалась из-за бескрайних заокских равнин, именно Сундуков первым обнаружил превосходящие силы противника и, не раздумывая, принял бой, пока основная группа уходила под защиту батарей серпуховского гарнизона. За тот бой Берзалов написал представление рядового Сундукова к Георгиевскому Кресту, а дали ему медалью «За отвагу». Поскряжничали. Но и от этой скромной солдатской награды Сундуков был на седьмом небе от счастья, и Берзалов подозревал, что он это дело естественным образом отметил, но главное, что тихо и без залётов. Что тоже было большим плюсом в глазах Берзалова. В общем, он обоим доверял, почти как самому себе.

Они добежали до насыпи, хранящей запаха мазута и железа. Чванов и Сундуков полезли наверх, чтобы установить АГС-17 в начале моста и накрыть, если что, лагерь сверху, а Берзалов, Колюшка Рябцев и Гуча, напротив, взяли левее, проскользнули под железным мостом и, путаясь в густой траве, ползком взобрались на холмик, откуда лагерь был, как на ладони. Колюшка Рябцев установил здесь ручной пулемёт с таким расчётом, что можно было простреливать позиции наискосок до самого леса, который виднелся в полутора километрах южнее.

Сам же Берзалов и Гуча, вооруженный винтовкой СВД, проползли ещё чуть левее и вперед и укрылись за железнодорожными шпалами, которые лежали вдоль путей. При свете заходящего солнца хорошо было видно, как беспечно ведут себя «дубы» у костра. Оружия при них не было. Это-то и смущало. Ненормальные какие-то, думал Берзалов, это же натуральное членовредительство, садомазохизм.

– Мясо... – вдруг мечтательно произнёс Гуча и облизнулся, а потом устыдился и густо покраснел, что вообще на него было не похоже. Гуча – да покраснел? Очевидное невероятное.

- Что, «мясо»?.. - спросил Берзалов, у которого обоняние носило больше виртуальный характер и заменяло интуицию.

- Мясо варят... - снова облизнулся Гуча. - А мама меня в детстве одной манной кашкой кормила.

Действительно, только сейчас Берзалов различил тонкий и приятный запах мясного супа, приправленного снытью и лесными корешками. Рот тотчас наполнился густой слюной. Так бы и съел полтуши, подумал он невольно. Тут ещё при полном безветрии появились весенние комары, которые с голодным отчаянием мешали наблюдать.

- Посмотри, видишь, того, что у костра? - спросил Берзалов, разглядывая лагерь в бинокль.

Солнце светило в сторону лагеря, и можно было не опасаться, что их заметят издали. Принялся накрапывать дождь - мелкий, весенний, тёплый. А за горизонтом, который был обложен зеленовато-чёрными тучами, всё ещё беззвучно сверкали зарницы.

- Сейчас... - в тяжёлой военной форме Гуча выглядел массивнее Годзиллы.

Восьмеро сидело у костра, двое - у палаток, что они там делали и вооружены ли, трудно было понять. Один рубил дрова, а ещё один играл роль часового: ходил поодаль, поглядывал по сторонам и откровенно зевал, интересуясь больше содержимым котла, чем окрестностями. Вот у него-то единственного и был автомат - чёрный «абакан» с подствольником, да ещё парочка гранат в кармашках разгрузки.

- Вижу... - как будто сонно ответил Гуча, не отрываясь от прицела.

На это раз лицо у Гучи было более чем внимательным, словно он наконец озаботился ситуацией.

- Ну?.. - встряхнул его Берзалов.

«Гляди, снайпер! - хотелось крикнуть ему, - гляди в оба, от тебя сейчас многое зависит!»

- Вертолётчик... - с придыханием в голосе определил Гуча. - Точно, вертолётчик! Мамой клянусь!

- Мо-ло-о-дец! - похвалил Берзалов и впервые за всё время почувствовал, как удача сама идёт в руки.

На человеке была куртка реглан и кожаный шлем, а ещё запястья на обеих руках были перевязаны грязным бинтом. В

наручниках, что ли, его таскали?

- А если это не он, а просто «дуб» в одежде вертолетчика?.. - предположил Гуча и, оторвавшись от прицела, вопросительно уставился на старшего лейтенанта, словно увидел его впервые.

Любил Гуча испортить настроение, очень любил, и вопросы у него были с подковырками, словно он хотел однажды уличить Берзалова в слабости духа. Не дождетесь, подумал Берзалов.

- Тоже верно, - неохотно согласился он, но так, чтобы Гуча осознал свою ошибку, которая заключалась в отрицании очевидного: вертолетчика оставалось только найти. - Остриё пять, слышите меня, - он назвал позывной старшего прапорщика Гаврилова.

- Остриё семь, слышу хорошо, - тотчас отозвался тот.

- Наблюдаем предположительно нашего вертолетчика.

- Где?! - восторженно вскрикнул Гаврилов и, кажись, даже подпрыгнул от восторга, забыв о своей извечной степенности пограничника.

- Человек в реглане и шлеме, сидит в центре у костра.

- Ага... ага... вижу... вижу... Что планируете? Стрелять нельзя. Можно зацепить своего.

- Возьми ещё одного снайпера и посади сверху. Доложишься, а я потом к ним выйду. Всё же свои люди, не должны стрелять.

- Ладно... хорошо... - сдержанно оценил Гаврилов. - Но с другой стороны, если они удерживают вертолетчика, то значит, не свои?

Умел он, как и Гуча, не вовремя вывернуть ситуацию наизнанку. Только изнанка эта никому не нужна была. Ясно же, что вертолетчик в лагере. Если мы его найдём, то он нам всё расскажет, а это реальный шанс успеха, который упустить нельзя никак.

- Тоже верно, - согласился Берзалов. - А что вы предлагаете?

Он не стал пользоваться системой «мираж», чтобы не отвлекаться. Да и Гаврилов сам всё видел прекрасно.

- Да, пожалуй, больше и предложить нечего. Разве что разведать получше, точно определиться с нашим вертолетчиком и ударить.

- Можно, - согласился Берзалов, - но вечер на носу, через час стемнеет, можем не успеть. К тому же, обратите внимание,

почему они выбрали такое неудобное место? Голый склон насыпи, как на ладони. Схорониться негде.

- А бог его знает... - Гаврилов, должно быть, приник к окулярам, потому что предположил на секунду позже: - Может, они психи? Даже охранение не выставили.

- Психи, не психи, но что-то здесь не то, тянуть нельзя, надо действовать сейчас.

- Может, они кого-то поджидают? Поезда, интересно, ходят?

- Какие поезда? - удивился Берзалов и понял, что оплошал. А ведь он как командир должен был предусмотреть и этот вариант, каким бы диким он ни казался. Вашу-у-у Машу-у-у!.. Пути-то под носом. А раз есть пути, значит, есть и поезд.

- Всекие...

- Я смотрел, рельсы ржавые, - чуть ли не оправдываясь, сказал Берзалов.

- Здесь этих веток - целая узловая станция. Автодрезина может прийти, - гнул своё старший прапорщик.

- Я и не подумал... - признался Берзалов и ещё раз убедился в отменном чутье прапорщика на всякого рода каверзы судьбы. На то он и пограничник, чтобы все варианты отрабатывать. Золото, а не человек.

Пока они обсуждали этот вопрос, пока взвешивали за и против, на позицию прибыл Морозов, о чём незамедлительно Гаврилов и доложил.

- Насчёт поездов мы потом поговорим, - сказал Берзалов. - Предупреди, что стрелять только в том случае, если мне будет угрожать реальная опасность или когда я махну рукой.

- Так точно, - отреагировал Гаврилов. - Всё сделаю, командир.

- Ну тогда я пошёл... - сказал Берзалов так, чтобы ни у кого не осталось сомнений в его намерениях.

- Удачи!

- К чёрту! - проворчал Берзалов, ощущая, как по спине пробежали мурашки страха.

Не любил он этот момент. Да и как его любить, если он похож на обман в лучших надеждах. Тут ещё Спас неожиданно произнёс целую тираду, чего за ним отродясь не наблюдалось: «Встанешь в полный рост и всех напугаешь, и ничего не будет». «Почему?» - не поверил ему Берзалов. «Потому, что ты везунчик, трижды

везунчик, мать твою за ногу, потому что ты ещё ни разу в штаны не наложил по-настоящему, даже во время термоядерной», – как пророк, ответил Спас. Берзалов pokrылся холодным потом. Но отступить было поздно. Он поставил «переводчик» на очередь и двинулся к лагерю с таким расчетом, чтобы не быть на линии огня ни у Гучи, ни у Колюшки Рябцева и чтобы у тех, кто сидел около костра, не было времени на раздумье, а тем более, чтобы схватиться за оружие. Ну и Спас, конечно, вселил уверенность, потому что получалось, что всё заранее известно, не в деталях, конечно, а в общих чертах, чего вполне было достаточно для душевного равновесия. Хорошо, если Спас не ошибся, размышлял Берзалов, двигаясь в траве, как большая ящерица, а если ошибся? Это тебе не русский авось, думал он, моля всех мыслимых и немыслимых богов, чтобы его не обнаружили раньше времени. Впрочем, в какой-то момент ему стало даже неинтересно. А что если встать в полный рост и двигаться, как мишень на стрельбище? Что тогда, судьба изменится, или моё поведение тоже учтено? Так ничего и не решив, и не желая искушать Спаса, Берзалов благополучно добрался до цели, разве что больно ударившись коленом о железобетонную сваю, торчащую из земли.

Он уже готов был вскочить, чтобы застать сидящих у костра врасплох, когда Гуча произнёс напряженно:

– Командир... погоди-и-и... погоди-и-и... часовой смотрит в твою сторону...

От костра Берзалова отделяли всего лишь буйные кусты жимолости. Люди, сидящие вокруг, разговаривали об удачной охоте и о каком-то Петре Матвеевиче, который должен был их забрать утром. Выходит, Гаврилов прав, подумал Берзалов, выходит, есть автодрезина! У прапорщика отменное чутье! Ай, да Гаврилов! Ай, да сукин сын! Может, у него свой Спас есть? – позавидовал Берзалов. Лучше моего?

Трое ближних со спины были заросшими, седыми и широченными, как шкафы. Тот, что стоял в профиль, одетый в короткую куртку, отороченную белым мехом, был юн и с девственным пушком на лице. Следующий человек напротив выделялся чертами лица и густой чёрной бородой. Он, как и «шкафы», был непомерно силен и крепок. Руки у него были оголены по локти, и мышцы на них бугрились, как канаты. Берзалов определил его как жоака. Неужто на них так радиация действует? – страшно удивился он. Тот, что рядом с ним по правую руку, в телогрейке, был мелок и тщедушен, с испитым лицом, зато следующий в

куртке реглан опять же был здоров, как бугай, правда, не такой крупный, однако на вертолётчика почему-то не тянул, хотя Берзалов не знал в лицо ни Самойлова, ни Русакова, ни третьего, фамилию которого он забыл: то ли Исаев, то ли Евсеев. Не такое зверское лицо должно быть у вертолётчика, думал Берзалов, не такое, а одухотворенное, тонкое, породистое, лицо человека, посвятившего себя сложной технике. Но отступить было поздно. Был ещё и восьмой, однако Берзалов не сумел его разглядеть – «шкафы» мешали.

– Всё... отвернулся... командир, я его держу на мушке... – с придыханием сообщил Гуча таким тоном, как будто выполнял тяжеленную работу

Берзалов сделал вдох, мысленно перекрестился, вскочил и шагнул из-за спин «шкафов» к костру. С этого момента время стало резиновым и словно разложилось на сто тысяч крохотных мгновений, и он увидел.

Варево в котле бурлило и выплескивалось наружу, заставляя ноздри трепетать от вкусного запаха. Тот, который в реглане, шевелил палкой дрова и не заметил Берзалова. У человека же с чёрной бородой в форме лопаты сделалось изумленное лицо, но и реакция была почти мгновенной. Пока он тянулся куда-то вбок, к сапогу, где, должно быть, у него было спрятано оружие, Берзалов успел краем глаза оценить положение часового, который находился чуть сзади, справа и который, оплошав, только-только взялся за ремень, чтобы сдернуть с плеча автомат. Тот, что рубил дровишки, выронил топор. Топор ещё не успел коснуться земли, а Берзалов встретился с взглядом с бородатым, повёл стволом автомата и покачал головой, говоря тем самым, что не надо рыпаться, не надо. Ни к чему хорошему это не приведёт. Остальные: двое у палатки – заморыши, один, голый по пояс, возящийся с мясом, замерли, словно парализованные, словно их хватил удар молнии. Потом Берзалов услышал, как щёлкнул выстрел и как летит пуля, и как она попадает в часового с чавкающим звуком: «Чмок!» И закричал диким голосом, даже не обернувшись, потому что знал, что Гуча, даже несмотря на свой бешеный темперамент, стреляет без промаха:

– Вашу-у-у Машу-у-у!.. Без шуток!!! Лагерь окружен! Все под прицелом! Никому не дёргаться!

Словно в подтверждение его слов с насыпи ударил пулемёт, и прочерки трассеров, словно небесная длань, легли на далёкий лес. В довершение: «Пуф-ф-ф... пуф-ф-ф... пуф-ф-ф...» – не так, конечно, шустро, но тоже не менее весомо, дал очередь

Чванов, и за лагерем, в поле, среди березок и осин взорвались гранаты с сухим, коротким стоном. Тем, кому были знакомы эти звуки, вздрогнули, а кто не был знаком, втянул голову в плечи. Последнее сделали вовсе не те, которые сидели у палаток и возились с мясом, а те, что у костра.

- Руки!!! Руки на шею! - орал Берзалов, да так, что готов был сорвать голосовые связки.

К нему уже бежали и справа, и слева, задыхаясь от натуги:

- Мы здесь, командир! Мы здесь!!!

- А ты откуда такой взялся?! - ничуть не испугавшись, спросил бородатый и напрягся так, что казалось, вскочит, а такого ведь не остановишь даже выстрелом в упор.

Заметил он и микрофон у Берзалова, и его экипировку, в которой не было ничего лишнего, и, разумеется, спортивную фигуру, которую невозможно было спрятать ни под бронезилетом, ни под разгрузкой, ну и конечно, битую во всех отношениях морду боксёра. А это было страшно, потому что справиться с бывалым человеком не всякому по плечу. Но бородатый не испугался.

«Шкафы» же, напротив, к удивлению Берзалова, сделались неживыми и словно окаменели, выпучив глаза, как на привидение. Бородатый же послушно вернул руку на колени и сказал вполне миролюбиво:

- Сидим по-доброму, чай пьем, тут является ты, аки ангел...

- Нам нужен вертолётчик! - не стал слушать его Берзалов. - Отдайте нам его, и мы расходимся краями по своим делам, - добавил он своим хриплым, злым голосом и для убедительности похлопал левой рукой по автомату, не убирая однако пальца с крючка. - Ты кто такой? - он показал стволом на человека в реглане и с перевязанными запястьями. Откуда у тебя эта куртка?

Он даже не успел понять, чем тот пахнет, ясно только, что не добродушием и не по-свойски, не по-армейски, а как-то странно, как будто тонким запахом стылого пожарища. А это был нехороший запах, фальшивый запах, запах бывшего бандита, у которого душа выгорела до самого-самого дна, и больше гореть нечему.

- А нет вертолётчика! - заорал, словно очнувшись, один из тех, кто был квадратным, как шкаф. - Нет, и всё!!!

Лицо у него налилось краской, и Берзалов понял, что человек готов сорваться с резьбы и его ничего не вразумит: ни автоматы,

ни пулемёты, ни то, что его голова наверняка в перекрестии снайпера.

- Тихо, Гундоба! - оборвал его бородатый. - Видишь, человек нервничает! Не ровён час, стрелять начнёт... - и усмехнулся так нехорошо, что Берзалов понял, что без крови не обойтись, хотя кровь-то уже пролита.

- А мне наплевать! - всё-таки вскочил квадратный Гундоба.

«Бах!» - Морозов не оплошал, и пуля попала Гундобе в затылок. Он рухнул плашмя прямо в костёр, опрокинув котёл с кипящим мясом.

Берзалову в первую очередь почему-то было жаль мясо, а потом уже воинственного Гундобу. Всё мгновенно пришло в движение, люди у костра, над которым шипел белый дым, пригнувшись и закрывая головы руками, метнулись в разные стороны, подальше от Берзалова, под снайперки Гучи и Морозова, под пулёмёт Колюшки Рябцева, под гранаты Чванова и Сундукова. Им не страшны были ни очереди поверх голов, ни Гаврилов, ни Юпитин с Жуковым, которые выросли словно из-под земли и страшным голосом орали в свою очередь:

- Лежа-а-а-ть, суки! Лежа-а-а-ть, падлы!!! Дур-р-рилки картонные! Убьё-ё-м!!!

- Вашу-у-у Машу-у-у!.. - вторил им Берзалов и стрелял поверх голов.

Кто-то дёрнулся, поймав пулю, и ещё, и ещё, и только после этого всякое движение замерло. Так и положили всех семерых вокруг костра, от которого поднимался белый дым и нехорошо несло горелой плотью.

- Эх, такой обед испортили... - сказал кто-то с сожалением.

- Юпитин, Жуков, общите! - приказал Берзалов.

Он боялся, что в пылу неразберихи убьют вертолётчика, хотя уже понял, что никакой он не вертолётчик, а просто присвоил себе чужую одежду, и что разговорить его надо было в любом случае. И тотчас застрекотал пулёмёт на железнодорожной насыпи, посылая очередь за очередь в сторону поля и леса.

- Уходит! - заорал кто-то из своих. - Пацан уходит, сволочь! - и бил, и бил из пулемета.

Берзалов оглянулся: между осинам мелькала куртка, отороченная белым мехом. А по тому, как дёрнулся на крик бородатый, понял, что беглеца надо взять во что бы то ни стало, ибо, похоже, наявивал он целенаправленно в лес и может привести подмогу.

- Не стреляйте! - крикнул он в микрофон всем: Морозову, Колюшке Рябцеву, Гуче и Чванову на насыпи. - Я возьму!

Плохим бегуном оказался малый в куртке, настолько плохим, что одним махом израсходовал весь запал, хотя от страха и мелькал, как заяц, первые двести метров. Берзалов, который тренировался больше на выносливость, чем на взрывную реакцию, поотпустил его и дал выдохнуться. А потом уже стал медленно, но верно нагонять с каждым шагом, приравливаясь к ритму погони. И уже был уверен на все сто, что малому в куртке конец, что вот-вот он сам ляжет костью не дальше тех ивовых кустов и березок, за которыми начиналась низинка, как тот, похоже, на последнем издыхании, нырнул в заросли и... пропал. Через мгновение Берзалов был возле этих самых кустов и даже обежал их вокруг них. Что за чёрт! До леса было ещё метров сто. Спрятаться малому было негде. Он словно растворился в воздухе. Вот когда Берзалов пожалел, что не стрелял. Надо было валить его по ногам, да жалко было калечить. Всё-таки свой, молодой, родине нужен. А он возьми, да сбеги непонятно как. Берзалов сгоряча пронёсся до леска, недоумённо потоптался там, вернулся и только тогда обратил внимание на низинку. Это был даже не овраг и не лесная лощина, а просто начало странной дороги, которая упиралась в невысокий бугор. Обычно такие бугры образуются, когда бульдозером сгребают грунт, бугор зарастет, а дорога остаётся, потому что траву сильно примяли. Берзалов сделал шаг к эму бугру и: «Вашу-у-у Машу-у-у!..», вдруг понял, что видит продолжение колеи сквозь него, мало того, видит изгиб дороги, там - дальше, словно за травянистой пеленой. Да не какой-нибудь, а самой настоящей - лесной, широкой, хорошо утоптанной. Он сделал ещё два шага, прошёл сквозь склон бугра, как сквозь туман, и очутился не в поле, а в лесу. Деревья смыкались над головой, и вокруг царил зеленоватый сумрак, а за поворотом угадывались дома. Вот это да... подумал он. Ещё один квантор, на этот раз - лесной.

Когда он вернулся, Архипов в своей самоуверенной манере выговаривал Ивану Зуеву по кличке Форец:

- Что ты жрёшь, скотина?! Ты что жрёшь говно разное!

- Так-к-к... чего добру пропадать?.. - растерянно оправдывался Зуев, жуя то самое мясо, которое вывалилось из котла.

Архипов сунул дозиметр в мясо, ткнул им Зуеву по кличке Форец в морду и заорал:

- Смотри-и-и... уродина! Молодым хочешь умереть?! Да-а-а? Да-а-а? Да-а-а?!

Форец глянул на дозиметр и побежал в ближайшие кусты рыгать.

- Так... бойцы, все слышали?! - крикнул мудрый и уважаемый Архипов. - Прежде чем тащить что-то в рот, смотрите на дозиметр. - Норму знаете?..

- Знаем... - уныло раздалось в ответ.

- Так какого же лешего?! У нас этой жратвы под завязку! Лопатой гребь! Ещё раз увижу, зубы выбью! Всю жизнь деснами жевать будете!

- Сейчас Форцу морду набью, - пообещал Юпитин, покосившись, однако, на Берзалова.

Гаврилов прокомментировал:

- Учи дураков, учи, всё без толку... - и болезненно покривился, мол, народ дикий, рисковый, мозгами не соображают, а всё жопой, жопой, через натуру добирает. Самосознания на копейку.

Так по крайней мере, понял его Берзалов, направляясь к квантору, чтобы ещё раз обследовать его и наметить план мероприятий. Недалеко вдруг что-то зашевелилось. Берзалов собрался уже было стрелять, но из кустов, поддерживая штаны, вылез старший сержант Гуча по кличке Болгарин.

- Люблю пострять в начале мая... - напевал он, обмахиваясь веткой.

- Ты где ходишь?! - грозно спросил Берзалов, опуская автомат.

- Так-к-х-х... - обернулся Гуча и едва не упустил штаны. - Я ж-ж-ж... Мамой клянусь...

- Ну ладно... - смилостивился Берзалов, - беги к старшему прапорщику задание получи...

- Есть бежать... - скороговоркой ответил Гуча и исчез так же внезапно, как и появился.

Берзалов ещё раз обследовал въезд в квантор и определил, где поставить мины. Болела у него душа за дело, и он хотел сделать всё, что от него зависит и что не зависит - тоже. И чтобы никто не погиб, а все в целостности и сохранности вернулись в бригаду. А из Кеца десантника сделаем, подумал Берзалов и в мечтах переключился на Варю. Имел он такое законное право, да и душа у него болела.

Ночью была сухая гроза, без капли дождя. Сверкали тревожные зарницы, и грохотал далёкий гром. Плоские тени ложились на землю. И зелёный туман струился в лощинах, нагоняя страх на часовых.

Спали тревожно, нервно. Даже Сэр повизгивал во сне. Кец же, набегавшись, и под впечатлением минувшего дня, дрых на новом месте без задних ног.

Гуча, то бишь Болгарин, заступил на пост на «собачью вахту» – ноль-ноль ночи и обозревал окрестности с помощью СУО. Два секрета стерегли квантор пуще собственного глаза. Ещё один был выдвинут к семафору, чтобы мимо не проскочила даже муха, не говоря уже о автодрезине, хотя Берзалов в неё и не верил и считал эту меру излишней. Правда, он не остановил Гаврилова, когда тот приказал проштрафившемуся Форцу взять двенадцатикилограммовую мину и переть её на развилку дорог за станцию:

– Установишь, и боже упаси тебе уснуть! – наставлял он его. – Лично проверю три раза!

И ведь не поленился, пошёл же и проверил. Форец же с его цыганской физиономией был воплощением воинской дисциплины. Но было видно, что стоит ему удалиться от старшего прапорщика на три шага, как все благие намерения улетучатся, как весенний туман, и он снова станет разгильдяем во всех отношениях.

Он проснулся, когда ещё было темно, и покинул дом, чтобы обговорить с Гавриловым следующие их действия. До пробудки ещё оставался целый час, но небо было тёмным и мрачным, на западе вспыхивали зарницы, и непонятная зеленоватая дымка скрадывала равнину. На душе было тревожно.

Накануне они так и не пришли к единому решению: идти или не идти. Можно было, конечно, приказать: направляемся, мол, в этот самый квантор до упора, всё, баста! Но во-первых, Спас молчал, должно быть устал от обличительных тирад, а во-вторых, Берзалов сам сомневался, а надо ли лезть наобум лазаря в этот непонятный коридор, ещё не ясно, куда он выведет. Ему даже приснилось, что они сунулись в квантор, а там засада, и всех их, конечно же, ни за что ни про что положили, как цыплят, при этом, прежде чем погибнуть, он испытал ужас от неправильно принятого решения. Поэтому они договорились с Гавриловым обсудить вопрос на рассвете по принципу: утро вечера мудрее. Разговор с Буром о каком-то Комолодуне

пришлось отложить на потом, хотя сам же Берзалов не без основания полагал, что гром гремит не из тучи, а из навозной кучи, то есть Бур просто фантазирует. Никто не наблюдал за ним провидческих способностей. Хотя чем чёрт не шутит, может, на Бура просветление нашло, может, так радиация действует – избирательно, что ли? Дураков облагораживает?

Гаврилов курил на крыльце, отгоняя дымом утренних комаров. Он ничем не пах, кроме табака, и Берзалову было приятно, что с ним не надо напрягаться и хитрить.

– Чего, не спится?

– Да так... – подвинулся Гаврилов, освобождая место, – думаю... дурилка я картонная...

И так у него это здорово вышло, так по-свойски, совсем не уничижительно, а дружески, что Берзалов испытал острый приступ тоски оттого, что рядом с тобой сидит хороший человек, свой в доску, который не предаст и даже плохо не подумает, а ты с ним, кроме как о войне, ни о чём другом говорить не можешь, не потому что не умеешь, а потому что время такое – атомный век, будь он неладен. Проклятая жизнь, с горечью подумал Берзалов. Был бы мир, мы с прапорщиком зависли бы где-нибудь в ресторанчике над Мойкой и наговорились досыта. Напились бы до поросычьего визга и дружили бы всю оставшуюся жизнь, ходили бы друг к другу в гости, и вообще... много ли человеку надо?.. Не денег, не славы, а лишь бы был мир, и Варя, конечно. Варя... Варя... Ох, Варя! О Варе он готов был думать часами.

– Почему?.. – удивился он.

Гаврилов редко проявлял чувства, тем более при Берзалове, потому что военная субординация была у него в крови.

– Тягостно что-то на душе... – вздохнул Гаврилов.

Берзалов тактично промолчал, решив, что Гаврилов вспоминает прошлую жизнь, должно быть, семью в Пскове, о которой он никогда ничего не рассказывал. И тоже помолчал немного, вдыхая сигаретный дым и свежий ночной воздух. Но оказывается, Гаврилов думал о деле.

– Странно... – сказал он, – радиация на рассвете падает.

Они давно уже отметили это необычное явление, в котором не было логики. Даже учёные не могли его объяснить. Днём радиация возрастала, к обеду набирала максимум, а ночью снова падала. В солнечные дни она была заметно выше, а в дождливые – естественным образом убывала. У Славки Куоркиса была своя

теория на этот счет: он считал, что радиация подпитывается солнцем. Идея эта лежала на поверхности, и опровергнуть её было трудно, потому что Берзалову не хватало знаний в этом вопросе, чем его друг беззастенчиво и пользовался. Так или иначе, но факт оставался фактом – на рассвете радиация была самой низкой, и поэтому обычно возникло благодное ощущение, что всё будет хорошо. Под воздействием ли этих чувств, или по каким-то другим соображениям, но они оба решили, что надо двигать в этот самый квантор, а там видно будет.

- Ну во-первых... вертолётчика спасём... - принялся рассуждать Гаврилов, - а во-вторых... - пробормотал, - дурилка я картонная... - и вдруг замолчал на самом интересном.

Берзалов понял, что Гаврилов прислушивается. Он и сам невольно прислушивался со вчерашнего вечера и всё ждал выступления голосистого Скрипея, но кроме комариного писка, ничего не услышал. А надо было слышать, потому что голос у Скрипея был не то что бы неприятен, а просто выворачивал душу наизнанку, и подвергаться второй раз подобной экзекуции не хотелось. С тех пор страх сидел где-то в подкорке, как страх высоты. Но Скрипей не появлялся. А может, и появлялся, но помалкивал, как помалкивала и СУО, на которую возлагали большие надежды и которая должна была его обнаружить при любых обстоятельствах. По крайней мере, и Берзалов, и Гаврилов так думали.

- А во-вторых... - продолжил Гаврилов, тактично выдохнув дым в сторону, - это лучше, чем попасть в ловушку.

Они уже обговорили эту идею и пришли к выводу, что и вертолёт, и бэтэры сгинули не просто так, не по глупости, а угодили в эти самые ловушки. Получалось, что чем ближе они будут приближаться к неизведанной области, тем чаще будут возникать ловушки? Думать об этом не хотелось, потому что приказа о глубокой разведке никто не отменял.

- Конечно, никто не гарантирует, что в кванторе их нет, - высказался Гаврилов. - Но почему тогда этот в куртке улизнул туда?

- Я тоже ломаю голову, - признался Берзалов так, что расписался в собственной бессилии. - Мало у нас информации, и мы можем только предполагать.

- Нашим бы сообщить, - мечтательно высказался Гаврилов, выдыхая дым кольцами. - Да связи нет.

У пленных они выяснили следующее: куртку, шлем, штаны и берцы они нашли в канаве, о вертолётчике слухом не слыхивали,

а в поле расположились, потому что свобода однако. Как упёрлись на этом, так и стояли насмерть. Даже когда Берзалов застрелил жожака. Никто не сдался. Гаврилов отвёл его в сторону и сказал:

- Не знают они ничего. После такого... точно бы заговорили.

А застрелил Берзалов жожака, когда выяснилось, что они держали рабов. У двоих были кандалы на ногах – так давно, что железо стерло плоть до кости, а того который рубил мясо, у лейтенанта Протасова, было перерезано сухожилие. В плен он был взят совсем недавно на одной из застав в тамбовской области и был ежедневно бит ради развлечения – оказалось, тем самым подростком в куртке, отороченной мехом – сыном жожака.

- Отрабатывал на мне удары, – пожаловался Протасов, демонстрируя синяки и ссадины на теле. И не кормили, гады, сырое мясо только и ели...

Оказалось, что под Шульгино застряла строевая часть, без связи с кем бы то ни было все эти полтора года, и они уже решили, что остались одни-одинёшеньки на всей планете. Но руки не опустили, а тоже проводили глубокую разведку по всем правилам и в сторону Поволжья, справедливо полагая, что западнее и южнее никто не спасся, и южнее, к Каспию. Правда, ресурсов у них было меньше, чем у девяносто пятой отдельной бригады специального назначения. Соответственно, и результаты оказались скромнее. Выяснилось, что Пенза пострадала мало, а Самара, как и большинство городов на Волге, уничтожена под корень.

- Так это они и у нас выкрадывали людей... – догадался Юпитин и сжал кулаки.

После этого судьба пленных была предрешена. Люди в бригаде, конечно же, пропадали по всем законам военного времени. Этого никто не отрицал, но последнее время такое происходило всё чаще и чаще. А выследить, кто нападает, было затруднительно из-за растянутых коммуникаций и разгильдяйства: один пошёл по радиоактивные грибы и не вернулся, другой подался в ближайший хутор, где находились женщины, третий решил отведать самогона и сгинул с концами то ли в деревне, то ли по пути в неё, ну и так далее и тому подобное. Единственно, от них добились признания, что они и есть те самые «дубы», о которых все слышали, но никогда не видели. И что эти «дубы» вольготно себя чувствовали при полном безвластии и, можно сказать, правили на свободных территориях, как им заблагорассудится.

А насчёт гипноза версия не подтвердилась. Не владели «дубы» гипнозом, иначе бы положили бы всех и заставили бы плясать «камаринскую» под свою дудку. В данном случае народный фольклор подкачал.

А ещё Берзалов понял, что с психикой у «дубов» действительно плохо: не понимали они человеческой логики, как будто её и не существовало. Говоришь им одно, а они выворачивают так, как им хочется, хоть кол на голове теши. Даже когда их убивать стали, они не изменили своего поведения и демонстрировали полное бесстрашие перед смертью, что, вообще говоря, присуще животным, а не человеку. Сбросили их в ближайший овраг и завалили камнями. И только тогда обнаружили, что они фонят, как термоядерные головки. Да и то случайно, если бы не дотошный Гаврилов со своим дозиметром, так и пропустили бы этот важный факт. А факт как минимум подтверждал, что настоящие «дубы» радиации не боятся и что они, быть может, и есть те самые хомо-радиоактивнус, о которых твердил всезнающий Геннадий Белов. Это также подтверждалось тем фактом, что «дубы» с удовольствием лакомились радиоактивной едой. На всякий случай Гаврилов всем выдал по две таблетки заморского зелья да заставили под завязку брусничного чая напиться. Этим и ограничились.

- Тупоголовые, - убеждённо сказал Гаврилов, запивая свою порцию. - Я бы таких в колыбели...

- Может, они не сразу такими стали, товарищ прапорщик? - на правах командира первого отделения предположил Архипов. - Может, это всё радиация? Вон какие они здоровые, как кабаны. Может, из квантора сбежали, где еды навалом?

- Ага-а-а... - иронично отозвался Юпитин, - и тёлк...

- Кто о чём, а вшивый о бане... - сурово заметил Берзалов и отправил обоих ставить мины перед квантором - настоящие, боевые, а не сигнальные.

Хотел вначале отрядить Бура, да вспомнил, что это чудо природы надо беречь, как зеницу ока, прежде всего, из-за непонятого, таинственного Комолодуна. Да и вообще, жалко его стало, убогий он какой-то, можно сказать, пришибленный валенком. Сперва выясню, что такое Комолодун, а потом буду посылать куда угодно, даже в разведку, решил Берзалов. А пока пусть сидит в отделении, вшей щёлкает.

- Чё-ё-рт их знает... - задумчиво согласился Гаврилов, - хотя насчёт еды и тёлк сильно сомневаюсь. Дурилки они картонные. Кто бы им позволил власть захватывать на сопредельных

территориях? – и сам же ответил: – Никто! А вот насчёт квантора надо подумать. Дело это серьёзное. Вроде бы шуточки и хаханьки, а ведь лезем в пасть волку. Крепко думать надо. Изведанными путями проще... и привычнее... – Он загадочно косился на Берзалова и ждал, что тот скажет.

Я и сам боюсь, подумал Берзалов, испытывая однако злорадство по отношению к Гаврилову: значит, и ты слаб точно так же, как и я. Но это было слабым утешением.

– Так ведь шли же?.. – в унисон сомнениям напомнил он. – Шли и не дошли. Два раза по земле и три раза по воздуху? И что теперь прикажете делать?

– Ну?.. – вопросительно уставился на него Гаврилов, словно Берзалов должен был окончательно сформулировать концепцию проникновения во вражескую область, хотя до Харькова было ещё километров двести с гаком.

Трудно было определить степень риска при таких скудных исходных данных. Приходилось кивать на русский авось, который, как известно, был очень рискованным, но вроде как осознанным выбором. Мол, выбрали русский авось, пошли и пропали героями. Но ведь могло быть и наоборот: рискнули и выиграли тоже героями. А победителей, как известно, не судят, за риск не журят и с горчицей не кушают. Победителей носят на руках, пьют коньяком-спиртом и награждают орденами и медалями.

– Если я погибну, то вы, Роман Георгиевич, – вдруг сказал Гаврилов, – сможете завершить разведку. А если вы погибнете, то это под большим вопросом, – и сокрушённо покачал головой, как будто Берзалов уже погиб, а Гаврилов оплакивает и водку пьёт.

– Справитесь, справитесь, – не уступал ему Берзалов, хотя чуть-чуть сомневался из-за ревности к делу, ибо считал себя лучшим из лучших и разумеется, самым-самым везучим. А в таком деле везучесть – главный аргумент. Но ведь об этом же вслух не заявишь? Не заявишь. Глупо и самонадеянно. Такие мысли надо держать при себе. Нескромные это мысли и в любой момент могут обратиться твоей слабостью.

И, конечно, они поспорили. Старший прапорщик не сомневался в его храбрости, но хотел для пользы дела пожертвовать собой. Я своё уже пожил, словно говорил он всем своим видом, а вам пацанам жить и жить. Так что не мешай мне, товарищ старший лейтенант, без пяти минут капитан, дай исполнить свой долг. Может, другого шанса и не выпадет. Не хочу умереть внезапно

от шальной пули или от простуды. Пусть это будет осознанный, преднамеренный шаг. А с почестями мы потом разберёмся. Да и какие почести у военных? Разве что залп над могилой? Да и то её, этой могилы, может и не быть. Вон как всё перевернулось. Миллионы лежат в сырой земле, не оплаканные и не известные, а мы здесь славу делим. Глупо!

Берзалов же подозревал, что Гаврилов видит его насквозь: его трусость, сомнения, нерешительность, и запаниковал, а в следующую минуту понял: хитрый прапорщик использует этот факт в своих целях. Хотя цель и была направлена исключительно на благое дело. Конечно же, Берзалов не мог согласиться, чтобы им манипулировали исподволь. Поэтому он не уступал пальму первенства:

- Пойду я!

- Дурилка я картонная! - вдруг воскликнул Гаврилов. - Одного не учёл, вам ведь больше поверят, чем мне, если что...

- Что если что?.. - с подозрением спросил Берзалов.

- Ну если... я погибну...

Белый шрам под ухом побелел у прапорщика ещё больше.

- В смысле?..

- Ну что не испугался... не сбежал... не предал... не ушёл...

- Куда-а-а?.. - с ещё большим подозрением спросил Берзалов.

- Ну-у-у... - помялся Гаврилов, - к «дубам», например...

- Знаете что... товарищ старший прапорщик... - начал заводиться Берзалов, цедя слова сквозь зубы. - Вашу-у-у Машу-у-у!.. В благородство играете?.. Приказываю... Вашу-у-у Машу-у-у!.. Моя машина идёт первой! Исключительно добровольцы! Если через час не подадим знака, уходите по маршруту и действуете самостоятельно в соответствии с планом. А когда вернётесь к нашим, доложите командованию все обстоятельства. Я ещё записку напишу на всякий пожарный, чтобы никто не сомневался в вашей честности и порядочности! Я уже не говорю о долге! Дату поставлю и время! Вашу-у-у Машу-у-у!..

- Зачем?.. - оторопело удивился Гаврилов.

- Так надо, - твёрдо сказал Берзалов, хотя совсем не испытывал этой самой твёрдости, а как всегда, страшно сомневался. - Записку вручите командованию, чтобы к вам не было претензий.

- Роман Георгиевич... - попробовал было возразить Гаврилов.

Но Берзалов его оборвал:

- Всё! Федор Дмитриевич-ч-ч... Всё! Идите готовьте экипаж.

- Есть готовить экипаж, - расстроено поднялся и козырнул Гаврилов.

И вот тогда-то Берзалов понял, что перегнул палку, что прапорщик ни в чём его не подозревает: ни в трусости, ни в слабости, потому что на лице у него было написано такое огорчение и разочарование, которые никак подделать невозможно. «Хороший ты мужик, - едва не расчувствовался Берзалов, - очень хороший, но всё равно я пойду первым, и баста!»

Потом он, всё ещё страшно расстроенный, потопал в соседний дом к бывшим рабам, которых обогрели и накормили от живота и которые всё ещё спали, как и Кец, без задних ног, разбудил Протасова и сказал:

- Мы сейчас уходим. Взять вас не можем. Но я вас прошу дойти до наших и передать донесение. Здесь вам пути два дня. Еду и оружие мы вам дадим. А на словах скажете, что мы вошли в квантор, ну... в этот туннель, - объяснил он, заметив, что Протасов его не понял. - Ну и расскажете, что да как. Я здесь всё изложу... - он протянул лейтенанту пакет.

- Как же мы дойдём?.. - огорчённо спросил Протасов, намекая на свою хромоту.

- Филатов!.. Померанцев!.. - крикнул Берзалов.

- Здесь мы! - оба появились, словно только и ждали, когда их позовут.

- Ну что?.. - таинственно спросил Берзалов.

- Нашли «ниву-шевроле». Побитая, он ездить можно, - поделовому доложили они.

- Заправили?..

- Так точно, под завязку. И две канистры запаски.

- Ну вот, - будничным голосом сказал Берзалов, поднимаясь, - транспорт у вас есть. Приедете к нашим, там вас подлечат. Лейтенант, держи карту с маршрутом. Никуда не отклоняйтесь. Двигайтесь на север, в бассейне между реками Сосна и Дон. Ночуйте исключительно в поле. Да собственно, у вас одна ночевка-то и будет. А если поспешите, то и без неё обойдётесь. Берегитесь волков. Города объезжайте, них могут быть ловушки.

Помните, что ваша главная цель – связь! Перед заставой в Ефремово дадите ракеты: две красные и одну зелёную.

– Две красные, одну зелёную, – погасшим голосом ответил лейтенант Протасов.

Накануне вечером он долго упрашивал Берзалова взять его с собой.

– Я три раза бежал. Меня ловили. На третий раз сухожилие перерезали. Убежать невозможно. Здесь надо знать ходы и выходы, то есть эти самые, как вы называете, кванторы.

– Ты пойми... – терпеливо, как больному, возражал Берзалов. – Вояка сейчас из тебя с такой ногой – вообще никакой. На тебя ветер подует, ты упадёшь.

И действительно, лицо у лейтенанта выражало крайнюю степень усталости. Казалось, толкни его, и он улетит, как лист на ветру.

– Ну и что?.. – твердил лейтенант. – Зато я злой...

– Мы тоже злые. Я бы ещё понял, если бы вы что-то знали об этих таинственных кванторах. Но вы ведь ни сном, ни духом?..

– Ну да... – уныло соглашался Протасов. – Не буду врать. В туннель никто из нас не попадал. Секретов «дубов» мы не знаем.

– И ребята твои тоже не в лучшей форме, – приводил следующий аргумент Берзалов. – Один слесарь из Сосновки, второй – комбайнёр из Кацапетовки. Какие вы бойцы? Больные насквозь. Свалитесь, возись с вами.

– А мальчишка?.. А собака?.. – с болезненной надеждой цеплялся Протасов, опираясь на самодельный костыль.

– Мальчишку мы бросить не могли, – объяснял Берзалов. – Мальчишка, считай, от верной смерти спасён. Ну а пёс – это его друг.

– Понятно... – уныло соглашался Протасов и смотрел на Берзалова просящими глазами.

Боялся он чего-то и пах горелой резиной – потерянной душой, в общем, перспективы у него в жизни были самые что ни на есть ужасные. Берзалов просто дальше не заглядывал – страшно было, поэтому, собственно, и не брал лейтенанта с собой. В какой-то момент ему стало его жалко, но он пересилил себя. Авьось выживет, подумал он. Но с нами ему не по пути. С нами одни неприятности.

Если судьбу других он ещё мог предугадать, то в отношении собственной персоны у него была полная темень. Не видел он свою жизнь. Даже не представлял её. Не было у него таких талантов.

- Всё! - говорил он в десятый раз. - Всё, лейтенант... вопрос решён! Будет у тебя ещё время для подвига, будет, поверь мне, время такое. Потом спасибо скажешь. - И подумал, не объяснять же, что мы живём в атомный век, в котором на долю военных выпали все тяготы и лишения. И никуда от этого не денешься, даже если очень захочешь, разве что в «дубы» записаться? А ты, лейтенант, своё ещё хлебнёшь, потому что ты правильный человек, всё понимаешь и отлынивать от долга не будешь. Не будешь ведь? И с надеждой глядел на него - понял или нет?

- Да... - обернулся, уходя, Протасов, - «дубы» бронепоезда ждали.

- Како-о-ой бронепоезд?.. - безмерно удивился Берзалов, и от злости у него аж скулы свело.

Воистину мир полон неожиданностей. Это тебе не в окопе сидеть, подумал он сердито, испытывая самые негативные чувства и по отношению и к этому лейтенанту, и в отношении самой жизни в этот самый чёртов атомный век.

- Да болтали... - лейтенант Протасов кивнул в сторону оврага, где покоились «дубы».

Осуждает он нас, что ли? - едва не взвился Берзалов. Удивлению его не было предела. Но он не стал обострять вопрос - не ко времени, да и какая, к чёрту, разница, что думает лейтенант о своих бывших хозяевах, лишь бы доставил донесение. Если он нас осуждает, подумал Берзалов, то значит, мало горя хлебал, а если наивный - то дурак, потому что не бывает всеобщей справедливости ни при каком строе.

- Слышал я, что ходит здесь бронепоезд под командованием какого-то генерала Петра Матвеевича Грибакина. Нас, собственно, хотели продать ему в качестве кочегаров. Поэтому и ждали.

- Вашу-у-у Машу-у-у!.. - всё-таки выругался Берзалов. - О самом главном ты молчал!

- Да вы с нами и не разговаривали, - упрекнул его Протасов в том, в чём и упрекать нельзя было.

Берзалов от злости стиснул зубы и на мгновение закрыл глаза, успокаивая себя, спокойно Роман, спокойно:

- Лейтенант... ты сколько лет в армии?

- Ну-у-у... год и... - он пошевелил пальцами, считая, - три месяца...

- Ясно... - Берзалов даже простил ему его мычание. - Тебя что, не учили докладывать командованию обо всём, что имеет стратегическое и тактическое значение?

- Учили... - признался Протасов. - Но вы как-то отнеслись...

- Что-о-о?! Ты где, в армии или на танцульках? Отнеслись к нему не так! Послушай... лейтенант... - чтобы успокоиться, Берзалов хватил его за руку. - Здесь творится такое, а ты молчишь, что я должен думать?!

Он в упор посмотрел на него - понял или нет? А подумал Берзалов о лейтенанте, что он идиот, полный и беспросветный.

- Я не знаю... - признался Протасов, отводя взгляд в сторону, как нашкодивший щенок, и пытаясь вырвать руку из цепкой хватки Берзалова. Лицо у него дёрнулось и вдруг стало старым-старым, как рано увядающее яблоко.

«Вашу-у-у Машу-у-у!..» - снова едва не выругался Берзалов и вдруг понял, что Протасов или облучен, или привык, что в армии о него все вытирают ноги. Значит, он ни на что не годен, а его заявление о злости - не более чем реакция на освобождение. Адреналин в крови гуляет. Но все эти психоанализы мне абсолютно не нужны. Мне и без них хреново и забот выше крыши. Чтобы разбираться в психологии лейтенанта, нужно время и душевные силы. Ни того, ни другого у меня нет. У меня другие цели. А за психоанализом пусть ходит в какой-нибудь девке.

- Все-е-е! - процедил он сквозь зубы, отпуская руку лейтенанта.
- Вам на север, нам на юг. И помни, лейтенант, твоя задача добраться живым и здоровым!

- Разрешите выполнять? - лейтенант Протасов всё понял. Раз перешли на тон устава, значит, неофициальная часть закончена. Это он понимал, этому он был обучен, это он хорошо запомнил, потому что натаскивали его вначале сержанты в учебке, а потом командиры в армии, но, видать, не натаскали.

- Выполняйте!

- Есть! - Протасов повернулся через левое плечо и отбыл в неизвестность.

Берзалов посмотрел ему вслед и понял, что лейтенант Протасов не дойдёт, что с ним обязательно приключится

что-то нехорошее. Но менять что-либо было поздно. Авань пронесёт.

Глава 5

Вертолётчик и первые потери

Разумеется, Берзалов рассказал Гаврилову о бронепоезде, о таинственном генерале Петре Матвеевиче Грибакине, о котором никто слыхом не слыхивал. О лейтенанте не упомянул, посчитав это неважным. К тому же говорить о ком-то за глаза было глупо и непоследовательно – пустое сотрясение воздуха. Всё равно не дойдёт, думал Берзалов о хромом Протасове, а дойдёт, значит, нам повезёт. Но здесь я уже бессилён. Я ведь не господь бог. Я могу только советовать.

– Не фигу себе!.. – крайне удивился прапорщик и шутливо выпучил глаза. – Где они тепловоз-то взяли?..

– В каком-нибудь ангаре... – здраво рассудил Берзалов. – А что?.. Хорошая идея. Сделать бронепоезд из подручных материалов и мотаться, контролировать малыми силами большую область. Может, наши на него и нарвались? – он тут же вспомнил слова подполковника Егорова о том, что вторая наземная группа была окружена живыми механизмами и что «район техногенный».

Но об этом, разумеется, Гаврилову ничего не сказал, иначе расспросов не оберёшься. Тогда уже придётся рассказывать и о американцах, и о их десанте, и о военной базе. Только как-то всё это не состыкуется с квантором, то бишь с бесконечным коридором, каким-то Скрипеем и каким-то Комолодуном. Последнее, конечно, можно было отнести на счёт богатой фантазии Бура. Но чем чёрт не шутит, когда бог спит? Вдруг на Бура снизошло просветление? Берзалов теперь готов был поверить во что угодно, даже в бред подчиненных. От этих мыслей голова у него пухла и он чувствовал себя не очень уверенно, хотя, разумеется, вида не подавал, бодрился. Следовало призвать ворчливого Бура, чтобы допросить его, но, как всегда, времени было в обрез. Потом, решил он, тем более что таинственный Комолодун как бы и не списывался в происходящее, значит, есть шанс, что Бур просто несёт окопелесу, хотя вроде трезвый и клея не нюхал. Надо будет за ним понаблюдать. Может, он просто скрытный психопат? Тогда придётся его списать и оставить в какой-нибудь деревне, пусть гусей пасёт, если на большее не годен.

– Есть вероятность, что первая группа погибла именно из-за бронепоезда, – раскрыл Берзалов часть тайны, хотя, конечно,

это была всего лишь его догадка. – Плохо, что я в донесении ничего об этом не сообщил. Можно было выслать ударную группу, где-нибудь его перехватить. А вертолётчики?.. – вспомнил он и вопросительно уставился на Гаврилова, его осенила идея.

– Ну да... – озадаченно поддакнул тот с очень серьёзным лицом, – получается, что бронепоезд сбил все три? Так не бывает. Несостыковочка. Эх, найти бы того вертолётчика... – вздохнул он.

– Я тоже об этом думал, – признался Берзалов. – Какая-то странная закономерность: все три вертолётчика погибли один за другим...

– И в одном месте, – многозначительно добавил Гаврилов, глядя при этом крайне озадаченно на Берзалова.

– Гадать бессмысленно. Сейчас всё узнаем. По крайней мере, о кванторе, а если повезёт, то и о Скрипее. Что это такое за чудо, и в кого стрелял Архипов?

– Тьфу-тьфу... – поплевал Гаврилов через левое плечо и сделал вид, что этим обезопасил все их начинания.

– Кстати, что там Форец, то есть Зуев?.. – спросил вдруг Берзалов.

Он подумал, что бронепоезд вполне может свалиться, как снег на голову именно в это утро. Кто ему мешает по закону подлости? Никто. Правда, накануне рядовому Ивану Зуеву, в виде наказания, а может, и, наоборот, ему вопреки, выдали противотанковую мину и строго-настрого наказали, никуда не сворачивать, а выдвинуться, конкретно, за станцию и заминировать подъездные пути. Мина ТМ-89А срабатывала как от большой массы металла, так и от контакта и вполне могла уничтожить хоть три десятка тепловозов.

– Молчит пока, как воды в рот набрал, – ответил Гаврилов, и голосе его прозвучала неуверенность, мол, как бы Форец глупостей не натворил? Склонен он к этому.

– А связь?.. – напомнил Берзалов.

Не мог он подозревать Гаврилова в разгильдяйстве. Скорее всего, замотался старший прапорщик. Да и по всем оценкам опасность со стороны разъезда была самой минимальной. Только Берзалова что-то тревожило, хотя Спас молчал.

– Полчаса назад разговаривал. Не пойму, глушит нас, что ли, кто-то? Еле-еле слышно. В наушниках гудит чёрт знает что.

– Пошли бойца узнать.

- Да я хотел его снять примерно через полчаса, - доложил Гаврилов, взглянув на часы. - Как только вы сигнал дадите, что всё нормально, я его и сниму.

- Тоже верно... - в раздумье согласился Берзалов. - Но бойца для контроля всё-таки пошли.

С тех пор, как небо стало зеленоватым, локальная связь у них, действительно, работала неважнецки. Рассчитанная на радиус в семь километров, она едва «брала» половину расстояния, и хрипела, и сипела на все лады, как старый ламповый приёмник.

- Мину разряжать не будем, так и оставим, только переведем её в нерабочее положение, - сказал Гаврилов.

- Хорошо, - согласился Берзалов. - А лучше вообще не переводить, не фиг здесь всяким бронепоездам гонять.

- Тоже верно, оставим не разряженной, - легко согласился Гаврилов, хотя, конечно, это было не в традициях армии - оставлять всякие пакостные ловушки. Для кого? Для своих же, русских, только вмиг ставшими разбойниками и бандитами. Но здесь была неизведанная область, и он не возражал, тем более, что второй раз мину использовать было нельзя, ибо если её активизировать второй раз, то она, согласно инструкции, самоликвидируется.

В квантор прокрались со всей предосторожностью, на которую были способны, вползли, как улитка: на первой передаче, тихонько, не газуя - сунулись, словно краб из-под камня - на пляж, и огляделись. Только тот, кто ходил по этому пляжу, оставил вполне рельефные следы протекторов.

Мины, которые выставили на ночь на въезде в кванторе, убрали, и экипаж был в полном составе, кроме, разумеется, Кеца и Сэра. Кец устроил маленькую истерику, решив, что накануне самого интересного от него хотят избавиться, но когда его пересадили во второй бронетранспортёр и дали шоколадку, смирился, только хлюпал носом и обиженно косился на Берзалова, как на виновника своих бед. Архипов, который взял над ним шефство, вручил ему лакомство и сказал:

- Ты главное, дождись первого экипажа... мы люди военные, надежные, как наш бэтээр, - и похлопал по его стальному боку.

- Ага... - соглашался с ним Кец, набивая рот шоколадом и косясь на своего благодетеля, как верующий на икону.

Сэр в свою же очередь не отрывая от него взгляда, пускал длинные-длинные слюни и был не менее предан Кецу, чем Кец - Архипову.

Гаврилов прикрывал тыл и дышал в микрофон взволнованно, как спринтер, побивший мировой рекорд. Всё будет хорошо, думал Берзалов, всё будет просто отлично! – уговаривал он сам себя, напряженно вглядываясь в СУО, и не верил, не секунду не верил самому себе – уж очень всё складывалось как-то естественно. К тому же экран был мёртв и кроме второго борта ничего не показывал. Позже вместе со связью и второй пропал, но пока они их видели.

На прощание Гаврилов пошутил:

– Роман Георгиевич, мы вас ждём, как любимую тещу, самое позднее через час.

Это было намёком на ностальгическое прошлое Гаврилова, который как-то проговорился, что тещу у него звали Клавдией Михайловной и, вопреки стереотипам, он с ней ладил и даже, можно сказать, любил сыновней любовью, возил подарки и заботился, как умел заботиться только военный человек, полжизни проживший в гарнизонах и на заставах: регулярно звонил, справлялся о здоровье и отсылал оказией или через почту всякие южные деликатесы. В общем, баловал.

– Как договорились, – подтвердил Берзалов, добавив, – через час по плану уходите в сторону Харькова, – и подумал, что раз Спас молчит, то имеются все шансы на благополучный исход мероприятия.

Бур тайком перекрестился, а Колюшка Рябцев зажмурился, оскалился и, должно быть, приготовился к самому худшему, к Скрипею и ещё к чему-нибудь ужасному, например, к ядерному взрыву, но ничего не произошло. Только Бур, который сидел ниже и впереди Берзалова на месте стрелка, явственно и громко икнул.

– Крути башкой! – сердито произнёс Берзалов, и Рябцев впился глазами в прицел так, словно видел его впервые.

У Берзалова из головы всё ещё не выходил разговор с прапорщиком, и поэтому он был злым и нервным. Последнее, конечно, было особенно хорошо там, где грозила опасность, то бишь в данный момент в лесном кванторе. Договорились его так называть, в отличие от школьного квантора. Берзалов его так и обозначил в донесении, которое отдал лейтенанту Протасову, и в пакете, который вручил Гаврилову. То-то у подполковника Егорова глаза на лоб полезут, думал он так, словно ему было пятнадцать лет и он всех хотел страшно удивить, чтобы о нём думали только хорошее и вспоминали незлым, добрым словом.

– Вы, Федор Дмитриевич... простите меня, – неожиданно даже

для самого себя сказал Берзалов. – Не прав я. Но... и вы тоже не правы...

– Ну-у-у... – великодушно отозвался Гаврилов тем тоном, когда думают об одном и том же. – Главное, чтобы задание выполнили. А то, что мы спорим, так-х-хх... это ж-ж... для пользы дела.

Он крутил своим рязанским носом и был абсолютно, стократно, всецело прав. Полностью с вами согласен, подумал Берзалов и без всяких там телячьих нежностей и объятий на дорожку прыгнул в бронетранспортёр, и они понеслись.

Дорога, похожая на туннель, плавно повернула влево, деревья сомкнулись, зелёный полумрак накрыл их. Берзалов включил подсветку. Вернее, СУО сама всё сделала, хотя это мало помогло. Если какой-нибудь американец и сидел в кустах, например, с ракетой «джавелин»¹¹, то его всё равно не разглядеть впопыхах, да и поздно. Шарахнет так, что броня покажется бумагой.

Потом сделалось светлее: прояснилось, и они въехали в поселок – вполне целый, хорошо сохранившийся, с дощатыми заборами и яблонями в цвету.

– Вашу-у-у Машу-у-у!.. – кажется, прошептал Берзалов, но больше ничего не добавил, иначе бы его слова могли интерпретировать как годно: и как панику, и как воззвание Гаврилову к помощи. Прапорщик и так тут как тут – напомнил о себе, за одно проверяя связь:

– Остриё сеть! Остриё семь! Роман Георгиевич, что у вас там?! – всполошился он.

Его голос едва был слышен сквозь бесконечный космический гул.

– Остриё пять, всё нормально... – не поверил даже самому себе Берзалов, – находимся на краю пустого посёлка. Ведём разведку.

Аппаратура шифрации и дешифрации задерживала ответ на долю секунды. Накануне они обговорили и эту предосторожность, задействовав СУО на полную катушку, хотя теряли оперативность.

– А то мало ли что... – сказал Гаврилов. – Услышит кто-нибудь, и пиши пропало.

Берзалов хотел сказать, что связь вообще стала глуше, что это плохой признак, но не успел. СУО вдруг выставила красную «галку», а где и как в привязке к местности – визуально не определишь, потому что заборы и дома закрывали видимость. Правда, азимут был взят верно. Если бы не азимут, лихорадочно

подумал Берзалов, то вообще кранты. Колюшка же Рябцев выдохнул все свои ночные страхи:

- «Бредли»!

- Вижу... - спокойно ответил Берзалов и приказал: - Филатов, назад! Всем из машины - вон! Рассредоточиться!

Это манёвр у них был отработан до совершенства. Не зря он гонял экипаж до посинения: «высадка и посадка на бронетранспортёр». Главное, чтобы никто руку себе не сломал, как Кумарин, подумал он. Гаврилов почему-то молчал, вроде как ничего не слышал, но сейчас было не до него. Сейчас надо было выкручиваться.

- Чванов, можешь достать его из «шмеля»?

- Могу! - бодро ответил Чванов и надел свой огромный шлем, величиной с казан.

- Я могу! - подпрыгнул Бур.

- Сиди на месте! - приказал Берзалов. - Или нет, будешь вторым номером.

- Есть вторым номером! - обрадовался Бур и, забыв, что надо обязательно поворчать, проявить, так сказать, характер, неуклюже полез из бронетранспортёра, как всегда, выронив магазин.

- Быстрее, быстрее, ребята! - торопил их Берзалов, - потому что если америкосы опомнятся, нам голов не сносить.

А сам подумал, что уходить надо, назад к Гаврилову, ведь получается, что квантор запечатан, как бутылка с шампанским, что стерегут его американцы, как зеницу ока. А воевать такими силами мы не можем. Это конец, мрачно думал Берзалов и соображал, как бы половчее вывернуться из неприятной ситуации.

- Филатов, сможешь пройти соседней улицей и прикрыть наших?

- Смогу... - ответил Клим Филатов и мягко, как детскую коляску, тронув с места многотонную машину, подминая колёсами тюльпаны и гвоздики, росшие у калиток, завернул за угол. И СУО, всё так же настойчиво рисуя домики, улочки, проулучки, тут же отобразила уже не красную «галку» под номером двадцать один, а контуры «бредли» во всей его красе. Но кроме этой «галки» появились ещё и двадцать вторая и двадцать третья «галки» почти за пределами видимости СУО, но о них пока можно было не думать. О них потом... потом... уговаривал себя Берзалов, кожей чувствуя, что проигрывают они во времени, что

кто-то невидимый наводит на их несчастный БТР какую-нибудь супер-пупер ракету. А потом когда бабахнуло – громче, чем он ожидал, и когда ударная волна – короткая и стремительная – пришла и пнула башенку БТРа, вздрогнул от неожиданности, хотя, конечно, ожидал выстрела из «шмеля».

- Вперёд! – скомандовал он. - Вперёд! Теперь только вперёд!

Бронетранспортёр, напичканный оружием и электроникой, но всё равно уязвимый для любого пехотинца, выскочил точно сбоку «бредли», и Колюшка Рябцев с расстоянии в двести метров залепил ему в корму длиннющую очередь, да так, что во все стороны брызнули пламя, огонь, а осколки веером ушли в зеленоватое небо.

Ещё ни один «бредли», сделанный из алюминия, не выдержал попадания «шмеля-м» и очереди, считай, в упор из автоматической стомиллиметровой пушки с бронебойными подкалиберными снарядами. А этот как стоял, так и остался стоять, даже не шелохнулся, и из него никто не выскочил, и не повалил дым, а ещё не завывали сирены и в небе не залетали БЛА¹².

Побивали мы их, что ли, всех? – страшно удивился Берзалов, и только потом понял, что сержант Чванов кричит в наушнике что есть мочи:

- Подбили! Подбили!!!

- Вашу-у-у Машу-у-у!.. Чего орёшь?! – грубо спросил Берзалов так, как только он умел спрашивать в минуту душевных волнений. – Сам вижу, что подбили.

- Подбили давным-давно! – уже спокойным голосом добавил Чванов.

- Как давным-давно?.. – опешил Берзалов и впился глазами в оптику.

Только теперь он разглядел, что динамическая броня на боку и башенке разорвана в крошево, но это было не самое главное, главное заключалась в том, что, похоже, башенка была свернула набок, как может быть свернута только челюсть у боксёра. Однажды Берзалов был свидетелем, как Артур Абрахам, чемпион мира по версии WBA, дрался со сломанной челюстью, выстоял все двенадцать раундов и выиграл. А противник – большая сволочь, всё норовил в эту сломанную челюсть попасть, только это ему никак не удалось. Так вот, башенка «бредли» оказалась не только сильно деформированной, но ещё и прижатой правым боком к корме, словно её ударили слева –

коротко и жестко, как в боксе, от пояса, снизу вверх, с вывертом пятки.

Ого! – подумал он, не веря своим глазам. К тому же «бредли» всё ещё не горел. Слегка чадил, но это было вовсе не то, что обычно бывает после попадания «шмеля», буквально выжигающего изнутри любой объект, который мог пробить. Так что «бредли», действительно, подбили уже давным-давно, сообразил Берзалов, хватаясь за автомат. И словно в подтверждение Чванов снова заорал и появился в прицеле, приплясывая на броне:

– Мёртвый! Мёртвый!

Пришлось выбирать и идти смотреть. Берзалов пробежал эти двести метров, единственно, опасаясь, что его подстрелят свои же.

Выходит, что стреляли зря, что «бредли» основательно покалечен ещё при царе Косаре, с дюжиной дырок и в корме, и в башенке, к которым добавилось отверстий: то, чего Берзалов сгоряча не разглядел в оптику – капли блестящего, как серебро, алюминия и свежие «розочки» от стального сердечника подкалиберного, который пробивает сталь насквозь. А Чванов, не замечая ничего этого, всё бесился и бесился на его корме, выбивая чечётку:

– Мёртвый! Мёртвый! Мёртвый!

– Кто это его так?.. – растерянно спросил Сундуков по кличке Актёр, обходя «бредли» со всех сторон и тоже по дурасти полез к Чванову.

Да, действительно, подумал Берзалов, дурилка я картонная, не мог отличить целый «бредли» от подбитого. Опять же окалина, которую принял за маскировочные разводы. Хорошо хоть никто не заметил, как я покраснел. Не увидеть того, что пушчонка «бредли» безвольно смотрит в землю да ещё и безнадежно согнута, не мог разве что слепой. У меня же была целая секунда, чтобы оценить обстановку, а я оценил её неправильно, сокрушённо корил он себя. Теперь о нашем прибытии знают все окрест. И считай, операция провалена.

– Слезайте! – приказал он. – Вашу-у-у Машу-у-у!.. Слезайте! Здесь ещё парочка затаилась! А если снайпер?!

Чванова и Сундукова словно ветром сдуло. Они, озираясь, испуганно побежали к своему бронетранспортёру.

– Товарищ старший лейтенант, получается его ещё кто-то до нас?.. – слезным голосом спросил Архипов.

- Получается... - согласился Берзалов, открывая дверь и усаживаясь в кабине. - Только я никак не пойму, кто?

- Не знаю... - счёл нужным сознаться Архипов, хотя он не любил чего-то недопонимать.

Хороший из Архипова офицер получится, мимоходом подумал Берзалов, если, конечно, выживет. Он даже не стал суеверно скрещивать пальцы, потому что знал, что это бесполезно. Война научила его простой истине: человек не может планировать свою жизнь в условиях атомного века. А умозрительность и даже очевидное - это ещё не правило и не закон, потому что все правила и законы в атомном веке давным-давно нарушены и низвергнуты и со всех пьедесталов, пример - квантор и Скрипей. Откуда они взялись и зачем? Раньше ни о чём подобном никто ничего не слышал.

- Ладно... - сказал он. - Потом разберёмся. В пяти километрах отсюда ещё двое.

Он не знал, что делать: то ли прекратить обследование квантора и вернуться, то ли идти дальше, а потом уже, убедившись в безопасности, вызывать Гаврилова.

Только он испытал некоторое облегчение, только Клим Филатов завёл двигатель и отъехал под цветущие яблони, только бойцы приготовились двигаться дальше и уничтожить коварного противника, как раздался взрыв и грохот, переходящий в протяжный гул. Казалось, это произошло совсем рядом, может быть, в километре, а может, ещё ближе. Берзалов автоматически отметил время: семь ноль пять. В кванторе они двадцать минут, а кажется, два часа прошло. СУО молчала, а в триплекс лезли одни белые ветки яблонь и крыши домов.

- Кто-нибудь что-нибудь понял? - спросил Берзалов. - Что взорвалось? Филатов, вперед вправо, за домики, за домики.

Смена дислокации была азбучной истиной, пренебрегать ею было глупо и даже опасно.

- Не знаю, - растерянно ответил Архипов. - Посёлок пуст. Я его специально обежал. Нет никого, даже трупов. Такое ощущение, что его покинули ещё год назад. Сады заросшие, земля не копана.

- Хорошо, - оценил Берзалов. - Кто ещё что-нибудь увидел?

- Я видел на окраине следы, - доложил рядовой Сундуков и, как всегда, выпучил на Берзалова и без того изумленные глаза.

- Какие? – оживился Берзалов, хотя, конечно, тоже их видел в луже, где плавали головастики.

- Такие, как от бэтээра, – важно надул щеки Сундуков. – Очень похожие.

- Ага-а-а... – многозначительно сказал Берзалов. – Интересно...

- Следы старые, – добавил Сундуков. – А ещё там гильзы от стомиллиметровой пушки.

А вот этого я не заметил, посетовал Берзалов, плохо, я должен всё замечать.

- Значит, одна из наших групп шла здесь, – не показал он вида, что немного растерялся. – И «бредли» они подбили. Кто ещё что заметил?

- Да вроде больше ничего, – ответил за всех Архипов.

Клим Филатов как раз переполз центральную улицу посёлка и завёл бронетранспортёр на самую окраину, дальше был обрыв и зеленела река – в камыше и осоке, холодная, стылая, как любая река в мае.

- А башенку кто свернул набок?.. – ехидно осведомился Берзалов.

Все на мгновение замолчали, пристыженные и пораженные мыслью: всё же видели сами, а сформулировать не смогли. Хороший у нас лейтенант. На-блю-да-тель-ный-й-й...

- М-м-м... – покрутил головой Колюшка Рябцев и, должно быть, хотел произнести свою коронную фразу: «Не верю!», но, естественно, ничего не добавил, потому что не покидал борта, а прикрывал вместе с Филатовым остальных.

- Наверное, тоже наши... – скромно предположил Ефим Бур и посмотрел внизу вверх на Берзалова, потому что сидел на своём месте рядом с водителем.

- Нет, не наши, – авторитетно сообщил Берзалов, наклоняясь, чтобы лучше видеть его. – Наши так же, как и мы, били уже по мертвому «бредли». Кто-то его ещё до наших приголубил.

- Почему?.. – удивились все и даже заерзали до неприличия активно, выражая недоумение: кто бы мог сотворить такое непотребство.

- Удар был нанесен сверху и слева, – принялся рассуждать Берзалов в благодушном тоне, хотя, конечно, следовало одернуть Архипова за то, что распустил отделение. – Конкретно

по «бредли», потому что дома вокруг целые, стёкла разве что выбиты.

- А мы не заметили... - признался Архипов, - вы, товарищ старший лейтенант, - прямо провидец.

- Значит, это был не ядерный взрыв, - рассуждал польщенный Берзалов, - и вообще, не взрыв. Вот тогда-то «бредли» и выгорел. А больше гореть нечему.

- Вот как... - все страшно удивились. - А что же это тогда было?

- Целенаправленный источник энергии конкретно на башенку, - сказал Берзалов и сам же поразился своим скоропалительным выводам.

- Так-х-хх... и нас же могут?! - в полное тишине высказал кто-то опасение, вместо того, чтобы соображать о деле.

И все загалдели, как на митинге, все, кроме Архипова, которому не пристало как командиру первого отделения пугаться раньше времени.

- Тихо, - опомнился он, - не на базаре!

- М-да... - многозначительно сказал Чванов, держа на коленях огромный, как казан, шлем.

- Вот то-то же... - веско произнёс Берзалов. - Так что вспоминайте, чему я вас учил. А главное, не суетитесь, не красуйтесь перед противником, на броню не лезьте и не пляшите. Вашу-у-у Машу-у-у!.. Давно со снайпером не встречались?

- Да нет... - ответил кто-то неуверенно, а Чванов покраснел, Сундуков же, как всегда, изумленно вытаращил глаза и, похоже, ничего не понял.

- Вы чего, испугались? - спросил Берзалов, почувствовав, как напрягся экипаж. - Если бы здесь кто-то был, мы бы с вами уже не рассуждали... - и разрядил этим обстановку.

- А кто?.. - глуповато спросил Бур.

- Господи! Но ведь ясно, сгорели бы, как «бредли»! - чётко сформулировал Архипов. - А что мы будем дальше делать, товарищ старший лейтенант? - и так выразительно глянул на Чванова и Сундукова, что те покраснели, спрятали глаза и поняли, что кулаков Архипова им не избежать, и поделом.

- Сейчас мы посмотрим, что за цели висят у нас в СУО, - объяснил Берзалов, - а потом вызовем Гаврилова и двинем дальше или, наоборот - назад. Выбор, собственно, небольшой. Но задание

надо выполнить любой ценой, чтобы больше никто не погибал, чтобы наши пришли сюда и закрепились. И вообще, нам непонятки не нужны, – добавил он, вспомнив о злополучных американцах и их базе. А может, и нет никакой базы? Может, это фантазии начальства? Имеет оно право ошибаться.

Произнёс он это всё и даже самому себе не поверил. Спас молчит, информации – ноль-ноль копеек, деваться некуда, только умирать. Ещё один странный взрыв, и считай, пропало. Хорошо, хоть передислоцировались на другой край посёлка.

– Понятно? – спросил он бодро, не подавая вида, что, как и все, пребывает в страшных сомнениях.

– Понятно... – тяжело вздохнули все, даже Архипов, хотя ему-то по уставу и не положено было вздыхать по любому поводу.

Однако они ничего не успели предпринять. СУО вдруг отразила на экране синюю «галку» под номером один, и Берзалов к своему облегчению услышал взволнованный голос Гаврилова:

– Остриё семь, остриё семь! Роман Георгиевич, это мы!

– Ну слава богу! – воскликнул Берзалов, и с души у него словно камень упал. – А то я уже волноваться начал. Это у вас рвануло?.. – с надеждой на счастливый исход спросил он.

– У нас, – тоже с радостью в голосе признался Гаврилов. – А где вы?..

– Мы на окраине справа. Видите холмы с белыми вершинами?

– А, вижу, вижу...

– Мы как раз на ракурсе между ними.

– Понял. Какие наши действия?

– В пяти километрах две цели. Следует разведать. Но сдаётся мне, что они давно мертвы.

Он в двух словах рассказал Гаврилову о том, что здесь произошло.

– А?.. – задал было вполне естественный вопрос Гаврилов.

Но Берзалов его перебил:

– А у вас что?..

Боялся он преждевременно открывать тайны к тому же ещё и в эфире. Мало ли кто слушает.

– Да Форец отличился, бронепоезд взорвал...

- Бронепоезд! - воскликнул Берзалов и ощутил, как в экипаже наступила тишина и как пять пар глаз впились в него и даже, казалось, Клим Филатов, которому не пристало отвлекаться от дороги, и тот обернулся. - Всё-таки вы были правы.

- Да это не важно, - скромно отозвался Гаврилов. - Форец молодец!

- Форец молодец! - подтвердил Берзалов. - Представим к награде!

Разбитая дорога вывела их из посёлка, справа и слева легли поля, заросшие сурепкой, а впереди маячили два холма с белыми, как снег, вершинами. Всё это страшно что-то Берзалову напоминало, только он никак не мог вспомнить, что именно. Вроде бы он уже видел эту картинку, но когда и где, хоть убей, вспомнить не мог. Или мне приснилось? - гадал он. Настоящее дежавю.

Танк М1, «Абрамс» и ещё один «бредли» были обнаружены там, где и положено им быть - как раз во впадине между лысыми холмами. По ним тоже дважды стреляли из автоматической пушки, а уничтожены они были всё тем же неведомым ударом направленной силой - в аккурат по одному разу, точно и в цель, то есть - в башни. «Абрамс» не то что сильно ударили, а дифференцированно применили большую дозу энергии, потому что и он был покрепче. Но башня всё равно не выдержала и была деформирована так, что треснула наискосок - от люка к основанию, и поэтому её первоначальную форму можно было только угадать - блин, он и есть блин. К тому же в танке сдетонировал боезапас и крышка заднего люка была вывернута страшной силой. Всё было в давней копоти, которая почти уже и не пахла, только слабый запах тлена исходил изнутри. У Гаврилова, должно быть, на языке так и крутился вопрос, но он тактично помалкивал, а всё больше многозначительно кряхтел в микрофон и только один раз задал риторический вопрос:

- Как они здесь очутились?..

Ведь получалось, что война протекала не так, как мы привыкли думать, решил каждый из них. А это значит, что есть что-то такое, чего мы не знаем. Было отчего удивиться и призадуматься.

Берзалов приказал загнать оба бронетранспортёра в ближайший лесок, объявил двухчасовой перекур и как бы между делом вышел размяться. Гаврилов с вопросительным лицом оказался

тут как тут. Пришлось отключиться от связи и разоткровенничаться по сути вещей:

- Я вам не всё сказал, Федор Дмитриевич... - признался Берзалов, невольно пряча глаза.

Не любил он обманывать людей, не в его это было характере, иначе бы он в своё время не стал бы чемпионом WBA. Бокс не любит ловкачей, он отбирает не только талантливых и ловких, но и сильных духом. Правда, твой дух могут использовать более умные люди, но это не тот случай, думал Берзалов. Нет, Гаврилов меня не использует. Он такой же, как я, но умнее, это надо признать. Вон как хитро глядит с прищуром.

- Я уже понял, Роман Георгиевич... - тактично отозвался Гаврилов, предоставляя начальству самостоятельно выпутываться из щекотливой ситуации.

- То, что я вам сейчас скажу, я не должен был говорить, - предупредил его Берзалов, - но обстоятельства...

- Да я понимаю... - избавил его от объяснений Гаврилов.

- В общем, мы вышли на американский десант. А это сила, понимаете?

- Понимаю, - отозвался Гаврилов. - Болтали об этом в бригаде, что могли десант здесь выбросить.

- Не здесь, - уточнил Берзалов, - под Харьковом.

- Ну да, - согласился Гаврилов.

- Кто первый её заполучит, тот и будет править Россией в ближайшие сто лет. Нельзя допустить, чтобы, например, новгородцы нашли их первыми, тогда мы проиграем, и это конец.

- Понял... - Гаврилов снял шлем и задумчиво почесал лысую, морщинистую голову. - Это не конец России, - согласился он, - но это конец нам. - Что мы выберем?

- Долг, - не задумываясь, сказал Берзалов

- Значит, мы имеем цель?.. - осознал Гаврилов всю масштабность глубокой разведки.

- Да, нам нужно, как минимум, обратить застрявших здесь американцев в своих союзников или, по крайней мере, получить представление, на чьей они стороне, или не допустить, чтобы они стали нашими врагами.

- А-а-а?.. - и Гаврилов, сделав странные глаза, показал себе за спину, где меж лысых холмов, с белыми вершинами, застыли две коробки американской техники и, видно, хотел задать вопрос о «втором ударе», но, естественно, не задал. Зачем сотрясать воздух?

- А максимум - уничтожить. Вот я и хотел с вами посоветоваться, - сказал Берзалов. - Что вы думаете по этому поводу?

- Думаю, что нас кто-то опередил.

- Свои опередили, - уверенно ответил Берзалов. - Свои. Самое непонятное, что они где-то впереди, - он посмотрел вглубь леса, словно желая что-то в нём разглядеть. - Но, я думаю, что погибли.

- Значит ли это, что американцы всё-таки враги?

- Не знаю... - тяжело вздохнув, признался Берзалов. - Кто-то же их всех приголубил.

В этот момент он совершенно забыл, что одна из групп дралась с таинственными механизмами. Вылетел у него, как назло, из головы этот факт, а точнее, не вписывался он в картину, которую Берзалов себе нарисовал, поэтому он и не вспомнил о нём.

- А может, их зацепили во время войны?.. - предположил Гаврилов и настороженно посмотрел в ту сторону неба, которое было зеленоватым, как лягушка.

Берзалов подумал, что они уже привыкли к этому странному цвету, который, похоже, не означает никакой реальной опасности, как и зарницы на горизонте, которые, однако, как будто бы стали ближе и ярче, и вроде бы даже гром стал доноситься. А ещё звезды стали крупнее и висели, словно фонари над головой - это тоже факт, от которого не откrestiшься. Даже днем светятся. Но на такие мелочи они уже не обращали внимание - мало ли что там в космосе происходит, нам бы на земле разобраться.

- Может быть... - согласился он, - может быть... Однако характер поражения говорит о том, что против них применили пучковое оружие, энергию в чистом виде.

Берзалов вдруг вспомнил, как шумит реликтовый гелий, именно так, как шумит солнце и вообще глубокий космос. А это значит... это значит... До ответа ему остался один единственный шаг, но он его не сделал. Не хватило толчка, намёка, картинка не сложилась, и он не сделал вывод.

- Что это такое?.. - удивился Гаврилов, хотя, разумеется, слышал о нём.

- Ну-у-у... - замялся Берзалов, - это моё предположение... - Оружия такого я не знаю. Объемное знаю, а пучковое - не знаю, чисто теоретически...

- Знаете, что... - в страшном сомнении начал говорить Гаврилов, но к ним уже с очумелыми глазами, спотыкаясь, как угорелый, нёсся Ефрем Бур, как всегда, теряя по дороге магазины, и он замолчал на полуслове.

- Товарищ старший лейтенант!.. Товарищ старший лейтенант!.. - кричал из последних сил Бур. - Там это... там такое!..

- Что?.. - оглянулся Берзалов, и душа у него похолодела от дурного предчувствия.

- Это... как его... вертолётчика нашли... - радостно доложил запыхавшийся Бур, - меня старший сержант послал...

- Как?! Где?! - в один голос вскричали Берзалов и Гаврилов.

- Да на хуторе неподалеку. Мы не дошли-то метров пятьсот... - начал объяснять Бур, но они оба его уже не слушали, а бежали что есть мочи туда, по заросшей лесной дороге, на которой, как маяк, подавая сигналы, метался старший сержант, командир первого отделения Иван Архипов.

Хутор находился в излучине реки. По правую руку стоял корабельный лес, а на берегу в крохотной бухточке, за стеной камыша - дом, да так уютно и к месту, что разглядеть его под сенью развесистых тополей да за вековым дубом мог разве что только опытный глаз, такой, как у Архипова или у Юпитина.

Капитана Русакова Берзалов узнал сразу. Возил он их и в транспортниках, и прилетал на «санитаре». Только был он тогда весьма представительным, властным и имел командный голос, от которого пчёлы на лету мёд роняли, а сейчас усох килограммов на двадцать пять с маленьким гаком, покрылся морщинами, вроде бы даже стал меньше ростом, ну и чуб соответственно сделался белым, словно Русакову было не тридцати семь лет, а все пятьдесят.

Обрадовался он, прослезился, и они обнялись. Куртку реглан, штаны и берцы ему, разумеется, тут же вернули, а то он был одет, как сельчанин - в штопанный-перештопанный тельник, в пиджак с чужого плеча, с короткими рукавами, и в разбитых донельзя кроссовках, которые просили каши. Подождали,

когда он переоденется, попрыгает на месте, пощупает себя со всех сторон, скажет многозначительное: «Ага...» Правда, Берзалов заметил, что на лице у него пробежала странная тень недоумения, но не придал этому факту значения, а с радостью достал заветную фляжку со спиртом – настало её время. Выпили, закусили тушёной.

– Ты не думай, – сказал Берзалов, – мы твою форму сначала в дезактивационную камеру сунули, а потом специально трусили на ветру часа три. Так что в ней, если что-то осталось, то совсем капельку.

– Мне бы цистамина?.. – жалобно попросил Русаков. – А чувствую, что радиация совсем замучила.

Берзалов отсыпал ему горсть зарубежного зелья. Жалко, что ли для однополчанина? Русаков проглотил сразу три таблетки, несказанно обрадовался и разошёлся:

– Ты понимаешь! – возбужденно кричал он, размахивая руками так, что они походили на вертолётные лопасти. – Сбили-то меня на «чёрной акуле», здесь, километров в пяти на север, точнее в тридцать восьмом квадрате, – и, похоже, собрался было рассказать свою героическую эпопею, однако Берзалов страшно удивился.

– Подожди, подожди... как в тридцать восьмом? – едва не подавился он, потому что прекрасно ориентировался в картах. – А мы где?

Они сидели перед домом, вокруг валялись дрова, которые пилил Русаков, пахло опилками и берёзовой корой. Закуска на пеньке давно привлекали внимание Сэра, который, не отрывая зада от земли, подкупаяще пересаживался от одного к другому и, как обычно, пускал слюни и отчаянно вертел хвостом, заглядывая в глаза. Берзалов уже и так выложил ему полбанки, но Сэр был ненасытным, как прорва. Может, у него глисты? – подумал Берзалов. Надо Чванову сказать, пусть таблеток даст.

– Мы в девятнадцатом, – убеждённо сказал Гаврилов.

– В каком девятнадцатом?! В каком! – возбужденно завопил Русаков. – Мы в тридцать третьем. – Как показалось Берзалову, соврал капитан, не моргнув глазом.

При других обстоятельствах Берзалов, конечно не допустил бы такого крика в глубоком тылу врага, но здесь был случай особый, как-никак однополчанине встретились – живые и здоровые, и Берзалов расслабился, чуть-чуть, на какие-нибудь десять минут,

и потом же страшно корил себя за это, ну и Спаса костерил почём зря.

- Быть такого не может! - полез за планшетником Гаврилов. - Вот... - он раскрыл его и убежденно ткнул пальцем, а потом огляделся, чтобы сориентироваться на местности, и взгляд у него стал не таким уверенным, а может быть, даже и растерянным, потому что в реальной жизни, к которой они привыкли, таких вещей не бывало, никто ещё не нарушал логику времени и пространства таким наглым образом.

- А это что?! - снова взмахнул руками Русаков, и Берзалов почему-то стал опасаться за собственный нос, хотя ему-то, привыкшему к мордобою, это было не в лицу. - А это видели?! - Русаков ткнул им за спину, где на фоне зеленоватого неба и сосен торчали две рукотворные сопки - остатки соляных шахт.

- Ба!!! - воскликнул Берзалов и со всей дури шлёпнул себя ладонью по лбу. - А я вспомнить не могу, ну, где я это видел! Вашу-у-у Машу-у-у!.. Пардон... Вашу-у-у Машу-у-у!..

Русаков с восхищением посмотрел на него, расплылся в обаятельной улыбке, означающей: «А что я говорил?» и сказал:

- Ну да! У нас здесь дозаправка была. Забыл? Деревня Каракокша? Мы поэтому маршрут здесь и проложили в надежде на дозаправку.

Девяносто пятую отдельную гвардейскую бригаду специального назначения выводили из Краснолиманских лесов по частям. Уложились в трехдневный срок. Берзалов уходил в арьергарде. В его задачу входило прикрытие бригады. Дозаправка заняла час, и за это время он успел обежать окрестности и даже слазить на одну из лысых сопки. Вот откуда он их помнил.

- Конечно, забыл, - признался он, и подумал, что всю прошлую, такую дорогую его сердцу мирную жизнь, заслонила война, куча смертей, Варя - столько всего, что эти два года показались ему целой вечностью. - Точно, - сказал он мертвенным голосом. - Я тогда ещё здесь яблок для жены купил.

И, конечно же, не довёз, вспомнил он с тяжестью на душе. Некуда было везти. Через сутки разбомбили Санкт-Петербург. А куда я дел яблоки, я уже не помню. Славка Куоркис, наверное, сожрал. Больше некому. И ему захотелось пойти найти тот домик, где он купил яблоки, поговорить с хозяйкой, в общем, предпринять одну из тех жалких попыток вернуться в прошлое, которые он периодически совершал и из-за которых страдал и мучился.

Никто на его осевший голос внимания не обратил, потому что у каждого была своя трагедия, о которых если и вспоминали, то только в одиночестве, за бутылкой водки. Таковы были новые реалии атомного века. Прошлое стало табу, о котором неприлично было говорить в приличном обществе, потому что оно – это прошлое – было общим для всех-всех-всех и в тоже время индивидуальным, потому что у каждого были свои воспоминания.

– А я как раз заставу под Бежтой отбивал... – вспомнил Гаврилов.
– У нас это началось раньше. Диверсанты плотину взорвали. Главаря моджахедов мы аулу отдали на растерзание, у них водой полста домов снесло одним махом. Представляю, что с ним сделали.

Все трое помолчали, вспоминая каждый своё, и Русаков всё так же возбужденно воскликнул:

– Тогда я ничего не пойму!

– И я же об этом! – сказал Берзалов. – Мы должны быть, как минимум, на шестьдесят километров восточнее. А-а-а! – и снова что есть силы шлёпнул себя по лбу.

Гаврилов посмотрел так, словно хотел сказать: «Только не убей себя, командир». Но даже в этой слегка комической ситуации глаза у него так и остались серьезными-серьезными, без намёка на юмор.

– Квантор!!!

– Да... – согласился Берзалов. – Он самый, чтоб ему пусто было!

– Тогда я тоже ничего не понимаю! – совестливо воскликнул Гаврилов.

– Ну так-к-к... ясное дело... – пробормотал Берзалов, не в силах сразу же осознать масштабность идеи.

Получалось, что коридор не был коридором и реликтовый шум космоса здесь ни при чём.

– А что такое этот ваш... как его... квантор? – болезненно морщась, спросил Русаков испуганно оглянувшись себе за спину, словно там стоял этот самый квантор и готов был снести ему башку, но, разумеется, ничего, кроме окна с голубыми наличниками и ставень, не увидел.

Нервным был Русаков, даже очень, а почему, не понятно. Впрочем, будешь здесь нервным, когда, как снег на голову, свалились однополчане. Может, даже в самое неподходящее время?

- Как что? - удивился Берзалов. - А это?..

И тут до него дошло. И Гаврилов тоже многозначительно кивнул головой. Всё встало на свои места.

- Квантор - это коридор между областями, - сформулировал Гаврилов. - А мы думали, что он бесконечен и уводит чёрти куда.

Хорошо хоть он не высказался вслух о том, о чём думал и Берзалов, о космосе, а то бы вообще оба выглядели бы полными кретинами. Космос здесь был явно ни при чём. Фантазия у обоих разыгралась.

- Это не туннель, - согласился Берзалов, - как мы думали, это просто дверь между областями с маленьким тамбуром километров в шестьдесят, как ты сказал.

Ерунда на постном масле. Но от этого легче не стало. Одна сверхъестественная идея заменилась на другую, более простую, но от этого не менее значимую.

- Надо было нам ещё в школе поглядеть, - посетовал Гаврилов.

- А Скрипей?.. - напомнил Берзалов, - ночью... в темноте... переться наобум лазаря.

- Да... - согласился Гаврилов, хотя детали знал только со слов, - Скрипей - это дело серьезное.

- А что за Скрипей? - поинтересовался Русаков, опорожня колпачок от фляжки и с удовольствием закусывая.

Давно, видать, не ел армейскую тушенку, понял Берзалов.

- Сторож кванторов. Как оказалось, он не в каждом кванторе есть, - объяснил Гаврилов.

- Чувствую, нам с ним придётся ещё столкнуться, - согласился Берзалов.

- Ха! - настала очередь Русакова хлопнуть себе по лбу и снова махать руками. - А я думаю, ну чего я хожу кругами. Я уже полгода не могу отсюда выбраться.

- Об этом ещё лейтенант Протасов говорил, - вспомнил Берзалов, и тут до него дошло, что Русаков врёт, почти незаметно, очень естественно, что от него исходил прелый запах хитрости. Только зачем? Ну, сказал бы, что не хочет воевать, что устал, что желает здесь пересидеть. Мы бы поняли, как-никак свои. Стыдно, наверное, решил Берзалов. Мы там живот кладем, а он здесь дровишки коллет. Хорош гусь, ничего не скажешь! Трибуналом, честно говоря, попахивает. Дезертир, однако. А с

другой стороны, сбили – взятки гладки, как бы погиб для всех, канул в вечность. Но почему он тогда вообще не ушёл из этого района – ведь знал, что придут другие, что искать будут?

Его догадка тут же блестяще подтвердилась, потому что из дома выплыла статная волоокая красавица в красном сарафане и подала им кваса и солёных огурцов. У неё были чёрные волосы, заплетенные в толстую косу и большие прекрасные глаза. Загляденье, а не женщина. У Гаврилова сам собой открылся рот. Берзалов испытал что-то вроде душевного изумления, хотя давно уже ничему не удивлялся. А Русаков покраснел, как очень зрелый помидор, и кажется, разозлился. Должно быть, он хотел, чтобы она сидела дома и не выходила к гостям, сообразил Берзалов, а она возьми да выйди. Впрочем, шила в мешке не утаишь.

– Сейчас картошка будет, – сказал красавица грудным голосом.

– Зинаида! – с упреком вскрикнул Русаков.

– Что, «Зинаида»? Что? – откликнулась она. – Пусть гости поедят нормально, по-домашнему, – и так взглянула на Русакова, что стало ясно: влюблена по уши и что Русаков поэтому такой и худой и чаморошный, что обслуживает такую девицу, в которой роста под метр восемьдесят с хвостиком.

Русаков, который был чуть ли не голову ниже своей возлюбленной, засуетился, сделал вид, что видит её словно впервые, и не знал, куда глаза девать. Ладно, подумал Берзалов, отворачиваясь, всё понятно: сбили мужика, до этого сбивали семь раз. Решил больше судьбу не искушать, вот и осел на хуторе. По-человечески я его понимаю, но не одобряю, потому как мы присягу давали, всё ещё служим родине, а не отсиживаемся по хуторам и не прячемся под женскими юбками. Рано ещё прятаться. Дел куча.

Чтобы рассеять всеобщее смущение, Гаврилов кашлянул в кулак и степенно спросил:

– А американцев видел?

– Американцев?.. – переспросил Русаков. – Да нет здесь никого, – и опять соврал, зачем, непонятно.

– Может, они дальше? – наивно предположил Гаврилов.

– А «дубы»? – спросил Берзалов и понял, что «дубов-то» Русаков видел, даже хорошо их знает, но молчит.

Только он хотел было вывести Русакова чистую воду, только собрался выжать из него всю-всю правду о его жизни на фуре,

как Спас наконец подал голос: «Опасность! Чего ты ждёшь?!» Точнее, Берзалов давно уже чуял опасность, как собака падаль, только не мог понять, откуда она придёт и чего конкретно надо опасаться. Однако ничего не успел сделать. Можно сказать, что Русаков всех подвёл из-за своего страха быть разоблачённым, а вот если бы рассказал всё, как на духу, то ничего не произошло бы. Берзалов просто бы всех поднял на уши и заставил вовремя уйти.

Он вскочил, оглядываясь, ещё не зная, куда бежать и что делать. Первый борт стоял на въезде в хутор, под дубом, и в нём сидел Сундуков, который следил за обстановкой с этого фланга. На противоположном фланге был замаскирован второй борт, и в нём дежурил могучий Гуча по кличке Болгарин. Уж на него-то можно было положиться. Ещё двое прикрывали тыл со стороны леса. Да и в самом лесу на тропинках были расставлены сигнальные мины. И хотя было тихо-тихо, Берзалов понял, что вот-вот что-то должно произойти.

Кашеварили на берегу залива, и Форец десятый раз рассказывал о своём подвиге. Всё сводилось к тому, что он такой бравый, сильный и ловкий, сознательно притащил мину, сознательно зарыл её в полотно дороги и сознательно стал ждать, когда пройдёт автодрезина, чтобы подорвать её к едрёне-фене.

Тут он замолкал и кто-то обязательно ехидно спрашивал:

- Ну и-и-и...

Нет, никто не ревновал к его славе, просто так было принято считать, что любое славное дело – это в порядке вещей, не чай же на позициях пьём, а в глубокой разведке. Понимать надо! Здесь подвигу как бы способствуют все обстоятельства. Так что каждый мог оказаться на месте Зуева и точно так же подорвать бронепоезд. Просто Зуеву повезло, что отнюдь не умаляло значения его подвига.

- А она-то шла не по той колее! – чернявый Форец замолкал на высокой ноте и вопросительно пялился на всех сидящих вокруг костра, чтобы они оценили его решимость и твёрдость духа, чтобы уважали, чтобы в запале не бросали, как всегда: «Чёртов цыган!», и не матерились сгоряча.

В этом месте его снова кто-то требовательно спрашивал, отмахиваясь от комариков:

- Ну?..

А Колюшка Рябцев обязательно выдавал:

- Не верю!!! - корчил уморительные морды и всем своим видом, вместе с жутковатым шрамом, показывал, что любой, будь он на месте Зуева, поступил бы точно так же. А куда деваться? За старшим лейтенантом не спрячешься.

Свой шрам он заработал нынешней зимой, когда группа возвращалась из разведки. Поленились, нет, чтобы пойти новым, оговоренным путём, где были разминированы проходы, поёрлись, как ослы, по старым следам. И конечно же, их поджидала засада, которая тоже устала ждать и уснула. В результате, произошёл встречный бой, и пострадал только Рябцев, которого пытались пырнуть ножом в горло, а попали в щеку.

- Что «ну»? - многозначительно переспрашивал Форец. - Это была не автодрезина, а огромный бронепоезд. Конечно, я сдрейфил. Чуть в штаны не наложил!

Все начинали радостно ржать и кричать типа: «Шишку на одном месте набил!», «Копчик цел?», «Небось улепётывал без оглядки!» Даже маленький Кец и тот кричал во все горло, подражая Колюшке Рябцеву: «Мы не верим!»

- А чего же ты так сплеховал? - спрашивали на правах старшего: или Померанцев, или Юпитин.

Все замолкали, ожидая, что ответит Форец.

- Вот здесь главная хитрость и зарыта! - важно отвечал Форец и стрелял у кого-нибудь сигарету.

- Ты давай не тяни... - лениво советовал Петр Морозов и протягивал ему зажигалку, - а то знаешь, я трепачей не люблю.

- Сейчас... - отзывался Форец. - расскажу всё по порядку. Надо ж было с толком определить, по какой колее движется бронепоезд, - и он многозначительно поднимал брови, чтобы слушатели понимали, с какой сложностью в жизни он столкнулся.

Все терпеливо ждали, когда он сделает первую затяжку.

- Ты же говорил, что не знал, что это бронепоезд.

- Конечно, не знал, - соглашался Форец. - Если бы знал, смылся сразу.

Все снова радостно ржали, представляя, с какой рожей Форец улепётывал в ближайšie кусты, потому что Форец был притча во языцех даже не в роте, а в бригаде, раз попался генерал-лейтенанту Турбаевскому на цугундер. Никто ещё из второго отделения третьей роты не добивался таких результатов за столь короткое время, даже старший сержант Гуча по кличке

Болгарин, который тоже был чемпионом по залётам, и тот уступал Зуеву кое в чём, например, в темпе набора очков и по глубине осознания проступков, которые он совершал, ибо Форец каялся всегда очень и очень искренне, так что ему верили больше, чем могучему Гуче – слишком тот был здоровый, и слишком много в нём бродило тестостерона.

– Не верю... – лениво подавал голос Колюшка Рябцев, и все снова радостно ржали, правда, чуть потише, чтобы, не дай бог, не возбудить праведный гнев старшего лейтенанта Берзалова, который одним окриком: «Вашу-у-у Машу-у-у!..» мог разогнать их славную компанию и присвоить себе вкусную кашу.

Но Кец по-прежнему был громче всех.

– Ха-ха-ха... – не унимался он, и ему всё прощалось, как малолетке.

– Короче... – говорил Форец, доверительно наклоняясь вперед так, что ему становилось жарко от костра.

– Ещё короче! – с нагловатой фамильярностью советовал маленький Кец.

– Ну да, ещё короче, – радостно соглашался Форец. – Короче, колею я определил, когда до бронепоезда оставалось метров сто пятьдесят. Там такой поворот перед станцией за лесом. Он как раз и выскочил. Нет чтоб мне зарыть эту чёртову мину метров на сто ближе к станции.

– А ты какую взял, – спрашивал кто-нибудь, – ферритовую или контактную?

– Конечно, контрактную. Что я, дурак, что ли? Там этого железа одних рельсов тонн сто. Бабахнуло бы так, что я бы с вами не разговаривал.

– Не верю... – твердил Колюшка Рябцев, но никто уже не смеялся, а только радостно скалился, памятуя о Берзалове и Гаврилове, которые находились с другой стороны дома.

– Форец, не тяни кота, – советовал кто-нибудь.

– В общем, я это мину схватил! Братцы, не поверите, разрыл щебень так, словно это был песок на пляже.

– Ну?..

В этом месте наступала тишина. Пять пар глаз впивались в героического Зуева.

– Ну и чуть ли не стучаясь головой о рельсы... – продолжал Форец.

- Может, всё-таки стукнулся? – опять громче всех хихикал Кец, который на правах молокососа имел иммунитет неприкосновенности.

Форец театрально вздыхал, трогая забинтованную голову:

- Было немножко. Но я же думал, что это обычная дрезина!

- А что там было?..

- Танки на платформах. Весь бронепоезд – от носа до хвоста!

- Да! – чесали затылок вначале Померанцев, а потом – Юпитин.

- Не верю! – снова выдавал Колюшка Рябцев.

- Успел установить, когда до состава осталось метров десять.

- Прoshлый раз говорил, что пятьдесят, – лениво напоминал кто-то.

- Ну, может, метров двадцать пять, – важно соглашался Форец, не уступая в своём подвиге ни капли правды.

- А потом?.. – спрашивали с придыханием.

- А потом – амба! Взорвался паровозик, и все танки полетели в кювет.

- Не верю... – снова хихикал Колюшка Рябцев.

- А если не веришь, то иди проверь, – говорил Юпитин. – И вообще, твоё место где?

- Где? – невинно удивлялся Колюшка Рябцев и приподнимал голову, чтобы лучше видеть командира второго отделения.

- Иди сменяй Гучу и следи за горизонтом!

И конечно, никуда он не ходил, а все начиналось заново: расспросы, лошадиное ржание и прибаутки по поводу: «Копчик цел?» В общем и целом, Иван Зуев по кличке Форец был на вершине славы. И все понимали, если бы не Форец, пришлось бы принять неравный бой с превосходящим противником, со всеми вытекающими из этого трагическими последствиями. Так что получалось, как ни крути, а Форец – герой!

Тут заверещала СУО и у Сундукова, и у Гучи по кличке Болгарин, и они начали наводить автоматические пушки на источник опасности. Берзалов с криком: «Вашу-у-у Машу-у-у!..» вскочил, съедаемый жуткой тревогой. Гаврилов, вторя ему: «Дурилка я картонная!», тоже вскочил. Капитан Русаков страшно удивился, но остался сидеть – потерял он былую сноровку вертолётчика. Прошла секунда-вторая: на противоположной косе бухты раздался выстрел из подствольника. Над серединой бухты

граната с щелчком взвелась в боевое положение. Затем, двигаясь по параболе, упала как раз за спиной у Колюшки Рябцева, который возлежал перед костром, подпрыгнула на высоту метра, по инерции пролетела ещё немного, и рядовой Иван Зуев по кличке Форец сделал то, что должен был сделать в этой ситуации – то единственное, что никто за него сделать не мог – он ловко поймал её с тем, чтобы бросить в котёл с кашей, но ему не хватило мгновения, и она взорвалась у него в руках.

Чванов уже неся, как полоумный с сумкой медикаментов. Пожалуй, он никогда так в жизни не бегал, даже когда впервые сыграли тревогу «атомная атака».

Берзалов подскочил, глянул и отвернулся, заскрипев зубами. Чванов делал противошоковый укол, а Архипов накладывал на культю жгуты. Колюшка Рябцев тоже был никакой, но ему всего лишь ему сняло лоскут кожи с черепа. Померанцев от боли кривил свою рыжую физиономию и сжимал левую руку, из которой толчками била кровь.

Пушки уже старались вовсю, срезая камыш и кусты на противоположном берегу бухты.

- Не стрелять! – заорал Берзалов, как сумасшедший. – Не стрелять! Вашу-у-у Машу-у-у!.. Не стрелять! Живого возьмём!

Он кинулся по косе под вероятный огонь противника. Гаврилов стал заходить слева, со стороны берега и поэтому немного опаздывал. Юпитин и Жуков нагоняли его.

Там, где песчаная коса стремительно ушла из-под ног, Берзалов погрузился с головой и поплыл, преодолевая вялое течение. Но всё равно его вынесло на внешнюю сторону косы, обращенную к реке, и он в два прыжка, ревя, как раненый зверь, выскочил из воды и стреляя так, чтобы срезать только метёлки камыша и не задеть своих, рванул туда, где берёг был крут и где по всем расчётам прятался стрелок. Заметил что-то светлое у самой воды – знакомую куртку, отороченную белым мехом, только мех тот был уже не былым, а грязно-зелёным. В следующее мгновение ему обожгло лицо справа, и он понял, как свистит пуля, пролетающая мимо виска. Следующего выстрела он произвести не дал, прыгнул, ломая тростник и, не обращая внимания на порезы, подмял под себя и стал бить, бить, бить то, что верещало и, как девчонка, царапалось и кусалось, с третьего удара нокаутировал, но ещё для пользы дела ударил левой и правой, ощущая каждый раз, как кулак погружается во что-то мягкое, булькающее. Потом сел, покачиваясь, и

посмотрел, тяжело дыша: это был сын вожака – оскаленный и желторотый, как птенец.

Через минуту он уже кричал, стоя перед Русаковым, и держа за шиворот безвольное тело пацана:

– Ты его знаешь?! Вашу-у-у Машу-у-у!.. – начал он цедить сквозь зубы. – Нет, ты же его знаешь! Я же вижу, ты его знаешь! Моду-то не вороти, сука!

Русаков бледнел, краснел, сжимал кулаки и, казалось, не понимал, что ему делать. При любом раскладе против разъяренного Берзалова он не тянул, не выстоял и полминуты.

– Кто он?! Брат её?! Брат?!

– Я-я-я... – Русаков набирал в лёгкие воздух и никак не мог его выдохнуть.

– А ну не смей! – из дома со скалкой в руке выскочила Зинаида, напоминающая разъяренную тигрицу.

Она всего лишь один раз успела огреть Берзалова да и то всего лишь по спине, и в горячке он не почувствовал боли. Гаврилов и Юпитин оттащили её, но и им досталось по полной, пока её визжащую, царапающуюся и плюющуюся не скрутили.

– Что ты понимаешь?! – кричала она так, словно её резали. – Может, я его сама выходила, пока он загибался после контузии.

– Правда, что ли?! – спросил Гаврилов, ощупывая лицо, под глазом у него наливался синяк.

И только тогда Берзалов понял, что вся нарочито-показная весёлость Русакова носит болезненный характер, и странная худоба его тоже из-за всё той же болячки, которая отныне крылась у него в голове, потому что от каждой контузии человек, попросту говоря, старел внутри себя лет на десять. Снаружи молодой, а клетки головного мозга, как у старика, а потому, по сути, и немощный, и болезненный. И всё равно Берзалов уже спокойнее, однако всё ещё с ненавистью глядя в бегающие глаза бывшего вертолётчика, потребовал ответа:

– Так всё-таки, знал или не знал?!

– Знал... – мотнул головой вертолётчик, кусая губы, – вернее, знаю... – поправился он. – Брат он её, – и кивнул в сторону красавицы, которая, всхлипывая, качалась в сильных руках Юпитина.

– А отец?! Вашу-у-у Машу-у-у!..

– Отца уже месяца два нет, а Касьян иногда приходил.

- А сегодня? Сегодня ты его видел? - Берзалов захотелось встряхнуть вялого Русакова, чтобы он соображал быстрее.

- Сегодня не видел...

- А ты знаешь, что её отец захватывал наших и превращал в рабов? - продолжал цедить слова Берзалов. - Знал? Знал, что он на наших охотился, как на зверей? В плен брал, кандалы надевал, а потом продавал Грибакину? А одному лейтенанту, чтобы не убежал, вообще сухожилия подрезал.

- Нет, не знал, - ответил Русаков, и по его нервным глазам Берзалов понял: не врёт, говорит правду, да и пах он, как одуванчик, большой-большой растерянностью, а не ложью.

Оберегали его, может быть, даже для большого дела, понял Берзалов. Может, им вертолётчик понадобился? Кто знает. А он подвернулся, влюбился и остался, а может, с помощью местной красавицы «заставили» остаться. Дело тёмное. Дело личное. Правды не найдёшь. Да и нужна ли нам эта правда? Наша правда - это устав. Вертолётчик нарушил устав - это плохо. Значит, пойдёт под трибунал.

- Я знала! - вдруг запричитала красавица Зинаида, покачиваясь в сильных руках Юпитина, на физиономии которого и справа, и слева были следы её ногтей. - Да, он мой отец: Григорий Артемович Ёрхов по кличке Альбатрос из Мурманска, шкипер он. Рыбу всю жизнь ловил. А хутор наш - родовой хутор, мы... мы... здесь всю жизнь жили. Он вернётся и убьёт всех вас, потому что он самый жуткий и страшный человек в округе, а ещё потому что это наша земля.

- Ишь как запела, дурилка картонная, - усмехнулся Гаврилов, снова щупая подбитый глаз, - раньше надо было петь, а теперь поздно.

- У него триста человек, он вас в землю зароет! - кричала она, рыдая. - И тебя! - качалась она. - И тебя! И тебя! Он вас всех!!!

- Всё сказала? - спросил Берзалов, спокойный, как танк, потому что в таком состоянии не воспринимал женщин за женщин, к тому же Зинаида сама напросилась.

- Всё! - с ненавистью выпрямилась красавица.

- Не придёт он... убили мы его... - грубо сказал Берзалов, - и всю его банду убили. - Остался этот сопливый щенок, - и он тряхнул Касьяна, который, завалившись на бок, стал приходить в себя, всхлипывать и кашлять, размазывая по лицу кровь и сопли.

- И его тоже убьём, - сказал Юпитин, больше для того, чтобы она не рыпалась.

- А-а-а! - безумно закричала Зинаида Ёрхова, вырвалась всё-таки из рук Юпитина, и почти дотянулась до Берзалова, но Юпитин изловчился, снова взял её в захват так, что на груди у неё затрещала белоснежная сорочка, и оттащил прочь. А она качалась в его руках, рыдая и кричала. - Мало, значит, вам! Мало! Кася только одного из вас убил, надо было всех положить! Гады! Сволочи!!!

Глаза её горели безумной ненавистью, волосы растрепались. Из красавицы она превратилась в ведьму. Вот почему они не хотели говорить о вертолётчике, сообразил Берзалов - берегли свой родовой хутор и вертолётчика заодно, ну и радиация соответствующе действовала. «Дубы» одним словом. Звери, вкусившие власть. Интересно, а как же всё-таки американцы? Каким боком они вписались в данную ситуацию?

Прибежал сержант Чванов и доложил, что Форец нуждается в операции и переливании крови.

- Сколько тебе нужно времени? - спросил Берзалов.

- Два часа, и помещение. Разрешите, я вам порезы смажу.

И пока он обрабатывал раны у него на лице и на разбитых кулаках, Берзалов командовал:

- Занимай дом и оперируй! Архипова и Юпитина ко мне! - и когда они явились, приказал: - занять круговую оборону. Федор Дмитриевич, накормить личный состав, всем принять таблетки и костров больше не разводить. Готовность номер один.

- Есть! - ответили Архипов с Юпитиным и побежали выполнять приказ.

- К вечеру выходим, - сказал Берзалов, глядя в пространство между зелёным небом и рекой.

Ему почему-то показалось, что именно на рассвете, если они не уберутся с хутора, на них нападут. Может, пацан за подмогой послал, а может, ещё что. Так или иначе, уходим именно в ночь, так нелогичнее, а значит, безопаснее.

- А с ней что делать? - спросил Гаврилов, и, как показалось Берзалову, молча упрекнул его в том, что Форец тяжело ранен: «Говорил я тебе, что с Буром нас тринадцать. Вот оно и вышло боком».

Та безысходность, которая владела Берзаловым в начале операции, вернулась снова и он стал сомневаться, правильно ли

поступает. Да, прозевал я, со злостью подумал он. Прохлопал ушами. Но на войне все предусмотреть невозможно. Вашу-у-у Машу-у-у!.. А я должен, просто обязан был предусмотреть, значит, я плохой командир!

- Запри в погребе! - велел он.

- А с этим?..

Они посмотрели на Касьяна Ёрхова, который все ещё приходил в себя, и Берзалов пошёл туда, где Чванов колдовал над Зуевым.

Плох был Форец: голова перевязана так, что глаз не видно, на руках, словно боксерские перчатки красного цвета.

Глава 6

Лоферы

Сэр с невинным видом болтался рядом с бронетранспортёром. Но разве у него что-нибудь спросишь? Впрочем:

- Где Гуча? - присел перед ним Берзалов.

Сэр заулыбался, вывалил розовый язык и отчаянно завилял хвостом, мол, о чём разговор, начальник, не понимаю, но лапу с шершавыми подушечками сунул, мол, я свой, и баста, а больше ничего не знаю, не положено мне по моему собачьему уставу. Берзалов едва не его расцеловал в соленую морду.

- Да он у бани, - сказал подбежавший Кец.

- А что он там делает? - удивился Берзалов, подозревая Гучу если не во всех смертных грехах, то, по крайней мере, в стремлении утолить свою страсть - надыбать водки или самогона.

Самое неожиданное со всем этим заключалось даже не в тяжёлом ранении Ивана Зуева, а в том, что лесной квантор закрылся. Берзалов как чувствовал подвох: послал Гучу проверить. А оказалось, что он даже не нашёл дороги.

Гуча, который сообщил по связи об этом открытии, добавил вольную интерпретацию, намекая на обед:

- Время жрать, а мы не спали.

Берзалов, который переодевался в сухое, сгоряча выругался: «Вашу-у-у Машу-у-у!..», снова натянул мокрую куртку, прыгнул в БТР, сгонял и увидел, что действительно получалось, как по карте, из тридцатого квадрата они сразу попали в тридцать второй. Та же самая дорога со старой колеёй, в которой

валялись зелёные гильзы, выбегала под сомкнутые деревья, но выскочила совершенно не там, где входила в квантор, не там, где была пустошь перед лесом и железной дорогой за ним, а напрямик – в гнилое радиоактивное болото с мертвыми, корявыми деревьями.

Гуча, который ждал Берзалова на краю посёлка, сунул морду в карту, покрутил носом и сказал, стеснительно, как девушка, глядя в сторону:

– Лес... а там, должно быть, наша погибель... О-хо-хо...

Пара мёртвых сосен стояла на краю топи. Дорога огибала топь и скрывалась вдали. По карте выходило, что болото это тянется километров на сто вдоль реки Сосна. Где-то здесь ещё должен быть железнодорожный мост. Можно было, конечно, на всякий случай пойти посмотреть на него – авось пригодится, опять же стратегическая коммуникация для бронепоезда. Подорвать на всякий случай не мешало бы, но Берзалов боялся, что пока они будут возиться, в этом новом и странном мире снова что-то откроется или, наоборот, закроется, и предпочёл остаться на месте, дабы не искушать судьбу. Примерно в этом месте он и ошибся, только, конечно, ничего не понял, потому что русский человек крепок задним умом, к тому же Спас скромно промолчал, тем самым подложив Берзалову тухлую свинью. А ведь мог и схохмить, даже сказать какую-нибудь добросердечную гадость, но не сказал.

– Вижу, – сказал Берзалов так, словно его уличили во вранье, – вижу, что влипли мы капитально и основательно.

– Почему? – удивился Гуча и даже под шлемом было видно, как брови у него от изумления полезли на лоб.

Негоже, когда командир падает духом и высказывает сомнения. Дорога, как дорога, радиоактивное болото. Мало их было на пути? – недоумевал Гуча.

– Сам не видишь?..

– Не-а-а... – Гуча мрачно посмотрел на трясину, которая исходила болотным газом, потом – на Берзалова, словно он задал ему непосильную задачу.

– Вот и я тоже не вижу, – признался Берзалов, внимательно разглядывая то место, где по всем приметам должен был находиться лесной квантор. А кто эти кванторы установил и кто убрал, одному богу известно.

– А чего здесь думать, – вдруг сказал Гуча. – Как в любой игре с порталами, помните?

Несомненно, он искренне пытался помочь Берзалову. Берзалову стало стыдно.

- С какими порталами?.. А-а-а... Может быть, - согласился он. - Только у нас нельзя «запомнить» и вернуться назад, чтобы ещё раз пройти.

- Это само собой, - задумчиво согласился Гуча и вдруг спросил. - А вы, товарищ старший лейтенант, тоже думаете, что мы не на Земле?

Лицо у Гучи было очень даже серьёзным.

- Андрей... - Берзалов вначале опешил, а потом едва не выругался, - у меня, конечно, богатая фантазия, но не настолько... - он многозначительно посмотрел на старшего сержанта, понял, что Гуче плевать на его рассуждения, не тот он человек, чтобы долго думать, не удержался и выругался. - Вашу-у-у Машу-у-у!.. Сержант, на Земле мы, на Зем-ле-е-е... где ещё можем быть?!

- А ребята говорят, что не на Земле... - упрямо гнул своё Гуча, опять глядя куда-то в сторону, словно там была зарыта бутылка водки. - А на этой, как её...

- Гуча, кончай чепуху нести! - потребовал Берзалов и ещё раз посмотрел на него так, чтобы его продрало до печёнок.

От злости он даже забыл, что в ботинках у него хлюпает вода, а форма липнет к спине.

- Наше дело маленькое. - Гуча покорно кивал, оставаясь при своём мнении, - куда пошлют, туда и идём, хоть на Марс, хоть на Луну.

- Понимаешь, в чём дело, - терпеливо начал объяснять Берзалов, - для такой штуки, как квантор, нужна приложенная в пространстве энергия. Понимаешь?

Глаза у Гучи были пустыми-пустыми, как бутылка из-под пива.

- Не-а-а, - признался он. - Мне бы что-нибудь попроще. Молочка бы из-под бешеной коровки, - он вопросительно посмотрел на Берзалов, и тот подумал, что Гуча намекает на заветную фляжку со спиртом, потому что, судя по всему, Архипов, который отвечал в первом экипаже за «наркоз» и еду, не считал нужным выдавать наркомовские, не было такого понятия в современном уставе.

- Гуча, тебя мало селёдкой кормили? - кисло спросил Берзалов.

- Да, - нагло ответил Гуча и посмотрел куда-то вбок, словно там всё-таки стоял стакан с вождеденной водкой.

- Вернёмся, не забудь мне напомнить, я самолично посажу тебя на «губу».

- Есть на «губу», - со все теми же наглыми нотками в голосе ответил Гуча, и они без приключений вернулись на хутор.

Старший прапорщик Гаврилов даже не стал обсуждать факт закрытия лесного квантора, он все видел на своём забрале и расстроено махнул рукой, мол, я так и думал, что ничем хорошим это не кончится.

Оставался один вопрос, кто грохнул американцев? Не сами же они себя? Массовый суицид при полном согласии командования? Бред какой-то. Берзалов не находил ответа. Получается, что есть ещё кто-то третий, но тогда это полная тарабарщина, мучился он и хотел уже было призвать Гаврилова, чтобы было с кем поупражняться в мудрствовании, например, во втором законе термодинамике, то бишь в энтропии, к которой стремится весь белый свет, или в «тёмной энергии», которую так и не открыли и теперь уже и не откроют, но Гаврилов, как назло, был занят Зуевым и вообще, развил бурную хозяйственную деятельность: опорожнил кладовки и погреба, которых оказалось целых пять, в которых хранились не только соленья, но и мясные консервы в больших количествах, а на чердаке нашёл окорока и колбасы. Всё проверил на радиоактивность. Всё поделил поровну и упаковал. Доложил об проделанной работе и снова убежал, вспомнив, что не забрал банки с маслятами и подберезовиками. О тощих кашах и тушёнке, которые порядком всем надоели, на некоторое время можно было забыть и предаться чревоугодию.

Для Зуева специально соорудили подвесные носилки, чтобы его меньше трясло. Чванов доложил, что извлёк осколки, что состояние Зуева тяжёлое, но стабильное. Появилась маленькая надежда довести Зуева живым до госпиталя.

- Видеть будет? - спросил Берзалов, поглядывая на раненого, который лежал на кровати в углу горницы, напичканный лекарствами, и напоминал огромную куклу.

- Один глаз выбило напрочь, второй вроде цел. Колю антибиотики каждые два часа. Донором был Жуков.

- Надо ему спирта дать, - сказал Берзалов, подумав, что и ему самому не мешало бы выпить, а то и простудиться недолго.

- Я уже выдал, - сообщил Чванов. - И две шоколадки, положенные в таких случаях. Самое худшее, что мы не можем

его везти – растрясёт, но не оставишь же это ведьме, – он кивнул на крышку погребца, где сидела злодейка.

В роли военфельдшера Чванов выглядел значительным и как бы при важном деле. Чувствовалось, что он разбирается в том, о чём говорит, и что для него недаром прошли медицинские курсы полевой хирургии, а ещё, Берзалов вспомнил, Чванов ушёл на войну с четвертого курса Санкт-Петербургского мединститута. Почти законченный специалист, а главное, мыслит по-деловому и крови не боялся, хотя к крови-то за два года они почти все привыкли – насколько к ней вообще можно привыкнуть.

– Ничего, мы потихонечку, – сказал Берзалов, принохиваясь. – Через два часа уходим.

Пахло очень вкусно. На столе стояли чугунок с картошкой, миска с огурцами и миска с солёными груздями. Берзалов сел и стал есть, макая картошку попеременно то в соль, то в блюдце в растительном масле. Молча вошёл Русаков, демонстративно отрезал кусок житного хлеба и тоже принялся есть, недобро поглядывая на Берзалова, а потом сказал:

– Я с вами!..

– Под трибунал захотел? – с подковыркой спросил Берзалов, у которого после удара сильно болело плечо и, разумеется, он думал о Русакове не очень лицеприятно, мог бы выбрать себе боевую подружку, которая не дерётся скалкой.

– Под трибунал, так под трибунал... – согласился Русаков, и лицо у него сделалось совершенно незащитным и одновременно злым, как у человека, которого долго дразнят.

– А ты подумай? – предложил Берзалов, не выказывая симпатии, но и не желая додвить человека настолько, что он пойдёт в разнос и будет всякие коленца выкидывать. Кто же коленца-то любит?

– Я подумал, – односложно отозвался Русаков.

– Ты всё-таки подумай, – посоветовал Берзалов. – Сообщить командованию я просто обязан. Но одно дело, если ты будешь стоять перед его светлыми очами, а другое – находиться за тридевять земель. Две большие разницы. А сгоряча могут и в пехоту упечь.

– Пусть уж лучше рядовым, чем... – Русаков не договорил и положил картошку в чугунок. Пальцы у него дрожали.

Но и так было ясно, что Русаков имеет ввиду: разумеется, хутор, «дубов» и Зинаиду Ёрхову, которая орудовала скалкой не хуже,

чем мужик топором.

- Ладно... - неожиданно для самого себя пожалел его Берзалов, - я тебе, капитан, не судья. Но места у меня нет.

- Хорошо... - покорно и даже, как показалось Берзалову, обречённо отозвался Русаков, - тогда я пойду воевать без вас, - он кивнул в угол, где стоял ПКМ¹³, обвитый, как гирляндой, блестящей лентой с патронами.

- Хорошая штука, - оценил Берзалов, - только тяжёлая. - Много не навоюешь.

- Пойду к маэстро Грибакину, - упрямо произнёс Русаков.

- А мы бронепоезд подорвали, - обрадовал его Берзалов.

- Тогда пойду один сражаться, - с тайным пафосом сообщил Русаков.

- Вольному воля, - кивнул Берзалов. - А с кем? - уточнил он, и на его губах заиграла кривая улыбка.

Не доверял он Русакову. А кто будет доверять дезертиру? Никто.

- Ну, с этими... американцами... - не очень уверенно ответил Русаков, глядя мимо Берзалова в окно с белоснежной занавеской.

- А ты что, их видел?

- Нет, не видел, но слышал, что говорили.

- Кто говорил? - с иронией спросил Берзалов, уж очень ему хотелось подковырнуть вертолётчика, чтобы ему жизнь малиной не казалась. Особенно он не мог ему простить того, что он за полгода не нашёл дороги в бригаду. Ас хренов!

- Альбатрос... тьфу ты чёрт, - Русаков от досады так сжал зубы, что было слышно, как они скрипят, - Григорий Ёрхов, атаман их.

- А как они тебя нашли? И вообще, как ты здесь оказался?

- Спасли они меня, - поморщился Русаков так болезненно, словно выпил стакан рыбьего жира. - И вообще... почему ты со мной так разговариваешь?

- А как ты хотел? - с любопытством спросил Берзалов.

- Никак... - процедил Русаков и замер от обиды.

- Ты давай подробнее, - велел Берзалов, зачем-то оглянувшись в угол, где лежал Форец. - Мне поверить тебе надо, а не разговоры слушать.

Русаков намёк понял. Правильно, не должны верить, подумал он. Я бы сам не поверил. А раз уж вляпался, то нужно виниться, деваться некуда.

- Я знаю, я тебе противен. Думаешь, я за бабу прячусь?

- Я ничего не думаю, - зло ответил Берзалов. - Я вижу!

- Ничего ты не видишь. - Русаков резко поднялся, достал из буфета бутылку самогона и два граненых стакана зеленоватого стекла. - Не пристало мне боевому офицеру оправдываться, но деваться некуда, - он налил ровно на три пальца - не много и не мало, как раз в меру, чтобы продрало до печёнок.

Запахло ржаным хлебом, и Берзалову страшно захотелось выпить, потому что он замерз в мокрой одежде, к тому же были у него такие моменты в жизни, когда, край, надо приложиться, не для того, чтобы потерять человеческое обличье, а чтобы просто переключиться. Они не чокаясь, как на поминках, выпили и принялись закусывать грибами. Грибы были хрустящими, холодными, с луком, пахли гвоздикой и подсолнечным маслом.

- Сбили-то меня как-то необычно. Приборы до момента атаки ничего не показали. А потом удар, и всё! Темень. Только-только что-то кусками начинает всплывать: взрыва не было, пламени не было, иначе бы обгорел. Удар был сильный, вот, и контузия. А очнулся только на земле. Как лопасти и дверцу отстрелил - не помню. Сработал на одних рефlekсах.

- А кто стрелял-то? - всё ещё не верил Берзалов.

- Я же говорю, не понял, - Русаков болезненно поморщился.

И вдруг Берзалов сообразил, что два первых экипажа погибли точно так же, как и «абрамс» и «бредли», от того непонятого удара направленной энергии. Только первые экипажи не имели такой высокой квалификации, как Русаков, и к тому же у экипажа из двух человек было по четыре человека десанта, а это уменьшало шансы на спасение. Значит, капитан говорит правду. Значит, его грохнули точно так же, как и американцев. В полном соответствии с энтропией, то есть с увеличением беспорядка. От этой мысли по спине у Берзалова пробежал холодок предчувствия беды. С кем же мы столкнулись? - подумал он о ком-то третьем, которого никто не видел, но деяния его говорили сами за себя.

- Это я теперь понимаю, что ударило как раз снизу под кабину, а она у меня бронированная, иначе бы погиб.

- Танк тоже дюже бронированный, а его та же самая сила превратила в блин, - веско сказал Берзалов, думая о том,

«третьем», который оставлял такие следы, от которых, словно картонные, прогибались семидесятитонные танки, не говоря уже о боевых машинах пехоты, которые на три четверти были сделаны из боевого алюминия.

- Вот то-то и оно... - многозначительно произнёс Русаков и с надеждой посмотрел на Берзалова: «Поверил или не поверит, возьмёт или не возьмёт?»

Наверное, они бы договорились, уладили полюбовно конфликт и даже помирились бы, как только можно было помириться в этих обстоятельствах, но в горницу с сияющими глазами влетел разгорячённый Гаврилов. Оказалось, что Берзалов случайно отключил связь в шлеме, да и сам шлем лежал на лавке.

- Связь! - заорал было Гаврилов, а потом вроде как впервые увидел в углу Зуева, растерянно прикрыл рот ладонью: «Дурилка я картонная» и уже шёпотом доложил: - Связь, товарищ старший лейтенант! Связь!

Но Берзалов и сам сообразил, тотчас напялил на голову шлем, подключился к локальной сети и услышал истошный вопль Колюшки Рябцева:

- Связь!!! Связь!!!

И под эти радостные вопли кинулся к бронетранспортёру. Ему хватило двух секунд, чтобы покинуть дом, добежать до борта номер один, рывком распахнуть дверцу, усесться на командирское место и подключиться к СУО. Он сразу услышал сердитый голос подполковника Степанова из штаба бригады, словно они не расставались, но не было для Берзалова голоса роднее и желаннее.

- Здесь мы, здесь! - в возбуждении закричал он.

- Да не ори ты так! - возмутился подполковник Степанов. - Барабанные перепонки порвёшь.

- Есть, не кричать, - смутился Берзалов, но всё равно радость из него так и пёрла.

Получается, что они наконец пробились, и даже космический гул не препятствовал.

- Лейтенант, где ты шляешься, я тебя уже битый час дожидаясь.

На самом деле, прошло не больше пары минут, с тех пор, как Колюшка Рябцев, отчаянно скучая, услышал позывные штаба бригады.

- Товарищ подполковник, мы на хуторе возле деревни Каракокша!
- поспешно доложил Берзалов. - Сбрасываю разведанные по маршруту, - радостно сообщил он и, не обращая внимания на грозный рык начальства, которое призывало его к серьезности, ответственности и дисциплине, пробежал в стиле глиссандо пальцами на клавиатуре, как музыкант по клавишам пианино, и СУО выплюнула в эфир кодированный блок, который Берзалов ежедневно дополнял новой информацией.

- Молодец, лейтенант... - услышал он через мгновение в наушниках голос майора Якушева. - Читаем донесение. Сейчас скинем новую информацию для тебя, скорректируешь свои действия. У нас кое-что тоже имеется.

- Отлично! - ещё больше обрадовался Берзалов.

Майор Якушев был тем, кого в штабах называют оператором, человек, который занимается анализом поступающей информации. От его выводов напрямую зависела жизнь не только отдельных бойцов и целых подразделений, он и судьба больших и малых компаний, которые вела девяносто пятая отдельная гвардейская бригада специального назначения.

Тут в разговор снова вклинился сердитый подполковник Степанов:

- Высылаем тебе вертолёт за раненым. - От этих слов в душе Берзалова наступило облегчение. - Об американцах и о твоих выводах сообщу позже. Что предполагаешь делать?

- Картина не ясна, - сказал правду Берзалов. - К вечеру выдвинусь на юго-запад в район сорок пятого квадрата с целью разведки. По всей вероятности, граница района южнее, километров в двадцати-тридцати. Пусть вертолёт летит по тому маршруту, который мы прошли. Там нет ловушек.

- Хорошо, - среагировал подполковник Степанов. - Контрольное время восемнадцать тридцать. Обозначьте себя ракетами, если связь не будет работать. Слышишь меня?

- Так точно, - радостно ответил Берзалов. - Всё сделаем.

- Ответ готов, высылаем, - радостно сообщил майор Якушев.

- А что там у тебя за чудо-квантор? - сердито спросил подполковник Степанов, явно читая расшифрованное донесение.

- Я всё подробно изложил! - возбужденно закричал Берзалов.

- Мы с этим явлением столкнулись уже два раза. Так что ошибиться не могли.

- А Скрипей? - в голосе подполковника Степанова слышались презрительные нотки.

- Есть такой. Сами слышали и даже видели.

- А бронепоезд? Откуда он?

- Бронепоезд подорвали, - подтвердил Берзалов. - Бронепоезд чёткий физический объект.

- Почему не выяснили, откуда он взялся?

Берзалов ошарашенно промолчал. Подполковник Степанов и сам должен понимать, что сил тягаться с бронепоездом нет. Что смогли, то и сделали, зло думал Берзалов.

- Что-то у тебя легко всё получается? - грозно спросил подполковник Степанов. - Здесь подорвали, там увидели. Никакой ясности.

Берзалов ещё больше опешил. Не будешь же рассказывать, что ты везунчик от природы, что такова твоя планида, о Спасе, естественно, не упомянешь, потому что посчитают сумасшедшим и, того и гляди, отнимут третий взвод и переведут в штаб, где ответственности меньше. Нет, я не такой дурак, подумал он, чтобы подставляться.

- Ты Берзалов, в следующий раз горячку не пори, - веско сказал подполковник Степанов. - Я с таким донесением к генералу пойти не могу. Что я ему скажу? Что вы целуетесь с небесными духами?

- Почему целуемся?.. - возразил Берзалов.

- А как же?! - гнул своё подполковник Степанов. - А между районами существуют коридоры... как их?..

- Кванторы... - каменным голосом подсказал Берзалов.

- А ещё какие-то «предметы» с жидкостью внутри!

- Именно так, - вовсе упавшим голосом подтвердил Берзалов, не желая отступить от своих слов.

- Бред какой-то! - с камушками в голосе произнёс подполковник Степанов. - Слышишь, я тебе запрещаю присылать такого рода донесения. Присылай по существу. А всю эту метафизическую чушь оставь, знаешь кому?!

- Кому? - с тяжёлым сердцем спросил Берзалов, и его взяла злость из-за тупости начальника.

- Тому, кто её выдумал - Аристотелю!

- Есть Аристотелю! - процедил сквозь зубы Берзалов.

- Ну вот то-то... - уже более миролюбиво сказал подполковник Степанов и ещё что-то хотел добавить, может быть, даже похвалить. - Что мне от тебя требуется? Эффективность и качество донесе...

Но в этот момент связь оборвалась так же внезапно, как и появилась, словно кто-то специально отключил тангетку¹⁴, и никакого ответа они, конечно, не получили. Берзалов несколько раз нажал на кнопку связи. Всё было тщетно. Эфир снов заполнился бесконечным космическим гулом, как будто небо спохватилось и показало всем дулю.

- Алло! Алло! - безуспешно закричал Колюшка Рябцев.

- Вызывай! - приказал Берзалов, поняв, что он больше не услышит любимого голоса начальства, и вылез из бронетранспортёра, поражённый фантастичностью происходящего. У него было такое ощущение, что с ними кто-то играл в поддавки, но в последний момент, оказалось - в шахматы, и ловко поставил им мат.

Мат будет, если мы вообще отсюда не выберемся, подумал он, вот это будет всем матам мат. Но почему-то его это меньше всего заботило. Равнодушным он стал к своей судьбе. А вот за бойцов и особенно за Гаврилова ему было обидно, вроде бы он их как бы на казнь вёл.

Гаврилов прибежал с круглыми от восторга глазами. За ними скромно маячил капитан Русаков. Берзалов развёл руками и высказался:

- Вашу-у-у Машу-у-у!..

Они всё поняли, хотя Гаврилов на всякий случай спросил:

- Что там?..

- А ничего, - махнул Берзалов. - Ругают нас, Федор Дмитриевич, сказали что мы метафизики.

- На то оно и начальство, - покорно согласился Гаврилов, выражая тем самым фатализм военного перед лицом обстоятельств в виде начальства, которое всегда право.

Русаков поддакнул с горечью:

- Меня тоже вот так же кинули вслепую. Ничего это начальство не учит. Здесь чёрти что творится! А они - метафизика! Экселенц да экселенц!¹⁵ Дурилки картонные.

Гаврилов пробормотал:

- Дурилка картонная это я... надо было ещё года три назад в отставку уйти, глядишь, лежал бы тихо и спокойно со своей Лоркой в одной могиле и горя не знал.

- Только и успел сообщить, где и мы и как мы, - сказал Берзалов так, будто не услышал горестных речей Гаврилова. Не хотел он его обижать, да и нечего нюни раньше времени разводить. - Вертолёт обещали прислать за Зуевым. Вот с ними и полетишь, - сказал он Русакову.

У Русакова сделалось такое лицо, словно его обманули в лучших надеждах. Даже куртка реглан на нём обвисла от расстройства.

- Полетишь, полетишь. Будешь сопровождать раненого, - подсластил пилюлю Берзалов. - Для тебя же стараюсь.

- Есть сопровождать... - уныло ответил Русаков.

Берзалову стало стыдно. Отдавать приказы капитану ему было как бы не положено. А ещё он подумал, что Русаков сбежит. Самый удобный момент, чтобы сделать ноги, вернуться к нормальной гражданской жизни и греться под тёплым боком у Зинаиды. И правильно сделает, подумал в назидание самому себе Берзалов. Но капитан Русаков никуда не сбежал.

Чтобы не слышать стонов Зуева, Берзалов расположился в летней кухне, где пахло хлебом и травами. Снял наконец с себя влажную одежду, которая уже частично высохла, развесил её сушиться на веревку, а берцы поменял на сухие, которые захватил в бронетранспортёре. Затем растопил плиту, поставил чайник, и через полчаса в кухне сделалось тепло, а потом уже и жарко. Рядом на правах любимцев крутились Кец и Сэр. Берзалов открыл для Кеца банку тушенки и вывалил в чашку на полу.

- Дядя Рома, вот бы Ваньку Габелого найти? - сказал Кец, вопросительно глядя на Берзалов.

- Может, и найдём, - согласился Берзалов. - Кто его знает? Найдём - заберём.

- А вы нас с собой возьмёте туда, на большую землю?

- Возьмём, - растрепал его белые вихры Берзалов и ничего не добавил об этой самой большой земле. Пока задание не выполнено, думать об этом бессмысленно, только душу травить.

Гаврилов пришёл, когда уже стало ясно, что с вертолётom что-то случилось, но всё равно: все ещё на что-то надеялись, на чудо, что ли?

Берзалов плеснул ему самогона и выглянул в окон, на небе загорались первые звезды:

- Не прилетит он. Опростоволосились мы в очередной раз.

Гаврилов сел напротив и кашлянул, как умел только он - тактично предваря разговор:

- Какие наши планы?

Кец вприхлёб пил чай с кусковым сахаром и был похож на маленького, бывалого мужичка, чём-то смахивающего на Гаврилова.

- Я думаю, что мы на рассвете столкнёмся с американцами, - ответил Берзалов, испытывая ничем не объяснимую уверенность.

- Откуда такие сведения? - удивился Гаврилов и, как всегда, вопросительно вскинул брови.

Он отрезал пару ломтей хлеба и обильно посыпал картошку солью.

- Интуиция мне почему-то подсказывает, - ответил Берзалов, с удовольствием выпив самогона.

Хороший был самогон: крепкий и пах чёрным хлебом, можно было даже не закусывать. Прекрасно, видать, жилось на хуторе Ёрховым, обильно ели, долго спали и бандитствовали соответствующим образом. В общем, вели свободный образ жизни. Не оглядываясь ни на кого, без обстоятельств, которые бы принуждали к самодисциплине. А в атомный век так не бывает. Всегда, как в боксе, найдётся сильнейший противник. Поэтому и ошиблись, подумал Берзалов. А если бы пристроились к нашим, то может быть, и погибли бы тоже, но не собачьей смертью, а смертью героев. Чего и нам желаю.

- Ага... - произнёс Гаврилов, глядя в ясные очи начальника и, должно быть, не находя там нужного ответа:

- А что с пацаном будем делать? Кое-кто на него зуб точит.

Берзалов понял, что бойцы через Федора Дмитриевича высказывают свои опасения по поводу того, что командир может отпустить Касьяна Ёрхова.

- Пацана возьмём с собой. Будет проводником.

- Я его караулить буду, - высказался Кец.

Сэр поел и сел рядом, вопросительно переводя взгляд с одного лица на другое. С брылей у него капало, и один раз он коснулся колена Берзалова, оставив на нём жирные пятна.

Берзалов беззлобно произнёс:

- Вашу-у-у Машу-у-у!.. - взял тряпку и вытер псу бороду.

- А если не захочет? - спросил Гаврилов.

Убить хотят, равнодушно подумал Берзалов, в отместку за Зуева. И правильно, рассудил он, за Зуева - святое дело. Судьба пацана его не волновала. Ему нужны были сведения об этом районе. А если пацан ездил на бронепоезде, то он знает всё окрест километров на триста.

- Куда он денется. Не кормите его. Можете не поить. Всё расскажет.

- Ну да, - вроде бы как нехотя согласился Гаврилов. - А вертолётчик?..

Он специально не назвал его по фамилии, словно бы порицая за дезертирство. Да, подумал Берзалов, никогда не предполагал, что придётся решать чью-то судьбу вот так за кухонным столом. С какой стороны ни погляди - все правы. Прав Русаков, который устал от войны, правы мы, потому что есть такое понятие, как долг. Как верно поступить, никто не знает. Так и не придя ни к какому решению, он встал из-за стола, чтобы налить чая.

- Не знаю, - сказал он на вопросительный взгляд Гаврилова. - Время ещё есть. А где он сам-то?

- Да за домом горюет.

- Раньше надо было горевать, - зло сказал Берзалов и, как никогда, ощутил свою правоту, но от этого легче не стало.

Кец совсем по-взрослому вздохнул: разговор старших он воспринимал очень серьезно. Они выпили по кружке чая с сухарями. Берзалов оделся и вышел, но капитана Русакова сразу не нашел. Куда вертолётчик делся? - гадали все: и Архипов, и Юпитин, и даже - Ефрем Бур, которому по статусу не полагалось высказываться на подобные темы, а тем более иметь собственное суждение о старших по званию. Кто-то даже хотел бежать искать без команды, да не осмелился под строгим взором Гаврилова. А самые ретивые - Гуча и Петр Морозов предложили Берзалову свои услуги, мол, мы всей душой, если что, если надо пострелять - с большим уважением к товарищу старшему лейтенанту.

Берзалов, сам не зная зачем, передёрнул затвор автомата и пошёл, не приняв никаких предложений о помощи – даже от верного Гаврилова. И несколько мгновений чувствовал, как он осуждающе глядит ему вслед: «Погибнешь, как дурак!» «Дырку просверлишь», – хотелось обернуться ему, но он, конечно же, не обернулся, потому что не верил, что капитан Русаков будет стрелять по своим. А затвор передёрнул чисто инстинктивно, даже сам удивился, скорее, по привычке, чем осознано. Для демонстрации миролюбия, разве что, повесил автомат на плечо, показывая тем самым, что не собирается никого подозревать в низменных намерениях, и подался за баньку, ожидая обнаружить там пьяного в стельку Русакова, потом – за сарай, где тоже можно было красиво налакаться с горя, но нашёл его абсолютно случайно и абсолютно трезвого – за сеновалом. Тоже неплохое и даже комфортное место для возлияний. Оказывается, храбрый капитан выпустил красавицу из погреба и они выясняли отношения.

– Зинаида! Ты не понимаешь! – кричал он, сжимая двумя руками, как древко флага, ПКМ. – Не могу я уйти. Остаюсь я. Душно мне здесь и страшно. Не моё это!

– А что твоё?! – срывалась она на крик.

– Моё – там, – кивнул он головой в сторону того места, где ранили Зуева. – Там, вместе со всеми.

– А я?! – кричала она снова, хватаясь за растрепанную голову. – Обо мне ты подумал?

– Солдат я, понимаешь, – сказал он тихо, но очень веско. И в его голосе наконец прозвучало то, за что его уважали в армии, – уверенность в своих поступках. – По-другому я не умею.

– Ну и катись-ь-ь, солдафо-о-о-н! – воскликнула она в отчаянии.
– Катись колбаской по Малой Спасской!

– Ну и покачусь, – согласился он, но не сделал и шага, чтобы уйти, а наоборот, протянул руки к Зинаиде, чтобы утешить её зарёванную и всхлипывающую.

Берзалов вспомнил свою Варю, вспомнил, как они тоже выясняли отношения, разумеется, без скалки и без воплей, но с теми же самыми острыми чувствами, стиснул зубы от боли и больше не стал слушать, а тактично вернулся к себе, во временный штаб. Нельзя было сказать, что он до конца поверил Русакову, но кое-что понял: заговорила совесть в капитане, вот он и захотел всё исправить, даже несмотря на трибунал. Ну и ладушки, подумал Берзалов, переключаясь на другие заботы, одной головной болью меньше. А капитан молодец!

Вертолёт не прилетел ни в шесть тридцать, ни часом позже, ни даже в девять часов вечера. Сколько ни прощупывали сканером эфир, он был пуст, словно бы и цивилизации не существовало вовсе – один сплошной космический гул. Хотя какая цивилизация – остатки былой роскоши, поэтому Берзалов и волновался: даже в окрестностях Серпухова была связь, а здесь – нет. Было отчего беспокоиться. Какая-то аномальная область.

В двадцать тридцать, когда ждать стало бессмысленно, Берзалов отдал команду на движение. Не прошло и пяти минут, как в отсеке раздались странные звуки. Стали разбираться. Оказалось, что хитрый Сэр, воспользовавшись моментом, прополз под ногами у всех вдоль отсека и залез в загашник. Хорошо хоть бдительный Архипов вовремя заметил, что брезент шевелится вовсе не в такт движению бронетранспортёра – это Сэр, не мудрствуя лукаво, с деловым видом тащил говяжий окорок, чтобы было удобнее грызть его. Виновник происшествия был извлечён на свет божий. Окорок, естественно, у него отобрали и с горечью обнаружили, что Сэр успел сожрать почти все копчёные шпикачки, которые Гаврилов выделил первому экипажу. Сэру наkostenяляли по шее и отправили в противоположный край отсека, подальше от греха, туда, где на бронезилетах лежал связанный Касьян Ёрхов. Архипов, который был большим знатоком по части пожрать, долго сокрушался и ворчал:

– У-у-у... обжора, больше ничего не получишь, – и грозил Сэру кулаком, а Сэр в ответ оскалился и, облизываясь, показывал ему сахарно-белые зубы.

Теперь и оставалось только вдыхать запах копчёных шпикачек. Внезапно Клим Филатов выругался и так резко затормозил, что Берзалов, увлеченный происходящим, больно ударился лбом о край люка. Хорошо хоть шлем не снял.

– Товарищ старший лейтенант!.. – возмущенно крикнул Филатов.

На дороге с решительным видом, скрестив руки на великолепной груди, стояла подруга Русакова – Зинаида Ёрхова, красивая и величественная в своём гневе.

– Вот это тё-ё-тя-я-я... – восхищённо высказался Колюшка Рябцев, у которого из-под шлема виднелся бинт.

Берзалов откинул люк и высунулся наружу:

– Жить надоело?!

С минуту они разглядывали друг друга. Только у Берзалова было преимущество: Ёрхова стояла в синем свете ночных фар, и её хорошо было видно. Красива она была: статная и сильная. Видная женщина, на таких внимание обращают даже в толпе.

- Капитан... - позвал Берзалов и вспомнил свою Варю. - Иди... к тебе...

- Что? - встрепенулся Русаков, который угрюмо и отрешённо сидел в самом дальнем конце отсека, рядом с продуктами.

- К тебе, говорю, на всё про всё у тебя две минуты.

Русаков выскочил в люк и спрыгнул на землю. Слышно было, как он решительно направился к своей подруге. Потом он возник в свете фар, потом они оба враз заговорили - нервно, на грани срыва. И каждый талдычил своё: она - люблю, он - расстаёмся, долг превыше всего, и баста!

Берзалов сел на своё место и приказал всем тем, кто проявил нездоровое любопытство и высунулся наружу.

- По местам! Это не спектакль! Филатов, выключи фары и поддай газу!

Филатов так и сделал, и голос Русакова, от которого, действительно, пчёлы роняли мёд на лету, пропал за шумом двигателя, а все даже любопытные остались с носом.

- Ну баба даё-ё-ё-т... - с восхищением сказал Юпитин, и на лице у него была написана зависть. - Мне б такую... есть за что подержаться...

- Так ты ж вроде как уже держался?.. - решил похохмить Сундуков, но Юпитин так на него цыкнул, что Сундуков тут же изумленно моргнул и спрятался за Гучу, потому что здоровяк Гуча поменялся местом с Чвановым, который ухаживал во втором бронетранспортере за Зуевым.

В отсеке повисла напряженная тишина, и каждый думал и мечтал о такой безоглядной любви, когда женщина из-за тебя бросается под колеса БТРа. Только не каждому выпадала такая судьба и уже, судя по всему, не выпадет никогда, подумал Берзалов, и ему сделалось втройне горько.

Гаврилов спросил напряжённым голосом:

- Роман Георгиевич, что у вас там?

- Всё нормально, Федор Дмитриевич, всё нормально... сейчас тронемся.

Русаков вернулся в бронетранспортёр ровно через полторы минуты и, ни на кого не глядя, молча полез на своё место. Берзалов не удержался, глянул на часы и скомандовал:

- Вперёд!

Шли на малой скорости, во-первых, из-за Зуева, а во-вторых, чтобы меньше шуметь и лучше приглядываться к местности. Однако всех, без исключения, волновал один, отнюдь не праздный и крайне любопытный вопрос, что такого можно сказать любимой женщине, чтобы она отреклась от тебя в течение одной минуты. У всех так языки и чесались, даже у Берзалова, но он, чтобы не сболтнуть глупость, крепко-накрепко приказал себе следить за местностью и думать только о Варе.

По мере того, как удалялись от реки, дорога сделалась суше и в воздухе появилась пыль. Звезды висели, низко-низко, огромные-огромные, и порой казалось, что они сыплются на голову. Как-то внезапно, словно скачком, из-за леса показалась луна, и Берзалов ахнул, она была непомерно большой, в полнеба, но не это было самое жуткое. Самое жуткое заключалось в том, что это была уже не луна в прямом смысле слова, а вроде бы череп с двумя огненными глазницами и дыркой там, где у живого человека должен быть нос, ну, и разумеется, с зубами, как у лошади. А когда Колюшка Рябцев икнул от страха и заявил своё обычное: «Не верю!», Берзалов понял, что ему самому вряд ли привиделось, что луна-череп самая что ни на есть очевидная реальность, посланная им с неба. Вот об этом-то я точно не упомяну в донесении, подумал Берзалов и едва не перекрестился. У Колюшки, которому по долгу службы, вынужден был следить за дорогой, зубы стали лязгать сами собой, как машинка для зарядания ленты, а Бур от страха выругался матом – витиевато и забористо и попытался забиться под руль управления, чем вызвал праведный гнев Клима Филатова. Остальные в отсеке никто ничего не понял, потому что не имели возможности следить за окружающей местностью. Это обстоятельство и спасло их от преждевременной паники.

- Федор Дмитриевич! – нервно воскликнул Берзалов, который сам испытал неподдельный ужас, – видите?!

- Вижу... – раздался в наушниках спокойный голос Гаврилова, – я его уже давно вижу.

И Берзалов понял: чего в этом мире только ни бывает – даже та самая метафизика, о которой подполковник Степанов отзывался с величайшим презрением, имеет вещественное проявление – на тебе, вот она – в самом что ни на есть физическом

выражении, на небесной тверди во всей своей красе. Как от такой очаровательной иллюзии отречься?

- Что вы думаете? Что это такое? - быстро спросил он, пытаясь избавиться от страха, который схватил его, как волк в чаще.

- Думаю, что мы вошли в неизведанную область. А ещё я думаю, что нас пугают. Что будем делать?

Голос у него был такой будничным, такой невозмутимым, можно даже сказать, сонным, будто бы речь шла каком-нибудь заурядном атмосферном явлении. Берзалов был ему очень и очень благодарен за мудрость и ещё раз убедился, что не зря взял старшего прапорщика в глубокую разведку и что никакой Кокурин его не заменит, будь он хоть трижды суперчемпионом в ловкости.

- Сейчас... - пообещал он, успокаиваясь, и вытащил на броню бандитского отпрыска - Касьяна Ёрхова. - Говори, что это такое? - потребовал он, тыча пальцем в луну-череп.

- Пить хочу... - прошепелявил Касьян, заваливая голову набок, как полудохлый воробей.

Берзалов испугался что Ёрхов тут же помрёт, развязал ему руки и дал напиток.

- Манкурты это всё... - сказал Касьян, с жадностью вливая в себя воду и косясь на луну-череп, как на отцовский ремень. - Манкурты...

- Какие, на фиг, манкурты? - удивился Берзалов и почувствовал, как волосы на затылке у него встают дыбом. - Ты чего, сопля, несёшь?

Касьян испугался ещё больше:

- Манкурты... батя сказывал... как бы... ну... это... м-м-м...

- Чего ты мямлишь? - возмутился ещё больше Берзалов, хотя понимал, что неправ, что нельзя отдаваться нервам, но сделать с собой ничего не мог.

Касьян страдальчески вздохнул:

- ...это их знак...

Ясно было, что он сейчас заплачет от страха, от безысходности и от того, что очухался наконец и понял, что сотворил.

- Давай подробнее! - потребовал Берзалов.

- Она через день на третий является. Иногда чаще, - сообщил Касьян Ёрхов таким голосом, словно собрался умирать.

- А что за манкурты? - снова спросил Берзалов и отобрал у него бутылку с водой.

И вдруг понял, что поступает точно так же, как и его начальство: тупо, безапелляционно и по-свински. Дурак, обругал он сам себя и отдал парню бутылку. Он уже забыл, например, о том, что Ёрхов-младший садистки избивал лейтенанта Протасова. Отходчива русская душа.

- Так, давай рассказывай подробно! - приказал он и крикнул в люк: - Архипов, Иван, дай шоколадку. - И пока Касьян Ёрхов пожирал её вместе фольгой и бумагой, сказал в микрофон: - Мужики, кто знает, кто такие манкурты? Знак у них ещё - череп.

- Манкуртов съела «умная пыль», - сказал Касьян явно с чужих слов и тупо уставился на Берзалова, моля взглядом об одном, чтобы его только не убили.

Под левым глазом у него чернел синяк, хотя Берзалов аккуратно бил только по челюсти. Не было у него блатной привычки портить людям лица. Значит, или он промазал хотя бы один раз, или к Касьяну уже приложились. Скорее всего, приложились от души, за Зуева, за «дубов».

- Какая ещё «пыль», да ещё и «умная»? - удивился он.

- Я не знаю, батя сказал, что зелёная, и запретил ходить дальше реки Псёл, мы и не ходим. Один генерал Грибакин однажды проскочил до Харькова, а потом едва ноги унёс. Пол-экипажа, говорят, сгорело.

- В каком смысле «сгорело»? - уточнил Берзалов.

- Я не знаю, я не видел, мужики говорили, и Грибакин тоже, те, кто без противогазов были.

- Ишь ты... - нервно сказал Берзалов и в задумчивости потёр небритый подбородок. - Значит, Грибакин, говоришь?..

Было бы интересно взглянуть на этого генерала. Побеседовать, так сказать, тет-а-тет. Однако мы ж его подорвали, вспомнил Берзалов. Хороший, видать, был генерал, но не уберётся, потому что на каждую силу всегда найдётся другая сила.

- Ага... - подтвердил Касьян, давась шоколадкой.

- Значит, Псёл?

- Ага... - кивнул Касьян. - Вы меня теперь расстреляете?

- Видно будет, - сказал Берзалов. - Полезай внутрь и сиди тихо, как мышь.

Касьян Ёрхов даже не вздохнул, а как-то хватая ртом воздух, плюхнулся безвольно в бронетранспортёр. Берзалов покосился на луну – теперь она казалась ему ещё более зловещей, предвестницей бед и страданий, но зато не такой страшной. Ну луна, ну и пусть, решил он, подумаешь, напугали бабу чём-то там.

Они осторожно поехали дальше, минуя государственные трассы и радиоактивные зоны. Только один раз Филатов ошибся, въехал, должно быть, в разбомбленный узел связи, потому что уровень радиации сразу зашкалил за двести рентген, и когда СУО заверещала на весь отсек, то пришлось срочно возвращаться и искать объездной путь. А СУО нет-нет да и возмущённо подавала жуткие сигналы, словно досадуя на то, что её хотели подло и мерзко обмануть. Берзалов только и делал, что ругался чёрными словами:

- У тебя ж дозиметр под носом! Вашу-у-у Машу-у-у!.. Ты нас всех так угробишь!

А Гаврилов высказался в том смысле, что Филатов – глаза и уши экспедиции, а если он ещё, «дурилка картонная», влезет, куда не надо, то его лишат причинного места, и Берзалов приказал всем принять по три таблетки заморского зелья и вообще, больше пить воды и быть осмотрительней на предмет личной безопасности.

Кец, который чувствовал радиацию кожей, тоже крик поднял, только за общим галдежом его трудно было услышать. Смысл его крика сводился к тому, что, мол, «помрём молодыми». Хотя, наверное, мы ему кажемся старыми-старыми, подумал Берзалов. Даже Сэм задорно гавкнул, хотя чувствовал себя проштрафившимся и больше помалкивал, переваривал свиные шпикачки. Касьян Ёрхов, естественно, молчал, как пленный и как человек, ожидающий казни.

Перед Ольшанкой, однако, фон нормализовался до боевых двадцати пяти рентген, и Берзалов вздохнул с облегчением, не надо таскаться, как минимум, в противогазе и, как максимум – в АЗК¹⁶.

Иногда они видели огни, в самом центре, как им казалось, радиоактивного пятна, но, памятуя о неведомых опасностях, а самое главное, о зловещей луне-черепе, к огням не приближались, а следили издали.

На рассвете, где-то в районе Щигры, когда Берзалов объявил короткий привал, чтобы экипажи справили естественную нужду. Владимир Жуков облегчился и вдруг заорал так, что многие

испугались и едва не задали стрекача на обочину в ближайшие кусты:

- Товарищ старший лейтенант!.. Товарищ старший лейтенант!..

- Чего ты орёшь, козел?! - зашикали на него, нервно вздрагивая и косясь на луну-череп, которая хотя и поблекла, но выглядела всё ещё зловещей. К счастью, местность вокруг стала приобретать зримые очертания, хотя туман и полз между кустами, как живой, и недалеко блестела река. - Чего ты орёшь, дурак? Поэт недоделанный! «Англетера»¹⁷ тебе мало?

- Я вспомнил! Я вспомнил! - не унимался Жуков, гордо вскидывая свой есенинский чуб.

- Говори, - приказал Берзалов.

- Я когда в универе учился...

- Гляди, умный нашёлся, - прокомментировал кто-то, вылезая из кустов, в которые успел сигануть сдуру, и вытирая грязь с коленей.

- Давай, не томи душу, - прошипел злой Берзалов, - хватит трепаться.

- В общем, манкурты... - таинственно сказал Жуков, торжествуя, скашивая глаза на нервных товарищей по оружию, - это человек, который не помнит ни родины, ни своих корней.

- Не верю... - заявил Колюшка Рябцев и почти что разрядив обстановку, определив общее мнение: «Не верим, заливают Жуков, студент хренов».

Однако все засмеялись. Уж очень ловко, а главное ко времени и обстоятельствам вставлял Колюшка Рябцев эту свою присказку.

- Ничего себе... - подошёл Гаврилов. - Это что ж такое получается? Мы столкнулись с нелюдьми? - он взглянул на луну-череп и показал ей кулак.

- Почему сразу с нелюдьми? - ещё больше разозлился Берзалов, на которого вовсе не подействовали шуточки экипажей.

Не любил он, когда все вокруг друг друга пугали. Ведь договорились не считать луну-череп чём-то страшным.

- Товарищ старший лейтенант, - сказал с горящими глазами Жуков, - а вдруг это мутировавшие американцы?

- Это так быстро не происходит, - высказался старший сержант Архипов. - Вернее, конечно, происходит, но не за год и не за два.

- Ты нам ещё лекцию по генетике прочти, - ядовито заметил кто-то.

- Ну а всё-таки?.. - не унимался упрямый Жуков и с надеждой смотрел на Берзалова, уж очень ему хотелось оказаться правым, к тому же он не доверял в таких важных вопросах даже Архипову, которого страшно уважал и побаивался.

- Если они забили на родину, какие же они люди? - добавил масла в огонь всё тот же Гаврилов.

- Ну? А я о чём говорю! - обрадовался Жуков.

У Архипова и Юпитина загорелись глаза, они уже открыли было рты, чтобы сообщить миру свою версию, но Берзалов прервал дискуссию:.

- Всё! Потом разберёмся, что это такое. Висит себе и висит. Никого не трогает.

- Точно, - сказал Петр Морозов и оскалился своими гнилыми зубами. - Никому плохого не делает. Чего мы, луну не видали?

В свои девятнадцать с небольшим лет Петр Морозов успел убить человека и получить срок семнадцать лет. Так что война для него была спасением, иначе бы сидеть ему и сидеть аж до самых зрелых годков, и вышел бы он без единого зуба и, разумеется, лысым, как колено.

- Товарищ старший лейтенант, я вспомнил! - восторженно воскликнул Померанцев, по привычке скребя рыжую щетинку на шее.

Левая рука у него была перевязана чуть выше предплечья, но он, казалось, не замечал ранения.

- Чего вспомнил? - уставились на него с огромнейшим любопытством.

- Вспомнил, что восемьдесят третья воздушно-десантная дивизия американцев имеет вот такие эмблемы на рукавах, - он потыкал здоровой рукой в утреннее небо.

- И я вспомнил! - признался Сундуков по кличке Актёр. - Только я боялся ошибиться.

- И я тоже! - воскликнул Гуча, как всегда, тушуясь и глядя себе под ноги, словно увидел там золотой червонец.

- Что ты? - иронично спросил Берзалов, безуспешно припоминая, что ж там такое говорил подполковник Степанов об этом самом десанте американцев, но голова, как назло, была пустой, как дырявый кошелек, в неё ничего не лезло, кроме огромного желания спрятаться подальше от луны-черепа.

- И я тоже вспомнил об этих самых нашивках, - сказал Гуча так, словно он был истиной в последней инстанции. - Мамой клянусь!

- Ладно, - веско сказал Берзалов, довольный тем, что хоть что-то прояснилось, - потом разберёмся.

- На броню и вперёд! - скомандовал Гаврилов, который наконец-то осознал свою ошибку насчёт нелюдей.

Зарницы на юго-западе стали зримее. Пошёл дождь - мелкий, как пыль. Радиация подскочила в среднем на десять микрорентген и была уже выше нормы в три раза. Курск, в который ударили крылатыми ракетами, обошли западнее, потому что по карте получалось, что весенние ветра здесь дули с запада на восток, а значит, и фон местности был ниже. На востоке что-то всё ещё горело. Высказали предположение, что на средне-русской равнине из-за тектонического сдвига вулкан открылся, и дым стлался над горизонтом - привычный, как часть пейзажа. А ещё пахло самой настоящей серой. Позади, на севере, было светло и ярко, словно там всходила заря, впереди же - мрачно и зеленовато, как в большом, мутном аквариуме. И двигаться туда, честно говоря, совсем не хотелось. Если всё это «умная пыль», думал Берзалов, то какого чёрта мы туда прёмся? Но вопрос был, что называется, чисто риторическим, из области душевных терзаний, которые не имели к реальному делу никакого отношения. Поскулил немного, тяжело подумал Берзалов, и вроде бы полегчало.

- Товарищ старший лейтенант, ещё танки... - почти растерянно сообщил Клим Филатов.

Берзалов только на секунду отвлёкся, чтобы почесать голову под чудо-шлемом, которая нещадно потела, и, как назло, проморгал в прямом смысле слова появление красной «галки» на экране СУО, поэтому с напрасной надеждой выдохнул:

- Наши?!

В отсеке повисла напряженная тишина. Даже Сэр перестал лаять.

- Какие же это «наши», - с укором сказал Гаврилов. - «Абрамс»... А на тринадцать часов ещё двое...

- Ну слава богу, - с облегчением ответил Берзалов. - А то, понимаешь, смерти уже надоели.

- А враги, это не смерть?

- Это не смерть, - легко согласился Берзалов, - это отмщение.

Все загоготали, радостные, что «абрамсам» досталось.

- И то правда, - со смешком ответил Гаврилов, которому, честно говоря, было наплевать на всех врагов вместе взятых, иначе он не был бы пограничником.

Они находились на плоской возвышенности, через которую пролегла едва заметная грунтовая дорога, а справа, ниже, перед обожженным радиацией лесом, там, где асфальтовая дорога упиралась в железнодорожные пути, и находились эти самые бедняги «абрамсы», конечно же, приплюснутые, как консервные банки. Ловко их, невольно восхитился Берзалов непонятно чему, впрочем, жалея великодушно поверженных врагов и перенося их печальную участь на свою судьбу, он нисколько не спадал в умиление. Врезал им кто-то по первое число, значит, за дело. Колюшка Рябцев по привычке, как клоун, схохмил:

- Не верю... - и скривился в своей страшной, косой ухмылке.

Однако в прицел было хорошо видно, что один пришибленный танк стоял прямо перед станцией - на перроне, и передние катки у него разведены, как ноги у женщины, а два других - отсюда не было видно - перед лесом. Берзалов готов был руку отдать на отсечение, что все три танка целились куда-то назад и чуть правее ему за спину, через пустошь, в сторону другого леса. Даже захотелось оглянуться. Но к его удивлению СУО больше ничего не идентифицировала - лишь кромку сосен и одиночные кусты на поле. Чудеса в решетке, да и только.

Берзалов сориентировался по карте. Железная дорога огибала лес в полутора километрах дальше на запад и выбегала к мосту через реку Псёл. Ключевое место, решил он. Если кто-то и хотел закупорить горлышко, то лучшего места не найдёшь. Или это горлышко кто-то откупоривал, или... Но что «или» он сообразить не мог. Получалось, «абрамсы» защищали мост, поэтому самое интересное заключалось в том, куда, а главное - по кому они стреляли.

- Стоп! - скомандовал Берзалов. - Федор Дмитриевич, что у тебя на экране?

- Ничего, - будничным голосом ответил Гаврилов. - Три цели...

Ну да, иронично подумал Берзалов, когда-нибудь Гаврилов со своим спокойствием вгонит нас в гроб. Одно дело сохранять хладнокровие во всех ситуациях, а другое - не вовремя реагировать на потенциальную опасность. Тем не менее, делать выговор старшему прапорщику Берзалову почему-то не решился, но и сообщать в эфир о своих предчувствиях тоже не

захотел, мало ли кто слушает, сидя в кустах. Может, те же самые таинственные манкурты? Вдруг они расшифровали наш код, хотя он и меняется хитроумной СУО ежедневно? А вытаскивать Гаврилова из бронетранспортёра и обсуждать проблемы наедине не было времени. Он как чувствовал, что у него на всё про всё не больше двух часов и чем дольше они находятся по эту сторону моста, тем хуже для них. С этого момента судьба играла против него и вообще – против всей экспедиции. Не было у них времени, только он ещё не понимал этого, а Спас, которого заботила только личная безопасность Берзалова, высокомерно молчал, предлагая Берзалову выпутываться из сложившегося положения самостоятельно. В общем, случилось то непредвиденное, из-за чего он потом страдал всю жизнь, ибо глубокая разведка на то она и глубокая разведка со всем тем набором неопределённостей, которые ты сразу не можешь постичь. «А что если бы я поступил так, – часто думал он, – или по-другому? Что бы это изменило?» И не находил ответа. Не было его. Оставалась одна горечь от прошлого.

– Пусть трое из ваших сходят посмотрят на танки, а я с Буром обегу тылы. Куда-то же всё-таки они стреляли?!

– Ну да... – после некоторой паузы согласился Гаврилов, – стреляли... Может, вам ещё пару человек взять? – предложил он.

Его беспокойство проистекало не из-за сложности ситуации, а из-за того, что следовало действовать стандартным, то бишь, надёжным путём: в разведку всегда и везде идут не меньше трёх человек, один из них пулемётчик – для придания группе огневой мощи, чтобы убивать врага прямо сквозь стволы деревьев, лучше даже гранатомётчика прихватить. Так спокойнее и надёжнее. Впрочем, при встречном бое в лесу шансы уцелеть у тех, у кого лучше реакция, кто раньше начнёт стрелять. Так что Берзалов с этой точки зрения ничего не проигрывал и ничего не выигрывал.

– Да нет никого ничего, – беспечно ответил он, как будто Спас, у которого внезапно прорезался голос, не подавал сигналы, как заклинания: «Опасно, опасно, идиот!» Переклинило Берзалова, сделался он глухим к знакам, а может, просто устал слушать Спаса. – Сбегаем глянем, – сказал он, – и вперёд через мост. Мост-то, кажется, цел?

– Цел, – подтвердил Гаврилов.

Спас прокомментировал: «Полный отстой!»

СУО уже выдала на экран соответствующую информацию и

даже параметры написала: пролёт сто двадцать пять метров. Заложена в неё была всякая информация: грузоподъёмность, характеристики покрытий и даже год строительства, чтобы, не дай бог, кто-нибудь не воспользовался им, окажись он в ветхом состоянии. Кроме всего прочего, сразу за мостом начинался сорок третий квадрат. Чепуха, на одном дыхании проскочим туда, куда нам нужно, решил Берзалов. Но вначале надо было выяснить, куда, а главное, по кому стреляли «абрамсы».

- Ну и ладушки, - сказал он. - Покинуть машины и рассредоточиться. Всё, мы пошли. Связь не выключаем.

Его беспечность передалась экипажам. Даже Гаврилов отнёсся спустя рукава к своим обязанностям заместителя командира. Привыкли они к опасности: к кванторам, Скрипеям и всякой другой мишуре, а это было плохо, это ещё на один шаг приблизило их в смерти. Все почему-то решили, что раз дела идут, как идут, то смерть мы в последний момент обязательно обманем, и очень надеялись на командиров, ну и на себя любимых, разумеется.

Берзалову же больше всего почему-то захотелось размяться и заодно расспросить Бура, что он там такое болтал о каком-то Комолодуне - самое время разобраться и расставить все точки над «і», а то сплошные намёки и страшилки. Он невольно покосился на луну-череп, сплюнул и подумал: «Ну и дура!»

- Есть рассредоточиться, - словно опомнился Гаврилов, и в наушниках было слышно, как он отдает приказы.

- Архипов, ты старший, - Берзалов выскочил через верхний люк и тут же окунулся в запахи ночного леса и реки: пахло прелой листвою и рекой. Последний раз, невольно вспомнил он, так пахло, когда у нас с Варей был медовый месяц, в переносном смысле, конечно, потому что отпуска дали всего неделю. И они, не мудрствуя лукаво, махнули в Лосево. Рыбалка была хорошая, и ночная уха на берегу Вуоксы тоже. И ночи - ночи у них тоже были. Так вот там, в Карелии, пахло точно так же, когда они лежали на веранде и окна были распахнуты настезь, и им было хорошо вдвоём.

Ефрем Бур вылез следом, чём-то недовольный и, как всегда, расхристанный до невозможности. И на этот раз он умудрился оставить автомат в бронетранспортёре. Клим Филатов ворчал:

- Не таскай! Не таскай гря-я-я-зь, тютя!

Берзалов уже порядочно отошёл, когда Бур, запыхавшись, нагнал его.

- Чок! - сказал Берзалов. - Быстрее!

Но Бур только дёрнулся, хотя по этой команде, следовало было оглядеться, не говоря уже о том, чтобы изготовиться к бою. Бур же тащил автомат, как лопату, а гранаты висели на нём, как игрушки на новогодней ёлке.

- А?.. - отозвался он, как самый бестолковый солдат на всём белом свете.

Похоже было, что глубокая разведка подействовала на Бура вовсе не лучшим образом, не заставила его собраться, сконцентрироваться, а напротив, расслабила до невозможности. А может, он и был таким? - подумал Берзалов, а я не замечал.

- Поправь лифчик и оружие, - с безнадежностью в голосе приказал он.

Он уже жалел, что взял Бура в глубокую разведку. Горбатого могила исправит. То есть он осознал бессмысленность своей жалости и теперь мучился, потому что исправить ничего уже было нельзя, разве что расстрелять Бура перед строем за его природную тупость и вечное ворчание. Ну родился таким человек, ну бывает. А может, его, наоборот, беречь надо как редкий феномен? Может, его в музеях надо выставлять в качестве образца тупиковой ветви?

- У меня, товарищ старший лейтенант, не лифчик, а разгрузка, ага, - полез в бутылку Бур.

Если бы в его словах была независимость, Бура ещё можно было простить, но в них сквозила одна принципиальная вредность.

- Вот и поправь свою разгрузку, - вполне миролюбиво приказал Берзалов. - А то не солдат, а пугало огородное.

- Ничего не огородное, - надулся Бур, как мышь на крупу. - Я, товарищ старший лейтенант, клятву давал не вам, а родине, ага.

- Чего-о-о... - удивился Берзалов и даже не успел разозлиться.

- Сейчас живо научу эту самую мать-родину любить, и меня заодно.

- Есть поправиться, - словно очнулся Бур, но обиделся ещё больше, будто не знал, что на обиженных чёрти воду возят.

Некоторое время шли молча: Берзалов, устремившись вперёд к неведомой цели, Бур - тяжело сопя, словно его волокли на казнь. Естественно, Берзалов забрало не опустил за бесполезностью, он больше опасался волков, фосфоресцирующие глаза которых обычно сопровождали их в любой чаще, но здесь волков почему-то не было.

- Я, товарищ старший лейтенант, только одного не пойму, - вдруг сказал Бур своим обычным тоном недовольного жизнь человека, - зачем этот череп на небе? Ага. А Скрипей? Он что, ловит заблудшие души?

- Какие души? - спросил Берзалов.

- Я не знаю... - так искренне признался Бур, что сил не было его пытать. - Мальчиков, например?

- Я тебя предупреждал, что будет страшно? - ответил вопросом на вопрос Берзалов.

- Да, - подумав, согласился Бур, - предупреждали, но я не предполагал, что вот такое... - он помахал руками, изображая нечто невообразимое, что отворилось у него в душе.

- Не задавай столько вопросов, у меня нет столько ответов.

- Хорошо, - согласился Бур.

- Ты главное, не бойся, - миролюбиво посоветовал Берзалов, обходя кусты боярышника. - Лучше объясни, что такое Комолодун?

Сосны с пожелтевшими верхушками стояли редко и не могли служить укрытием, поэтому Берзалов двигался от куста к кусту, имея план выйти не в лоб предполагаемой цели, а сбоку, чтобы, не дай бог, не оказаться на линии огня. Мало ли что, думал он, стрельнёт кто-нибудь в спину.

- Я не знаю... - как всегда, начал разводить бодягу Бур. - Оно у меня само собой в мозгу вспухает.

- Лучше бы у тебя в другом месте вспухло, - в сердцах сказал Берзалов.

Такую ахинею мог нести только абсолютный интроверт. Однако Бур не интроверт, вон как меня уговаривал взять с собой, аж из тельника выпрыгивал, вспомнил Берзалов.

- Ага... - признался Бур, - это моя мечта!

- Дался тебе этот Комолодун? - заметил Берзалов.

- А он со мной разговаривает! - бодро заявил Бур.

- Чего-о-о?! - возмутился Берзалов. - Разговаривает?!

В его представлении Берзалова солдат мог «разговаривать» только с уставом, да и то исключительно по приказу командования, то есть боец обязан был знать его наизусть и следовать исключительно ему, не потому что именно так хотелось старшему лейтенанту Берзалову, а потому что в уставе

была заключена мудрость всей армейской жизни и только в исполнении устава, а не вопреки ему, можно было выжить в условиях атомного века.

- Ага... - беспечно подтвердил Бур.

- А что говорит? - Берзалов едва не выругался, но сдержался, в надежде выведать у Бура тайну Комолодуна.

- Разное... всё больше страшает... - доверительно поведал Бур, глаза у него при этом стали сумасшедшими-сумасшедшими, и он тяжело задышал, испуганно озираясь.

Всё пропало! - мелькнула мысль у Берзалова, чокнулся Бур!

- Ты хоть меня не пугай! - грозно сказал он, чтобы отрезвить Бура и привести его в чувства, но тот, напротив, счёл за благо отступить от старшего лейтенанта на пару шагов, ехидно говоря всем своим видом: «Вот сигану в кусты, что будешь делать?»

- Да я никого не пугаю, - ворчливо отозвался Бур, глядя куда-то вбок и, должно быть, видя то, чего не видел Берзалов. - Показалось, и всё, ага.

В былые времена Берзалов одёрнул бы его ещё суровее или сделал замечание командиру первого отделения - старшему сержанту Архипову, а тот бы уже сотворил чисто моральными средствами из Бура котлету, но в тот момент Берзалов посчитал Бура правым. Ну перемкнуло человека, ну бывает, не убивать же, действительно, за это.

Минут через десять им пришлось свернуть к лесу прямо в туман. Он наполнил огромным бескрайним одеялом, и только кусты чернели то там, то здесь, да одинокие сосны торчали, как свечи, и казалось, что этому туману нет ни конца, ни края.

О тумане я и не подумал, сообразил Берзалов. Скорее бы ветерок подул. По его расчётам они уже были где-то на рубеже целей - ведь не мог же противник танков прятаться в чаще, не мог. Нелогично получалось. Выходило, что «абрамсы» били в упор. А это для них очень плохо. Или американцам навязали невыгодную позицию, или они попали в западню, потому что в ближнем бою «абрамсы» потеряли все свои преимущества скоростных, дальнобойных танков.

Первые признаки сражения они увидели тотчас. Перерубленные сосны, вырванные с корнем кусты валялись тут и там. Хвоя на ветках успела пожелтеть.

Вдруг Бур, который шёл слева, взял да побежал. Молча побежал и даже очень целенаправленно, будто его хлестнули по одному

месту. Берзалов приглушенно крикнул:

– Куда?! – и бросился следом.

Однако то ли привычка медленно стартовать, то ли неуверенность первых мгновений сыграли с ним злую шутку: Бур ускакал, как пинг-понговый шарик, а Берзалов к своему стыду элементарно споткнулся о трухлявую корягу. Он всегда был хорош на ближней и средних дистанциях, где важна тактильная реакция. Здесь он был король и пресекал малейшие намёки на атаку, ну и, разумеется, атаковал, получатся, что из засады, с нижнего яруса на верхний. А вот срываться с места не умел. Так или иначе, но Бур он сразу же потерялся в этом чёртовом тумане. Лес словно дыхнул всеми своими страхами, и ватная тишина легла вокруг. Как Берзалов пожалел, что не внял доводам Гаврилова и не захватил хотя бы ещё одного бойца. «Убью, гада! – в запале решил он, – собственными руками убью». Впрочем, от души у него тут же отлегло, потому что не далее, как у кромки леса, он услышал дикое бормотание и с бьющимся сердцем, успокаивая себя на все лады, пошёл на него, гневно сжимая кулаки.

– Бо-о-г... – Услышал Берзалов. – Бо-о-г... поговори со мной. Бог!!!

«Вашу-у-у Машу-у-у!» – шёпотом выругался Берзалов и стал, как зверь, ставя ногу с пятки на носок, подкрадываться ближе и ближе. Может, Бур столкнулся с противником и уговаривает его, а может, сошёл с ума и несёт чепуху. Через десяток шагов Берзалов видел: Бур стоял на коленях перед каким-то кустом боярышника, качался, как японский «болванчик» и идиотским, завывающим голосом твердил на все лады:

– Бо-о-г... поговори со мной. Бог! Слышишь?.. Если я делаю что-то не то, то не нарочно, а от страха. Бо-о-г... поговори со мной! Бог! Лейтенант завёл нас в такие дебри и ничего не понимает. Прости его! Бо-о-г... поговори со мной! Бо-о-г...

– Бур! – зло прошипел Берзалов с оглядкой на молчаливый лес. – Что ты делаешь?.. Какого чёрта!

Слова взяли во рту, а глотку перехватывал непонятный спазм.

– Бо-о-г... – выводил своё, не слушая его, Бур. – Поговори со мной, Бог! Не вводи в искушение... я же по глупости, я же не нарочно! А вообще, я добрый и справедливый, водку только люблю и женщин. Бо-о-г... поговори со мной. Бог! Не закрывай лицо, подари мне прозрение!!!

И только тогда Берзалов разглядел, что Бур разговаривает не с самим кустом боярышника, а с тем нечто, что чернело рядом – огромное, как танк, чуть бесформенное, оплывшее и от

этого показавшееся Берзалову непомерно огромной армейской каской с нашлепкой поверху. Спятил Бур, решил Берзалов, и его прошиб холодный пот. Нам только сумасшедшего не хватало. А Бур между тем продолжал кланяться, как заведенный, и нести несуразицу: «Бог, поговори со мной», и баста. В этот момент подул ветерок, туман словно бы приподнялся, с зеленоватого неба упал тусклый луч света, и у Берзалова отвисла челюсть. Он и сам едва не рухнул на колени рядом с Буром, чтобы тупо предаться молитве: «Бог, поговори со мной, и всё тут!» Это был не валун и даже не гнилые брёвна, сваленные лесозаготовителями, это было явно нечто рукотворное, с длинным утиным клювом, смотрящим на Бура из-под крохотной, можно сказать, изящной, почти что дамской шляпки. Что за херня? – крайне удивился Берзалов, заметив, кроме всего прочего, на валуне какие-то надписи, похожие на иероглифы. Что они изображали, одному богу известно.

– Бур! Ефрем! – он встряхнул его так, что у того с головы слетел шлем. – Бур!!!

Бур словно очнулся и стал твердить, как заведенный:

– Вот он – лофер, посланец Комолодуна! Вот он! – и снова принялся бить поклоны, как заведенный.

Берзалов стал кое-что соображать, например, что утиный клюв – это явно орудие. А ведь это ж он танки-то и «бредли» приговорил, этой утиный клюв, который, хотя и был большим по утиным меркам, но по сравнению с пушкой «абрамса» казался безобидной игрушкой.

Между тем, Бур на коленках пополз дальше добрых метров тридцать и, ткнувшись лбом в следующий «валун-лофер», стал биться о него с таким остервенением, словно хотел разбить себе голову, и твердил на все лады:

– Поговори со мной, Бо-о-г, поговори со мной, Бо-о-г... душа моя уповает на тебя...

Берзалову ничего не оставалось ничего другого, как аккуратно, даже супераккуратно, с загибом кулака внутрь, черкануть Бура по подбородку и вырубить. Для этого и сила большая не требовалась, главное попасть туда, куда надо.

Бур замок на полуслове и нежно прижался щекой к предмету своего обожания. Вот придурок, решил Берзалов, обходя лофер и разглядывая его со всех сторон с преогромнейшим любопытством. Он так и не понял, попал ли в лофер хотя бы один «абрамс», или нет. По крайней мере, следов взрыва на гладкой поверхности заметно не было. Зато, когда Берзалов

приблизился к третьему лоферу, который стоял поодаль, то легкомысленная шляпка со скрипом вдруг ожила, и утиный клюв стал поворачиваться в его сторону. Берзалов замер, словно парализованный. Сейчас как пыхнет, сообразил он. Уж если «абрамс» завалил, то от меня мокрого места не останется.

Однако то ли у лофера кончилась энергия, то ли он потерял к Берзалову всякий интерес, но только замер он на полпути и вроде бы как уснул, даже утиный клюв безвольно устался в землю. Вот о чем говорил подполковник Егоров, вспомнил Берзалов, вот они живые механизмы, таинственные агрегаты и прочая дрянь.

Берзалов стал отступать: осторожно, шаг за шагом, туда, где оставил Бур. Только он закинул его на плечи, бесчувственного, пребывающего в религиозном транс, только подхватил с земли шлем, как там, где стояли бронетранспортеры, вдруг вспыхнула яростная стрельба – вначале автоматная М-16¹⁸, АКМ и пулемётная ПКМ, а потом разом включились обе пушки, и огненные прочерки вспыхивали в тумане, как салют на девятое мая.

Глава 7

Манкурты и генерал Грибакин

А между тем, распогодилось, дождь прекратился и даже выглянуло солнце. Только было оно какое-то зловещее – в зеленоватой дымке, но зато более-менее привычное, земное, без всяких там черепов, а стало быть, почти-то безопасное. И вроде бы на горизонте уже не сверкали зарницы и грома слышно не было. Ну-ну, с иронией подумал Берзалов, не веря в душе даже таким явным признакам, может, всё обойдётся?

Бур каялся, как самый отъявленный сатанист.

– Это не я... – твердил он, ваяясь связанным на бронниках, – это Комолодун! Охмурил он! Охмурил, гад! Развяжите, бога ради!

Получалось, что он воспринимал Комолодуна как символ могущества и свободы. Этим и был опасен.

– Мозги у него, похоже, стали набекрень, – задумчиво высказался Гаврилов, в глазах у него родился вопрос: «А с чего бы?», и он вопросительно уставился на Берзалова: «Какие фокусы, старший лейтенант, ты ещё прячешь в рукаве?»

– А-а-а!.. – заголосил Бур.

- Лежи, скотина! - среагировал Филатов, который давно уже не доверял Буру из-за его круглой физиономии и привычки ворчать по делу и не по делу. Такого даже учить жизни было бессмысленно.

- А-а-а... постреляю сволочей! - кричал Бур и сучил ногами. - Всех, от начала, до конца.

Вдруг мы так вырождаемся, со страхом думал Берзалов, раньше это заметно не было, а теперь - всё быстрее и быстрее, и Бур живое тому подтверждение. А что будет с теми, кто появился на свет после войны? Забудут прошлое, будут верить во всякую ахинею, ни разу даже не крикнут: «Надо гол, надо два, надо кубок УЕФА!» Новое поколение, мать его за ногу.

- Вот и пойми, что у него в голове? - согласился Гаврилов, задумчиво глядя на Бура. - Развяжем, а он за автомат схватится.

- Или в горло кому-нибудь вцепится, - предположил кряжистый Сундуков, выпучив свои и без того изумлённые жизнью глаза.

Когда-то, ещё до войны, Сундуков сыграл в одном модном сериале об армии. Дело было так: он ехал в поезде, и его типаж понравился режиссеру, который и пригласил Игоря Сундукова на съёмки. Игорь, который не служил в армии, за тридцать пять серий так поднатаскался на площадках, что попав в реальные боевые действия, сразу, не задавая лишних вопросов, стал бывалым бойцом. О своём актерском прошлом он вспоминал редко, чтобы не травмировать товарищей по оружию, у которых юность была не столь яркой.

- Я больше не буду... - переходил на нитьё Бур, но ему уже никто не верил, даже Сэр, который всех безоглядно любил. Он даже не захотел с ним лежать на бронниках, а гордо удалился поближе к заглашнику с едой, всем своим видом показывая, что он солидарен с экипажем и поступает очень даже справедливо. Но его, естественно, турнули с матюгами. И он, пуская слюни, угнездился рядом с Филатовым - грустный и обиженный. Шпикачки к этому времени он, разумеется, переварил и мечтал о чём-нибудь вкусненьком, и вообще, ему нравилось путешествовать в бронетранспортёре, где пахло так аппетитно, что можно было валяться хоть всю собачью жизнь.

А Кец вообще заявил, что тоже кое-что слышал о Комолодуне. Мол, это крепость, мол, приходили люди с юга, перепуганные, словно лешака встретили.

- Да... кстати, о лешаках... - начал травить Колюшка Рябцев, он его никто не стал слушать, всем был интересен Бур со своим таинственным Комолодуном, которому надо молиться, как богу.

- Да... и не кормите его, - приказал Берзалов. - Говорят, голодом психопатов лечат, очухается, потом поговорим.

Он в двух словах рассказал, кого они обнаружили в лесу, судя по всему, тех, кто с такой лёгкостью гробил самые мощные боевые машины американцев.

Бур завыл - страшно, дико, снова засучил ногами, разбрасывая вокруг себя бронники, и если бы не приказ Берзалова оставить Бура в покое, то ему бы влетело по первое число, по крайней мере, руки чесались не у одного Архипова.

Между тем, и Берзалову, и Гаврилову было не до проштрафившегося Бура. Наконец-то они разобрались, кто такие манкурты. И выходило, что это самые что ни на есть обычные американцы, то бишь служивые восемьдесят третьей воздушно-десантной дивизии. Только вопреки легенде им не обривали голову и не надевали на неё шкуры верблюда выйной частью внутрь, чтобы волосы прорастали сквозь кости в мозг и делали человека беспамятным, как сказано у большого писателя Чингиза Айтматова. Нет, всё оказалось прозаичнее, жизненнее, что ли. Лишенные американской мечты и образа жизни, заброшенные на чужие да ещё и зараженные радиацией территории, американцы быстренько одичали и выглядели затурканными дикарями, утратившими человеческое обличие. Они даже стрелять разучились, ну и, разумеется, не стриглись и не брились. А вши на них водились стадами - жирные и белые, как тыквенные семечки.

- Если бы не Архипов, положили бы нас всех элементарно со страху, - признался Гаврилов, когда они вволю налюбовались на подбитый «абрамс» с вывернутыми передними катками и распушенными гусеницами и отправились в лощину за станцией, где стояли два других «абрамса» и находились пленные.

Оказалось, что старший прапорщик вопреки приказу самолично пошёл в разведку и оплошал.

- Понимаешь, расслабился впервые в жизни, да вот Иван спас, - спокойно, как о безобидной вечеринке, рассказывал Гаврилов и призывал в свидетели Архипова.

В общем, Берзалов понял из несколько сбивчивого рассказа прапорщика, что Архипов, который стрелял, как бог, положил первых троих, и этим решил исход стычки. Палили ещё, правда, минут пять, но больше для остротки и из-за собственного страха. Отличился также капитан Русаков, который прикрывая группу, израсходовал в своём ПКМе ленту в двести пятьдесят патронов и тем самым дал возможность обойти противника с

тыла. Была у американцев, оказывается, группа прикрытия и даже свой снайпер, который, впрочем, бросил винтовку как только поднялась пальба, не сделав ни одного выстрела, иначе компания Зуева пополнилась бы, как минимум, ещё одним человеком.

- А я проворонил, - в который раз каялся Гаврилов. - Дурилка я картонная! Подумал, что подбитые «абрамсы» не представляют никакой опасности.

- Что?! Что вы там делали?! Вашу-у-у Машу-у-у!.. - спросил Берзалов у крайнего пленного, который сидел на земле и тарачились на них, как на богов.

Всего их было четверо. Двое ранены, один тяжело. С ним возился Чванов, для этого он надел резиновые перчатки. Остальные были ещё хуже - никакие, хуже наших пленных, подумал Берзалов. Наши так не опускаются, даже самые крутые бомжи. Пленные даже не пахли, а воняли чём-то таким прогорклым, чему не было определения. Похоже, гнили заживо.

- Не умеют они по-нашему... - объяснил Гаврилов выражая тем самым мысль, что к тяготам они не привыкли, готовили их на роль господствующей расы, а получилось шиворот-навыворот.

- Как это так? - удивился Берзалов, и вдруг подумал, что, чем быстрее они уберутся за мост, тем будет лучше.

Вот такое страстное желание охватило его, хотя, казалось бы, должно было быть наоборот, ведь за рекой Псёл начинались неизведанная область с «умной пылью». Он даже оглянулся на этот мост, как будто хотел удостовериться, что он никуда не делся. Мост, действительно, находился на месте: из-за крайних сосен торчали металлические фермы красно-бурого цвета. Но уходить, не допросив пленных, было бы вдвойне глупо. Во-первых, американцы наверняка что-то знали, а во-вторых, он был просто обязан понять состояние противника и сообщить о нём в штаб бригады, так сказать, оценить стратегическое состояние врага.

- Американцы, чего с них возьмёшь? Знаете, о чём они первым делом заявили?

- Нет, - ответил Берзалов, но ему стало интересно.

- О Женевской конвенции сорок девятого года обращения с военнопленными.

- Ишь ты! - воскликнул Берзалов. - Страшно, - и брезгливо посмотрел на американцев. - Как начинать, так они смелые, а

как ответ держать – так я не я и хата не моя. Чудны твои дела, господи!

Американцы снова что-то залопотали, отчаянно жестикулируя, особенно старался негр в твидовом пиджаке.

– Чего они хотят?

– Говорят, что они не виноваты, что им приказали, – сообщил Жуков.

Берзалов вспомнил, что Жуков, похожий на Есенина, числился у них переводчиком. Кто бы подумал, что пригодятся его таланты.

– Скажи, что все так оправдываются. А ещё скажи, что раз они первыми начали войну, то расстреляем к едрёне-фене. А ещё скажи, что мы дикари и всякие конвенции нам не указ. Ведь они считали нас дикарями?!

– Считали, – злорадно согласился Архипов, и глаза у него азартно заблестели.

В следующую минуту американцы выдали столько незнакомых слов, что у Берзалова заболела голова. Не ввали американцы. Пахло от них большим-большим несчастьем, растерянностью, но не тем несчастьем и не той растерянностью, которой пахли «наши» после поражения, всё-таки они сохраняли русский «дух», а вселенским страданием и вселенской же безысходностью. Ещё они готовы были шарахаться от каждого куста – то ли потому что попали в чужую страну, то ли просто были смертельно напуганы. Англосаксы, одним словом, чего с них возьмёшь.

– Говорят, что они теперь не американцы.

– А кто?.. – со сдержанным изумлением спросил капитан Русаков.

– Дурилки картонные, – со смешком поддакнул Гаврилов.

– Манкурты, а не американцы... – недоумённо произнёс Жуков, показывая всем своим видом, что слово ему незнакомо, но он перевёл правильно. – Просят не убивать их.

Однако, к удивлению, слово «манкурты» было произнесено на русский манер: с правильным ударением и с окончанием «ы».

– Какие ещё манкурты? – чрезвычайно удивился Берзалов и готов был уже взвиться от возмущения, потому что, что ни день, то новости: то манкурты, то луна-череп, то «умная пыль». Ничего не поймёшь, только запутаешься. Воистину, мир перевернулся.

– Они себя так называют, мол, говорим, что понимаем. Мол, потерянные мы на веки вечные, и нет нам спасения, ну и прощения тоже заодно.

- Гы-гы-гы!.. - зареготал кто-то.

- Вот это правильно, - удовлетворенно заметил Русаков.

Действительно, пленные выглядели очень странно, одетые цивильно кто во что горазд. Негр был в твидовом пиджаке, подпоясанный рваной женской шалью, тот, что легко раненый, вообще - в галошах на босую ногу. Третий - в бушлате, только этот бушлат из чёрного стал неопределенного бурого цвета. Ну а четвертого Берзалов не разглядел, им занимался Чванов.

- Ничего не понял! - возмутился Берзалов. - Говорите точнее! - потребовал он.

Негр, словно от отчаяния, что-то закричал. У него были белые, как будто фарфоровые зубы.

- Родины у них нет, - перевел Жуков, - вот они и пали духом. Отрекаются они, - и для убедительности потыкал в подбитый «абрамс», который выглядел так, словно спереди его ударили огромной-огромной лопатой: передний отсек с водителем был смят, башня - как гармошка, пушка изломана, словно спичка, а гусеницы - в дугу.

- Подожди... подожди... - стал догадываться Берзалов. - Так что... разбомбили их, похоже, к едрёне-фене?.. - обрадовался он. - Что, всю Америку?.. Ха!!! - от восторга он хлопнул себя по коленкам и на мгновение забыл обо всех своих заботах. Вольготно и легко сделалось у него на душе. Так вольготно он чувствовал себя только с Варей. - Это круто меняет дела! Ты понимаешь, Фёдор Дмитриевич?!

О Победе с большой буквы никто не сообщает. Победа - она есть, или её нет. Победа - это знамя, которое несут несколько поколений. Победой вдохновляются. О Победе слагают песни, пишут книги и снимают фильмы. Тем более, если это Победа в Третьей мировой! Только какой ценой, тяжело подумал Берзалов.

- Понимаю, - степенно, как подобает серьезному человеку, объяснил Гаврилов. - Кончилась Америка! Получается, что это грубый исторический факт! И запал у них кончился. Воевать не хотят, дурилки картонные. Родины-то нет. Говорят, шли к нашим сдаваться. Сил, говорят, на исходе. Жрать хочется. А завшивели до предела. Я такого ещё не видел.

- Ишь ты! - ещё пуще обрадовался Берзалов, хотя радоваться, конечно, было кощунственно - разбабахали огромный континент, жалко ему вдруг стало бедных американцев вместе с их мечтой свернуть весь мир в бараний рог. Перестал существовать самый

грозный противник, и от этого в душе образовалась пустота. Что теперь делать, непонятно.

- Плачут, что спутников у них теперь нет, «джипиэс» не работает, мороженое и кока-кола кончились. Командиры разбежались.

- Первыми! - многозначительно добавил Жуков. - А некоторые попросту застрелились от восторга.

- Ха! - ещё радостнее воскликнул поражённый Берзалов. - Выходит, мы войну выиграли?! - все ещё не верил он сам себе.

- Выходит, - не менее восторженно произнёс Русаков, - неожиданно...

- Вояки хреновы! - сказал кто-то, кажется, Петр Морозов, демонстрируя великое русское превосходство, помноженное на долгое страдание всего русского народа.

Все толпились и тарачились на американцев, словно на диковинку, словно это был вымирающий вид, жалкий, убогий и несчастный - манкурты, одним словом.

- Так, а почему все собрались, как на смотрины?! - всё-таки нашёл причину разозлиться Берзалов. - Рассредоточиться. Остаются Жуков, мы с Федором Дмитриевичем и капитан Русаков. Архипов, Юпитин, - Берзалов взглянул на часы, - выступаем через двадцать минут.

- Самое интересное, что манкуртами их наши, в смысле, русские назвали, а эти, как попки повторяют, - счастливым голосом сказал Гаврилов.

- Только голову морочат! - с облегчением воскликнул Берзалов. Одной тайной стало меньше. - Спроси у них, как они узнали, что США кирдык?

- Уже спрашивали, - улыбаясь до ушей, ответил Жуков. - Говорят, что сигнал приняли с подлодки, которая шла в Чёрное море нас бомбить, мол, что делать? Штаб развален, командные пункты молчат, командование ни гу-гу, ну и всё в том же духе, - добавил Жуков.

- Здорово! - признался Берзалов. - Неужели мы им козью морду сделали?! Это же исторический момент! - всё ещё не верил он себе. Срочно надо в штаб сообщить! Рябцев!

- Ну так-х-х-х! - гордо воскликнул Гаврилов, и с его лица можно было писать икону, настолько оно было одухотворенным.

- Единственная приятная новость за полтора года, - с лёгкой душой вздохнул Берзалов. - Теперь мы совсем по-другому

заживём! Теперь же можно свободно вздохнуть! Президента выбрать. Спроси, что стало с подлодкой. Рябцев!

- Не дошла до места встречи. Они её три месяца, как манну небесную, ждали.

- Конечно... - сказал капитан Русаков со знанием дела. - Босфор завален ядерными минами. Наши черноморские вертолётноносцы и завалили. У меня там кореш служил, так из всей эскадрилий три машины осталось. А подлодка шла, видно, с крылатыми ракетами.

- Ну, туда ей и дорога, - согласился Берзалов. Ему тоже было жаль вертолётчиков, которые ценой своих жизней, быть может, спасли и его тоже. А то бы добралась эта самая последняя подлодка до места назначения и расстреляла всю южную Россию вплоть до Новосибирска. - Рябцев! - снова крикнул Берзалов, с раздражением оглядываясь на борт номер один, где должен был сидеть этот криворотый Рябцев.

- А что с ними делать? - спросил Гаврилов.

- Допросим и отпустим. Мы уже самое важное узнали. Они такие вшивые, что потом дезинфекцию надо будет проводить. Да и не знают они ничего толком, видишь, всё на бога кивают.

Пора было уходить. Берзалов чувствовал, что времени у них стало в гулькин нос, что вот-вот что-то случится, однако, именно в этот момент Жуков сообщил:

- Они ещё о каком-то Комолодуне базлают, вроде как нас предупредить хотят.

Реакция Берзалова была мгновенной. Он уже, правда, и сам уловил знакомое слово, да не верил своим ушам. Действительно, манкурты, то бишь американцы, то и дело с испугом поглядывали в сторону моста, где, должно быть, и находился это самый таинственный Комолодун, которому поклонялся Бур.

- Ну-ка спроси у них, - потребовал Берзалов на повышенных нотах и даже на какое-то мгновение забыл о том, что искал Рябцева и что надо срочно делать ноги, - спроси, что они знают о Комолодуне?

Жуков спросил, и с минуту его засыпали бойкими ответами. У Берзалова даже сложилось впечатление, что американцы рады-радёшеньки услужить любым путём. Боятся, что расстреляем, сообразил он. Напакостили, а теперь дрожат.

- Стоп-стоп-стоп! - возмутился Жуков. - По одному! Вот ты говори! - и ткнул пальцем на того манкурта, который

был в галошах на босу ногу и так красноречиво изъяснялся, подпрыгивая, что с него хлопьями сыпались гниды.

- Не врёт? - усомнился Гаврилов.

При всей своей выдержке он не приближался к пленным, брезговал, демонстративно воротя нос в сторону.

- Да нет, вроде, - ответил Жуков, физиономия которого становилась все тревожнее по мере того, как говорил пленный.

Берзалов понял, что они вляпались. Вернее, вначале вляпались американцы, а потом мы, понял он. Не знаю, во что, но вляпались конкретно. Одна дорожка. Берзалов посмотрел на Гаврилова. Лицо у него, как обычно, кроме сосредоточенности, ничего не выражало. Зато капитан Русаков, похоже, всё понял и даже, наверное, пожалел, что не остался на хуторе с красавицей Зинаидой. Рядовой Жуков если что-то и сообразил, то ему не полагалось иметь собственного мнения.

- Ну что он говорит? - потребовал Берзалов у Жукова.

- Говорит странные вещи...

- Ну-у-у?!

- Говорит, что их разбили не русские, а какие-то живые механизмы...

- Вашу-у-у Машу-у-у!.. - выругался Берзалов. - Так я и знал! Пусть дальше рассказывает!

Старший прапорщик Гаврилов вопросительно уставился на Берзалова, мол, что ты мне ещё сообщить не успел? Чего я ещё не знаю? И похоже, выдержка впервые изменила ему, потому что он в волнении переключивал сигарету из одного угла губ - в другой. Разве только не повторял свою любимую присказку: «Дурилка я картонная!»

- Дальше... за Харьковом... укрепрайон... - сказал Жуков таким тоном, словно только что познал всю запредельность теории Эйнштейна и от этого чуть не сдвинулся по фазе.

А потом Берзалов услышал такое, отчего у него волосы под шлемом встали дыбом.

- Говорят, что это какие-то... там... как? - переспросил он у бойкого манкурта в галошах. - Говорят, что какие-то инвазивные захватчики... - постным тоном добавил он, ничего не понимая.

- Какие?.. - переспросил Гаврилов так, словно сказанное Жуковым превышало весь его жизненный опыт.

- Инвазивные... - ответил Жуков и испугался, что неправильно перевёл.

Он переспросил манкуртов несколько раз.

- Инвазивные... - упавшим голосом повторил он.

- Любят американцы всякие заумные названия придумывать, - сказал Русаков так бодро, словно не понял смысла. - А инвазивные захватчики...

- Да знаю я! - оборвал его Берзалов. - Вашу-у-у Машу-у-у!.. - всё-таки выругался он. - Нам только этого ещё не хватало!

Едва избавились от одной напасти, как вляпались в другую. Воистину атомный век не изменился, передышек не даёт.

- Это что получается?.. - озадаченно спросил Гаврилов и воззрился на Берзалова с величайшим вопросом, - товарищ старший лейтенант, выходит?..

- Ну да, - огорчению Берзалов не было предела, в душе он надеялся, что приметы ни о чём плохом не говорят. - Выходит, что все эти признаки, - он показал на небо, на танки, стоящие в лощине, жалкие, пришибленные, как консервные банки. - Квантор, Скрипей, даже космический гул - всё это - звенья одной цепи?..

- Я тоже хотел у вас просить... - начал Гаврилов.

Но Берзалов оборвал:

- Ну не мог, понимаете, не мог говорить. Запретили мне. Тайна это была.

Вот с кем вместо американцев, придётся договариваться, понял Берзалов. Вот та сила, которая будет править Россией. И на душе у него стало тяжело-тяжело, потому что задача получалась не то чтобы не выполняемая, а вообще какая-то непонятная. Срочно нужна была связь, не только чтобы сообщить важнейшую информацию, но и для того, чтобы скорректировать с командованием действия группы. Одно дело договариваться с американцами, хотя они и враги, а другое - непонятно с кем. С какими-то инвазивными захватчиками, которые и по-человечески изъясняться-то наверняка не умеют. Какие-нибудь пауки и хуже - черепахи, которые только и делают, что шипят да капусту с морковкой лопать.

- Ага, - добродушно сказал Гаврилов, но от этого на душе у Берзалова не сделалось легче, не простил его сразу старший прапорщик.

- Ладно, - сказал Берзалов, - это уже не секрет. Инвазивные - это значит, агрессивные пришельцы, может быть, даже космические, захватывают территорию и вытесняют коренных жителей. Вот американцы и попали под раздачу. Может, и нашим досталось, мы не знаем, но американцам всыпали по первое число, иначе бы они не были такими несчастными. Задержись мы в тех местах, и нам бы попало. - Так, - окончательно решил он. - Садимся в экипажи, дуем через мост в этот самый Комолодун и выясняем, что это за укрепрайон и с чем его едят. - Он постарался придать голосу бодрость, но у него плохо получалось. - А вы, Федор Дмитриевич, по пути расскажите экипажу, что да как, чтобы если увидят лоферы - небольшие танки, похожие на танкетки, не пугались до смерти. Но естественно, всё в положительных красках, чтобы, не дай бог, не разбежались, а то один уже сошёл с ума, - он кивнул в сторону бронетранспортёра, где валялся связанным Бур. - Рябцев! Вашу-у-у Машу-у-у!.. Кто видел Рябцева?! Связь нужна! Связь!!!

Бодро у него получилось, ловко, а главное - никто ничего не понял, не понял важности момента, так сказать, знаменательности самого факта, разве что - Гаврилов, но с него станется, и вида не подал, что что-то сообразил, хитрый прапорщик, очень хитрый. Правда, на лице у него отразилась мысль: «Раз подписались, то деваться некуда, что американцы, что инвазивные захватчики, один чёрт!» Вот на этом и остановимся, подумал Берзалов, потому что больше мы ничего не знаем, а значит, и мудрить не будем.

Колюшка Рябцев отозвался своей коронной фразой в тот самый момент, когда они уже садились в бронетранспортёры: «Не верю!» Оказалось, что его прихватило и он справлял нужду в кустах. Его физиономии, искривленная жутким шрамом, как всегда, ехидно ухмылялась.

- Связь! - не дослушал его Берзалов. - Любой ценой связь!

Американцы же кричали им во след:

- Манкурты мы, манкурты! Не оставляйте нас! Куда мы без вас?!

Но на них уже никто не обращал внимания. Единственно, махнули рукой в ту сторону, куда им следует топтать. Только шансов у них было - кот наплакал.

Однако в укрепрайон Комолодун они в тот день не попали. Наивно было бы полагать, что если дорога гладкая, то получится с наскока. Берзалов в это не верил и как воду

глядел: перемахнули они мост с лёгкостью, будто их кто-то в зад коленкой пихал, ну и, разумеется, вместо сорок третьего квадрата со всего ходя влетели в восемьдесят третий. Да ни куда-нибудь – а в районный центр Медвядкино. Но это Берзалов сообразил потом, когда суматоха улеглась и когда сориентировался на местности, хотя СУО, восприняв скачок в пространстве вполне естественным образом, тут же и показала этот самый восемьдесят третий квадрат, будь от трижды неладен. А поначалу Берзалов заорал в отчаянии:

– Стоп!!! Назад!!! Назад!!! Вашу-у-у Машу-у-у!.. Филатов!!! Срочно!!!

И чуть ли сам не выскочил и не побежал, хотя бежать куда-либо было бессмысленно. Филатов со скрежетом переключил передачу и попёр с перепугу задним ходом. Но вместо железнодорожных ферм позади уже были не мост и не река Псёл с такими родимыми лоферами, а домики пригорода и огромная, развороченная ямища – атомный кратер, астроблема¹⁹, заросшая лопухами и полная огромных, жирных лягушек.

– Гаврилов! Федор Дмитриевич! – зывал в эфир Берзалов по «короткой» связи. – Прапорщик!!! Остриё пять, отзовитесь!!!

С каким удовольствием Берзалов услышал бы присказку Гаврилова: «Дурилка я картонная», с каким бы удовольствием ещё раз разозлился из-за каменной невозмутимости прапорщика, но, судя по всему, было поздно, слишком большое пространство лежало между ними и «короткая» связь не работала. Разумеется, Гаврилов их не слышал, а они не слышали Гаврилова. А «длинная связь» приказала долго жить. Только один раз Берзалову показалось, что он уловил затухающее: «Роман Георгиевич-ч-ч...» И всё! И вечный космический гул.

– Что случилось?! – всполошился вместе со всеми капитан Русаков, который ещё не вник в специфику передвижения в этой странной области, потому что просидел всё это время, держась за женский подол и в ус не дул, а на что надеялся, не понятно.

– Квантор закрылся! Вашу-у-у Машу-у-у!.. – буйствовал Берзалов, полагая, что уж в этом-то случае Спас просто обязан был предупредить, а он отмалчиваться, сачковал. Но не предъявишь же претензии к самому себе. Глупо. Ну и интуиция тоже не сработала – американцы, то бишь манкурты помешали со своими несчастьями, и Комолодун, разумеется, тоже забрал какое-то время. Вот тебе и самый везучий из везунчиков, ругал Берзалов сам себя чёрными словами, и конечно, был прав: расслабились

они, перестали бояться, а такие по неписанным законам войны погибают первыми. Только он даже не представлял, как можно было перехитрить квантор. По всему выходило, что он закрылся, пропустил их экипаж и отсёк Гаврилова. Задание на грани срыва. И уже не суть важно, специально или не специально сработал квантор. Хотя, если рассуждать в этом русле, то получается следующая картина: возможно, кто-то за нами следит, ужаснулся Берзалов, может быть, даже какая-то невидимая сила. Ведь Скрипея тоже никто не видел, только его глаза, и то в темноте. А днём их наверняка не разглядишь.

- Стало быть, - рассуждал Берзалов сквозь зубы, - нас разделили нарочно, чтобы ослабить и запутать. Или опасаются, или, наоборот, в наглуую за нос водят. Одна надежда на то, что Гаврилов, опытный и бывалый пограничник, выдюжит и всё сделает правильно.

- Что будем делать, командир? - спросил Русаков, на лице которого невозможно было прочесть ничего, кроме того разве того, что: «Хватит орать, нервы свои демонстрировать, пора за дело приниматься».

Должно быть, он не понимал сложности ситуации, ведь он никогда не воевал на земле, а всё в небе, и масштабы событий для него имели другую оценку.

- Возвращаемся, - ответил Берзалов, возясь с СУО, - судя по карте, здесь всего-то километров сорок. Часа не пройдёт, как будем на месте!

- А прапорщик дождётся? - спросил Русаков.

Очевидно, он подумал о том же, о чём думал и чего боялся Берзалов: с Гавриловым обязательно что-то случится. А уж причин может набраться целая сотня. И главная из них - укрепрайон Комолодун с его «умной пылью», которая делала небосвод неприлично зелёным.

- А куда он денется, - бодро ответил Берзалов и вопреки всем правилам приказал: - Филатов, курс на двести восемьдесят градусов. Идём в сторону Кочетовки, а дальше сориентируемся на местности.

С Гавриловым у них было оговорено: если один из них теряется по любой причине, в том числе и из-за капризов квантора, второй ждёт сутки и только потом уже приступает к выполнению задания.

И ту выяснилось, что горючего всего-то километров на пятьдесят.

- В принципе, доедем, если по прямой... - неуверенно сказал Клим Филатов и почесал затылок, виновато глядя на Берзалова.

- Так что ж ты!.. Вашу-у-у Машу-у-у!.. - нервно начал ругался Берзалов. - А НЗ?..

- Израсходовали. Лейтенанту... как его... м-м-м... Протасову две канистры отдали... - оправдывался Филатов.

Берзалов, конечно, тут же сообразил, что с пустыми баками никуда они не доедут, разве что застрянут в чистом поле или - в болоте, и скомандовал:

- Дуй прямиком на железнодорожную станцию. Будем солярку искать. Рябцев давай связь! Связь нужна, как воздух!

Городок Медвядкино они пролетели на одном дыхании, хотя был соблазн поглазеть на цивилизацию, по которой все соскучились, и расспросить местных жителей, если они, конечно, остались. Однако Берзалов даже запретил себе думать об этом. Впрочем, ни одного человека они так и не заметили, даже собаки не брехали, только чёрные вороны сидели на крестах да глухо каркали. Жутким показался городок Берзалову: пустой базар, одиноко торчащая водонапорная башня времён Петра Первого, почтамт, крыльцо которого поросло беспечными одуванчиками. Жизнь брала своё даже без людей. Правда, когда Берзалов высунулся в люк, чтобы оглядеться, то уловил запах печного дыма. Должно быть, где-то на окраине топили углём. Но идти выяснять не было времени.

Вдруг, когда казалось, что им всё ещё везёт и что они беспрепятственно достигнут пункта назначения и найдут вожделенную солярку, СУО возьми да и выдай большую, жирную, красную «галку». И они к своему великому огорчению «увидели» бронепоезд: вначале на экране, потом - воочию. Хвост его с зенитной установкой ЗУ-23 торчал из железнодорожного депо, а вокруг сновали люди и шёл голубоватый дым, который таял в зеленоватом воздухе над городком.

- Стоп! - скомандовал Берзалов и готов был, как обычно, ругаться, но Филатов и сам сообразил, переключил передачу, сдал назад за дома и сады, цветущие неизвестно для кого, и остановился.

Тогда они и услышали звуки парового молота, и увидели отблески сварки - бронепоезд спешно ремонтировался. А между тем, станция оказалась узловой и к тому же забитой составами под завязку. Берзалов сразу разглядел цистерны с нефтепродуктами.

Капитан Русаков тоже вылез на броню и сказал, поглядев в бинокль:

- Удобное место себе выбрали: и ремонт, и горячее под боком. Живи не хоч.

- Хорошо, что они беспечны, хорошо, что у них нет радара, - заметил Берзалов. - А так дать бы по этой станции, разнести её вдребезги к едрёне-фене.

- Лейтенант... - тактично посоветовал Русаков, - ты горячку не пори. Сейчас выиграет тот, кто поспешает медленно. Может, обратиться к ним, поговорить?

- Думаешь, подвезут по старой дружбе? - ехидно поинтересовался Берзалов, но вспомнил, что капитан не в курсе того, что они сами же и взорвали бронепоезд. Выходит, плохо взорвали. Дотащился он сюда и зализывает раны. А это значительно ухудшает обстоятельства, потому кого-то же всё-таки убили. Станет кто-то после этого лясы с тобой точить? Разговор будет самый короткий.

- Разведку надо делать, - сказал капитан Русаков.

Но Берзалов уже и сам сообразил и командовал:

- Давай сюда молодого! Да не этого, - когда ему в люк сунули Бура с безумными глазами. - Нашли молодого. Давай Ёрхова. Пусть хлеб отрабатывает.

Касьян Ёрхов, который решил, что его потащили на расстрел, ударился в крик и принялся кусаться и лягаться. Естественным образом он получил на орехи и успокоился, только когда очутился на броне и Берзалов спросил у него:

- Этот, что ли, бронепоезд генерала Грибакина?

- Он самый... - смело ответил Касьян Ёрхов. - Только вы просто так к нему не сунетесь.

- Это почему? - задумчиво спросил Берзалов, не отрываясь от бинокля.

Три человека с оружием выскочили из депо и припустили куда-то за станцию. Вот кого надо взять, сообразил Берзалов.

- Потому что у него силища - своя армия, - смело ответил Ёрхов.

- Где эта армия? - лениво спросил Берзалов.

Им вдруг овладела холодная рассудительность. Чувства отошли на задний план. Всё казалось просто и естественно: вот тебе

укрепрайон, вот тебе захватчики, а вот тебе всё остальное: бронепоезд, свои или чужие.

- Почём я знаю... - гордо ответил Ёрхов.

Ясно было, что он воспрянул духом и готов упрямиться, хоть режь его. Гордый пацан, понял Берзалов. Ну да ладно.

- Мы и сами узнаем, - сказал он. - Архипов и Сундуков, за мной!

- А мне что делать? - всполошился капитан Русаков.

- А ты, капитан, давай тихонько обойди составы и найди соляру. Связь по результату.

- Есть, по результату, - согласился Русаков.

- И особенно не светись. Тихонечко, тихонечко, мало ли что... - и Берзалов ловко, как мячик, соскочил с брони.

Капитан Русаков совершил роковую ошибку. Поверив доводам старшего сержанта Гучи по кличке Болгарин и, не ведая всех прежних «достижений» рядового Бура, кроме его последнего залёта, велел его развязать и даже вверил ему боевое оружие, чего Берзалов ни за что не сделал бы, не потому что он был жёстче или прагматичнее, а потому что слишком хорошо знал Бура. Кроме всего прочего, Русаков считал, что старший лейтенант Берзалов слишком негуманно наказал рядового Бура. Связывать бойца, по мнению капитана Русакова, можно было только в том случае, если он предал родину и ему грозит трибунал. О себе любимом Русаков уже как бы и забыл, да и трибунал далеко и, вообще, он не про него, а про какого-то совершенно другого Русакова, который, быть может, ещё и не народился на свет.

Основным доводом Гучи было то, что «элементарно не хватает людей». Он так и сказал «элементарно». Любил Андрей Гуча вернуть «умное» словечко. У него даже была мечта, которой он ни с кем, кроме Бура, естественно, не делился, иначе бы засмеяли - даже его, большого Гучу, потому что люди вокруг больше привыкли воевать, чем марать бумагу. Дело заключалось в том, что Гуча хотел стать военным корреспондентом и тайком вёл дневник глубокой разведки, чтобы потом отнести его в бригадную газету и разом прославиться. Вот бы его похвалили и даже, возможно, взяли бы в штат. Тогда я покажу старшему лейтенанту большую дулю и напыюсь так, чтобы на душе полегчало, мечтал Гуча, справедливо полагая, что сокровенные фантазии рано или поздно сбываются.

Естественно, что он читал Буру свои заметки и через каждую строчку пытливо спрашивал: «Ну как?..» На что Бур, будучи человеком внутренних переживаний и твердых убеждений, сообщал своё мнение:

- Я бы не давал слабину в отношениях между капитаном и красавицей Зинаидой, пусть они друг-друга поцарапают!

- Но этого же не было?! - удивлялся Гуча, протестуя в глубине души против искажения действительности.

- Ну и что? Подумаешь? Зато колоритно! Ага?

- И то правда, - неохотно соглашался Гуча, что-то черкая в своём блокноте. - Молодец, братишка! Хотя мама не одобрила бы.

Недаром его за глаза называли Щелкопёром, любил он это дело, хлебом не корми, дай бумагу и карандаш.

- А ещё... - между делом советовал Бур. - У тебя накала не хватает, именно там, где я с кабаном борюсь. Напиши, что старший лейтенант сдрейфил. Так и напиши. Мол, в овраг от страха сиганул и в грязи вымазался с ног до головы, а я, после того, как расправился с кабаном, вытащил его за шкуру, можно сказать, жизнь спас. И напиши, что он просил рядового Бура об этом случае никому не рассказывать и что потому и мстил этому же рядовому за своё унижение, но фамилию рядового не называй.

- Почему?

- Слава, она героя сама найдёт, - с чувством произносил Бур.

- А что, и напишу, - соглашался Гуча, которому особенно нравилось последнее замечание друга. - Меня летеха, между прочим, грозился на губу посадить, на селёдку и воду, - пожаловался он, хотя жаловаться ему, такому крупному и сильному, было не к лицу.

- Так и напиши, что ты родине служишь не за живот, а за совесть, и что всякие лейтенанты тебе не указ.

- Как-как?.. - поспешно переспрашивал Гуча, боясь потерять нить рассуждений.

- Не за живот, а за совесть, - важно отвечал Бур, надувая щёки.

- А ещё как?..

- Не указ...

- О-о-о... правильно, - любовался своими каракулями Гуча. - Молодец, братишка.

- А главное, дави на то, что ты и есть главный герой, что без тебя глубокая разведка не вышла бы, ну и без меня тоже, - скромно добавлял Бур, снова надувая щёки.

- Ага... - соглашался Гуча, склоняясь над блокнотом. - А такой материал возьмут? - сомневался он, глядя в честные-честные глаза Бура.

- Конечно, возьмут. Даже с руками и ногами оторвут, - высказывался Бур, не испытывая ни капли сомнения.

- Лучше бы, конечно, чтобы руки и ноги при мне остались, - ворчал Гуча, улетая в своих мечтах в заоблачные дали, в которых он себя видел главным редактором большой и важной газеты, разъезжающим по степям и весям на новеньком бронированном «тигре» под охраной трёх танков типа Т-95 или Т-105. Тут тебе и шатёр, и шашлычки с холодной водочкой, а ещё пара-тройка самых красивых телефонисток из штаба. Ну и диван, конечно, дорогой, раскладной, кожаный, на котором можно было драть этих самых телефонисток. Чем не жизнь?

На что Бур презрительно говорил:

- Не бзди! Ты ещё Комолодуна не видел. Ага.

Гуча, который давно мучился «жаждой», имел на Бура большие планы, хотя бы из тех соображений, что одного его не отпустили бы. Да и пить в одиночестве он хоть и умел, но не любил по причине отсутствия собеседника. Когда капитан Русаков отвёл бронетранспортёр подальше от железнодорожного депо и приказал всем, кроме Филатова, Колюшки Рябцева и Сэма искать солюру, Гуча развил бурную деятельность и вызвался обследовать самую дальнюю ветку, естественно, в компании с Буром.

- Чтобы сразу охватить коммуникации, - важно сказал Гуча и постарался придать лицу глубокомысленное выражение, чтобы усыпить бдительность капитана Русакова.

- Действуйте! - одобрил его инициативу Русаков, который не привык к залётчикам из мотопехоты.

Разумеется, он даже не подозревал, что Берзалов в подобной ситуации, зная пристрастия Гучи, ни за что не отпустил бы его в самостоятельную вылазку да ещё и в компании с Буром.

Гуча и Бур дружили. Об этом мало кто знал. Хитрыми они были и дружбу свою не афишировали. Да и что, казалось, может связывать могучего Гучу и ворчуна Бура? Но причина, тем не менее, была. Родом они были из одного города - Донецка, оба жили на одной улице, ходили в одну школу и до войны общались

на почве компьютеров, девушек и клуба фантастов, который посещали сызмальства, потому что родители хотели, чтобы их сыновья росли умными и начитанными, а не гопотой, нюхающей клей и дурман. Они когда-то даже были одного роста, но Гуча в физическом смысле, казалось, рос всю свою жизнь, а Бур перестал – в шестом классе.

Вот Гуча и пошёл, верный своему внутреннему компасу, вовсе не туда, куда направил его капитан Русаков. Нет, вначале, разумеется, он сделал вид, что двинул вдоль путей, в сторону леса, даже туда, где пути делали плавный поворот. А потом, когда бронетранспортёр пропал за вагонами, резко свернул в пыльную траву и припустил, как гончая, идущая по следу.

– Куда мы? – забеспокоился Бур, когда они очутились в черте города. – Что ты задумал?

– Спокойно, – отозвался Гуча, выходя в аккурат к ближайшему гастроному.

– А капитан?.. – забеспокоился Бур. – А старший лейтенант?.. ага...

– А они пусть соляру ищут, – цинично ответил Гуча.

– А мы что делаем?

– А мы скажем, что не нашли, – захихикал могучий Гуча. – Хотя мама не одобрила бы.

– Но это же?.. – напомнил Бур, катясь за другом, как огромный мячик, и при этом тяжело отдуваясь.

– Да ну их всех на фиг, – веско и со вкусом произнёс Гуча, и этим железным аргументом разом решил мучивший обоих вопрос: «А что будет, если?..» – А то, понимаешь, Ивашка Архипов за всё время капли не дал глотнуть, – пожаловался Гуча. – А у самого целая канистра, а я уже устал без наркоза, понимаешь?

На самом деле, у старшего сержанта Архипова была точно такая же фляжка, как и у Берзалова. И считалась эта фляжка НЗ.

– Понимаю, – ответил Бур, абсолютно не думая о последствиях их залёта, хотя в глубине души тоже мечтал насолить так, чтобы старшему лейтенанту запомнилось надолго, если не на всю оставшуюся жизнь.

– Ничего, где наша не пропадала, – бодро сказал Гуча, заскакивая в первый же гастроном.

Но к их разочарованию, он оказался разграбленным вчистую. Ветер трепал в разбитых витринах остатки гирлянд. Должно

быть, магазин разгромили как раз под новый год.

- Ну а как ещё могло быть, - не пал духом Гуча, - если случилась такая война?.. - И упрямо устремился дальше.

Бур, который во всём доверял другу, семенил следом и конечно, страшно устал. Шлем, который ему мешал, он бросил на мостовой, там же оставил нагрудный подсумок со всеми магазинами, решив, что на обратном пути захватит всё скопом. Хотел оставить ещё и автомат, однако не решился, вспомнив суровое лицо старшего лейтенанта Берзалова. Всплыло оно перед его внутренним взором, и Берзалов строго погрозил ему пальцем: мол, не балуй! За потерю личного оружия, знаешь, что бывает? Могут без причинного места оставить. От этих страшных мыслей Бур хотел было тут же повернуть назад, но словоохотливый Гуча привёл следующий аргумент:

- Летёха наш что?.. - многозначительно спросил он, поглядывая свысока на семенящего Бура.

- Что?.. - не понял Бур.

- Летёха наш за звездочку пупок рвёт! А мы?..

- А мы чего?.. - простодушно удивился Бур и даже остановился, чтобы подумать, но ничего путного не придумал.

Ему и в голову не приходили критические мысли в отношении непосредственных командиров. Служит рядовой Бур, ну и служит наравне со всеми, чего себя лишними вопросами изводить? А дерут его, потому что хотят сделать из него человека.

- А кто, братишка, - назидательно спросил Гуча, - нашими жизнями зазря рискует? - И добавил, не стесняясь собственных убеждений. - Задарма. Можно сказать, за спасибо живёшь, и замечь, исключительно добровольно. Ну не дураки ли мы?

А ведь правда, впервые задумался Бур. Я ведь даже присяги не давал. Поймали под Волоколамском, дали в руки автомат, и вперёд, служи отчизне.

История Бура была такова. За три дня до войны надумал он вдруг поехать в тетке в Санкт-Петербург. Где-то на середине пути между Москвой и северной столицей поезд остановили и всех пассажиров без объяснения высадили прямо в лесу, где волки водятся. Упрямый Бур решил двигать дальше пешком, но первая атомная атака, как и все последующие, застала его в крохотной деревушке. Там он и просидел в погребке, когда стало очевидно, что идти некуда: назад - далеко, да и Донецк к тому времени тоже стал термоядерной пустыней, а в Санкт-Петербург

- бессмысленно. Ну а потом его забрили, и встреча их в Гучей вылилась в грандиозную попойку на какой-то автомобильной свалке, где они прятались от старшего прапорщика Гаврилова и где приняли на душу по бутылке страшно вонючего самогона, а закончили в гаражной каптерке у Петра Морозова портвейном «агдам» – напитком редким, благородным, можно сказать, коллекционным, от которого, правда, последующие три недели они могли питаться лишь одной манной кашей.

- Странно получается... - неуверенно согласился он.

- А чего там думать! - воскликнул большой Гуча. - Значит, служба твоя сплошная профанация, - снова ввернул он изящное слово, и глаза его наполнились лучистым светом, потому что он вспомнил о своём журналистском предназначении.

- Какая профанация?.. - удивился Бур.

Он, может быть, и дружил с Гучей только из-за его способности к нестандартному мышлению.

- Профанация идеи! - потыкал для убедительности пальцем в небо Гуча. - Мамой клянусь!

Почему-то он решил, что так себя должен вести главный редактор армейской газеты: смело, не оглядываясь в жизни ни на кого.

- Какой идеи? - уточнил Бур, потому что во всём любил ясность.

- Принципа добровольности служения родине.

- А мы что ей не добровольно служим?! - всполошился Бур и с уважением посмотрел на друга, который раскрыл ему глаза на суть явлений, о которых он даже не задумывался.

- Добровольно-принудительно, братишка.

- А я думаю, чего меня гнетёт?.. - растерянно произнёс Бур, который не привык задумываться о природе вещей и ума. - Ты прямо мне глаза открыл, - признался он, невинно моргая белесыми ресницами.

- Я тебе ещё не то открою, - радостно пообещал Гуча, и лицо у него, как всегда, было страшно несерьёзным, можно сказать, лукавым от предчувствия выпивки. - Значит, мы имеем полное моральное право расслабиться на полную катушку.

- Имеем, - беспечно согласился Бур, как обычно попадая под влияние своего друга-великана.

Следующим магазином, который находился на площади с клумбой в центре, был многоэтажным супермаркетом,

толстые двери в который оказались вчистую разбиты, как были, прочем, разбиты и витрины на первом и втором этажах.

- Я всё понимаю, - нравоучительно произнёс Гуча, воззрившись на всё это, - война, напасть несусветная, женщин дне с огнём не найдёшь, но зачем стёкла-то бить?

- Власти нет, - бессмысленно хихикнул Бур, поднял камень и тоже разбил ближайшую витрину, мстя таким образом за все свои унижения и за то, что его забрили в солдаты.

Осколки засверкали под зеленоватым солнцем и дождём разлетелись по мостовой.

- Ты дурак, что ли? - осведомился Гуча и внимательно посмотрел на Бура. - Мама не одобрила бы.

- Нет... А чего?.. - уточнил Бур, глядя на друга своими светлыми беспечными глазами, в которых не отражалось ни тревоги, ни страха.

Вот за эти качества Гуча и любил Бура. Нравились ему люди с внутренним содержанием. А то, что говорил там всякое о Буре старший лейтенант Берзалов, всё это неправда. И плевал я на него, самонадеянно думал Гуча.

- А если кто-то услышит?

- Не услышит, - уверенно ответил Бур, и, как оказалось, был глубоко неправ.

После этого они прошествовали внутрь. Супермаркет был тоже разграблен с особым ожесточением. Остались лишь голые стены и всё то массивное, что нельзя было сдвинуть с места, не говоря уже о том, чтобы опрокинуть. А всё остальное в виде завалов из прилавков, стеллажей и гондол, которые приходилось обходить стороной, громоздилось в торговом зале хаотичными кучами. Жирные, наглые крысы шныряли под ногами. Что-то всё ещё догнивало по углам, и вонища стояла несусветная. К тому же в супермаркете царил полумрак, и Буру стало страшно.

- Ничего здесь нет... - упавшим голосом сказал он. - Пошли отсюда, нас уже, наверное, ищут.

Ему вдруг захотелось оказаться в бронетранспортёре, где так уютно и всё обжито, а главное - спокойно и надёжно. Даже старший лейтенант Берзалов в этот момент показался Буру даже очень симпатичным командиром, который, если и наказывал, то исключительно по делу. А как же ещё иначе нас, дураков, учить, иначе нельзя.

- Стой, братишка, - приказал Гуча, доставая фонарик, и добавил непререкаемым тоном. - Я за стакан местной араки богу душу отдам.

Путаясь ногами в мусоре и звеня бутылочными осколками, они полезли на второй этаж. Нюх у Гучи на алкоголь был отменным, потому что он точно привёл его в один из не разграбленных кабинетов аж на самом пятом этаже. Ударом ноги Гуча выбил дверь, и они увидели бар, полный самых вкусных и самых замечательных напитков, какие только могут быть на свете. Закуски только не было.

- Я буду джин, - объявил Гуча и схватил бутылку «Gordon's dry gin».

- А я буду коньяк, - решил не отставать Бур и схватил бутылку «Martell».

Гуча так спешил, что не мог дожидаться, когда его руки открутят колпачок на бутылке, поэтому он просто отбил горлышко стволом автомата и опрокинул содержимое в глотку.

Бур, который не умел так радикально обращаться со стеклянной посудой, довольствовался стандартной процедурой, то есть он открыл бутылку естественным образом и приложился к ней как раз в то самый момент, когда Гуча закончил вливать себя джин и отшвырнул бутылку в угол. Бутылка разбилась о стену, и на ней осталось крохотное мокрое пятно.

- Вот так-то, братишка! - сказал, отдуваясь, Гуча, закурил, выбрал себе бутылку отечественной водки и уселся в кресло рядом с баром.

Бур попытался повторить подвиг своего друга, но коньяк, вместо того чтобы преспокойно лечь в желудок и закончить там своё существование, почему-то полился по губа и подбородку. Бур поперхнулся и долго кашлял, очищая лёгкие. Глаза его налились кровью и стали похожими на глаза окуня, которого силком вытащили из холодных глубин моря.

- Не умеешь, не берись, - уверенно сказал Гуча и культурно стал пить водку из мутного граненого стакана и занюхивать крестиком, который болтался у него на груди.

На Гучу снизошло умиротворение, и он стал вспоминать. В школе он был высоким и худым, как глиста. Обычно, таких называли «шнурками». Посему били его нещадно каждый день, и учителя не шибко любили за дерзость и своеволие. В шестом он из принципа пошёл «на борьбу», а на следующий же день после окончания школы рассчитался с каждым обидчиком по

отдельности. Двоим сломал пальцы на руках, одному – ногу, и его в обществе не то чтобы зауважали, а стали бояться и обходить стороной. А ровно через года началась война, и школа, и обиды, связанные с ней, казались ему теперь мелкими и даже чём-то притягательными, как прошлое, в которое невозможно вернуться.

Бур наконец откашлялся:

– Эта фигня хуже хлороформа!

Больше он не пытался следовать по стопам Гучи, а тоже нашёл стакан, вальяжно закурил и между затяжками тянул огненный напиток и, вообще, как только предался сибаритству, понял, что мечтал об этом всю жизнь. Не прав лейтенант, не прав, сказал он сам себе, и окончательно утвердился в этой мысли.

Целую минуту они молчали, потому что прислушивались к собственным ощущениям. И судя по всему, ощущения эти были весьма приятными, потому что Гуча со вздохом облегчения произнёс:

– О-о-о... давненько я не пил, – мамой клянусь!

– Ага... – согласился Бур, – целую неделю.

– Всё хреново, кроме мёда, и мёд тоже хреновый! – убеждённо заключил Гуча. – Слушай, – сказал он. – А что там лейтенант говорил о каких-то захватчиках?

– Инвазивных, – равнодушно сказал Бур, прикладываясь к бутылке уже степенно и размеренно.

– Ну и что это такое?.. – спросил Гуча, который обладал литературным даром, но плохо разбирался в технике и других теоретических вещах.

– Значит, вторжение извне.

– А-а-а... – удивился Гуча. То есть?..

– Помнишь, лейтенант что-то говорил о космосе.

– А мне плевать... – гордо признался Гуча.

– Мне тоже, я и так всё знаю об этом самом Комолодуне, – сообщил Бур.

– Расскажи... – попросил Гуча и услышал много чего нового, о чём даже не подозревал и чему его изощренный мозг отказывался верить.

Оказалось, что свято место пусто не бывает, что пришельцы только и ждали Третьей мировой и что «как умножились враги

мои!», и что «да падут они от замыслов своих», и что «цепи ада облегли меня, и сети смерти опутали меня».

- Во как! - ещё раз удивился Гуча и приложился в бутылке. - Чего так всё плохо?

- Хуже не бывает.

- И зачем меня мама рожала? - спросил Гуча.

Но Бур ему не ответил, потому что выпал в глубокий осадок.

- Понятно, почему бронепоезд выжил? - спросил Берзалов таким тоном, как будто открыл Америку.

В этот момент, они ещё совсем недалеко отбежали от железнодорожного депо и им ещё был виден хвост бронепоезда с зенитной установкой ЗУ-23.

- Почему, товарищ старший лейтенант? - спросил Сундуков, изумленно пялясь на этот самый бронепоезд, который Форец так и не смог уничтожить даже с помощью противотанковой мины ТМ-89А.

Бронепоезд, как бронепоезд. Старая конструкция, реликт гражданской войны. Таково было мнение народа. Ан, нет, непонятно чему порадовался Берзалов, возродили и поставили на рельсы, и катаются, и стреляют. Умельцы однако. Русский дух, то бишь традиции.

За красными стенами депо расстилались пути, через который был перекинут мост. Перрон заканчивался ступенями, занесенными бурой прошлогодней листвой. Такая же листва лежала везде, куда только дотягивался взгляд. Сквозь эту бурую листву пробивалась радостная зелёная трава. Но даже это не помогало, потому что вокзал казался осиротелым, словно по странному капризу природы он не мог существовать без людей, и ему нужны были чистые перроны и шумные толпы, устремлённые в необъятные просторы страны.

- А у него с обеих сторон по тепловозу, - пояснил Берзалов, отвлекаясь от грустных мыслей.

- Теперь ясно, - понял Архипов, - почему Форец оплошал.

- Почему? - Сундуков от изумления завертел головой туда-сюда, словно его дёрнули за уши.

Нервничает, должно быть, решил Берзалов, страшно. Ему самому было не по себе от мысли о том, что Гаврилов, быть может, уже столкнулся с лоферами или, чего хуже - с

Комолодуном, а они здесь прохлаждаются и треплются на всякие умные темы. Быстрее, быстрее, торопил он сам себя. Однако те, за которыми они следили, вели себя более чем медлительно: воровато оглядывались то и дело по сторонам, как будто совершали преступление, и выбирали явно не самые прямые и не самые короткие дорожки, а конкретно те, которые вели в обход перрона и асфальта, мимо пакгаузов и станционных домиков, мимо железнодорожных путей и заброшенной лесопилки. В лес, что ли? Гоняйся здесь за ними. Вашу-у-у Машу-у-у!..

- Да потому что, если с двух сторон по тепловозу, то бронепоезд всегда можно утянуть без пары вагонов, - пояснил Архипов.

- А-а-а... - сообразил Сундуков. - А я думал...

- Тихо!.. - скомандовал Берзалов.

Те, за которыми они бежали, завернули за низкий забор и, уже не таясь, дунули к одиноко стоящему домику путевого обходчика. Последним в чёрном комбинезоне трусил здоровый, плечистый бугай с толстыми, как у штангиста, ногами. Берзалов стал догадываться о причине их странного бегства. Трубы у них горят, вот что, понял он. А прячутся, потому что боятся начальства.

Теперь и им самим пришлось красться чуть ли не на цыпочках: медленно, осторожно, боясь наступить на сухую ветку и вспугнуть дичь. К домику путевого обходчика они подобрались вовремя: сквозь мутные стёкла доносились гортанные голоса, и Берзалов ни бельмеса не разобрал, зато понял, что не ошибся: звенели стаканы и булькала водка.

- Бухают! - сообразил Архипов, доставая нож.

Они заранее договорились, что оставляют только одного. Главное, понять, кого именно. Берзалов жестом показал, что Сундуков боится его с Архиповым, и потянул на себя дверь. В образовавшуюся щелочку он увидел коридор и полоску света, падающую из другой комнаты. Голоса стали громче, звякнула посуда. Потом с возмущением заговорил один:

- Я воевать не хочу! Надоело мне воевать! К тому же у меня эта... как её... щитовидка...

Берзалов шагнул в коридорчик и ему показалось, что он его сразу весь заполнил. Позади налегал Архипов, который вмиг сделался бесшумней тени. Справа была дежурка с таблицей сигналов на стене и рабочим столом у окна. Возлияние

происходило в следующей комнате, дверь в которую была приоткрыта.

- Правильно, Ваня, - произнёс кто-то с таким акцентом, что стало ясно, так разговаривать мог только манкурт.

- А ты пиндос, вообще молчи, потому что ты в нашей русской, загубленной жизни ни черта не смыслишь, - зло сказал третий, должно быть, тот здоровяк, который всем и верховодил. Сейчас зарядимся и дёрнем в степь! Стилем басс я плыву быстрее вас!

- А чего?.. - подумав, согласился первый голос. - Я за...

- Поймают, хуже будет, - бесстрастно произнёс манкурт.

- Я же говорю, заткнись! - посоветовал третий. - Стилем басс я плыву быстрее вас! Не люблю пиндосов! Чего ты с нами побежал?!

- Все побежали, и я побежал...

- Чего-о-о?.. - удивился здоровяк. - Смотри, Гнилой тебя сделает. Ему уже всё рано. Правильно, Гнилой?

- Правильно, - ответил Гнилой сиплым голосом. - Мне уже всё равно. Полгода жизни осталось.

- Не бзди! - сказал здоровяк. - Прорвёмся. Пей йод, и всё пройдёт.

- Может, вы и прорветесь, - сипло согласился Гнилой, - а я нет, врач сказал...

- Я говорю, не бзди... в степи тебе станет легче...

- Вот то ж... - согласился Гнилой, и то бишь Ваня.

Снова звякнула посуда. И Берзалов, решил, что оставит в живых только манкурта, но не успел сообщить об этом Архипову. Манкуртов они так толком и не допросили, и ничего конкретного не узнали ни о Комолодуне, ни о «умной пыли», значит, нужен новый манкурт. А ещё надо было узнать о бронепоезде: численность экипажа, вооружение, ну и по мелочам.

- А почему в степь? - спросил Гнилой.

- В степь?.. - переспросил здоровяк. - Потому что...

Но Берзалов не стал слушать, а ударом ноги распахнул дверь и шагнул в комнату. Тот, кого он больше всего опасался - высокий и плечистый, сидел на самом удобном месте - в глубоком кресле у окна. И это его сгубило, потому что человек, у которого центр тяжести находится ниже уровня таза, на пару мгновений лишен маневра, он не может ни закрыться, ни увернуться, ни оказать

сопротивление – вначале надо вскочить, но как это сделать, если руки заняты. Естественно, вскочить здоровяку Берзалов не дал, а закрыться, уйти в глухую, как боксёр, оборону, здоровяк не умел, да и вряд ли это ему помогло бы. В общем, Берзалов одним ударом сверху вниз отправил его в глубокий нокаут. И ничего, что удар пришёлся в висок. стакан, который здоровяк держал в руках, ещё не коснулся пола, а Берзалов уже с разворота вложился всей своей массой в солнечное плетение манкурту, который оказался слева от него. Дело было сделано: Архипов расправился с тем, который не хотел воевать и у которого была большая щитовидка, кровь фонтаном била из его горла, и уже взмахнул, чтобы следующим ударом доконать манкурта, но Берзалов крикнул:

– Этого не тронь!

– Понял, – спокойно ответил Архипов, и здоровяк принял смерть самым безболезненным образом – в бессознательном состоянии. Остался один манкурт, на которого побрызгали водкой из бутылки:

– Просыпайся, америкос. – Берзалов похлопал его по щекам, побрызгал на него ещё, бережливо полил себе на руки, смывая кровь, а остатки отправил в рот.

Водка оказалась дрянной, но он даже не заметил этого. Манкурт как-то жалобно всхлипнул, лоя ртом воздух, лицо его, искаженное болью, сделалось совершенно таким же, как у пацанов, которых Берзалов когда-то ловил за школой, когда жил на севере, на полуострове Рыбачьем, и бил за девочку Таню Малыш, но это была такая давняя история, о которой Берзалов и думать забыл.

– Товарищи...

– Какие мы тебе товарищи?! – возмутился Сундуков и схватив манкурта за волосы. – Твои товарищи в овраге лошадь доедают. Говори, куда лыжи наострил?

– Погоди-и-и... – сказал Берзалов, отстраняя его. – Он тебя не понимает.

– Я ему дам «не понимает»! – грозно высказался Архипов, вытирая нож об убитых, но не пряча его, однако, в чехол, а наоборот, демонстрируя и многозначительно поглядывая на манкурта.

– Я всё скажу, я всё скажу, сэръ! – быстро-быстро залопотал манкурт, оставаясь лежать на полу в позе эмбриона, закрываясь руками и с безумным страхом вылупившись на старшего

сержанта Архипова, особенно на его массивную, просто зверскую челюсть.

- Конечно, скажешь, - сообщил ему Архипов, - а куда ты денешься?

И от этих зловещих слов, а ещё от игры солнечных лучей на ноже Архипова и его окровавленных рук манкурта вывернуло наизнанку, и он завопил благим матом да всё по-своему, по-американски. Ясно было без слов, что он лоялен всем-всем русским, какими бы они ни были, готов сотрудничать с кем угодно и вообще, он давно уже не враг, бедный, несчастный манкурт, с которого спроса, как с козла молока.

- Ну-ка расскажи нам, что за бронепоезд стоит в цехе? - потребовал Берзалов.

- Бронепоезд имени Саддама Хусейна, сэр, - плаксиво выдавил из себя манкурт.

- Чего-о-о?.. - изумился Архипов, а за ним и Берзалов с Сундуковым, и посмотрели друг на друга, не веря собственным ушам.

- Ну тот, который не сдавался никогда... - сказал рядовой Сундуков, изумляясь ещё больше.

- Вот это правильно, - подумав, согласился Берзалов. - Помню, как сейчас, был такой Хусейн. А почему Хусейн?

- Генерал Петр Матвеевич долго думал... - манкурт обрадовался, что его убью не тотчас. - Назвать современным политическим деятелем, как бы не корректно, вот мы ему и посоветовали, сэр.

- Кто это «мы»?

- Мы, манкурты... сэр, - бодро сообщил американец, - перешедшие на сторону российской власти.

- Чего-о-о... страшно удивился Берзалов. - Вашу-у-у... Машу-у-у! Какой власти?

- Российской... - упавшим голосом сообщил пиндос, решив, что из-за плохого знания русского языка сморозил не то.

- А кто у нас российская власть?

- Командор Грибакин, сэр? - уверенно заявил манкурт.

- Так-к-к... значит, вы ему посоветовали насчёт Хусейна?

- Да... сэр... - очень тихо признался пиндос, не понимая, где прокололся.

- Так вы же сами же, насколько помню, и угробили этого самого Саддама? - грозно сказал Архипов.

- В этом я не разбираюсь, сэр, - ещё тише ответил манкурт. - Это политика, моё дело маленькое: бегай и стреляй.

- Да он наглец! - возмутился Архипов. - Строит из себя святошу, - и хотел его ударить.

- Подожди, - отстранил его Берзалов. - Что такое Комолодун? - спросил он, присев над манкуртом. - Только не ври, а то зарежем.

- Живое воплощение отца и сына на земле, сэр, - не моргнув глазом, ответил манкурт.

Так, обречённо подумал Берзалов, надо было другого оставлять, этот тоже свихнулся.

- Уходим! - скомандовал он, вспомнив о Гаврилове. - Времени в обрез!

- А с ним что делать?.. - спросил Архипов.

- Допросим по дороге.

- Ну да... - проворчал Архипов. - Тащи его на себе.

Берзалов хотел уже было по привычке возмутиться, начал со своей любимой присказки: «Вашу-у-у Машу-у-у!..», но локальная связь вдруг ожила, и он услышал взволнованный голос капитана Русакова:

- Заправились солярой под завязку. Ждём вас.

- Возвращаемся, - нервно ответил Берзалов. - Быстро возвращаемся!

У него возникло ощущение, что он пропустил в этой жизни что-то важное, касающееся их всех, без исключения, но пока даже не понял, что именно, да и Спас, нет, чтобы подсказать по старой дружбе, всего лишь прокомментировал ядовито, намекая, что время убежало безвозвратно и уже ничего не вернуть: «Гляди, гляди, засуетился, растяпа». Эх, дать бы тебе в глаз, подумал Берзалов, да не получится, и они побежали назад.

Между тем, Гуча и Бур страшно напились. Да и то: кто выдержит без закуски на одних нервах по литру наркоза? Говорят, какой-то китаец выдерживал каждый день, не пьянея, в течение шестидесяти пяти лет, но ни Гуча, ни Бур таковыми не являлись и такими свойствами печёнок не обладали. Вот и отключились.

Гуча ещё что-то бормотал насчёт тяжёлой и мрачной жизни в глубокой разведке, а когда заметил, что Бур ему отвечать перестал и что он уже с полчаса разговаривает сам с собой, то страшно удивился, почал новую бутылку с наклейкой, на которой значилось: «Chase». Отпил прямо из горлышка. Но то ли предыдущим напитком испортил себе чувство прекрасного, то ли ещё что, однако самая лучшая водка в мире, произведенная во вражеской Англии ручным способом из картошки, показалась ему хуже самого низкопробного самогона из опилок. Придя к такому умозаключению, Гуча тихо погрузился в грёзы, несмотря на то, что услышал, как в торговом зале страшные люди идут по их следам, но ему уже было всё равно, ибо его охватило благодушие.

Пробуждение же было ужасным. На него лили то ли воду, то ли мочились, и при этом кто-то страшно ругался. Гуча попробовал было оказать сопротивление и даже протянул руку за автоматом, но получил два сильнейших удара в живот, решил приберечь силы и покорно улёгся на полу.

- Кто такие?! - орал на них, замахиваясь прикладом или тыча в лицо стволом.

- Что вы здесь делаете?!

- Откуда приперлись?!

Потом их куда-то грубо потащили, пиная по дороге, как мешки с картошкой, и к своему ужасу они очутились в глубоком и мрачном подвале, где не было ни капли воды, а воздух был, как в могиле. Впрочем, страшно было только одному Гуче, потому что Бур, несмотря на все ухищрения людей в военной форме, так и не очнулся - он был мертвецки пьян.

Гуча для порядка поорал, требуя выпустить их или хотя бы дать воды, ничего не добился, изнемог и забылся.

В это время Берзалов со своей группой благополучно достиг бронетранспортёра и, цепenea от злости, молча выслушал доклад Русакова. Оказалось, что всё хорошо, как в песенке о прекрасной маркизе, и соляру летней марки нашли, и пути отхода определили - всё хорошо, кроме одного - пропали Гуча и Бур. Берзалов даже не стал уточнять, кто именно разрешил Гуче действовать самостоятельно: всё было написано на лице у Русакова. Капитан был сам не свой. Распекать его не хватало сил, а главное - время текло, как песок сквозь пальцы. Гаврилов! Гаврилов! Гаврилов! - крутилось в голове у Берзалова. Но и бросать бойцов было у десантников не принято.

- Приказываю, - сказал Берзалов, больше не обращая внимания

на капитана, – отвести машину на другой край города, здесь оставить наблюдателя на случай, если эти два охламона явятся, а остальным искать их и искать. Так. – Берзалов посмотрел на часы. – На всё дело у нас не более трёх часов. Потом, независимо от результата, уходим.

Капитан Русаков прочистил горло, как будто у него что-то в нём застряло, и спросил, избегая смотреть в глаза Берзалову:

– А куда они могли податься?..

Эх, подумал Берзалов, чему тебя учили, капитан, кроме как летать? Всему чему угодно, но только не умению пользоваться ежовыми рукавицами.

– Учítывая, что Гуча всегда и неизменно залетал по выпивке, – объяснил он так, чтобы капитан понял, какого он дал маху, и что ещё долго придётся расплачиваться за промашку, – искать надо в ближайших магазинах или в канавах.

– Кабы я знал... – начал оправдываться Русаков, мотнув, однако, упрямо седым чубом.

– Вашу-у-у... Машу-у-у! Потом... потом... капитан, – сказал Берзалов, не меняя тона. – Времени нет. Молись богу, чтобы мы их нашли до вечера.

Только он прыгнул на броню, только приготовился к движению, ухватившись за ствол пушки, как в наушнике что-то зашуршало и незнакомый голос произнёс:

– Привет, лейтенант... Хм... меняю твоих двоих на моих троих.

– Это которых? – нашёлся Берзалов, и душа у него похолодела. – Это которые хотели уйти в степь?

– В степь?! – удивился голос. – Хм да... Однако... Я понял, что ты их уже наказал? – спросил он.

– Кто это вообще?.. – словно бы между делом поинтересовался Берзалов, делая знак Филатову, чтобы он двигал вперёд, потому что оставаться на одном месте было крайне опасно, тем более, что их уже обнаружили, и ещё потому что, возможно, им просто зубы заговаривают, а сами делают обходной манёвр.

– А это тот генерал, у которого ты бронепоезд подорвал, – вкрадчиво ответил голос, давая понять, что он знает обо всём-всём: и о численном составе, и о намерениях, и даже о самом главном – глубокой разведке.

– А-а-а... – догадался Берзалов. – Петр Матвеевич...

– Он самый, – согласился голос.

Был он густой и бодрый, и должно быть, принадлежал живчику. По крайней мере, у Берзалов сложилось именно такое впечатление.

- Ну, не знаю... - сказал Берзалов так, чтобы прежде времени не раскрывать карты. - У нас только один ваш, да и то бандерлог американский.

- Ага... - догадался генерал, - Джон?..

- А мы не спрашивали, - сообщил Берзалов.

- Парень он неплохой, так что вы не очень...

- Да нам по барабану... - он едва не добавил: - «Вашу-у-у... Машу-у-у!»

- И то правильно, - согласился вдруг генерал Грибакин. - Назвался дезертиром, полезай в кузов. Эта степь меня уже задолбала. Думаешь, они у меня первые на юга бегут?

- Не думаю, - согласился Берзалов.

- Бог с ними. Разговор не об этом. Как бы нам встретиться и поговорить, - предложил генерал. - Откуда ты такой? Это вроде моя земля.

- С севера я. От большого дяди. А фамилия моя Берзалов.

- Тише ты, больше ни слова, - испугался вдруг генерал. - Мост знаешь за станцией? Вот на нём и встретимся через десять минут.

- А-а-а?... - начал говорить Берзалов.

- Не бойся, приду один, - бодро прервал его генерал Грибакин. - Если ты мне хорошую весть принёс, сынок, то обниму и отпущу с миром.

- К мосту! - скомандовал Берзалов. - Вашу-у-у... Машу-у-у!

- К какому? - хладнокровно уточнил Клим Филатов.

- К станционному! Вашу-у-у... Машу-у-у! - и снова он был зол в хорошем смысле слова, потому что злость делала его быстрым и хладнокровным.

И они понеслись прямо через брошенные огороды, срезая углы на поворотах. И Берзалов впервые почувствовал, что им начало везти, и не просто везти, а буром везти. Если то, о чём я только догадываюсь, правда, то, считай, дело сделано, с надеждой сумасшедшего мечтал он: и Гаврилова найдём, и Комолодун разведем.

Глава 8

Город теневых людей

Генерал Грибакин оказался невысоким, плотно сбитым и чрезвычайно подвижным человеком. Был он одет в кожаную куртку, галифе и сапоги. Его лысина сверкала под лучами зеленоватого солнца. Из таких хорошие боксеры получается, невольно выдал ему аванс Берзалов и спросил в первую очередь:

- Связь есть?..

Он ещё не услышав ответа, уже понял, что связи нет и никогда не было - вообще не было, иначе Грибакин не крутился бы здесь бесцельно на своём бронепоезде и не скупал бы рабов у бандитов. Не было в этом кручении никакой перспективы, одна суета, призванная придать хоть какой-то смысл жизни после термоядерной войны. Будущее было ужасным, и полагаться на него могли исключительно такие личности, как генерал Грибакин. Должно быть, Грибакин ощущал будущее чисто интуитивно, как лягушка, попавшая в кувшин с молоком: прыгай, прыгай, и ты найдёшь выход. Собственно, Грибакин это будущее и творил на руинах печального прошлого, только не знал результата своих деяний, ибо не с чем было сравнивать, а теперь он нашёл, с чем или с кем в лице старшего лейтенанта Берзалова.

- Да если бы у меня была связь! - воскликнул Грибакин, с надеждой глядя на Берзалова. - А у тебя?.. у тебя... лейтенант... есть... связь?! - он пытливо заглядывал ему в глаза. Так пытливо, будто от этого зависела не только его жизнь, а вообще существование всей России.

- Была сутки назад, - буднично ответил Берзалов, ещё не веря в то, что оказалось очевидно - встретили они таки союзника в лице своих же соотечественников, а рассчитывали на американцев, как на манну небесную.

- Как?! - Грибакин так быстро в него вцепился, что Берзалов, который хоть и обладал замечательной тактильной реакцией, не успел среагировать.

Да и, собственно, может, он и среагировал бы, но не видел в генерале реального противника, а ещё потому что пахло от генерала пряной акацией. Нет ничего приятнее этого сладковатого запаха душевной чистоты. И так это у генерала искренне получилось, такая надежда была в голосе генерала, так ему хотелось найти в ком-то опору и смысл в своём барахтанье, что Берзалов безоговорочно понял: свой генерал,

свой в доску, осталось только выпить на брудершафт и троекратно облобызаться по русскому обычаю.

- Была связь, ей богу, - невольно подтвердил Берзалов и улыбнулся, чтобы не разочаровывать генерала.

- Я может, тебя всю жизнь ждал!!! - признался генерал с облечением в голосе. - Рассказывай!!! - потребовал он. - Рассказывай!!!

Берзалов огляделся. Они стояли на мосту. Над ними висели звезды, которые отныне были заметны и днём. Радиоактивный ветер налетал издалека - из радиоактивной пустыни, должно быть, из укрепрайона Комолодун, теребил листву на тополях, и внизу, где в кустах на всякий пожарный прятались свои, как, должно быть, прятались и люди генерала Грибакина, было тихо-тихо. И Берзалов, прежде чем раскрыть душу и военные тайны, решил махом выяснить все недоразумения, чтобы потом ни в чём не сомневаться и ни о чём не сожалеть.

- Скажите мне, Петр Матвеевич... - начал он вкрадчиво, что на него вовсе не походило, - а зачем вам... в общем... зачем вам рабы-кочегары?

- Какие рабы?.. - нахмурился генерал Грибакин. - Какие кочегары?.. Окстись, шибко борзый! - он посмотрел на Берзалова так, словно тот произнёс несусветную чушь.

- Ну-ну... - смущенно ответил Берзалов и пожал плечами, показывая, что он всего-навсего задал невинный вопрос и ещё ни в чём не обвиняет генерал-майора Грибакина.

- Во-первых... у меня своих некуда девать, - ответил Грибакин, - а во-вторых... у меня всё-таки тепловозы, а ниже я ещё не пал, а вот когда паду, тогда и кочегары понадобятся.

Сволочь, подумал Берзалов о лейтенанте Протасове. Сволочь и паникер. Или обманщик, или просто трепло. Надо было его как следует потрясти, а я поверил. Точно донесение не довёз. Свернул куда-нибудь в кусты. А долг? А честь? Впрочем, какая теперь разница.

- Ну а что я должен был думать?! - на повышенных тонах спросил он. - Что? - и требовательно уставился на плотного, лысого генерала, который, судя по воинственному виду, и в ухо мог заехать с превеликим удовольствием.

- Всё, что угодно, - точно так же, на повышенных тонах, ответил Грибакин, - но только не это. Чтобы я набирал себе рабов?!

- А как?.. - терялся в догадках Берзалов. - Как вы объясните ваше сотрудничество с «дубами»?

- Да «дубы» тебя элементарно развели. На то они и «дубы».

- Ну да... - соглашался Берзалов, но всё ещё не верил.

Не привык он верить, даже если человек был ему очень и очень симпатичен, даже если он говорил правильные вещи. Что-то ещё должно было произойти, чтобы он окончательно проникся симпатией.

- Выкупал я у них наших. Вы-ку-пал! - произнёс Грибакин с усмешкой, вовсе даже не оправдываясь, а наступая на Берзалова. - Понял? Брал себе в экипаж или в мастерские.

- А как же тогда?.. - недоумённо сбавил темп Берзалов. - И вообще, почему вы сотрудничали с бандитами?

- Да не бандиты они... Как объяснить?.. - Грибакин поморщился, чтобы Берзалов лучше понял. - Хотя, конечно, бандиты с одной стороны, а с другой - заблудшие люди. Здесь таких бандитов по округе, каждый третий устойчивую группу сколотил. И вообще, с кем мне, прикажешь, дело иметь, если больше нормальных людей нет. Надо же им как-то защищаться друг от друга. Времена какие!

- Я и не подумал... - признался Берзалов.

- Ну да... - в свою очередь согласился генерал Грибакин. - А я по-другому и не предполагал. Мы же решили, что страна кончилась. Сам посудите: нас осталась горстка, связи нет, вокруг радиоактивная пустыня. Куда ни пойдёшь, везде кости, трупы. Каждый третий из нас умрёт в течение ближайших трех лет. Вот я и занимался тем, что лучше всего умею: построил бронепоезд и поддерживаю пути в рабочем состоянии.

- Здорово... - признался Берзалов и подумал о шансе, который выпал в руки генералу Грибакину, как джокер из колоды.

- Здорово, - кисло улыбнулся Грибакин.

Привык он к своему делу и не видел в нём ничего зазорного.

- И округу заодно? - заметил Берзалов.

- Что?..

- Поддерживаете в рабочем состоянии.

- И округу... - согласился Грибакин, пряча улыбку, потому что нашёл суждение Берзалова несколько наивным.

- Скажете, вертолеты не сбивали? - спросил Берзалов проникновенно.
- Не сбивал, - посмотрел на него, как на идиота, Грибакин.
- И бэтээры не подбивали?
- Не подбивал. Удовлетворил своё любопытство?
- Удовлетворил... - конфузясь, признался Берзалов.
- А что, собственно, происходит? - ехидно спросил генерал. - В чём и ты меня подозреваешь, лейтенант?
- Да в общем... - Берзалов в двух словах рассказал о предыдущих попытках прощупать район.

Генерал вздохнул с облегчением:

- Я был бы только рад, если бы кто-нибудь на меня вышел. Я ведь думал, что я один из всей России в живых остался. Ну может быть, в Сибири или на Дальнем Востоке, ещё кто-то организованный, но в европейской части я один, - и он принялся рассказывать, всё ещё иногда кисло морщась и бросая на Берзалова недобрый взгляд.

Генерал оказался противоположностью «дубам». Он не скатился до грабежа и насилия, не стал бандитствовать, хотя, безусловно, имел такую возможность - стать самым крупный «дубом» в округе, однако, наоборот, пытался в меру своих сил поддерживать порядок на территории между Харьковым и Курском. Так Берзалов узнал удивительную и в то же время типичную для атомного века судьбу генерал-майора Петра Матвеевича Грибакина. Оказалось, что он командовал железнодорожными войсками в Южном военном округе, и когда случилась война находился в командном пункте «южных». Но буквально за два часа до её начала его вызвали к министру обороны, и пока он добирался с полевого аэродрома до нужной точки, а там ещё и летел на транспортнике, война, собственно, и началось.

- Нас так шибко потрянуло, - сказал Грибакин, когда они уже спускались по лестнице вниз, чтобы по русскому обычаю закрепить обоюдный успех, то бишь дружбу, - что я грешным делом, решил, всё, конец. Падали мы долго. Я успел всю родню три раза вспомнить, хотя она уже к тому моменту была мертва. Надо отдать должное мастерству лётчиков, посадили они машину в Зареченске в пятистах километрах отсюда. Машина больше для полётов не годилась. Такие перегрузки машины не выдерживают, их списывают, не глядя. Только отъехали - аэродром в пыль. Спасло только то, что мы в бэтээре были и в

овражек нырнули. Ударная волна поверху и прошла. Или заряд слабый, или ещё что, только грохнуло пару раз, и от Зареченска ничего не осталось. До командующего я не добрался ни в тот день, ни позже. Сам знаешь. Били в первую очередь по командным узлам и узлам связи. Били точно, как в тире.

- Но ведь это ж не помогло? - с торжеством в голосе уточнил Берзалов.

Подзабыл он уже, все потери подзабыл. Стёрлись из памяти первые дни, как дурной сон. Оттого и Варя не снилась ему полтора года, потому что он каждую ночь умирал. Только сейчас его стало отпускать, а во снах появилась она - его жена. Геннадий Белов так и сказал, что, мол, сейчас у нас у всех поголовно посттравматический синдром и что они, то бишь врачи, его даже за болячку не считают. Подумаешь, какие-то нервы. Неженкам не место в атомном веке. Возродим Россию, тогда все эти телячьи нежности вернуться в медицину. А пока лечить вас никто не будет да и нечем.

- Сейчас легко вспоминать.

- Да... тогда... было не до нежностей... тогда мы дрались, - согласился Берзалов, отключившись на мгновение.

Снова пришла к нему эта боль утрат, с которой он почти что научился бороться, но, видать, не всегда и не при всех жизненных обстоятельствах. Нагнала его, схватила и держала так крепко, что он вздохнуть не мог, а только, как рыба, хватал ртом воздух.

Чтобы скрыть момент слабости, он откашлялся и через силу рассказал обрадованному генералу, что да как, как мир устроен в атомном веке, рассказал о Турбаевском, о девяносто пятой бригаде специального назначения и о своём задании, не упомянув на всякий пожарный о сепаратистах и об укрепрайоне Комолодуне. Но оказывается, генерал был в курсе дел. Оказалось, он даже продвинулся дальше, чем знал Касьян Ёрхов.

- Драпал я оттуда, только пятки сверкали. Так что, извини, больше я туда не ходок.

- А с чем вы столкнулись? - как бы между делом поинтересовался Берзалов.

- А вот с этой самой «пылью».

- «Умной пылью», - подсказал Берзалов, плохо представляя, что это такое.

- Да, - согласился генерал. - Только мы её называли «зелёной пылью». Так что ты туда без полной выкладки не суйся.

Полная выкладка подразумевала АЗК и противогаз, а ещё полную герметизацию бронетранспортёра.

- А лучше, конечно, полностью изолирующий костюм с баллоном. У меня сорок три человека в момент погибли.

- А как она воздействует?

- Я, лейтенант, сам не ведаю. Просто после контакта даже с кожей, человек падал и умирал практически без симптомов. Упас и уснул. Шибко странная вещь: то она живая, ведёт себя, как взвесь, то мёртвая, как обычный песок. А что в действительности с человеком происходит, никто не знает. Диагноста такого уровня у меня нет. Представляешь, один врач в живых остался. Они в первую очередь-то и вымерли, потому что контактировали с больными.

Но больше всего генерала интересовала девяносто пятая бригада. Уж очень он подробно расспрашивал: и так и эдак, а в конце высказался:

- Ну слава богу, что я не один, а то вся моя деятельность как бы бессмысленна. Теперь есть хоть ради чего жить.

Не стал Берзалов уточнять, ради чего, собственно, в его понимании - ради родины, иначе быть не могло. Настало такое время - жить ради родины. А это громкие слова. Вслух такие не произносят, только вроде пароля. Их держат при себе, как самую дорогую медаль. Ну и то ли под воздействием этих слов, то ли от избытка чувств, взял да рассказал и о грядущих выборах, и о обстановке в мире. И ту же они затронули самую животрепещущую тему: гибель США и смаковали её во всех подробностях.

- Нарвались всё-таки, - со сдержанным удовлетворением высказался генерал и полез в карман за фляжкой. - Шибко они напрашивались, да примерялись. Выпьем за помин их душ.

К этому моменту они спустились на землю, сели на бурые листья, из-под которых лезла весёлая зелёная травка и, опрокинув по паре колпачков спирта, решили, что действовать надо незамедлительно.

- Откуда манкурты появились? - спросил Берзалов, хотя вопрос по значимости был далеко не самым главным.

Самое главное заключалось в том, что реального противника больше нет. Однако Берзалов всё ещё не свикся с этой мыслью.

Ему всё ещё казалось, что надо оглядываться на Дядю Сэма. А теперь и оглядываться не на кого, как бы смысл жизни потерялся и в душе образовалась пустота.

- Это я им внушил, - гордо сообщил Грибакин. - Приползают к нам, как клопы на кровь, по одному и целыми подразделениями. Деваться-то им некуда. Несчастные и голодные, а главное - потерянные. Я такого ещё не видел. Словно из них стержень вытащили. Ну я им и объяснил, кто они теперь такое, если хотят в живых остаться.

- Я голову ломал, что за «манкурты»? - признался Берзалов. - Вроде как новая национальность.

- А пусть будет новая национальность - манкурты, - сказал Грибакин.

- Пусть будет, - согласился Берзалов.

- А что за мальчик с вами? - словно как бы между делом спросил Грибакин, и Берзалов уловил в его голосе удивление.

- Спасли... два дня назад... - ответил он напряжённым голосом.
- Кецом зовут. А что?..

Оказалось, зря напрягался.

- Да ничего. Навидался я этих мальчиков там в укрепрайоне. И имя вроде знакомое.

- В смысле?.. - удивился Берзалов, уж, казалось, Кеца не в чем было подозревать.

- Бродили они там толпами.

- Вот оно что... - удивился Берзалов.

- Хотя... ничего плохого не делали. Пытались мы одного приручить, того, кого поймать смогли. Шибко бегали, как страусы.

- Ну?.. - напряженно спросил Берзалов и аж вспотел.

- А он разговаривать не умеет, только свистит, как судья на поле.

- А-а-а... Ну наш-то говорит, - с облегчением вздохнул Берзалов. - А когда мы двинемся? Времени мало, - напомнил он и невольно посмотрел на часы. Показывали они четверть пятого. Звезды над головой, казалось, стали ещё ярче, а горизонт - ещё зеленее, словно покрылся ядовитой плесенью.

- Я, собственно, ремонт уже закончил, - сказал Грибакин. - Загоним твой БТР на платформу и через два часа будем у моста. Никуда твой Гаврилов не делся. Ждёт, должно быть.

- Будем надеяться, - согласился Берзалов, хотя на душе у него кошки скребли. - А вы не знаете, почему небо зелёное? - спросил он.

- Это отблески, - ответил генерал на ходу, энергично перешагивая через железнодорожные пути.

Видать, здесь принято ходить коротким путём, сообразил Берзалов, а не так, как мы привыкли до войны - всё по дорожкам, да по асфальту. По мере того, как они приближались к депо, из кустов появлялись всё новые и новые бойцы. Берзалов вначале по привычке их считал, а потом плюнул - бессмысленно. Видать, Касьян Ёрхов сказал правду, армия была у генерал-майора Грибакина - небольшая, но хорошо вооруженная, построенная по военному образцу, то есть все в полевой форме, бритые, стриженные, даже пахнущие одеколоном, а не распиздяи какие-нибудь с обрезками типа «дубов». Берзалов едва поспевал за ним, а Архипов и Сундуков едва поспевали за Берзаловым. Потом кто-то крикнул с удивлением:

- Игорь!.. Сундуков!.. - и бросился обниматься.

- Другана встретил, - оглянулся на Берзалова Сундуков, как всегда, изумлёнными глазами. - Вместе снимались в сериале.

И действительно, лицо у бойца показалось Берзалову чем-то знакомым, но он не стал уточнять. Снимался, значит, снимался, время сейчас другое, не до кинематографа. Может быть, он даже и остановился бы, расспросил, чтобы потешить душу и вспомнить прежние, мирные деньки, но впереди его ждал Гаврилов.

- Не отставай! - крикнул Берзалов и спросил у генерала: - Какие отблески? - хотя уже кое о чём стал догадываться.

- Отблески «зелёной пыли», - как бы между делом сообщил Грибакин, раздавая по пути приказы: - Тепловоз почему не подогнали? А где Кузьмичёв?

- В смысле... «умной пыли»? - напомнил о себе Берзалов.

- Ну да, - безразличным тоном согласился генерал и заорал на кого-то, кто шарахнулся от него вглубь депо: - Кузьмичёв, мать твою... ты чего от меня бегаешь?! Я же не отстану! Ты колодки отрегулировал? Нам ещё бэтээры грузить!

- Какой, на фиг, бэтээры? - раздался из депо недовольный голос, и на свет появился высокий, тощий мастер, одетый в засаленный комбинезон.

- Сейчас увидишь, скотина! - крикнул Грибакин, размахивая крепкими кулаками.

- Вы так говорите, вроде это чепуха? - снова напомнил о себе Берзалов

- В действительности, чепуха, - оглянулся генерал Грибакин. - Сам увидишь, - пообещал он, с полным безразличием махнув рукой, и Берзалов отстал от него окончательно и бесповоротно.

А Грибакин заорал снова на кого-то:

- Какого ты это лепишь? Какого? Через полчаса уходим! Всё, собирай инструмент! Шибко ты умный!

Ему что-то ответили непотребное.

- Пока я здесь командир, будет по-моему!!! - распалился генерал-майор Грибакин.

Берзалову надо было что-то делать, но он пребывал в полной растерянности. Станный какой-то генерал, подумал он, ничего толком не объяснил. Одни намёки. Кеца приплёл. Хорошо хоть не Сэра. Впрочем, он вовремя вспомнил, что в армии всегда так: приказ есть, исполняй, а как - это твоё, глубоко личное дело. Между тем, энергичные действия Грибакин возымели свои результаты: к последнему вагону с зениткой наконец подогнали платформу.

В этот момент к Берзалову подвели Гучу и Бура. Первый был как огурчик, свеженький, словно с грядки, а Бур, хоть и выглядел предельно зелёным, но ворочался во всех мыслимых и немыслимых суставах, как большая тряпичная кукла, и был всё ещё изрядно пьян. Глаза у него ничего не выражали, кроме вселенской пустоты. Оружие и амуницию тоже вернули, даже ту, которую Бур «забыл» в городе - свалили рядом кучей, автоматы отдельно, магазины отдельно, ну и шлемы тоже отдельно. Мол, барахло ваше нам ни к чему.

- Товарищ старший лейтенант... - Гуча, когда злился, даже на самого себя, цепенел и говорил скороговоркой, глядя исключительно себе под ноги, хотя по уставу положено есть глазами начальство. Он хотел было доложить обо всё том важном, что рассказывал ему Бур, он понял, что ему не поверят. - Мы не могли, мы пытались, но не сумели, мы так старались и стремились... Мамой клянусь!

- Что не дошли и напильсь... - ехидно закончил за него Берзалов.

- Так точно, - попытался отдать честь Гуча, но его качнуло в сторону.

- К голой жопе руку не прикладывают, - так же ехидно заметил Архипов, у которого, должно быть, уже руки чесались наказывать залётчиков.

А Бур, улыбаясь до ушей, торжествуяще выдал:

- Комолодун - это не то, что мы думаем, это сбывшееся пророчество Святого Писания! Ага!

- Так, ладно, - махнул рукой Берзалов, - философы. Сейчас не до вас. Грузимся на платформу и двигаем в сорок третий квадрат. Молите бога, чтобы мы Гаврилова нашли живым и здоровым, если не найдём, расстреляю к едрёне-фене.

- Будем молиться, будем, - вполне серьёзно заверил его Бур. - А ещё воздадим всем по делам, по их поступкам и...

Берзалов едва не переклинило: то ли от завуалированной угрозы, то ли ещё от чего? Он выругался, чтобы облегчить душу и не довести её до кипения:

- Вашу-у-у Машу-у-у!..

- Аминь! - прокричал пьяный Бур, цепляясь ногой за ногу и не падая лишь потому, что Архипов держал его за шкирку.

- Что с ними делать? - деловито спросил он, брезгливо отстраняясь от Бура, отрыжку которого было слышно с другой стороны железнодорожного депо.

- Бросьте их в машину, пусть отсыплются. Потом поговорим.

Между тем, небо на юге снова потемнело и принялось сверкать зарницами.

С приближением к сорок третьему квадрату появилась луна-черепа, и у многих от страха лязгали зубы.

- Народ пошёл странный, - жаловался генерал Грибакин. - Фалломорфирует. Я уже и лекции проводил и объяснял, что это совершенно безобидное природное явление. - Нет, бегут, как собаки от палки. Я поэтому к границам Комолодуна шибко не приближался. И то обычно не досчитываешься двух-трёх человек. А куда бежать? Бежать некуда. За границей этих областей сплошная радиация. Пробовали мы в Борисоглебск пройти или, например, до Сум. Так в Борисоглебске радиационная пустыня. Ни одной деревни целой не осталось. Посёлки вдоль железнодорожного пути вымерли, как от чумы. Не поверишь, волки появились ростом с теленка.

- А что в Сумах?.. - спросил Берзалов, которому неинтересно было слушать о волках.

Волки действительно размножились неимоверно и наводили ужас на население. Отстреливали их немилосердно, но это мало помогало.

Они втроём сидели в штабном вагоне, над которым развевался российский триколор, пили водку, закусывали салом, тушенкой и репчатым луком. Пили за победу, за Россию и воссоединение армий. Хотя, оказалось, той армии у Грибакина всего-то человек пятьсот, а из них сто шестьдесят два человека - экипаж бронепоезда. «Но зато какая?.. - периодически восклицал генерал Грибакин, - золотая!» За стеклом на фоне вечернего неба и ярких звезд мелькали остроконечные ёлки и разлапистые сосны.

- В Сумах? - переспросил Грибакин и, казалось, он задумался.

Берзалов испугался - такой у генерала сделался пустой голос.

- В Сумах моя родина... - ответил Грибакин бесцветно, как все они говорили о прошлой жизни. - В Суммах нам пришлось драться с каким-то идиотами, которые взорвали за нами мост через Ворсклу! - голос у него взлетел до дисканта, и он закашлялся, страшно покраснел, и даже лысина налилась кровью. - Бешеные, с голыми руками на бронепоезд кидались. «Дубы», что с ними поделаешь?! - просипел он, дыша, как астматик.

Кузьмичёв, который, оказывается, был главным инженером бронепоезда, не пил из принципа. Дулся он на Грибакина, потому что Грибакин не дал ему чего-то там установить, что улучшало тактико-технические характеристики артиллерийского огня. Но когда Берзалов начал спрашивать последнего о подробностях боя да и вообще, о кочевой жизни бронепоезда под славным именем «Саддам Хусейн», Кузьмичёв перекривился, словно выпил касторки, и назидательно сказал:

- Плохая тема для разговора!

- А-а-а... - забыл закрыть рот Берзалов и растерянно замолчал.

Плохая, так плохая. Может, у Кузьмичёва свои соображения, я не знаю, подумал он. И как ему ни хотелось расспросить поподробнее о Комолодуне, но пришлось заткнуться. Оберегал Кузьмичёв генерала. Потом выяснилось, что они служили в одной бригаде, а когда Грибакин выскочил в туалет, чтобы откашляться, Кузьмичёв сказал:

- Ты его особенно не пытай... слушай, но не спрашивай... Он на одних нервах держится. И не пей с ним больше... Тоже плохо... Сорвется, мало не покажется.

- Ладно... - покладисто согласился Берзалов. - Не пытать, так не пытать, и пить не буду. - Не маленький, подумал он.

Кузьмичёв ещё на него так внимательно посмотрел, стараясь понять, понял старший лейтенант или нет, проникся, или надо повторить, но Берзалов придал физиономии выражение, которое должно было соответствовать моменту, и Кузьмичёв успокоился, хотя в глазах у него нет-нет, да и мелькала тревога за генерала Грибакина.

А когда Грибакин вернулся, все ещё красный, как мухомор, Берзалов сославшись на усталость, отказался от продолжения банкета, чем заслужил одобрительный кивок Кузьмичёва, и начал задрёмывать. После всех треволнений, приключений, а главное - от водки, его стало кидать в сон, голова сделалась тяжёлой, словно налилась свинцом. «Я немножко посплю», - хотелось сообщить генералу и Кузьмичёву, чтобы они напрасно не волновались. Но бойкий генерал, казалось, ничего не замечает и знай себе, травил, как он осваивал новые земли, как попытался пройти до Сочи, но: «Понимаешь, все мосты взорваны, а туннели засыпаны. Такое ощущение, что лазутчики действовали». Ага, тяжело ворочал мыслями Берзалов, гады... лазутчики... Но помалкивал. «А Кавказ, между прочим, бомбили пуще центра». Почему? - мрачно соображал Берзалов. А генерал Грибакин тут же отвечал, как будто читая его мысли: «Потому что там войск было не мерено, потому что спрятаться есть где. Горы однако ж...» А-а-а... - соглашался Берзалов и видел третий сон. Будто плывут они с Варей на лодке по бесконечно-длинной реке и их кидает с одной волны на другую, а он вместо того, чтобы обнять жену, вцепился, как последний дурак, в борта и пытается элементарно выжить. И нет этой реки ни конца, ни края. Так и просидел, держась за борта, до конца сна, не притронувшись к Варе.

Он проснулся от мысли о прапорщике Гаврилове, и голова сразу стала ясной и послушной, будто он и не пил, и не устал вовсе. Оказывается, генерал Грибакин говорил:

- Подъезжаем... лейтенант, слышишь, лейтенант... - и потрянул его за плечо.

- Слышу, - ответил Берзалов и открыл глаза.

Кузьмичёва в вагоне уже не было. За стеклами основательно стемнело, всё та же луна-череп светила слева, её жуткий

оскал соперничал со звёздами. Машинист вёл бронепоезд имени Саддама Хусейна на малой скорости, под колёсами загрохотал мост через реку Псёл, и ржавые фермы проплывали, как привидения, наполненные вовсе неземным смыслом.

Спас чётко произнёс: «Опоздал». Как опоздал?! – подскочил Берзалов и едва не выругался, что в данной ситуации выглядело бы весьма глупо, ибо генерал Грибакин не знал о существовании Спаса, как, впрочем, и никто другой. Даже Варя не знала. Не успел Берзалов рассказать ей о себе всё, потому что жизнь его до войны протекала в суете и бегах и оказалась такой короткой, что воспоминаний едва хватало на один вечер.

– Сейчас мост минует и встанем, – сообщил Грибакин.

Оказалось, что они зашли со стороны Комолодуна, но это ещё ничего не значило, не значило, что Грибакин на стороне Берзалова.

– Ну а дальше ты сам! – сказал Грибакин, почему-то стыдливо глядя в сторону.

– Почему? – тактично уточнил Берзалов, хотя не имел права задавать подобные вопросы генерал-майору. Сам, так сам. Делов-то, пробежать километров пятьсот, а то и меньше.

Впрочем, он давно подозревал, что генерал не то чтобы не из смелого десятка, а сам по себе. Свои у него взгляды на жизнь и на устройство будущего, явно не связанное с Комолодуном.

– Потому что, лейтенант, я уже своё хлебнул, – ответил Грибакин, избегая взгляда Берзалова.

– Я так на вас надеялся... – признался Берзалов, сердцем ловя тот миг, когда бронепоезд остановился. Гаврилов! Гаврилов! – крутилось в голове. Хотелось побыстрее выпрыгнуть из тепловоза и бежать искать прапорщика.

Он даже не расстроился из-за решения генерала. Не обязан генерал ходить туда, где люди гибнут пачками, тем более, что он там уже был. Дело, так сказать, сугубо добровольное. Это нам без вариантов, подумал Берзалов. Всё что надо, генерал уже рассказал, а что не рассказал, мы сами увидим, решил он с лёгкой душой, и они обнялись.

– Ну давай, сынок, я пойду на север к нашим, а ты в укрепрайон. Только не спеши. Обо всех опасностях я вроде тебе доложил. Береги себя. Помни, что ты должен выполнить задание, а я нашим всё подробно доложу. Да-а-а... – добавил он тем тоном, когда в последний момент вспоминают о чём-то если не важном,

то по крайней мере, требующем упоминания, – где-то здесь город есть...

– Какой город? – точно так же, вроде как между делом, спросил Берзалов, который уже одной ногой был за бортом бронепоезда.

Бог с ним с этим городом. Что мы городов не видали? Главное старшего прапорщика найти, а там хоть трава не расти.

– Да-а-а... может, всё это ерунда, – согласился Грибакин, – выдумки, страшилки, однако, сорока на хвосте донесла, что есть такой, но на карте ты его не найдёшь. Говорят, что те, кто в него вошли, назад не вернулись. Лично я в это не верю, – добавил он, упреждая следующий вопрос о том, как же всё-таки генерал узнал о городе.

– Что, так всё серьёзно? – спросил Берзалов, посмеиваясь в душе над храбрым генералом.

Лично он ни в какие байки не верил, хотя Скрипей был из их числа.

– Может, этого города и нет, – уловил его иронию Грибакин и стал оправдываться. – Почём я знаю? Только говорят, что в нём шибко теньевые люди живут. Может, это сказки, фольклор на новый лад. Я не знаю. Но на всякий случай обязан тебя предупредить, а если предупрежден, значит, что? Значит, вооружён, – добавил он с лёгкой душой.

Теньевые люди? Не Скрипей ли? Тогда бы генералу поведали о его певческих способностях. У Берзалова от стыда за него уши едва не свернулись в трубочку: человек, который создал собственную армию и никого не боится, погибает о небылицах. Не нашёл ничего лучшего, как стращать на дорожку.

– Спасибо... – ответил он, хотя, конечно вдруг почувствовал, что уязвлен, но не этим, а тем, что всё-таки до самого конца надеялся, что Грибакин со своим бронепоездом поможет ему. Всё-таки бронепоезд – это сила: и танки на нём, и орудия, и крупнокалиберные пулемёты. Такому монстру никакой город не страшен, даже с мифическими теньевыми людьми. Но, видать, за полтора года Грибакин дюже соскучился по цивилизации. Его тоже можно понять: трудно жить без надежды. Теперь ему не терпится пробежать на север, посмотреть, какая она – эта надежда. Стоит ли за неё цепляться? А потом, может, вернётся.

Мыслил он, однако, понятиями землянина, хотя уже мог убедиться, что никакие танки, никакие пушки не сладят с лоферами, то бишь с танкетками Комолодуна.

Накануне Берзалов дал генерал-майору позывные и частоты, на которых можно было связаться со штабом бригады.

- Всё! Расскажите там нашим обо всём... - Берзалов открыл дверь, оглядываясь на генерала и, чтобы не разводить антимию, прыгнул на гравий, с расстройством задев прикладом автомата за высокую ступеньку. Даже разгрузка с амуницией, к которой он уже привык, как к собственной коже, на этот раз показалась ему тяжелой и неудобной.

Бронепоезд имени Саддама Хусейна ещё тихонько катился. Вот он тяжело вздрогнул, гремя сцепками, и где-то в конце, перед мостом раздались возбужденные голоса: капитан Русаков руководил спуском бронетранспортёра с платформы. Там весело лаял Сэр, а потом внезапно тихо зазвучала музыка. Откуда музыка? - удивился Берзалов. На какое-то мгновение ему показалось, что не было никакой войны, а он всего лишь застрял на ночной станции, где-нибудь под Вологдой, где ночью вот так же гремят составы, сонные пассажиры спят в неудобных креслах, а где-то в ресторане тихо играет венский вальс. Можно было пойти, сесть в тепле и уюте, выпить граммов двести коньяка и отвести душу. Была у него такая привычка - старая армейская привычка, которой он изменял только на спортивных сборах. Потом он покосился на луну-череп, и всё вернулось на своё место.

- Архипов! - крикнул Берзалов.

- Я здесь, товарищ старший лейтенант, - словно эхо, отозвался Архипов и вынырнул из темноты, как тень волка.

- За мной!

Не надо ни на кого надеяться, понял Берзалов, а надо было действовать без оглядки. Самым очевидным было то, что старший прапорщик Гаврилов не успел пройти квантор, вернулся по эту сторону моста и дожидаться, как было оговорено заранее, а бронепоезд со славным, но чужим русскому уху именем «Саддам Хусейн», должно быть, напугал его. Вот он и спрятался в кусты. Хорошо хоть не стреляет, с умилением думал Берзалов, а ведь может врезать со всей дури, может, но не будет, на то он и пограничник.

- Федор Дмитриевич... - осторожно произнёс в микрофон Берзалов, - это мы, узнали? Не стреляйте. Я сейчас выйду с другой стороны состава.

Он обошёл тепловоз и, светя фонариком, стал вглядываться, как ему показалось, в бесконечное ночное пространство, раскинувшееся перед ним. На западе и юге привычно сверкали

зарницы, там же в чёрном небе плыли ещё более чёрные тучи. А здесь было сухо, и хотя звезды горели ярче обычного, луна-череп всё-таки затмевала их.

Берзалов выстрелил двумя красными и одной зелёной ракетой. Они долго горели, плывя на парашютах, и ветер постепенно унёс их за лес к реке.

- Никого... - сказал Архипов, который тоже светил фонариком и по стационарным зданиям и кустам.

Берзалов очень захотелось выругаться, так захотелось, что он скрипнул зубами.

- Капитан... - позвал он.

- Мы почти сгрузились, - вежливо доложил Русаков.

После случая с Гучей и Буром он стал тиши воды, ниже травы.

- Пришлите мне двух человек с фонарями.

- Сделаем.

Через минуту к Берзалову и Архипову подбежали, запыхавшись и испуганно оглядываясь на луну-череп, Сундуков и Гуча. Похоже, что Гучу мало что волновало. Берзалов посмотрел на его невинную, как у младенца, физиономию и от злости ещё сильнее заскрипел зубами. Надо было Гучу примерно наказать сразу, а так получается форменное безобразие: залётчики бегают толпами. Людей не хватает, с кем воевать? - подумал Берзалов, чувствуя, что тупеет от злости. А с другой стороны, если бы не залёт Гучи, то они бы ушли из городка, не познакомившись с генералом Грибакиным. И хотя генерал не в полной мере оправдал мои надежды, польза от этого получилась несомненная: во-первых, расширили ареал бригады, а во-вторых, получили реального союзника.

- Так, - скомандовал он, - растянулись цепью так, чтобы не терять из вида друг друга, идём в том направлении. - Берзалов махнул рукой туда, где у кромки леса застали лоферы, похожие на армейские каски. - Ищем БТР и экипаж. Признаки боя, раненых, убитых, в общем... всё, что или кого найдём.

- А это... - на всякий случай уточнил Сундуков, - как его?.. кого опасаться?

- Никого... - обманул его Берзалов. - Нет, здесь никого нет!
- сорвался-таки он на повышенный тон, - но надо проверить!
Хорошенько проверить! Если никого не найдём, пойдём за мост!
Ясно?!

- Так точно, - ответили хором, но как-то уныло, словно из-под палки.

Боятся темноты и Комолодуна, понял Берзалов. Я и сам боюсь.

- Вперёд! - скомандовал он. - Вашу-у-у Машу-у-у!..

Путаясь в зарослях вьюна, они сошли с железнодорожной насыпи и зашагали через поле к лесу. Бронепоезд имени Саддама Хусейна и тёмный вокзал, в котором давеча Берзалову послышалась музыка, остались позади.

Берзалов двигался в центре и с замиранием сердца светил себе под ноги. Вначале им ещё помогали два прожекторных луча, которые били с тепловоза, потом их свет стал только мешать, потому что дезориентировал по сравнению со светом луны-черепа.

Естественно, ничего они не нашли. Хотя прошагали до «утиных клювов и дамских шляпок». Берзалов не дал никому порассуждать на тему, что же это такое. Особенно Сундукову по кличке Актёр, который, похоже, от страха едва в штаны не наложил. Да и Гуча тоже оказался не лучше, потому что схватился за челюсть, которая у него стала сама собой лязгать, как старый, ржавый капкан.

Один Архипов абсолютно спокойным тоном спросил:

- Что же это получается?..

Выйдет из него хороший офицер, подумал Берзалов, точно выйдет, если выживет, конечно.

- Ничего серьезного, - ответил Берзалов, освещая фонариком крайний слева лофер.

Сундуков издал какой-то сдавленный крик, изумленные жизнью глаза совсем вылезли у него из орбит. Если сейчас ещё и клюв пошевелится, то полный капец, подумал Берзалов. Но, к счастью, утиный клюв всё так же безвольно смотрел в землю. Гуча справился с испугом и решил дотронуться до лофера, то бишь танкетки.

- Хоп! - испугал его Архипов.

Гуча отдернул руку, словно его ударило током, и все рассмеялись.

- Мёртвые они... - сказал Берзалов, - на людей не реагируют.

Естественно, он даже не собирался упоминать, что один из утиных клювов всё же едва не клюнул его. Гуча, окончательно осмелев, решил даже отколоть кусочек на память, но разве что выбил пару искр от бока лофера.

- Железные однако, - уважительно сказал он. - Мамой клянусь!
- Возвращаемся, - сказал Берзалов. - Обыщем ниже, вдоль леса, но, сдаётся мне, здесь никого нет.

Для проформы дела они обежали не только равнину ниже вокзала, но и возвышенность, по которой Берзалов шёл давеча с Буром. Тщетно, бронетранспортёр как воду канул. Ясно, что Гаврилов не здесь, понял Берзалов, а где? Или квантор отправил меня в одну сторону, а его - в другую? Шуточки, однако, извольте шутить, обращался он непонятно к кому, и волна злости снова нахлынула на него.

Ночь уже окончательно вошла в свои права, когда они вернулись на станцию. Луна-череп по-прежнему скалилась в небе, предвещая несчастья и смерти. Но Берзалову было всё равно. Он давно перестал обращать внимание на плохие приметы, слишком много их было в этом атомном веке. Ясно было, что ничем хорошим он не кончится, если только не повезёт, думал Берзалов. А может, уже начало везти, только я не понимаю?

Бронепоезд имени Саддама Хусейна, с развевающимся триколором над штабным вагоном, гордо удалился в темноту - туда, где находилась цивилизация и девяносто пятая отдельная гвардейская бригада специального назначения. Генерал Грибакин позорно оставил их один на один с непонятным Комолодуном. Никому за просто так умирать не хочется. В принципе, я на него и не рассчитывал, с непонятной горечью подумал Берзалов, пойдём и сделаем своё дело. Просто мне грустно. Однако он не дал дурным мыслям завладеть собой и отдал команду:

- На броню!

Медленно и осторожно они двинули на противоположную сторону моста, который жалобно скрипел, словно расставаясь с ними навсегда. Сразу за ним начиналась та самая дорога. На этот раз квантором здесь и не пахло, потому что дорога повернула направо и весело побежала себе мимо пыльных трав и кустов в сосновый лес.

И хотя душа Берзалова рвалась галопом вперёд - лишь бы побыстрее настичь экипаж Гаврилова, он осторожничал, приказав Филатову двигаться почти на ощупь, дабы не нарваться на какую-нибудь ловушку. Чего именно надо опасаться, он уже примерно догадывался. В первую очередь - лоферов с их утиными клювам и башенками, больше похожими на изящную дамскую шляпку, ну а уже потом - всякую

экзотическую «пыль», которую генерал Грибакин называл «зелёной», а Касьян Ёрхов – «умной». В свою очередь «умная пыль» разделалась с элитными частями америкосов и заставила бежать из укрепрайона славного генерал-майора Грибакина. Ещё, вероятно, там же существовал Скрипей, который вначале всех страшно напугал, ну и ещё что-то по мелочи, о чём Берзалов не имел ни малейшего представления, но подозревал, как тактически грамотный офицер. Надо было быть готовым ко всякого рода неожиданностям, настраивал он себя.

Между тем СУО, в которой были совмещены все функции управления бронетранспортёром, ничего не показывала ни на общем экране, где отражалась местность, ни на тепловизоре, ни на шкале сканера частот, который периодически «опрашивал» эфир. Тщетно. В наушниках властвовал всё тот же модулированный гул, и Берзалов понимал, что по-другому и быть не может, что Комолодун на то он и Комолодун, чтобы запутать всё так, чтобы никто разобраться не мог. Выходит, что район закрыт, а мы попёрлись наобум лазаря. Тошно было на душе у Берзалова, тошнее не бывает, но деваться было некуда. У него возникло непреодолимое желание развернуться вслед за бронепоездом Грибакина и через двое суток доложить генерал-лейтенанту Турбаевскому по факту: мол, так и так, укрепрайон с инвазивными захватчиками для людей смертельно опасен, лучше в него не ходить. Но ведь, гады, если снова не пошлют с тем же самым заданием, то заставят определять границы района. Глупо было умирать, когда только жить начали. Эх, Гаврилов, Гаврилов, думал Берзалов, куда тебя занесла нелёгкая?

– Товарищ старший лейтенант, – обратился к нему Рябцев, – а вам не кажется, что шум стал тише и не такой переливчатый?

– Да... действительно... – согласился Берзалов, послушав «внешнюю» связь. – Молодец, Рябцев!

Ему пришла идея «попросить» СУО промотать весь шум, который она записывала три дня, за несколько минут. Низкочастотные колебания преобразовались, и он услышал: звук костра, похожего на подвывающее пламя, треск лопающихся чурок и шипение капель воды, как будто они падали на раскаленную сковороду. Берзалов ещё не понимал, что это значило, хотя было ясно, что энергия шума упала и продолжает снижаться. Однако радоваться было рано.

Трудно было представить, что за противник прячется за всем за этим, насколько он силён и смышлен. Нет, безусловно, силён, раз в пух и в прах разделал восемьдесят третью воздушно-

десантную дивизию американцев. А насколько он вынослив? Готов ли к партизанской войне? Или отхватил территорию и никого к себе не подпускает? Но ведь едем-едем, второй час, между прочим, и никого. Правда, шум в наушниках стал меньше. Берзалов запросил СУО и получил красноречивый ответ, да, действительно, за три дня амплитуда шума уменьшилась в пять раз и снижается по экспоненте. Это вселяло призрачную надежду, и Берзалов, который и так был суеверен и осторожен сверх меры, держал пальцы скрещенными.

И вдруг его как молниейшибануло: космический канал пытается открыться, но не может, а значит... значит, Бур вовсе не сумасшедший, а обычный, бытовой провидец! Вот как! – удивился Берзалов. А я его нагибал. Выходит, зря. Он посмотрел влево, где в углу сидел, нахохлившись, Бур. Разумеется, его давно уже развязали и даже дали опохмелиться. Теперь он дремал, смешно шевеля толстыми губами. Вот так Бур, с восхищением подумал Берзалов. Надо будет к тебе приглядеться, может, и в самом деле ты что-то умеешь, кроме как нести околесицу?

Теперь луна-череп скалилась то в спину, то слева, то справа, потому что дорога вдруг принялась выписывать такие зигзаги, с какими они до этого не сталкивались. Равнина вдруг превратилась в череду холмов, поросших лесом. Иногда холмы были лысыми, с какими-то ломаными вехами на верхушках, но останавливаться, лезть наверх и выяснять, что это такое, времени не было. Но самое странное заключалось в том, что местность не совпадала с картами, которые были заложены в СУО и находились в планшетнике у Берзалова. Этого он никак не ожидал. Впрочем, ломать голову было некогда, потому что СУО вдруг показала тёплое пятно и, не доезжая до него метров ста, Берзалов приказал остановиться.

Подгонять никого не приходилось. Все сразу прониклись моментом, выскочили из бронетранспортёра и рассредоточились по местности. Даже Сэр и Кец вели себя тихо-тихо. В машине остались Касьян Ёрхов, Колюшка Рябцев и Филатов.

Берзалов с Архиповым перебежками приблизились к тому месту, которое на экране СУО выглядело, как тёплое пятно, а через прибор ночного видения – белесо-зелёным.

– Кострище... – сообщил Архипов, одной рукой пробуя угли, второй держа автомат так, чтобы моментально открыть огонь.

Берзалов прикрывал его спину, держа склон дороги под прицелом, и чувствовал себя словно голым на футбольном поле.

- Сколько времени прошло?

- Угли прогорели. Пепел остался едва тёплый. Часов десять, однако.

- Да-а-а... - сказал Берзалов, давая понять, что он думает и анализирует ситуацию.

Архипов ещё пошарил вокруг костра и нашёл пустые консервные банки из-под тушёнки, а ещё - кости от окорока и окровавленные бинты.

- Наши это, - убеждённо сказал Берзалов. - Зуева перевязывали.

- А вот! - обрадовался Архипов, вытаскивая из той, банки, которая словно специально была оставлена в центре поляны.

У Берзалова дрожали руки, когда он разворачивал полиэтиленовый кулёк, в котором находилась записка: «Роман Георгиевич, ждали вас двое суток. Поняли, что с вами что-то случилось. Принял командование группой и приступил к выполнению задания. Старший прапорщик, Гаврилов Ф. Д.»

- Как двое суток?! - удивился Берзалов. - Ты что-нибудь понимаешь? - спросил он у Архипова, на какое-то мгновение забывая, что вокруг враждебная территория под названием Комолодуна.

- Я ещё не сообразил, - признался Архипов, который был польщен, что Берзалов спрашивает у него совета. - Странно получается... вроде бы время у них бежало быстрее. Слышал я о таком, но никогда не видел.

- Вот то-то и оно... - согласился Берзалов. - Чепуха какая-то получается. Выходит, что здесь время другое, что ли?

- Наверное... - покорно кивнул Архипов, но уверенности в его голосе Берзалов не услышал, как, впрочем, и в своих словах тоже. Не сталкивались они ещё с такими явлениями, даже когда ходили в рейды по бескрайней Заокской низменности. Не до уверенности было. Уверенным ты будешь, когда увидишь реального врага, подумал Берзалов, в которого можно выстрелить.

- Да и то верно, - согласился он, снова беря свой сектор в прицел автомата, - как это время течёт не так, как принято, разве что только в фантастических романах? - Ворчал он. - Верно ведь?.. - риторически спросил он и засмотрелся на луну-череп, которая, безразлично скалясь, висела над обожженными радиацией лесами, над посёлками и городами, существующими разве что на картах, над зараженными полями, болотами, над морями и

океанами – над Россией, и что с этим всем делать, он не имел ни малейшего представления. Только двигаться вперёд и искать Гаврилова, подумал он и стряхнул с себя оцепенение.

– Так! – сказал он в микрофон. – Все слышат меня?! Мы нашли записку от Гаврилова. Они опередили нас на двое суток. Приказываю: двигаемся вперёд, неустанно вызывать группу Гаврилова и базу.

– Не верю... – отозвался Колюшка Рябцев и тут же испугался своей дерзости, – ой, извините, товарищ старший лейтенант, вырвалось.

– Мы их никогда не догоним, – вдруг выдал в локальную связь Бур.

– Что значит, «никогда не догоним»? – нервно отреагировал Берзалов.

– Временной континуум у них другой... – загробным голосом поведал Бур и насупился.

– Ишь ты... – отозвался недовольным голосом Архипов, – словечки разные знает. Ты лучше бы стрелять научился.

В наушниках было слышно, что Бур по привычке начал было ворчать, но, похоже, только заработал себе по шее и заткнулся.

– Разговорчики... – проворчал Берзалов, перебежками направляясь к бронетранспортёру. – Время другое... Континуум... Печки-лавочки... Фигли-мигли... Разберё-ё-мся!

Не нравилось ему всё это, и он привычке злился. Однако теперь он по-другому смотрел на Бура и невольно прислушивался к его словам. Чувствовал что-то Бур, но высказаться не мог. Такова была его натура: он ощущал, но абсолютно не умел излагать суть вещей.

Дорога петляла, петляла, а потом внезапно выскочила напрямиком к большому, просто огромному городу, который лежал на равнине и который, однако, не значился ни на одной карте. Вначале он мелькнул под лунным светом крышами, блестящей рекой и разбегающимися улицами, и тут же пропал, когда дорога нырнула с холмов, очертя голову, вниз. И Берзалову показалось, что он ошибся – не было никакого города, а просто хочется спать, клонит в сон, вот и мерещится всякая белиберда. Но через пару минут бешеной езды в предрассветных сумерек вдруг стали мелькать, как в калейдоскопе, дома, проспекты, бульвары, ажурные мостики, серебряная речка, а потом – бах!

и дорога уперлась в колонны монументального портала. Бур, которого простили и который сидел на своём законном месте рядом с Филатовым, выругался:

- Ёпст!

- Заткнись! – посоветовал Филатов и ударил по тормозам.

В результате Гуча разбил себе нос о ребро жесткости и в разведку не попал, Архипов же остался за старшего, а Сундуков занялся прожекторами.

- Товарищ старший лейтенант... – обратился Колюшка Рябцев и задал тот единственный вопрос, который вертелся у каждого на языке, – а вам не кажется странным, что такой огромный город, и без единого огонька?

- Кажется, – невольно согласился Берзалов, хотя чего здесь странного – может, все спят без задних ног?

Может, но не обязательно, и не надо обманывать себя, это тот самый город, о котором предупреждал генерал Грибакин.

- Ну да... – согласился Архипов, – дрыхнут на рассвете, тёпленькие, в тёплых постельках, в белых носочках.

- В каких белых носочках? – уставился на него Берзалов.

- Это... так... образно, – поправился Архипов.

- А-а-а... – среагировал Берзалов.

Архипов ещё ничего не понимал, а в его словах крылась зависть ко всем тем, кто действительно мог себе позволить такую роскошь, как чистые подушки и мягкие перины.

- Что случилось-то? – беспечно спросил капитан Русаков, которому с его места, конечно же, не было видно, что происходит снаружи.

- Да город какой-то непонятный, – задумчиво ответил Берзалов.

- Во первых, целый, не разбомбленный, а во-вторых, безлюдный,

- он высказал то, о чем даже боялись думали Филатов, Бур, Колюшка Рябцев, которым тоже была видна дорога.

- Чего здесь странного?

- А то, что так не бывает, – ответил Берзалов, вглядываясь в триплекс башенки.

- Что будем делать? – спросил Русаков, как будто тотчас проникнувшись тревогой.

Берзалов мало что понимал. Он только видел, что что-то не так, а что именно, не мог сообразить, хотя давно уже пора было привыкнуть, что постъядерный мир изменился, что он приобрел иные качества, которые постепенно открывались человечеству. Но чтобы целый, не разбомбленный город оказался абсолютно безлюдным, такого ещё не бывало.

- Не знаю, - признался он, невольно прислушиваясь к звукам снаружи и припоминая слова генерала Грибакина об этом таинственном городе. Не может быть, чтобы нам так повезло, подумал он. Не верю я в такие совпадения. Да и глупости всё это - какой-то супергород, просто фигли-мигли на постном масле.

- А если взглянуть?.. - неуверенно предложил Архипов.

И сразу всё пошло наперекосяк, не так, как привык Берзалов. Надо было бы, конечно, отступить. Взять тайм-аут. Подумать маленько, может быть, даже поискать другой выход, но стремление найти Гаврилова затмило в Берзалове все другие чувства и даже инстинкт самосохранения, хотя, прежде чем покинуть бронетранспортёр, он проверил СУО, уровень радиации и кинул взгляд на сканер частот. Последний если бы что-то и обнаружил, то давно бы подавал световые и звуковые сигналы. Всё было, как всегда, то есть в норме, даже радиация, а это Берзалову тоже, как обычно, не понравилось. Лучше бы что-то угрожало, подумал он, лучше бы было страшно. Спас стыдливо помалкивал. Бур - народный провидец, пребывал в испуге. Надо было принимать решение.

- Ладно... - сказал сам себе Берзалов, а оказалось, что вслух. - Пойду прогуляюсь. Капитан, выскочим на минуту. И ты тоже не отставай! - приказал он Буру.

Бура он взял с одной единственной целью - использовать его провидческие способности в реальном деле и разобраться, что такое «другое время». Если это то, о чём он подумал, то они, действительно, никогда не догонят Гаврилова, прежде чем он достигнет Харькова и остановится. Получается, что греки были правы, придумав парадокс Ахиллеса и черепахи. Допустим, думал Берзалов, мы движемся быстрее Гаврилова в два раза, что невозможно, потому что он тоже спешит, но допустим, и находимся от него на расстоянии перехода в два дня. Допустим, мы пробежим это расстояние в два раза быстрее, но ведь и Гаврилов не стоит на месте, он убежит от нас ещё на полдня вперёд, и так до бесконечности, то бишь до самого Харькова. Прав Бур, получается, что время у Гаврилова другое. Континуум в нём другой. Была, правда, одна тонкость, которая смущала

Берзалова: похоже, Бур воспринимал всё происходящее через призму религии, а это, разумеется, только запутывало ситуацию.

- Выскочим, - легко согласился Русаков и полез вслед за Берзаловым в боковую дверцу, задевая своим огромным пулемётом за ребра жесткости.

Дверца была низкая и узкая, чтобы изящно выскочить наружу, надо было обладать изрядной ловкостью. Но худой Русаков справился с этой задачей легко и сказал, когда они уже приблизились к колоннаде:

- Не находишь, что странно пахнет? Где-то я уже это видел...

Бур со старушечьим кряхтением выпал из бронетранспортёра и принялся собирать амуницию, которая по обыкновению с грохотом вывалилась у него из подсумка на асфальт.

- Я тоже, - нервно ответил Берзалов, с беспокойством оглядываясь на Бура, и колкая тьма вокзала ему страшно не понравилась. Хотя светало по-весеннему рано, луна-череп всё ещё давала достаточно света, чтобы тени казались чёрными-чёрными провалами в бездну.

Где-то и когда-то он тоже будто бы видел этот город, но вспомнить никак не мог.

- Вот там... - уверенно сказал Русаков, - автостанция.

Берзалов спорить не стал, какая, в принципе, разница, главное, Гаврилова найти или его следы. Да и опасности, судя по всему, никакой. Разве что смущало отсутствие людей. А может, это и хорошо, потому что только люди и могут быть опасными.

- А ты почему с нами? - спросил он у Кеца, который с любопытством тоже глядел по сторонам. - Тебе кто разрешил? Вернись в машину и доложишься Архипову, что ты на месте! - приказал он.

За время передвижения группы бойцы подобрали Кецу армейскую одежду, соответствующую росту и делу, которым Кец наравне со всеми занимался в глубокой разведке. Где это всё раздобыли, для Берзалова осталось большущей тайной. Только Архипов, который покровительствовал Кецу, ходил гоголем, нос задрал. Разумеется, Кец сидел при экипаже и ни на какие задания его не брали. Это был самый категоричный и самый жёсткий приказ старшего лейтенанта Берзалова. Все понимали, что за его нарушение простым взысканием не отделаешься и даже не отсидишься на губе. Со старшим летехой шутки плохи, если что, он мог в горячке и в нокаут отправить одним движением руки. Поэтому Кеца и Сэра

берегли, как зеницу ока. Пылинки, можно сказать, с них сдували, а кормили, как на убой. Особенно был доволен Сэр, который за свою недолгую собачью жизнь редко ел досыта, всё какую-нибудь дрянь, которую найдёшь на дороге, а здесь ему давали и тушенку, и сгущенное молоко, и конечно же, все те продукты, которые прихватили с фермы Ёрховых. Ели их целые сутки и до сих пор не съели. Так что после злополучных шпикачек Сэру перепадали не только одни огрызки. Всё тот же сердобольный Архипов на последней стоянке сварганил для Сэра самый настоящий мясной суп, который Сэр долго охранял, как ему казалось, от посягательств экипажа: во-первых, потому что супа было много и Сэр сразу весь его сожрать не смог, а во-вторых, было так вкусно, что с тех пор он заобожал Архипова и ходил за ним хвостиком, чем вызывал праведную ревность Кеца. Так развлекался экипаж первого бронетранспортёра.

- Лейтенант, тебе не кажется, что мы не там ищем? - спросил Русаков, косясь на воинство: Кеца, Сэра и Бура, которые в свою очередь испуганно косились на вокзал и не смели шага ступить в сторону, потому что им было страшно.

В понимании капитана Русакова таскать мальчишку да ещё и с собакой в глубокой разведке было безответственно и глупо. Куда лейтенант смотрит, о чём думает? Один раз он даже высказался в том смысле, что слышал о таких пацанах, что бродят они, мол, бесцельно по пустошам, странные и непонятные, и, вообще, сплошные загадки. Но Берзалов отнёс это высказывание на то обстоятельство, что, как говорится, на войне детям делать нечего, и тотчас забыл слова капитана, других забот хватало.

- А ведь пацан - засланный казачок... - сказал однажды Русаков.

Берзалов тогда отрезал ему:

- Не вздумай сказать при экипаже, убьют.

- Даже так?.. - удивился Русаков.

- Даже так, - подтвердил Берзалов, а сам подумал, что, если тебе об одном и том же говорят два человека, значит, в этом что-то есть. Но что? - ломал он себе голову. Мальчишка как мальчишка. Живой, непосредственный. Мне его жалко, потому что он напоминает мне самого себя. Нравится он мне. Вернёмся, определю его в школу, а там посмотрим, воевать ему, действительно, рано.

- В общем, мне кажется, мы не там ищем, - повторил Русаков.

- А где?.. Где искать? - с раздражением спросил Берзалов,

потому что в любом случае надо было с чего-то начинать, где-то же Гаврилов оставил очередное послание, не мог он миновать это место, никак не мог.

- А мне кажется, вон там! - весело пропищал Кец и показал в темноту за деревья, где на железнодорожных путях пылились и гнили под солнцем десяток-другой электричек и обычных пассажирских составов.

Капитана аж перекривило, да и Бур промычал что-то в том смысле, что искать надо не здесь, а по его разумению вот там, и показал пальцем на вокзал, на его чёрные провалы между колоннами. А ещё Берзалова удивляло то обстоятельство, что хоть Кец и был всеобщим любимцем, Бур как будто бы его сторонился, чурался и вообще поглядывал с большим недоверием. Проявлялись ли в этом его провидческие способности или нет, трудно было сказать. Лично у меня Кец не вызывает никаких отрицательных эмоций, думал Берзалов, а интуиция у меня главный советчик. Может быть, я потому ещё и жив, что прислушиваюсь к ней ну и, разумеется, к Спасу. На этот раз Спас поведал: «Молодец». «Иди ты...» - ответил Берзалов. И разговор прекратился.

- Ну смотри, ты командир, тебе виднее, - с непонятным смыслом произнёс Русаков, больше не обращая внимания на Кеца.

Берзалов едва не взорвался: «Вашу-у-у Машу-у-у!..», однако сдержался и сказал:

- Ищем недавний костёр и консервные банки. В общем, должен быть знак! Все поняли?

- Все... - Русаков, который за последние сутки растерял всё - даже свой командный голос, от которого пчёлы на лету мёд роняли, показался Берзалову в этот момент самым несчастным человеком на земле.

Трудно ему будет, решил Берзалов и вспомнил свою Варю. Он подумал, что вертолётчики народ ненадёжный в плане семьи, что в каждом аэропорту у них по женщине, а то и по две. Значит, Русаков не изведал семейного счастья и, стало быть, вполне закономерно привязался к Зинаиде Ёрховой. Понять его можно, но не обязательно - время сейчас другое, не до женского пола.

- Роман, - подёргал Кец за рукав Берзалова, - Сэр почему-то на площадь тянет.

- Пойдём на площадь, - согласился Берзалов, - только его не отпускай, - кивнул он на остроухого Сэра.

- Не отпущу, - заверил Кец, - он у меня послушный.

Сэр оглянулся на них, и в его агатовых глазах зажёгся азартный огонёк. Берзалов вопросительно посмотрел на Бура, но тот промолчал, хотя по его лицу можно было понять: не туда они топают, ох, не туда, но я сам не знаю, куда нужно. Хорошо, решил Берзалов, вначале обследуем площадь, а потом – вокзал. И они, светя себе в тёмных местах фонариками, направились на площадь, под сень деревьев, и даже обстоятельно обыскали её по периметру, где вдоль тротуара застыли десяток-другой троллейбусов и автобусов, распахнутых, раскуроченных, с изрезанными сидениями, с вырванными панелями управления. Варвары, однако, думал каждый. Цивилизации на них нет или генерала Турбаевского.

Больше здесь ничего интересного не было. Одна пыль и грязь, возникшая, казалось бы сама по себе в неимоверно большом количестве: какие-то тряпки, старые кульки, пластиковые бутылки и выгоревшие на солнце обрывки газет. Русаков крякнул раз-другой от досады, шуруя палкой по кустам и сказал:

– Нет здесь никаких знаков. Пусто! Даже костром не пахнет.

Дико воняло, правда, кошками, но это была иная тема. И Сэр, которого Кец держал на поводке, упорно тянул дальше, по другую сторону вокзала. Берзалову всё это стало уже надоедать, он всё чаще поглядывал на вокзал и думал, что Бур прав, что Гаврилов не такой человек, чтобы делать привал абы где, хотя вокзал он физически миновать не мог – дорога-то одна. Однако Сэр упрямо стремился на противоположную сторону, и все поддались его напору, решив, что уж с его-то собачьим обонянием они не пропадут. Последние десять метров они летели за Сэром, сломя головы. И на тебе: казалось, они вот-вот обнаружат стоянку Гаврилова, однако вместо этого Сэр протасил их через площадь, через все перроны, железнодорожные пути и с диким хрипом, похожим на вопли, вырвался-таки из рук Кеца и пропал в ближайших кустах. Вслед за этим раздался кошачий вопль, радостный лай Сэра, который таким образом возвещал, что загнал извечного своего врага на дерева и призывает разведчиков прийти и всласть поохотиться.

– Вашу-у-у Машу-у-у!.. – плюнул Берзалов и пошёл, не таясь, презирая всех и город в том числе, назад напрямиком через площадь к вокзалу.

– Ты чего?.. – нагнал его Русаков, лейтенант. – Погоди...

– Надоело... – ответил Берзалов, спрыгивая на рельсы. – Вашу-у-у Машу-у-у!.. обосрались в очередной раз!

- Да ладно тебе, - принялся успокаивать его капитан и снова завёл старую песню: - Парнишка-то странный.

- Чего?.. - с непонятной угрозой произнёс Берзалов. - Парень как парень.

- Да я не к тому... - поправился Русаков. - Понимаешь, слышался я о мальчиках таких. Не наши они.

- А чьи? - с вызовом обернулся Берзалов.

- Не наши, и всё! - насутился Русаков. - Может, даже не с планеты Земля.

- Наш он, наш, - заверил его Берзалов. - Сам лично проверял. Ты не вздумай ляпнуть о своих подозрениях ещё кому-либо, - предупредил он. - Врагов наживёшь.

- Ладно... хорошо... - покорно согласился Русаков. - Ты командир, тебе решать. Но учти, я руки умываю.

- Ух-х-х... - не сдержался Берзалов и воскликнул в сердцах, - что ж вы все такие?..

- Какие?

- Нервные.

- Какие есть, - упёрто ответил капитан Русаков.

В капитана Русакове было что-то такое тёмное, похоже, он готов был пройти по лезвию ножа, и один раз уже это сделал.

- А собака тоже не наша? - ядовито спросил Берзалов, невольно делая приставной шаг в сторону капитана.

- Собака наша, - ответил Русаков, никак не реагируя на движения Берзалова.

Берзалов не понял: или Русаков наивный, или очень смелый, а может, ничего не сообразил. Ну да бог с ним, решил Берзалов и бить его не стал. Момент неподходящий. Да и за что бить человека, если у него иное мнение? Чёрт с ним! Удар, даже если он выверен, даже если он чудовищно хорош, не всегда является главным аргументом, потому что нужны обстоятельства, чтобы этот аргумент стал весомым.

- Ну и слава богу, - примирительно сказал он, разжимая кулаки.

- Ты, капитан, главное, не ершись и помалкивай. Я сам, если что разберусь.

Русаков хмыкнул и ничего не ответил. Но было ясно, что Берзалов его не убедил.

Бур и Кец понуро плелись следом. Сэр, который ничего не понял, всё ещё азартно оглядывался на кусты, где сидела кошка. «Ну что же вы?! – говорил но всем своим видом. – Я нашёл, я загнал, а вы?.. Тоже мне разведчики, такой обед упустили!»

– Нехороший вокзал... – вдруг заметил Бур. – Тёмный ликом, как будто прячет что. Луна вон... солнце встаёт, а вокзал будто сажай утёрся. Чудеса... потому что... потому что...

– Что потому что?.. – востропнулся Берзалов, всё ещё переваривая конфликт с Русаковым.

Не прав капитан, не прав, думал он. Кец свой, тяжёлое у него детство, не позавидуешь. Атомный век – чтоб он провалился! А Русаков беснуется, потому что думает о Зинаиде Ёрховой.

– Потому что «ты положил меня в ров преисподний, во мрак и бездну», – вдруг выдал Бур и сам испугался своих речей. – Исчадие ада это...

Потом уже, анализируя события, Берзалов понял, что Бур иногда способен высказывать нужную информацию, только он, как и Спас, не мог говорить чётко и понятно, то есть человеческим языком, а не сплошными иносказаниями и заимствованиями из библии.

Небо на востоке заметно посветлело, тени поблекли, а луна-череп, вопреки логике, принялась гореть ещё ярче. Ну да, естественно, она же отражает дневной свет, и Берзалов успокоился.

– Прямо второе солнце, – досадливо заметил Русаков, поморщившись.

Но после заявления насчёт Кеца Берзалов ему не очень-то верил. Ему тоже не нравилась луна. Казалось, что она имеет безусловное отношение к укрепрайону, но какое именно, трудно было понять. Если всё дело в страхе, который она внушала, то он уже не действует, потому что к нему все давным-давно привыкли, а если ещё по какой-либо причине, то посмотрим, храбрысь, думал он.

Вдруг капитан Русаков хищно изогнулся, передёрнул затвор и едва не полоснул по кустам, за которыми виднелись дома.

– Чок! – с опозданием подал команду Берзалов.

Все замерли, даже Сэр перестал тянуть, и вслушались в утреннюю тишину. Где-то что-то шелестело и пищало тихонько-тихонько, словно прищемленная дверью крыса.

– Показалось... – с облегчением сказал Русаков, держа, однако, пулемёт наперевес.

- А что показалось? - спросил Бур, взмокший, как курица.

- Тени показались.

- Это они! - уверенно заявил Бур и почему-то спрятался за Берзалова.

- Кто? - нервно спросил Берзалов, поглядев на него, как удав на кролика.

Он вообще боялся сглазить удачу и предпочитал не говорить о всяких страстях, хотя ему самому показалось, что он тоже видел человеческую тень, но промолчал, потому что до бронетранспортёра осталось всего ничего - полсотни метров.

- Теневые люди... - выдал Бур, и сразу словно изменил мир вокруг, как будто одно единственное слово послужило толчком к возникновению новой ситуации.

В воздухе явственно появилась тревога. Она пришла словно ниоткуда. Только что её не было - и вот, на тебе, висит, как незримый ультиматум. Перешагнёшь черту, и ты труп, подумал Берзалов, но ничего дельного предложить не мог, кроме как дотопать до брони, сесть на неё и укатить побыстрее из этого странного места. А ещё его поразило то, что Бур не мог слышать их разговор с генералом Грибакиным. Значит, Бур тоже «знает», ужаснулся он. Значит, теневые люди - это правда?!

- За мной! - крикнул Берзалов и прибавил шагу.

Сэр захрипел, налегая на ошейник. Они уже миновали площадь, на которой была стоянка общественного транспорта, и даже уже видели Архипова на броне.

- Рябцев, ты меня слышишь? - на всякий случай спросил Берзалов, убираясь подальше от опасных кустов.

- Так точно, слышу. Всё тихо, посторонних нет, - бодро ответил Колюшка Рябцев.

Вот это сообщение окончательно запутало Берзалова. На всякий случай он приказал:

- Приготовьтесь, мы запрыгиваем и сваливаем.

- Что-то случилось, командир? - встревоженно спросил Архипов.

Берзалов помедлил и ответил тем тоном, когда становился до ужаса вредным, но по-другому у него не получалось, только так он чувствовал тот нервный импульс, когда можно опередить противника.

- Не знаю...

- Товарищ старший лейтенант, а мы здесь не одни... - вдруг выдал Бур новую порцию информации и добавил уже церковным слогом: - Приключится нам зло и язва приблизится к вратам нашим.

- Кто приблизится? - нервно спросил Берзалов и выругался, как оказалось, зря: - Вашу-у-у Машу-у-у!.. - только напугал Бура, который ещё сильнее насупился.

Берзалов прикусил язык и дал слово больше Бура не ругать, хотя он ему надоел хуже редьки со своими, как казалось, откровениями: то Комолодун, то лоферы, то квантор. Хотя, положим, не он его открыл. Теперь - теньевые люди. Была в этом какая-то закономерность, которую Берзалов ухватить не мог. Ему элементарно не хватало информации.

- Эти самые... - забитый Бур краснел и бледнел.

Берзалов уже и забыл, для чего он взял его с собой. Нет здесь Гаврилова. Бур в этом деле не помощник. Нет, и баста, и никогда не было. Может, он другой дорогой ехал? Кто его знает?

В этот момент Кец вместе с Сэром, вместо того чтобы рулить к бронетранспортёру и преспокойно занять свои места, с криком: «Кошка!», нырнули в чёрную пасть вокзала.

- Куда?! - крикнул Берзалов вмиг осипшим голосом. - Куда-а-а!..

И всё завертелось помимо его воли. Он бросился следом, Бур за ним, за Буром - капитан. И тут только до Берзалова дошло, почему вокзал вызывал у него страшную антипатию: он был забит мертвецами под завязку: и на вазонах, и на клумбах, и на скамейках, и просто на полу белели кости, в воздухе стоял слабый запах тлена, а утренний ветерок шевелил обрывки одежды и вещей. А ещё там копошилось что-то, похожее на крыс.

И хотя Берзалов нагляделся за время войны, казалось, сверх меры на всякий страсти-мордасти и должен был быть привычным к ним, он оплошал на одну единственную минуту, пока его желудок освобождался от ужина под одним из вазонов. А когда должно было наступить облегчение, капитан Русаков тихо, но явственно ойкнул. Берзалов одновременно сделал два дела: оглянулся и схватился за автомат. Руки сами передернули затвор и сняли предохранитель. Однако ни Бура, ни капитана Русакова рядом уже не было. Они как будто испарились, а вместо них в ушах всё ещё таял их отчаянный крик и ещё что-то, что Берзалов слышал не далее, чем два дня назад - в школе. Тогда там же, как и здесь, звук этот донёсся, словно издали и одновременно был совсем рядом, словно ударили одной

барабанной палочкой по другой и эхо разнесло по закоулкам. Но тогда, в школе, Берзалов не обратил на этот звук никакого внимания. А сейчас он был полон зловещего смысла, и не потому что Берзалов испугался, а потому что понял, что произошло что-то, что ни при каких обстоятельствах не должно было произойти. Скрипей! – сообразил он и бросился под колонны, не обращая внимания на прах всех тех, кого смерть застала на вокзале. На помощь уже бежали, казалось, всем экипажем.

– Назад! – крикнул Берзалов, ныряя вглубь портала. – Архипов со мной, остальные в машину! Прожекторы сюда! Прожекторы!

Пока Филатов объезжал вокзал, чтобы зайти не со стороны перрона, где было слишком узко для бронетранспортёра, пока Сундуков и Гуча возились с зачехленным оборудованием, они с Архиповым проскочили внутренний дворик, зал ожидания, полный истлевших людей, и вбежали в ресторан. Им всё время казалось, что они слышат впереди и сзади, и по бокам торопливые шаги и неясные шорохи, но каждый раз это оказывались жирные, наглые крысы, копошащиеся в мертвецах. Потом свет от прожекторов, бьющих в окна вокзала, пропал, и в следующем помещении раздались ужасные крики и заработал пулемёт Русакова. Архипов за спиной тоже выстрелил. Тогда-то Берзалов различил то, что ему вначале только чудилось: изо всех самых тёмных и мрачных углов, из-под кресел с мертвецами, из-за столов, прямо из трупов вдруг стали появляться люди в чёрном. И хотя у него абсолютно не было времени разбираться в деталях, он успел заметить, что в отличие от Скрипея, ни глаз, ни лица у этих людей нет, вернее, они есть, но словно погруженные на дно самой глубокой лужи, так что черт разглядеть не было никакой возможно. Он тоже принялся лихорадочно стрелять в тех, кто оказался ближе и протягивал к нему руки с огромными, кривыми когтями. Но самое ужасное заключалось в том, что пули этих людей не убивали, вовсе не оказывали никакого воздействия, и только вспышки пламени на кончике ствола пугали их и не давали подойти вплотную. Вспышек они боялись, вспышки как будто отбрасывали их назад, а у тех, кто оказывался ближе всех, плоть осыпалась, как сажа из печной трубы. Но вместо них появлялись новые и точно так же выставляли перед собой руки с кривыми когтями. Они наступали толпой и справа, и слева, и сзади, и Берзалов с ужасом ждал, когда боёк ударит вхолостую. Спасение, как всегда пришло неожиданно: по окнам, обращенным на площадь, полоснули прожекторы, люди в чёрном бросились в рассыпную, а те, которые были застигнуты светом, рассыпались, как головешки, оставив после себя кучки пепла. Но вместо погибших появлялись новые люди в чёрном. И когда казалось,

что Берзалов с Архиповым не выдержат напора, что их сомнут и растерзают, Берзалов догадался крикнуть:

– Включи фонарь!

Пока Архипов рубился лучом фонаря, как мечом, сверху вниз, снизу вверх, справа налево, слева направо, вдоль и поперёк, Берзалов выхватил из разгрузки сигнальный фальшфейер, ломая ногти, сорвал колпачок и дёрнул за шнур. Темноту бывшего ресторана разорвала яркая вспышка, красное пламя с шипением ударило вверх, и по толпе людей в чёрном пронёсся крысиный писк ужаса. Они шарахнулись, закрываясь руками, но было поздно: те, кто находился ближе всего, сразу же прекратились в пепел, а те, кто попытались бежать, падали и умирали на мгновение позже. Спасти удалось лишь тем, кто только ещё вылезал из мрака.

– А-а-а! А-а-а! – орал Берзалов, тыча во все стороны фальшфейером и выкашивая ряды противника, словно косой.

В окна снова полоснул свет от прожекторов, и они с Архиповым окончательно разогнали нападавших по углам. Можно было всех элементарно добить, но пулемёт Русакова и автомат Бура уже начали захлебываться. И тогда Берзалов и Архипов бросились в следующее помещение, которое оказалось кухней без окон. Призраки таились по углам и, казалось, только и ждали, когда у Русакова и Бура кончатся патроны.

– Свои! – крикнул Берзалов, швыряя в толпу призраков фальшфейер и зажигая новый.

– Я же говорил! – кричал Бур, воинственно отстреливаясь из автомата. – Говорил!!!

– Говорил... – согласился Берзалов, – а надо было кричать! Счастье наше, что мы попали сюда на рассвете. – А где Кец?!

– Кец! – всполошились все. – Кец! Кец!!!

И праведный гнев охватил их, и каждый из них готов был идти дальше и драться с людьми в чёрном до победного конца. Бур даже предложил прогуляться по подсобкам, откуда тоже слышался крысиный писк.

– Да здесь он, здесь, – в наушниках раздался спокойный голос Сундуков. – Давно уже на броне.

– Чего же ты молчал?! Вашу-у-у Машу-у-у!.. – выругался Берзалов.
– А Сэр?..

– И Сэр здесь, – сказал Сундуков.

У Берзалова отлегло с души.

- Там... - вдруг сообщил Бур, указывая на подсобные помещения и порываясь бежать и кромсать, тем более, что он тоже зажег фальшфейер, - там их столько!

- Всё! - сообразил Берзалов. - Хватит! Хватит! - и принялся оттягивать в сторону Архипова и Русакова, которые носились по углам и закоулкам и совали везде, в том числе и в вентиляцию свои фальшфейеры. - Уходим! Уходим!

Его трясло, как в лихорадке. Никогда он не был так близок к смерти, как сейчас.

- Уходим!

И только оказавшись в бронетранспортёре и, испытав облегчение, они начали смеяться, показывая на друг друга пальцем:

- Негр, негр, негр!

Филатов завёл и ввёл бронетранспортёр на широкую улицу. Наконец вошло солнце, и город казался вымершим.

- А ведь мы словно сажеей перемазаны! - заметил Архипов, поглядев на себя в зеркало.

И действительно, вся одежда, лица и руки стали чёрными. А потом наступила реакция.

- А ему как влепил! - кричал Бур.

- А я ему прямо в роже, в рожу! - вторил ему капитан Русаков. - Но если бы не вы, братцы, - обнял он Архипова, - мы бы с Буром и пяти секунд не продержались.

- А кто это были вообще? - спросил Сундуков и выпучил свои и без того изумлённые жизнью глаза.

- А чёрт их знает, может, эти самые инвазивные захватчики, - предположил Архипов. - Я, честно говоря, уже с жизнью прощался, да Филатов и Сундуков выручили. Как дали прожекторами - всех в труху.

- Нет, это не захватчики, - уверенно заявил Берзалов, будто знал истину. - Потому что реальной силы за ними нет.

- А кто тогда?! - спросили хором у него и уставились требовательно, словно от слов Берзалова зависело их существование.

- Я думаю, - сказал Берзалов, - просто какие-нибудь паразиты, пришедшие следом за инвазивными захватчиками.

- Какие ещё паразиты?! - страшно удивились все.

- Могут быть у них паразиты? – спросил Берзалов.
 - Могут! – согласились все.
 - Но какие? – им хотелось точности в суждениях, чтобы опереться на них и не мучиться раздумьями.
 - Обычные, гаплогруппа из космоса, со схожими намерениями. Место освободилось, вот они и явились, кто откуда. Некоторые – из какого-нибудь сумеречного мира.
 - Выходит, они каким-то образом узнали, что человечество вымирает? – спросил Сундуков и сам же изумился своим умным речам.
 - Мы так бабахнули, что видно и слышно было по всей галактике, – сказал Берзалов. – Потом разберёмся. Зайдём сюда днём с мощными прожекторами и всю нечисть выжжем. А кого не выжжем, того допросим и поймём, что это за звери.
 - Кровопийцы! – высказался Гуча. – Космические гопники!
 - Точно, – обрадовался Бур и впервые открыто улыбнулся.
- Берзалов улыбнулся ему в ответ, потому что получалось, что Бур как бы герой, а героев не ругают, наоборот награждают. И не такой уж он плохой парень, подумал Берзалов. Если выживет, напишу на него наградной лист. Не зря же он в глубокую разведку подался.
- Не зайдём, – уверенно сказал Русаков.
 - Почему?
 - Потому что этот город только один раз показывается.
 - Ну да... – вспомнили все, – ну да...
 - Мне кажется, что он вообще в другом измерении.
 - Жаль... – со вздохом сказал Гуча, который не участвовал в схватке и поэтому чувствовал себя ущемленным. – Жаль! Кому расскажешь, не поверят.
 - А самое главное, что командованию доложить? – чуть наивно спросил капитан Русаков и посмотрел на Берзалова, мол, мое дело маленькое, я как бы ни за что не отвечаю, пусть Берзалов сам тянется перед начальством.
 - Скажем, как есть, – авторитетно ответил Берзалов, – пусть верят или не верят, нам какая разница.

И все согласились с ним, потому что почувствовали в себе моральную силу людей, победивших зло. А ещё они почувствовали, что стали сплоченным экипажем, которому всё по плечу.

Глава 9

Комолодун

Оказалось, что чёрные-чёрные тучи, уходящие в поднебесье, висят совсем рядом, как раз над Харьковом, и что молнии беззвучно сверкают именно над ним, и нигде более.

Между тем, солнце поднялось, как и положено с востока, и на взгляд Берзалова это была хорошая примета – значит, ничего фундаментального в мире не изменилось, ну, разве что кроме луны-черепа, которая поблекла, но по-прежнему являла свой страшный лик.

Филатов уверенно вёл бронетранспортёр через пустой город. А потом, когда уже поднадоело разглядывать окрестности и экипаж стал задремывать, Берзалов бросил взгляд в триплекс и присвистнул:

– Да ведь здесь же шёл бой! Стой!

Все всполошились. Русаков бросил оттирать свою физиономию перед зеркалом и тоже захотел взглянуть на происходящее за бортом.

Высыпали на броню. Площадь была немаленькой – перекрёсток с шестью трассами, с кругом посередине и мачтой в центре, ну и, разумеется, с брошенными легковыми машинами по краю. А ещё с одноэтажными домами и перелесками выбегающими из низины, куда, собственно, и вела основная трасса.

– Гильзы! – азартно крикнул Архипов, спрыгнул на асфальт и принёс одну.

– Наши... – сказал Берзалов, разглядывая маркировку, – от стомиллиметрового снаряда.

Гильзы были «старые», ещё советских времён, нижнетагильского завода. Такими снарядами были забиты склады. А стомиллиметровый, это тебе не «тридцатка», которая не способна пробить даже кладку из одного кирпича. Стомиллиметровый – серьёзное дело, им запросто можно танк срубить. Куда только лупили?

– А куда стреляли, товарищ старший лейтенант? – спросил Архипов.

- Как куда?.. - повертел головой Берзалов. - Туда, наверное?.. - он показал в сторону главной трассы, убегающей в холмы и поля.

Русаков с кислым выражением на лице посмотрел в ту сторону, куда показывал Берзалов. Даже взял бинокль, обозрел окрестности и иронично произнёс:

- А чего туда стрелять-то?.. Как в белый свет...

- Да я вот тоже думаю, чего туда стрелять? - сказал Берзалов, покидая борт.

Ему стало интересно. Он вдруг почувствовал азарт. Куда мог стрелять Гаврилов на пустом месте? Только во врага. Но даже после этих светлых мыслей, Берзалову больше ничего умного в голову не пришло. Между тем, судя по количеству гильз, Гаврилов расстрелял почти весь боезапас. А это не шутка. Это дело серьёзное. Почти что знак в том его смысле, что «туда не ходи, там опасно», «кирдык» и тому подобное.

- Архипов! - крикнул Берзалов.

- Я здесь! - Архипов возник рядом, как приведение. Было у него такое свойство, двигаться быстро и бесшумно. - Возьми... - Берзалов на мгновение задумался, кем пожертвовать. - Возьми Бур и прочешите метров пятьсот по трассе.

- Есть прочесать метров пятьсот по трассе, - козырнул Архипов и произнёс в микрофон: - Бур, ко мне!

Бур, как всегда, бухнулся с бронетранспортёра, как мешок с гнилой картошкой. Не мог он по-другому. Не умел. Хотя, разумеется, его натаскивали наравне со всеми. Берзалов отвернулся, чтобы лишний раз не раздражаться, и подумал, что горбатого могила исправит.

- Я здесь, - доложил Бур, подбегая. - Ага...

Берзалов хотел его одернуть за неуставной лексикон, но как только взглянул на его физиономию, которая излучала тупую преданность, желание ругаться тут же испарилось, словно иней под ярким утренним солнышком.

- Вот что... - Архипов принялся ставить перед Буrom задачу: куда идти, и как: перебежками или рысцой.

Разумеется, рысцой, потому что противника не наблюдалось. Кто какую сторону дороги «держит». Разумеется, первый - левую, а второй - правую. Проверил, как снаряжены у Бура рожки, подтянул ему на боках нагрудную сумку, которая сидела на Буре, как седло на корове, и заглянул в каждый из чехлов. Берзалов понял, что Архипов более-менее доволен.

- Отставить, - неожиданно даже для самого себя сказал он. - Возвращайся на борт, будешь нас прикрывать.

- Есть вернуться и прикрывать, - ответил Архипов, не моргнув глазом.

- Если с нами что-то... то старший - капитан, введёшь его в курс дела. Ну, а если капитан откажется... но, я думаю, он не откажется.

- Так-к-к... - смущенно начал возражать Архипов, всем своим видом демонстрируя, что он за старшего лейтенанта кому хочешь глотку перегрызёт своей тяжёлой, как тиски, челюстью.

- Выполняй! - прервал его Берзалов.

Лицо у Архипов и без того серьёзное, стало ещё серьезнее: испугался он за старшего лейтенанта. Может, лейтенант задумал что-то страшное?

- Товарищ старший лейтенант... давайте всё-таки мы с Буром?.. А?..

- Старший сержант, выполняй приказ!

- Есть выполнять, - неохотно произнёс Архипов и побежал к бронетранспортёру, экипаж на котором уже рассредоточился по кустам, а пушка воинственно уставилась на главную трассу.

Молодцы, подумал Берзалов. Недаром я их гонял до седьмого пота. Выйдет из Архипова толк. Побережь его надо. А то я один остался, а мне товарищи нужны. Мысли его на мгновение унеслись в будущее, которое он себе плохо представлял. Показалось ему, что сидят они за столом и пьют водку, и эта водка, во-первых, была с капитанскими звездочками, а, во-вторых, до чёртиков горькая.

- За мной! - с этими словами он опустил забрало и побежал вдоль трассы.

Что надо искать, Берзалов не знал. Что-нибудь, что отличается от обычных вещей или от обычного течения времени. Последнее вообще ему казалось невозможным. В голове крутились фразы, почерпнутая из какой-то фантастической книжки: микролептонное поле, тот же самый временной континуум и ещё парочка понятий из общей теории относительности. Больше Берзалов как ни напрягался, припомнить ничего не мог. Ну да, думал он, я же больше кулаками привык махать и воевать, а здесь философия и физика в чистом виде, не каждый профессор разберётся.

Он оглянулся на Бура, может, он и народный предсказатель, но пока молчит в тряпочку и сосредоточен исключительно на беге, а лицо ничего не выражает: ни светлых мыслей, ни одухотворенности. Может, это и к лучшему, может, нам ничего не грозит? И слава богу! Но куда тогда стрелял Гаврилов? Он внимательно огляделся вокруг: обычные канавы, обычные придорожные кусты и обычные же клены, на которых только-только распустились листья, и поэтому смолистый запах был особенно приятен. Ну и, конечно, трасса, на которой чётко отпечатались протекторы бронетранспортёра.

Берзалову хотелось узнать, зачем Скрипей ловит мальчиков?

- Он и девочек тоже ловит, - механически, как суфлер, ответил Бур, словно прочитав мысли Берзалова.

Берзалов сделал вид, что это в порядке вещей и спросил:

- А зачем?

- Не знаю, - пожал своими бабскими плечами Бур.

- Должно быть, просто так? - предположил Берзалов.

Но Бура интересовало совсем другое, и, вообще, похоже, он «считал» информацию и тут же забыл о ней.

- Товарищ старший лейтенант, - спросил Бур, - а что надо найти?

Обмундирование на Буре всё равно висело вкривь и вкось. Шлем налезал на глаза, ботинки смотрелись, как на клоуне. Собственно, так оно и было: кто-то подсказал Буру, что ботинки, чтобы не натирали ноги, должны быть на два размера больше, вот он и расстарался.

- Хоть что-нибудь, - буркнул Берзалов в сторону.

- А-а-а... - произнёс Бур, словно что-то понял.

- Куда-то ж старший прапорщик стрелял, - кисло пояснил Берзалов.

- Конечно, стрелял, - охотно согласился Бур и посмотрел на равнину, как будто что-то там увидел.

Берзалов даже перестал дышать, ожидая хоть какого-нибудь знака от Бура. Но похоже, зря, Бур только любовался на весёлую, зелёную травку и деревья.

- А что если он стрелял по беспилотному летающему объекту? - выдал он.

- Окстись, Ефрем. Какой БЛА? - с возмущением спросил Берзалов и тут же прикусил язык, боясь испугать Бура.

Тогда Бур посмотрел на белесое небо, на котором бледнела луна-череп, словно, надеясь там увидеть БЛА, и согласился:

- Да, БЛА не было.

- Я тебе о чём талдычу. Сам что думаешь? - спросил Берзалов с тайной надеждой выудить из Бура хоть какую-нибудь, хоть микролептонную информации. Вспомнил он, что по теории все объекты на земле обладали невидимой аурой в виде этого микролептонных полей. Чем чёрт не шутит? Вдруг Бур чувствует эту самую микролептонику? Тогда понятно, что он может заглядывать, как в будущее, так и в прошлое, потому что в теории всё и вся оставляет за собой следы. Правда, он сам не очень-то верил в это, но другого ясного и понятного объяснения не имел.

- Ничего не думаю, - беспечно ответил Бур, и таким образом одним махом не оправдал все возложенные на него надежды.

- Я, товарищ старший лейтенант, после того жуткого вокзала с теневыми людьми, слово себе дал, больше не предсказывать.

- Почему? - спросил Берзалов упавшим голосом.

- Потому что, что скажу, то и происходит. Я уже боюсь, - признался он.

- А ты не бойся, - посоветовал Берзалов.

Бур прислушался к своим ощущениям и ответил:

- Всё равно боюсь.

Тогда Берзалов решил пойти на азиатскую хитрость:

- Ну а что ты сейчас можешь сказать, глядя на окружающим мир?

- Сейчас?.. - наивно переспросил Бур и огляделся.

Они стояли возле остановки общественного транспорта. Остановка эта, облепленная мусором, «фонила», как дезактивированный ядерный реактор - понятно, отчего: осенью и зимой поток воды смывал изотопы со всего города и уносил сюда - в низину, вот радиация и «зацепилась» в этом месте.

- Я думаю, что временной континуум где-то здесь, - возьми да брякни Бур.

Берзалов испугался и закрыл глаза. Мурашки побежали по телу, холодный пот выступил на лбу. А когда открыл глаза - ничего не произошло.

- Фу-у-у... - сказал он, вытирая лоб. - Мастак ты пугать. Ладно... пора возвращаться, - добавил он, - нет здесь ни чёрта: ни

Скрипеев, ни кванторов, одна маета. Может, действительно, Гаврилов стрелял по воздушным объектам? – заключил он и уже повернулся, чтобы двинуть назад, как вдруг краем глаза заметил, что с Буром творится неладное.

Согнулся он в три погибели и схватился за живот:

– Ой, не могу... – простонал он, – и шага сделать.

– Что с тобой? – встревожился Берзалов.

– Плохо мне. Живот подвело. Ой, не могу... Ой...

«Довёл парня, – констатировал Спас. – У него произвольный выброс энергии». «Какой энергии?!» – хотел воскликнуть Берзалов, но было поздно.

– Ты чего ел? – с подозрением спросил Берзалов и беспомощно оглянулся на бронетранспортёр, там уже наверняка заметили, что с Буром что-то случилось. А в следующий момент Берзалов увидел Гаврилова. Конечно, не самого прапорщика, а его БТР, который палил из пушки. – Федор Дмитриевич! – вырывалось у Берзалова и он побежал к БТРу.

И тут его, конечно же, переклинило и он замер, как соляной столб – аж ногам больно стало. Находился он не на дороге из города теневых людей, а на Центральной улице в самого что ни на есть настоящего Смоленска, потому что справа, чуть ниже, виднелось монументальное крыльцо Троицкого собора, которое Берзалову было очень даже знакомо, потому что крестился он, уже будучи взрослым, именно в этом соборе. Так вот, БТР Гаврилова палил туда, дальше вниз, где виднелись сады пригорода и железнодорожный вокзал и где летал этот самый БЛА. Часть Берзалова под именем Спаса чётко и ясно произнесла: «Не ходи. Это и есть временной континуум». Вторая часть удивлённо спросила: «Как же так?.. Пару шагов, и я решу все проблемы, которые меня мучают». «Не решишь, – пообещал Спас. – Не получится. Только задание сорвешь». «А они?.. Как же они?..» «А их ты никогда больше не увидишь». И такая тоска охватила Берзалова, словно он спал и во сне навсегда потерял половину самого себя, и не было у него сил пошевелиться, поэтому он застыл, как столб, и смотрел, как Бур с криком: «Наши!!!», забыв о животе, бросился к БТРу Гаврилова. Хотел Берзалов его остановить, да не было душевных сил. Хотел он крикнуть: «Стой, дурак!», да язык не шевелился. И по всему выходило, что пропал Бур бесповоротно и окончательно в этом самом континууме. А у Берзалова был ещё шанс. Оглянулся он, ища подтверждение словам Спаса, и увидел, что пространство вокруг тихонько, но верно

блекнет и затягивается странным туманом, и в этот туман уже погружены верхняя и нижняя часть улицы. Странный был туман. Похожий на петлю, которая затягивалась на глазах прятала один дом за другим, и только позади – там, где должен было находиться проулок, как яркие обои на стене, виднелась та самая злополучная остановка общественного транспорта и край дороги, на котором сквозь прошлогоднюю листву пробивалась весёлая, беспечная трава. Попятился Берзалов. Сообразил он, что что-то здесь не так, что не настоящее всё это, может быть, даже ловушка Комолодуна, а никакая не микролептоника со всеми её сверхлегкими частицами. Бур же добежал до БТРа и стал карабкаться на него. Один раз сорвался и упал, как обычно, выронив из подсумка всю свою амуницию. А БТР все стрелял и стрелял, а потом вдруг замолк, командирский люк открылся и показался Гаврилов. Вот когда Берзалов едва не поддался искушению последовать вслед за Буром. Гаврилов радостно воскликнул: «Дурилка я картонная! Давай руку!» И одним движением втащил Бура на броню. Что-то ему Бур сказал, потому что Гаврилов посмотрел в сторону Берзалова и обрадованно крикнул: «Роман Георгиевич, вы с нами?» Берзалов попятился. Он спиной ощущал, как сжимается кольцо тумана и как просвет у него за спиной тоже становится всё уже и уже. «Роман Георгиевич! – крикнул Гаврилов. – Ну что же вы?! Иди сюда! Мы вас давным-давно ожидаем!».

Это был не Гаврилов. В смысле, не живой Гаврилов, а другой Гаврилов, потому что настоящий Гаврилов никогда не вёл себя так – а куда скромнее и почтительнее, что ли, хотя бы в отношении устава. Да и вообще, не тот тон, слишком вольный на фоне происходящего. «Ребята! – крикнул в люк мнимый Гаврилов. – Товарищ старший лейтенант объявился! То-то радость!» И тут же на броню высыпали все они: и Юпитин, и Померанцев, и Вовка Жуков, похожий на Есенина. Последним возник, как чёрт из табакерки, Петр Морозов и обнажил в радостной улыбке свои гнилые зубы. «Гы-гы-гы!!!» – ржали пропитыми голосами. Не было только Чванова, но он, должно быть, возился с Зуевым. Дрогнуло сердце у Берзалов. Измочалились без меня, понял он. Извелись. Забыли крепкую руку. Ну, я вас сейчас... Захотелось подойти, обнять всех, хлебнуть водки, расспросить, где они пропадали, может даже, пострелять в ту сторону, куда они стреляли, в этот несчастный БЛА. В общем, расслабиться, забыть всю тяжесть ответственности, которая лежала на нём, и желание вернуться домой, в бригаду: от Смоленска – сутки хода. А между тем, старший прапорщик Гаврилов спрыгнул с брони, распротёр свои могучие объятя и пошёл к Берзалову, как моряк на суше.

Настоящий Гаврилов так не ходил. Он ходил упругой и лёгкой походкой горца.

В следующее мгновение Берзалов обнаружил, что трусливо отступает к остановке общественного транспорта. «Куда же вы, товарищ старший лейтенант?!» – вопрошал мнимый Гаврилов и всё приближался и приближался. Силы вмиг изменили Берзалову. Не было у него возможности сопротивляться дружескому голосу и вкрадчивому тембру. Вот так, казалось бы, и подошёл и обнялся бы. Он даже сделал шаг навстречу Гаврилову.

И вдруг из оцепенения его вывел отчаянный крик Бура: «Бегите, товарищ старший...» Ему заламывали руки сразу трое: Морозов, Юпитин и Померанцев и пытались засунуть в БТР. Мелькали руки, ноги, шлем запрыгал по мостовой. А потом Берзалов ясно увидел во всём этом калейдоскопе мелькнувшую руку с гранатой РГО. Только у одного Бура были такие гранаты, потому что какой-то шутник на складе надоумил Бура вооружиться со всей предусмотрительностью на все случаи жизни. Сам Берзалов предпочитал брать только две гранаты и только наступательные РГН, потому что привык к ним. А в остальные кармашки клал дополнительный перевязочный пакет и аптечку. Вот граната и пригодилась, тупо констатировал Берзалов и очнулся. Мнимый Гаврилов был в двух шагах от него и внешне ничего не отличался от настоящего Гаврилова, разве что был чуть пошире и чуть повыше, но это было, вообще-то, мало заметно. И поэтому Берзалов убивать его не стал и да времени, которое вдруг стало словно резиновым, у Берзалова уже не было. Время играло против него. Граната ещё не взорвалась, крик Бура ещё таял в воздухе, когда Берзалов сделал единственное, что умел делать в жизни лучше всего. Ударил он мнимого Гаврилова, крепко ударил. Так ударил, чтобы с первого раза отправить в нокаут. А потом прыгнул с разворота как раз вовремя, потому что туман сзади сжался и оставил окошко размером чуть больше лаза в собачью конуру. Прыгнул Берзалов и выкатился под «свою» остановку общественного транспорта, и самого взрыва не видел, только когда нему подбежали Архипов и Русаков и страшной спешке потащили его в бронетранспортёр, когда они уже запрыгнули на броню и Филатов с места в карьер дал газа, раздался этот самый взрыв. Но сколько Берзалов ни оборачивался, сколько ни тарачился назад, как в пустоту, ничего не увидел. И только когда ему налили полстакана спирта и он, не ощущая вкуса, влил его в себя, только тогда когда ему дали закусить и он выпил вторую порцию, после всего этого, когда его проняло до глубины души, он смог произнести одну-единственную фразу:

- Бур погиб!

- А мы ведь вас, Роман Георгиевич, ждали, - сказал Русаков так, словно облегчал его душу. - До утра ждали. Всю ночь ждали и атаки отбивали.

- Почти все ракеты и фальшфейер пожгли, - добавил Сундуков, выпучив свои изумлённые жизнью глаза.

- Как утро, а сейчас что? - удивился, пьянея Берзалов.

Но пьянел он странно: какая-то часть его оставалась абсолютно трезвой, и мозг анализировал ситуацию.

- Сутки вас не было, товарищ старший лейтенант... - объяснил Гуча, как всегда стеснительно глядя себе под ноги. - Мамой клянусь!

- Бур погиб... - объяснил им Берзалов, потому что не понял их реакции. - Спас меня, а сам погиб.

Кец уже висел на нём: «Дядя Роман!» А Сэр прыгал от радости и всё норовил лизнуть в губы.

- Недаром он просился в разведку, - как показалось Берзалову уныло, сказал Гуча и незаметно для всех приложился к фляжке со спиртом.

- Бур погиб... - снова сказал им Берзалов, чтобы их наконец проняло до печёнок. - Неужели не понятно?! Надо пойти и всех их покромсать! Все! До единого!

- Пойдём, лейтенант, обязательно пойдём, - как с больным, заговорил капитан Русаков.

- Нет! - сбросил с плеча его руку Берзалов. - Вы не поняли! Надо пойти сейчас, пока не поздно.

И вдруг его вдруг осенило: что идти-то некуда, что это тот самый временной континуум, о котором они болтали, давным-давно закрылся и что ему страшно повезло, что он унёс ноги из другого времени, где происходят совсем другие события, совсем другие войны и где старший прапорщик Гаврилов, совсем не похожий на настоящего Гаврилова, почему-то воюет в славном городе Смоленске. Может, зря я его? - со стыдом подумал Берзалов и всё никак не мог решить этот вопрос: зря он ударил или не зря, и зачем Бур взорвал гранату? Эти вопросы его мучили всю жизнь, но он так и не нашёл на них ответа.

В сам Харьков, над которым в медленном хороводе застыли чёрные тучи, уходящие в поднебесье, Берзалов не пошёл.

Памятуя слова генерала Грибакина, обежал его западнее, пока странные тучи не остались в тылу. Мало ли что там, сказал он сам себе. Опять же «зелёная», то бишь «умная пыль». Что это такое? Никто не знает.

Трассу М-20 пересекли между Дементеевкой и Слатино, а потом, повинаясь голосу Спаса, повернули на юг, двигаясь не по основным дорогам, а вдоль лесопосадок, маскируясь длинными полосами радиоактивной пыли, которую поднимал ветер и засыпал бесплодные поля.

И ничего с ними не произошло. Никто на них не напал, никого они не обнаружили. Разве что гражданских, похожих то ли на «дубов», то ли на бродяг. А к вечеру того дня неожиданно нашли горючее в деревне Синичино. Хорошее было село – тихое, уютное, вдали от дорог и больших населенных пунктов. С одной стороны круто возвышался древний берег, сложенный из белой глины, а с другой – сколько хватало глаз, простиралась равнина, древнее дно моря, заросшее сосновым лесом, через который протекала широкая и полноводная река – Северский Донец. В воздухе стоял запах чабреца. Даже радиация здесь была почти что в норме, хотя Харьков находился всего в пяти часах езды по прямой. Однако сказывались низина, холмы, леса и река. Если бы не зеленоватый цвет неба, можно было даже забыть о минувшей войне. Наверное, таким выглядел рай, когда в нём забыли о людях, подумал Берзалов.

– Хорошо... – сказал Русаков, спрыгивая на землю и изгибаясь, как лук.

Берзалов промолчал, ему было не до лирики. Кец с криком: «Ура!!!» бросился к реке. Сэр хватал его за запятки. Припёрся беззубый столетний дед с клюкой в руках:

– Дмитрием меня зовут. Вы чьи будете, хлопцы? – прошепелявил он, пристально глядя подслеповатыми глазами.

– Мы, дедушка, советские, – пошутил Сундуков, тоже спрыгивая на землю и с изумлением разглядывая крохотный рай.

– Неужто? – изумился дед Дмитрий.

– Они самые, – подтвердил Берзалов.

– Из самой Москвы?

– Из самой.

– Значит, стоит, родимая?

– Стоит... куда она денется, – соврал Берзалов, потому что скажи правду, дед ещё с расстройства возьмёт да очокурится.

- Это хорошо! - обрадовался дед Дмитрий и перекрестил ту часть света, где в его понимании была столица.

- Один вы здесь? - спросил Берзалов.

- Три семьи, одни старики. У нас-то глухомань, - наклонившись, вроде как по секрету, сообщил он с непонятым намеком.

- Да видим, видим, - сказал Берзалов. - А укрепрайон от вас далеко?

- Чавой? - спросил дед Дмитрий. - Не-е-е... у нас тихо, - и снова возгордился этим обстоятельством.

Должно быть, у них, действительно, здесь тихое место, решил Берзалов, местный рай на фоне атомного века.

- Я говорю, о Комолодуне что-нибудь слышали?

- Мы, милоч, здесь, как в тридевятом царстве, - засмеялся дед Дмитрий, обнажая десна без единого зуба, - давно ничего: ни хорошего, ни плохого не слышим. Глухомань небесная.

- А на постой у вас встать можно? - Берзалов понял, что от деда большего не добьётся.

- А чего ж нельзя?! - обрадовался дед Дмитрий. - Выбирай любой дом, все пустые, и живите, сколько хотите.

- На одну ночь, - сказал Берзалов.

- А хоть на сто лет! Пойду старуху обрадую - военные вернулись. Курицу зарежем... самогона достанем... Вечерком посидим... - пригрозил он.

Поглядел Русаков на деда Дмитрия, который поспешал по единственной улице деревни, как молодой, и ехидно бросил Берзалову:

- Где этот укрепрайон, лейтенант?.. А?.. Что мы ищем?..

Разумеется, Берзалов давно сообщил ему о приключениях генерала Грибакина в районе Харькова, но, похоже, капитан то ли не поверил, то ли не принял к сведению. Берзалов не стал спорить. Надоело ему спорить, потому что сколько можно спорить даже с самим собой. Он ещё не отошёл от утренней трагедии, и на душе у него было муторно. Надо было привести себя в порядок и собраться с мыслями. А мысли у него неизбежно возвращались в Буру и его последнему крику. Вот Берзалов и гадал, почему экипаж Гаврилова напал на них? Ответа не было, поэтому он и мучился, а вступать в пререкания с капитаном не хотел. Не тот случай. Кто и как уничтожил пять предыдущих разведок, тоже непонятно. Мало того, у Берзалова

появилось ощущение, что все они погибли или по глупости, как вертолетчики, которые летали по одному и тому же маршруту до деревни Поныри, или попали в засады, которые, как известно, не имеют постоянной дислокации. Значит, что?.. – думал он. Значит, укрепрайон существует реально, контролирует область и периодически устраивает засады. Вот то единственное правдоподобное объяснение, происходящему. Но делиться с капитаном свои выводами посчитал преждевременным, потому что капитан был настроен скептически. Берзалов давно заметил у него эту чёрту характера. Похоже было, что пока капитан сам не убедится, не пощупает руками, верить кому-либо на слово не намеревался. Самое странное заключалось в том, что он также не поверил в лоферы, а теньевые люди были для него всего лишь случайностью, игрой природы, а не паразитами, пришедшие следом за инвазивными захватчиками, как решили все. В общем, капитан раздражал Берзалова, как соринка в глазу.

Берзалов отдал команду Архипову занимать пустующие дома, готовить ужин и сварганить баню.

– А то грязные, как чёрты, – сказал он, глядя на чёрное лицо Архипова и Русакова, последний так и не сумел оттереться от праха теньевых людей. Одежда тоже была чёрная, словно они записались в трубочисты.

Он взял мыло, полотенце, запасную форму и пошёл умыться. По берегу река заросла огромными, синевато-зелёными лопухами, а прямо под мостками плескались жёлтые лилии. Непуганые лягушки сытно плюхнулись в воду и даже не хотели плавать, а лежали в тине и с изумлением разглядывали Берзалова. Кец и Сэр бесились на косе.

Русаков не отставал и надоедал до тех пор, пока Берзалов не отмылся.

– Слушай, капитан, – сказал он, уловив наконец, что прёт от капитана, мягко говоря, беспокойством аж за километр, – сидел бы ты со своей Зинаидой. Чего с нами попёрся? Сам же напросился.

– Жаль мне тебя, – сказал мечтательно Русаков, поглядывая на чёрные тучи со стороны Харькова, где беззвучно сверкали молнии. – Один экипаж уже потерял, да и с Буром не всё ясно.

– В смысле?.. – спросил Берзалов каменным голосом.

– В смысле, Бур-то пропал странным образом. Свидетелей нет. Одни твои рассказы, лейтенант. К тому же все знают, что ты к нему придирался по поводу и без повода.

Русаков, конечно, имел некоторое преимущество: он стоял на бугре, и достать Берзалов его сразу не мог.

- Вашу-у-у Машу-у-у!.. - выругался Берзалов. - Ты, капитан, - ответил он страшным голосом, - говори да не заговаривайся, а то не посмотрю, что ты вертолётчик, искупаю в реке.

Однако Русаков не испугался. Не из робкого десятка оказался он, хотя жизнь подвыпустила из него пар. А разбитые кулаки Берзалова и побелевшие шрамы на загорелом лице не наводили его на соответствующие размышления.

- А я тебя не боюсь, - храбро заявил он. - Ну, искупаешь ты меня, бланш поставишь, а дальше что?

- Вашу-у-у Машу-у-у!.. Да не буду я тебя бить, - ответил Берзалов, ныряя в реку, - нужен ты мне. Вашу-у-у Машу-у-у!..

Воды была холодной и бодрила. Голова сразу стала ясной. Берзалов два раза переплыл реку, а когда выбрался на берег, то обнаружил, что капитан никуда не делся, а переместился с бугра под дерево и считал лягушек в реке.

- Вашу-у-у Машу-у-у!.. - снова выругался Берзалов. - Ты бы морду помыл, - посоветовал он, - а то несёшь ахинею. Думаешь таким образом от трибунала отмазаться?

Изменился в лице капитан Русаков. Наступил ему Берзалов на большую мозоль.

- Ничего я не боюсь. Трибунал, так трибунал, - гордо вскинул седую голову Русаков. - Сомнения меня просто одолевают, - признался он минутой позже.

- Ладно... скажу я тебе... - объяснил ему Берзалов, чтобы только капитан отвязался, - сигнал от одного из экипажей пришёл как раз из этих мест.

- Да-а-а? - переспросил капитан и сделал вид, что задумался.
- Да я не к тому, - пошёл он на попятную. - Харьков мы прошли? Прогнали. Есть здесь какие-нибудь укрепрайоны? Нет здесь никакого укрепрайона, который полоумный Бур называл Комолодуном. Чего мы дальше прёмся?! Чего?! Если я погибну, меня ведь так и будут считать дезертиром!

- Не будут - ответил Берзалов тем тоном, когда разговаривают с человеком, который ничего в жизни не понимает. - Замолвим мы за тебя словечко. Как только связь откроется, сброшу в штаб донесение, - пообещал он.

- Если откроется?.. - уточнил Русаков.

- Ну да... - согласился Берзалов, - если откроется, иначе, считай, что тебе не повезло, - жёстко добавил он.

- Так что?.. - спросил Русаков с тайной надеждой уговорить Берзалова, - повернём назад?

- Не повернём, - упрямо ответил Берзалов. - Завтра дойдём до Красного Лимана, если ничего не обнаружим, тогда вернёмся. Вот это я тебе могу обещать. А теперь отдыхать.

- Ладно... - покорно согласился Русаков, - ты начальник - я дурак. Но, учти, долго я под твою дудку плясать не буду!

- Вольному воля, - скрипнув зубами, согласился Берзалов.

Бог с тобой, подумал он и тут же забыл их разговор. Была у него такая чёрта характера - забывать то, что было мелким и неприятным.

Прибежал Кец с Сэром, и Сэр стал дрессировать лягушек - какая дальше прыгнет. Те, которые оказывались менее проворными, заканчивали свой век на песчаном берегу под лопухами.

Когда Берзалов поднялся наверх, оказалось, что во дворе одного из хозяйств под сенью цветущих абрикосов и яблонь пир идёт на весь мир, и даже часовые: Колюшка Рябцев и Филатов, которые должны были сторожить деревню на въезде и на выезде, присутствовали за столом, но при виде Берзалова постарались незаметно улизнуть. Берзалов не стал делать замечание Архипову, который и так был замотан делами, только погрозил беглецам вслед, мол, я всё вижу, архаровцы.

Берзалова усадили в центре стола. Ему налили самогона и навалили в миску такой густой ухи, что ложка, казалось, должна была стоять в ней вертикально.

Дед Дмитрий привёл с собой ещё двух таких же древних дедов и трёх бабок - морщинистых, как печеное яблоко. Разговор зашёл серьёзный: о мироустройстве, о политике, о том, когда придёт новая власть и что им, простому народу, дальше делать.

- А она уже пришла! - сказал Берзалов, и поймал на себе ироничный взгляд Русакова.

Не верил Русаков в возрождение России. Метался в душе от одного берега к другому, оттого и постарел раньше времени. Остался бы со своей Зинаидой, да совесть, видно, замучила.

- А вот скажи, старший лейтенант, - начал дед Дмитрий, - когда реально власть-то придёт?

- Думаю, что к лету, - ответил Берзалов, вспомнил генеральские планы штаба бригады.

- Хорошо бы, - сказал мечтательно одна из старушек, - а то мы совсем пенсию-то не получаем.

На неё зашикали, мол, меркантильная какая! Даже в двух словах объяснили, что деньги сейчас ничего не значат.

- Я нешто не понимаю, - оправдывалась старуха, - может, натурой будут выдавать. Хотя бы зерном, что ли?

- Иван! - окликнул Архипова Берзалов. - У нас консервы остались?

- Остались, товарищ старший лейтенант, - ответил Архипов.

- Выдашь населению для поднятия духа.

- Есть выдать для поднятия духа, - отозвался Архипов.

- Да мы понимаем, - стал оправдываться другой дед, которого называли Ильей и который недобро поглядывал на старуху, взявшуюся рассуждать о пенсиях, - власти сейчас не до нас. Ей бы самой продержаться. Такую войну-то выиграла. Теперь надо с лиходеями справиться.

- С какими лиходеями? - спросил Берзалов лишь бы только спросить.

Какие ещё могут быть лиходеи с этом глухом места - «дубы», больше некому.

- Да говорят, сами мы не видели...

- Нет, не видели, - закивали старухи.

- Говорят, что вместо людей новая раса появилась, - пояснил дед Дмитрий и покосился на луну-череп, которая вовсю светила с чёрных небес.

- Какая раса? - страшно удивился Берзалов, не придавая сообщению никакого большого значения. Мало ли что болтают в такой глухомани.

- Говорят, что людям конец, - почему-то шёпотом сообщил третий дед Иван, у которого не было глаза, и он чаще других оглянулся на ближайшие кусты малины.

- Это ясное дело, - басовито согласился Гуча и робко потянулся за солёным огурцом.

Он проявил не свойственную для него сдержанность, пить не стал, хотя самогон был абрикосовым, пахучим, как елей. Поел

и ушёл вместе с Сундуковым сменять караульных. Молодец Архипов, похвалил Берзалов. Вымуштровал экипаж. Эх, жаль Бура. Погиб Бур. И Гаврилова тоже было жаль, только с какой-то ущербностью, с обидой в душе, хотя, должно быть, настоящий Гаврилов, конечно же, на него не нападал, а, должно быть, исчез в этом самом Харькове. Берзалов давно догадывался об этом, только никому не говорил. Чего говорить? В донесении он об этом указал, но донесение из-за отсутствия связи лежало в памяти СУО.

В сумерках зажгли керосиновые лампы. Поговорили ещё о том, о сём. Вспомнили довоенное время, Сталина, который не допусти бы такого безобразия, и Берзалов, взглянув на поднявшуюся луну-череп, сказал:

- Спасибо за хлеб и соль. Очень вкусно. Самогон классный. Но нам пора.

Его стали уговаривать ещё посидеть, мол, когда ещё выпадет случай. Но Берзалов, вдруг ощутив сильный прилив сонливости, сказал:

- Завтра рано вставать. Мы ж не просто так, а на задании. - И заработал иронический взгляд капитана Русакова.

Вот, гад, подумал Берзалов, разлагает мне дисциплину. Сбежал бы ты от нас, что ли?

- А-а-а... - понимающе сказал дед Дмитрий. - Ну, это другое дело.

И от Берзалова отстали. Вначале он заскочил в бронетранспортёр. У связанного Касьяна Ёрхова была чёрная от побоев физиономия. Каждый уважающий себя член экипажа вымещал на нём злость за Ивана Зуева. Архипов сидел на месте стрелка.

- Отпустишь его утром, - тихо сказал Берзалов.

Архипов вопросительно уставился на него.

- Иначе забьёте. Что с ним делать, не убивать же в самом деле?

- И то правда, - согласился Архипов. - Хорошо, ладно. На рассвете отпущу.

Берзалов пошёл к себе в дом, где в горнице горела лампа и была расстелена постель, сумел ещё побриться, борясь со сном, и завалился прямо поверх одеяла. Впервые за несколько суток он спал, вытянув ноги, без ботинок. Снилось ему Варя и пёс породы эрдельтерьер по кличке Африканец, с которым Варя приходила на свидание. Гулял они в Летнем парке, и народ пялился на благородного красавца Африканца.

Разбудил его Архипов:

- Товарищ старший лейтенант!.. Товарищ старший лейтенант!..

- А! Что?! - Берзалов, схватился за пистолет, который лежал у него под подушкой, сел и спросил. - Долго я спал?

Он испугался, что проспал всё на свете, но за окном только-только начал сереть рассвет.

- Сканер сигнал поймал, - почему-то шёпотом доложил Архипов, всем своим видом показывая, что наконец-то нашли то, что так долго искали.

- Не может быть... - так же шёпотом отозвался Берзалов, ещё не придя в себя.

- Продолжительность пять с половиной секунд. Засекли и взяли азимут. Судя по мощности, совсем рядом, - говорил Архипов в третьем лице, принижая свои заслуги, потому что ему выпало дежурить в бронетранспортёре, и он, разумеется, накануне даже не пил самогона.

Берзалов открыл карту:

- Показывай.

- Вот здесь - ткнул Архипов туда, где петляла река.

- Ага... - сообразил Берзалов, - здесь горы, почти как в Карпатах.

- Так точно. Из этих гор и пришёл.

- Молодец, что разбудил. Поднимай наших, но тихонько, огня не зажигайте. Выдвинемся, посмотрим, что это такое.

Через пять минут все, кроме Гучи и Колюшки Рябцева были готовы к движению. Последних надо было снять с постов.

- А где капитан? - спросил Берзалов, вскарабкиваясь на борт.

О капитане Русакове все словно позабыли, как о прибившемся щенке, а потом вспомнили, как всегда, в самое неурочное время, кинулись искать, но не нашли.

- Ушёл... - предположил Сундуков и выпучил на Берзалова честные-честные глаза.

- Я последний раз видел его в бане, - сказал Архипов, и его физиономия в отличие от физиономий всех других, не выражала сомнения: сбежал капитан, точно сбежал.

Ну и бог с ним, куда же ему, дураку, деваться? - рассудил Берзалов. Ему же штрафбат светит. А ведь мог во сне всех

порешить. Я бы так и сделал, если бы надумал бежать. Концы в воду, и в «дубы» – век не найдут. Поэтому он убеждённо сказал:

– Здесь он. Плохо искали.

– Да, я знаю, знаю, вражина он. Только и глядел, как бы пятки салом смазать! – заявил обычно молчаливый Клим Филатов и сжал автомат так, что казалось, ломает цевьё.

– Может, он на каком-нибудь сеновале спит? – предположил Берзалов, вспомнив, что капитан накануне засиделся со стариками.

Ещё полчаса суматохи, и его действительно нашли на чердаке, в доме, на краю деревни, где тот после бани и самогона спал без задних ног. Спустился капитан с чердака, отчаянно зевая, и предложил:

– Может, подождем рассвета?

– Может, и подождем, – согласился Берзалов. – Только кажется мне, что сигнал-то был не просто сигналом, а передачей.

Встрепенулся Русаков, понял он всё, недаром вертолётчик, а значит, технически грамотный человек. Передача означала контакт с кем-то, с союзником, с подразделением, возможно, даже с космосом, и лучше бы этого вообще не произошло, ведь шансы капитана Русакова при таком раскладе резко падали, потому что надо было идти и разведать этот самый источник сигнала, то бишь Комолодун.

Солнце уже появилось над лесом – в зеленоватом ореоле, но вполне земное. Луна-череп поблекла, но никуда не делась. На месте Харькова, как и прежде, висели чёрные-чёрные тучи и сверкали зарницы. Ещё одна тайна, подумал каждый, но каждый же и предпочёл промолчать, боясь, что старший лейтенант заставит идти туда и разгадывать очередную тайну. Берзалов тоже посмотрел в ту сторону, но, к счастью, ничего не сказал, и все вздохнули с облегчением.

От реки напал туман, и вообще, вся низина была в этом тумане, торчали только деревья и кусты, и мир был сжат до размеров того, что можно было увидеть. Потом из тумана стали возникать то тяжёлые и мокрые ветви дубов, которые царапали корпус бронетранспортёра, то изгиб реки, где сытые лягушки плюхались в воду и не желали плавать, и Берзалов подумал, что он не успел попрощаться со стариками, которые были хлебосольны, как все русские люди.

Дорогой давно не пользовались. Она так заросла травой, что Филатов то и дело тихо матерился. Иногда он высовывался в

свой люк и смотрел, куда рулить, тогда Берзалов подсказывал: «Прямо» или «Влево не крути, там река».

Лес стал гуще, трава, наоборот, пропала, зато дорога стала видна лучше, и большие колеса бронетранспортёра мягко подминали хвою. Пахнуло теплом, туман сделался прозрачнее, и они увидели противоположный берег – настоящую гору, поросшую нормальным, совсем не большим лесом, и много-много воды – Северский Донец тёк здесь, вбирая ещё одну реку – Оскол.

В это момент дорога резко пошла вправо, Филатов повернул и, с треском во что-то врезавшись, ударил по тормозам.

– Вашу-у-у Машу-у-у!.. – выругался Берзалов.

Наступила тревожная тишина. СУО ничего не показывала, сканер молчал, а в прицел пушки или в триплекс ничего невозможно было разглядеть, кроме деревьев и подлеска.

– Архипов, за мной! – скомандовал Берзалов выскочил через боковую дверцу.

Они обследовали дорогу с обеих сторон, и стало ясно, что, к счастью, шлагбаум, который они снесли, никем не охранялся, а по дороге никто не ездил, по крайней мере, с зимы, потому что сухие ветки и непримятая хвоя устилала дорогу. Но это ещё ничего не значило. Дорогу можно было контролировать незаметно с помощью датчиков движения, но искать их, конечно же, было бессмысленно: зарыл в землю и жди, когда он пискнет.

Склоны горы были с пологими оврагами, и по неведомой причине дорога забиралась все выше и выше, потом так же непонятно почему побежала вниз, но не к самой реке, а так, что её не было видно, она только угадывалась в просвете крон и по вершинам горы на том берегу.

Берзалов с Архиповым на всякий случай обследовали её до низины, где стоял сухостой, а в центре застыли два сгоревших дуба. Слева за бугром находилось странное озеро – даже не озеро, а просто очень большая лужа, но со всеми атрибутами озера: ряской и лягушками, чистое и прозрачное, оно пряталось под клонившимися над ней ивами.

Когда они вернулись к бронетранспортёру, то солнце уже было высоко и зеленоватый цвет неба поблёл и стал не так заметен.

– Я вот что думаю, – сказал Архипов. – Долину лучше всего контролировать с вершины.

Берзалов охотно согласился с ним и велел Филатову ползти

тихо и на прогалины не высовываться. В одном месте ему показалось, что на другом берегу блеснула оптика, но сколько ни вглядывался, блеска больше не повторилось. Низину с озерцом они прошмыгнули, как мышка. Река вдруг отвернула влево. Гора справа стала выше, но зато отодвинулась, и они въехали в сухую долину, покрытую цветущими травами и одиноко стоящими дубами. Противоположный склон её не давало разглядеть солнце. Дорога была всё такой же заброшенной, только в одном месте, там, где зеленела ежевика, возникла словно паутина.

- Тормозни под дубом, - скомандовал Берзалов и послал Архипов посмотреть, что это такое.

Он и сам догадывался, что именно, но надо было проверить.

- Колючка, - доложил, вернувшись Архипов. - Но дальше...

- Что дальше? - спросили все в волнении и даже повскакивали со своих мест, а Сэр принялся лаять.

- А дальше - дот.

- Где? - уточнил Берзалов, сверяясь с картой.

Он вспомнил: это была их вторая линия обороны. А использовали они старые укрепления времен Второй мировой. Архипов ему ещё что-то объяснял, но Берзалову уже всё было ясно.

- Капитан, - сказал он, - возмёмшь Гучу, скрытно подниметесь вот сюда, - он показал на карте, - посмотрите, что там, вернётесь и доложите. По гребню только не ходите.

Последнее Берзалов специально добавил для капитана, который мог и не знать тонкостей разведки в горах.

- Так точно! - радостно выпалил за капитана Гуча, аж подпрыгивая от нетерпения.

Он-то понимал, что по гребню ходить - себе дорожке, что это основы тактики войны в горах, что тот, кто первый увидит врага, тот и победил, а на гребне, да ещё на фоне неба, легче всего заметить человека. Но кто знает, так ли это теперь важно? - подумал Берзалов и ощутил, что ухватил какую-то очень важную мысль. Смысл её состоял в том, что неважно, какой будет результат разведки, потому что они достигли цели и мало кто из них уйдет отсюда живым.

Русаков был никакой, взгляд у него был потухшим, а его пулемёт, который он содержал в идеальном состоянии и любил, как маму, на это раз был пренебрежительно отброшен в сторону. Берзалов внимательно посмотрел на капитана, но своего решения не

изменил. Не хотелось никому давать поблажки, а если капитан решил искупить свою вину, то пусть идёт и искупает. И говорить больше не о чем.

- Сорока минут вам хватит? - спросил он.

- Хватит, - неуверенно ответил капитан Русаков, хотя и взглянул на склон через открытый люк.

- Рябцев дежурный. Остальным рассредоточиться! - приказал Берзалов и, прежде чем покинуть бронетранспортёр, бросил последний взгляд на экран СУО. На экране тоже ничего путного не было: как обычно, «галки» зелёного цвета, да контуры местности, в которых можно было со всей очевидностью распознать разбитые «мазы», бочки, старые покрышки и кучи строительного мусора, разбросанные по долине и густо поросшие травой и плющом. В свое время они сами же их и накидали, реставрируя старые укрепления. Берзалов здесь никогда не был. Его подразделение дислоцировалось на восемьдесят километров южнее. Но и там был тот же самый бардак. Поэтому он и не удивился колючей проволоке посреди долины.

- Где она?

- А вон там, - ответил Архипов.

Несмотря на то, что Берзалов попал в «родные» места, он со всей предосторожностью и со всей фантазией, на которую был способен, понатыкав в шлем веточек, выполз на открытое место и посмотрел в бинокль. Левый склон ущелья едва был виден на четверть, а дальше терялся в зеленоватой дымке.

Дот действительно был монументальным - не дот, а монстр: со множеством амбразур, смотрящих во все стороны, со стальными забралами. Берзалов определил его как «главный». Чувствовалось, что дот старый-старый и что делали его не очень умело, то есть не в складках местности, а - демонстративно, чтобы устрашить, что ли? Да и боёв здесь, насколько помнил Берзалов, особых не было. Оборону построили и бросили, ушли к Сталинграду, ну а там уже известно, что произошло - разбили немцев в пух и прах.

Кроме дота, Берзалов обнаружил ещё и туннель. Вот он-то заинтересовал его больше всего, потому что именно в туннеле, по идее, и может таиться этот самый Комолодун. Разумеется, Берзалов не поддастся искушению напрямик направиться в укрепрайон. По прямой только дураки ходят. Однако он удивился одному обстоятельству - если это такой чудесный, напичканный механизмами Комолодун, то почему

их до сих пор не обнаружили и не подняли всеобщую тревогу со всеми вытекающими последствиями? Не успел он об этом поразмышлять, как его знаками позвал Архипов.

- Капитан вернулся, - шепнул он, когда Берзалов подполз к нему.

Русаков поджидал их около бронетранспортёра и был угрюмым, как могильщик, откопавший Йорика. Оказалось, что они беспрепятственно перемахнули горку и обнаружили спуск в долину.

- А где Гуча?

- Гуча?.. - переспросил Русаков тем тоном, когда мало задумываются о самом вопросе, - полез вниз.

- Вашу-у-у Машу-у-у!.. - вспылил Берзалов. - Почему отпустил?

- Да я глазом не успел моргнуть, - без капли смущения ответил Русаков.

- Всё ясно, - среагировал Берзалов.

Его возмутило равнодушие капитана. А ещё у него не было сил что-либо объяснять, потому что не расскажешь же, что такое Спас и что значит быть самым фартовым в бригаде. Это не значит, что можно пускать всё на самотек, требовалось контролировать ситуацию. А Спас, между прочим, сообщил ему ещё утром тем ехидным тоном, от которого холодела душа, чтобы он в эту долину, то бишь укрепрайон без оглядки не лез и своих подчиненных туда без надобности не посылал и не уповал на случай, а думал прежде и действовал осторожно.

- Та-а-к, - сказал Берзалов тем тоном, который не предвещал для Русакова ничего хорошего. - Архипов, остаёшься старшим. Колюшка Рябцев - дежурный, следишь за связью. Машину замаскировать. А самим спрятаться, как цыплятам в траве, и носа не выказывать. А мы, - добавил он зловецким тоном, - пойдём с капитаном посмотрим, где он этот самый спуск в долину нашёл. Правильно, капитан? - уточнил он и едва не добавил: «Вашу-у-у Машу-у-у!..»

Из-за опасения перехвата они не включили систему «мираж» и, разумеется, не задействовали локальную связь.

- Правильно, - ответил Русаков, всем своим видом показывая, что он не чувствует за собой никакой вины и что он вечно и везде прав.

На этот дурацкий склон они взбежали в два счёта. Берзалов, терзаемый дурными предчувствиями, страдал, представляя

Гучу то убитым, то плененным. Русаков не отставал, хотя его пулемёт весил почти, как золотая гиря Паниковского.

Уже на самом верху Русаков сказал:

- Стоп! - и показал, что здесь минное поле. После зимы и дождей грунт осел, и стали видны рифленые корпуса. - Итальянские, наши такие не делают.

- Значит, здесь точно были американцы, - сказал Берзалов отнюдь не миролюбивым тоном.

Злился он на Русакова, а за что, сам не понимал. Не любил он людей, которые шарахаются из угла в угол, хотя, конечно, если у тебя была такая женщина, как Зинаида, то ты её не сразу забудешь.

- Я даже больше могу сказать, - угрюмо заметил капитан Русаков.

- Ну, например? - в тон ему спросил Берзалов.

- А вот, пожалуйста...

Они как раз перемахнули через гребень склона, и Берзалов увидел десятки «абрамсов» и «бредли» и понял, что ошибся, что в долине за его спиной вовсе не кучи мусора, а заросшая травой та же самая американская техника. Вот где они прятались, подумал он, и вот, где их грохнули всех скопом, и вопросительно оглянулся на Русакова, совсем забыв о том, что раз есть подбитые «абрамсы» и «бредли», то где-то рядом обязательно должны быть лоферы с утиными клювами.

- Здесь спуск, - сказал Русаков, не особенно маскируясь.

- Пригни голову, - сказал Берзалов, хотя глупо было пригибать, если ты и так на виду у всей долины.

Он обнаружил непонятные бронеколпаки, а за ними - площадку, на которую вела лестница, и понял, что это пост корректировщика огня. Не удержался - поднялся на десяток ступенек и через узкие прорези бронеколпака разглядел долину и реку, которые были, как на ладони. Где-то там, вдалеке, что-то шевелилось.

Гуча сидел на этой площадке, свесив ноги и беспечно болтал ими, как школьник.

- Не страшно? - словно между делом, однако, с каплей яда спросил Берзалов.

Он ещё не понял, что здесь никого нет, но по привычке думал, что это ловушка. А ещё он обратил внимание, что металлическая площадка и камни были покрыты мелкой, как мука, «зелёной

пылью», той самой смертоносной, от которой пол-экипажа у генерал-майора Грибакина «сгорело».

- Не-а-а... - весело, как на свадьбе, ответил Гуча. - Бура вот вспоминаю. «Не ходил бы ты, Андрюша, на войну», - говорила мне мама, а я, дурак, не послушался.

- Ну-у-у, Буру, считай, уже повезло, - заметил Русаков.

Берзалов только заскрипел зубами: я, конечно, тоже очерствел, но не до такой же степени, решил он, а капитан не имеет морального права обсуждать кого-либо из экипажа. Не в том он положении, чтобы нас, бывалых разведчиков, сравнивать с аэродромными бездельниками и летунами.

Вдруг, когда они начали спускались по лестнице вниз, капитан Русаков завёл старую пластинку:

- Я не верю в Комолодун!

Какое мне дело, неприязненно подумал Берзалов. Надо вести разведку, а не трепаться.

- Это ты его выдумал!

- Чего?.. - с пренебрежением спросил Берзалов, невольно глядя снизу вверх, но не обнаруживая ничего, кроме подметок капитана.

- Что, по-твоему, я фантазер?

- А то кто? Нет здесь ничего, - сказал Русаков. - Даже пыль мёртвая.

Должно быть, ему не терпится убраться отсюда подобру-поздорову, разозлился Берзалов. Даже стало интересно, как далеко зайдёт капитан в отрицании очевидного.

- А манкурты?.. - без всякой надежды напомнил он.

Лестница была старой и ржавой и нещадно скрипела.

- Это ты хотел, чтобы они так сказали, - поведал Русаков, даже не моргнув глазом.

- Капитан, у тебя с логикой всё в порядке?

- Вполне.

- Что-то незаметно.

- Осторожно! - напомнил Гуча, и Берзалов спрыгнул на землю рядом с туннелем.

Вокруг всё было покрыто «зелёной пылью». Для того чтобы расширить ущелье, стены взрывали, а площадку выравнивали, но так и не довели до ума, оставили ямы и канавы, которые за долгие годы поросли кустарником и деревьями. Напротив, чуть левее и позади торчал уже знакомый «главный» дот с узкими бойницами. Поперёк ущелья аккуратно под ещё одним двухъярусным дотом лежал огромный, как динозавр, бензовоз. Рядом с ним – смятый в лепешку «уаз-хантер». Ещё дальше – здание, похоже, казарма, слившаяся со скалами – три окна без стёкол. Над ней ретрансляционная опора, то ли срубленная наискось, то ли теряющаяся во всё той же зеленоватой дымке. А перед казармой – железобетонные позиции, расположенные в шахматном порядке, с ржавой «колючкой», растянутой по периметру. Чуть правее – ещё один дот, над ним, в скалах, ещё один, а перед дотами – «маз», от которого осталась одна ржавая коробка. Цепочка уцелевших столбов с провисшими проводами убегала в зеленоватую горловину ущелья, где, должно быть, был перевал. Берзалов готов был руку отдать на отсечение, что это и есть Комолодун. Рядом, прямо перед носом, возвышалась турель с зенитной установкой ЗУ-23, слева – темнел вход с вывернутым люком. Гуча, не задумываясь, сунулся туда:

– Идёмте, я вам что-то покажу.

Берзалов не успел и слова молвить, как ему пришлось бежать след за Русаковым. В бледном свете фонариков плясали закопченные стены и всё та же «умная», то бишь «зелёная пыль», которая лежала под ногами. Пахло давней гарью и человеческими испражнениями.

– Вот... – сказал Гуча и отступил в сторону.

На повороте, там, где ход разветвлялся и уходил вверх, они и лежали. Тлен ещё не коснулся их тел.

– Я знаю его... – сказал Берзалов, светя на крайнего человека. – Это Сева Рваное Ухо.

– Почему «рваное»? – насмешливо спросил Русаков.

– Потому что Моряленко отстрелил, – злобно хохотнул Гуча.

Капитан Русаков рассерженно покрутил мордой, но ничего не сказал.

– Шустрый малый, – подтвердил Берзалов. – Он нам три раз попадался и столько же сбегал.

– Плохо сторожите, – назидательно заметил Русаков.

Берзалова аж передёрнуло, потому что не дело капитана,

которого сбили по его же глупости, читать мораль мотопехоте. Не разбираешься, молчи в тряпочку. Тех, кто не перековался, конечно, отпускают на все четыре стороны: иди голодай дальше, а союзники остаются, союзники всем нужны. Союзники нынче на вес золота, потому что вся сила только в союзе единомышленников.

- Погоди... а этот студент, - Берзалов едва не добавил: «От которого пахло маргаритками», но вовремя прикусил язык. - Если есть студент, то должен быть и бородатый... Фомин... Ну-ка... - ему стало интересно.

Следующие трое были незнакомы, и Фомина среди них, конечно же, не оказалось. Дуба дал, подумал Берзалов, и не поверил даже самому себе. Такие дуба не дают, такие за жизнь и руками зубами цепляются.

- Отпустили их... - догадался он. - Стоило Гаврилову стараться?

Да нет, стоило, подумал он, хотя бы из тех соображений, что мы нашли карты, сообразили, что великоновгородцы не простые заморыши, а тоже ходят в глубокую разведку.

- Значит, великоновгородцы добрались сюда раньше нас, - констатировал Гуча.

- Выходит так, - нехотя согласился Берзалов. - Пока мы крутили зигзаги, да хоронились, они дунули напрямиком. Может, даже на вертолёт прилетели?

- Ну и кто их так? - иронично спросил Русаков.

- Комолодун, кто ещё? - назло ему ответил Берзалов.

- Ой... ой... - покривился Русаков. - Нет никакого Комолодуна!

- А это?.. - показал Берзалов на мертвецов.

- Мало «дубов» бродит по окрестностям?

- Ты сам недавно был «дубом», - напомнил Берзалов.

- Сравнил палец с этим самым...

- Знаешь, что, капитан?!

- Знаю!

Они едва не сцепились. Шипели на друг друга, как мартовские коты. И Берзалов от злости и расстройств прибавил шаг, чтобы первым выскочить из туннеля, а когда выскочил, то обомлел: на площадке стоял мальчишка в какой-то непонятной одежде и ковырялся в носу. Был он чём-то похож на Кеца, но, разумеется, не Кец, потому что выглядел так, как выглядит зверёк -

маленький, хитрый и ловкий. А ещё он ничем знакомым не пах – прямо привидение какое-то, а не человек, успел подумать Берзалов и спросил:

– Ты кто? – Рука сама собой потянулась к автомату.

На вопрос мальчишка не среагировал, а вот жест понял прекрасно и, издав странный свист, быстро, как зверь, бросился под скалу и ловко, словно паук, побежал по ней к доту. Берзалов вскинул автомат, но от изумления стрелять, разумеется, не стал. Он и глазом не успел моргнуть, как мальчишка нырнул в одну из амбразур и пропал. В этот момент из туннеля выскочили капитан Русаков и старший сержант Гуча.

– Что-то случилось? – спросил Русаков, хищно поводя стволом пулемёта и оглядываясь вокруг.

«Если бы что-то случилось, – хотел сказать Берзалов, – то мы бы уже здесь лежали покойниками», но не сказал, а подумал, что не может обычный мальчишка так быстро одичать и так ловко бегать по скалам.

Гуча, ни о чём не спрашивая, уже сидел за турелью и держал под прицелом горловину долины, хотя там ничего не было видно, кроме зеленоватой мглы.

– Ничего не произошло, – ответил Берзалов, но автомат не опустил.

– Странный ты, лейтенант, – заметил Русаков. – Попал бы ты мне в подчинение...

– Э-э-э... – стал заводиться Берзалов и, чеканя каждое слово, произнес, – вспомнила бабка, как девкой была...

Должно быть, он очень сильно оскорбил капитана, потому что он побелел, как полотно:

– Что ты сказал?! Что?! – и направил на Берзалова ствол пулемёта.

Зря он это сделал. Реакция Берзалова была мгновенной. Одной рукой он дёрнул ствол вверх, хотя понимал, что если Русаков начнёт стрелять, то ствол не удержать, а второй ударом в челюсть справа и отправил капитана в глубокий нокаут.

– Помогай!

Вдвоём с Гучей они связали Русакову руки, а потом сунули в туннель.

– Я уже давно хотел вам сказать, что капитан в вашем отсутствии вёл странные разговоры, – сообщил Гуча.

- Пусть полежит! - сказал Берзалов в страшной спешке, потому что Спас чётко и ясно, без своего обычного фиглярства сказал: «А теперь бегите!»

В тот же момент, как сороки, затрещали АКМы. Берзалов инстинктивно оглянулся и увидел, как прямо на него летит череп, изрыгая из беззубого рта пламя.

После этого он только и помнил, что пригибался, прыгал, куда-то бежал, понимая, что в подобной ситуации это бессмысленно, что он сгорит в следующее мгновение, но его не убило, не обожгло и не покалечило. К стрекотанию АКМов прибавился грохот пушки, и Берзалов стал кое-что соображать

Оказывается, они с Гучей, сами не зная как, оказались в маленьком доте, который прилепился к подножию скалы, и из него можно было держать под огнём правый фланг ущелья.

Дот, однако, был занят: у задней стены сидел механоид - точно такой, как его представляли в многочисленных видеоиграх, только гораздо меньше, не такой зловещий и безо рта, а ещё он был мёртвым, потому что Гуча с такой силой звезданул его прикладом по голове, что механоид упал на бок, но даже не пошевелился.

Кроме механоида, в доте лежали мёртвые америкосы. Их просто сгребли в угол, как мусор, и даже, наверное, присаживались сверху, потому что сидеть в доте больше было не на чем.

Гуча малость ещё потоптался на механоиде, даже попрыгал со всеми своими девяноста килограммами и со зла выдернул из него какую-то деталь. Если это инвазивный захватчик, то я Папа Римский, подумал Русаков. На него механоид вообще не произвёл никакого впечатления. Слишком много в своё время Берзалов играл в электронные игрушки, чтобы удивляться чему-то подобному.

- Во!

- Оставь его, - сказал Берзалов.

Он вдруг вспомнил предостережение американцев, то бишь, манкуртов, о том, что их разбили живые механизмы, вспомнил слова подполковника Егорова что «район техногенный» и долго смотрел перед собой, не в силах сообразить, что в сумраке дота видит знакомый «предмет». Только этот «предмет» был почти что пустым, потому что голубоватая жидкость плавала на донышке. Впрочем, стоило его встряхнуть, как жидкость

размазывалась по невидимой поверхности, и Берзалова ударило током.

- Вот чего ему не хватало, - уверенно сказал он, отдёргивая руку, - и лоферам в лесу тоже. Энергия у них кончилась, понимаешь, энергия. Только это надо ещё проверить.

- Что? - спросил Гуча, который сгоряча всё-таки доламывал врага.

- Я говорю, у механизмов кончилась энергия.

- Энергия? - удивился Гуча, однако внимание его отвлекло движение снаружи.

- Ну да. Батарейки! - сказал Берзалов недовольным тоном.

- Так это батарейки?

- Я думаю, - сказал Берзалов.

- Снова летит, - заметил Гуча, выглядывая в амбразуру.

И действительно, череп, изрыгая страшное пламя и таща за собой огненный хвост, уже ворвался в ущелье, чтобы разрушить всё и убить всё живое, но внезапно растаял, даже не коснувшись скал. Голограмма, сообразил Берзалов. А Гуча отпрянул, оскалившись:

- Призраки!

Призраков он не боялся, можно сказать, он их заобожал по одной единственной причине: «Вот о чём надо писать в армейскую газету, и тема нейтральная, и события неординарные!» - сообразил он и был как никогда счастлив. От него требовалось только запоминать, запоминать и ещё раз запоминать.

Они одновременно посмотрели на выход из дота и спросили друг друга:

- Бежим?

- Бежим!

АКМы и пушка лупили со всей дурацкой мочи.

- Отставить! - кричал Берзалов, подбегая в бронетранспортёру.

- Отставить!

Из-за реки один за одним налетали черепа, а в их сторону тянулись нитки трассеров. Колюшка Рябцев продолжал лупить в белый свет, как в копеечку. Пришлось вскарабкаться броню и настучать ему по голове, только после этого он оторвался от прицела и ошалело выдал:

- Что, всех убили?

- Кончай воевать! - приказал Берзалов, и, как по мановению волшебной палочки, последний череп, не долетев дуба, под которым стоял бронетранспортёр, растаял в воздухе.

Продолжал стрелять только Сундуков Игорь, потому что окопался дальше всех - под завалившимся сараем. Гуча побежал и отобрал у него автомат.

- Так что это?! Что это было? - ошалело спрашивал Сундуков, идя следом за Гучей и косясь в сторону реки.

- Сказано тебе, призраки, - назидательно говорил Гуча, - значит, призраки, и нечего палить!

- Боязно, - согласился Сундуков. - Если не убьёт, то заставит умереть.

- Архипов! - крикнул Берзалов.

- Я здесь!

- Слушай меня внимательно. Мы обнаружили укрепрайон Комолодун. Нас пугают, как и в случае с луной-черепом.

- Так точно, - согласился Архипов. - Мы с Филатовым тоже к этому мнению пришли.

- Больше на подобные штучки не реагировать!

Архипов глянул на него с укором, мол, легче командовать, чем исполнять, руки, мол, сами невольно тянутся к оружию, но ответил:

- Есть не реагировать.

- Беречь патроны!

- Есть беречь!

- БТР отогнать в лес, замаскировать. Филатов остаётся на связи. Остальным разобрать боеприпасы, идём обследовать укрепрайон. Работаем в режиме «мираж».

- Есть «мираж», - даже немного обрадованно отозвался Архипов, потому что «миражом», то бишь забралом пользовались редко - неудобным он был, то ли не доработанным, то ли не умели пользоваться.

Напоследок Берзалов заскочил в кабину и послушал эфир. Связи, конечно же, не было, зато гул космоса как будто бы уменьшился ещё больше и стал не громче шума ветра в дождливый день. Это было хорошим знаком.

- Товарищ старший лейтенант, – спросил Гуча, сунув морду в кабину, – а что делать с капитаном?

- Ах, да... – отозвался Берзалов. – Развяжем и простим. Кец, как твоего друга звали?

- Ванька, – ответил Кец. – Ванька Габелый.

Сэр от радости и нетерпения вывалил язык и перебирал лапами. Кец держал его за поводок.

- Кажется, я начал понимать, куда он делся.

- Куда, дядя Роман? – Кец так внимательно посмотрел на Берзалова, что ему стало не по себе.

Не выходили у него из головы слова генерала Грибакина и намёки Русакова о детях, которые бесцельно бродят и не умеют говорить, а лишь свистят. Кец другое дело, соображал Берзалов. Сгодится для переговоров. Кец свой в доску, будущий десантник, а как же иначе? А ещё он чувствует радиацию лучше всяких приборов. Опять же где-то здесь друг его Ванька Габелый. В общем, Берзалов сам не знал, зачем взял парня. Взял, и всё тут, явно вопреки мнению Спаса, который заявил: «Пацану не место в Комолодуне».

- Правда, Кец? – спросил Берзалов.

- Правда, – поднял на него глаза Кец, и глянув в них, Берзалов на одно-единственное мгновение засомневался. Отвык он от детских глаз, перестал их понимать, забыл, каким сам был в детстве, но Кец от этого не вызывал у него меньше симпатии. Помнил он себя точно таким же – белобрысым и стойким, как оловянный солдатик.

- А куда Ванька делся?

- Сюда и делся, – уверенно ответил Кец. – Правда, непонятно, зачем.

- А великоновгородцы?.. – стал догадываться Гуча и посмотрел на Берзалов восторженными глазами.

- Через квантор, – объяснил Берзалов, – больше никак. Скрипей заманивает. Точно заманивает!

- Во-о-т гады! – изумился Гуча. – Выходит, великоновгородцы нас перещеголяли?

- Выходит, – согласился Берзалов.

- Кто же их убил?

При этих словах все невольно поежились и даже оглянулись в сторону реки, а Сэр на всякий пожарный спрятал язык и зарычал.

- Пойдём, развяжем капитана и разгадаем все тайны, - оптимистически сказал Берзалов.

- А то он, наверное, от страха в штаны наложил, - ехидно хохотнул Гуча.

Но капитана они не обнаружили. Валялась лишь знакомая куртка реглан.

- А кто его освободил? - удивился Гуча, поднимая с земли обрывки верёвки, и посмотрел в чёрную пасть туннеля.

Оттуда несло нехорошим духом, и второй раз лезть туда не хотелось.

- Кто бы это ни был, он сообразительней нас, - сказал Берзалов и сообщил бойцам: - Здесь какие-то странные дети, мне говорил о них генерал Грибакин и намекал капитан.

- А что именно? - Архипов глядел на него так серьёзно, что Берзалов едва не рассмеялся.

Была у Архипова такая черта - беспрекословно верить начальству. А верить нельзя, подумал Берзалов. Подчиняться можно, но верить нельзя, по крайней мере, не всем. Мне можно, я как отец родной, а остальным нельзя.

- Ничего не сказали конкретно. Только я видел мальчишку, который, как паук, бегал по скалам.

- И я... - признался Сундуков, - и я видел... только мне показалось, что мне показалось.

Все засмеялись, но не так чтобы очень весело, а с оглядкой на обстоятельства, включающие в себя черепа, изрыгающие пламя. Пойди пойми, что там впереди?

- По детям зря не стрелять, - сказал Берзалов. - Мало ли что... дети всё-таки, наше будущее. Правда, Кец?

- Правда, - как-то странно согласился Кец, и Берзалов внимательно посмотрел на него, но ничего не понял.

Они двинули в горловину ущелья. Гуча, кроме личного оружия, тащил ещё и два огнемета «шмель-м», как он выразился: «На всякий случай».

- Кец, а ты от меня ни на шаг не отходи, - приказал Берзалов. - И беспрекословно слушайся старшего сержанта Гучу.

- Есть слушать, Гучу, - ответил Кец и дёрнул Сэра за поводок: - Слышал?

Сэр посмотрел на него и улыбнулся так, как умеют улыбаться только собаки, то есть оскалив передние зубы. Уши у него стояли торчком, пушистый хвост кренделем лежал на спине, а агатовые глаза были смышлёными-смышлёными, и снова Берзалову показалось, что он видит, но не понимает какой-то тайный смысл.

Эпилог

Цитадель

Нехорошо было оставлять «главный» дот в тылу, но выбирать не приходилось: или исследовать его досконально, чтобы понять, куда спрятался мальчишка-паук, или топать вперёд. Мальчик-паук - это второстепенное, от отчаяния решил Берзалов, точно так же, как и туннель, в котором пропал капитан Русаков. Бог с ним. Баба с возу - кобыле легче. Только я думаю, что с капитаном мы ещё встретимся, обязательно встретимся. Чувство у меня такое.

Он приказал установить на входе «сигналку».

- Может, настоящую?.. - кисло уточнил Архипов в том смысле, что если уж рванёт, так рванёт со всеми вытекающими последствиями.

Задача с двенадцатью неизвестными. Поди узнай, кто притаился в туннеле. Даже если великоновгородцы, то не убивать же их? Обычная «сигналка» для звукового и визуального контроля. В конце концов мы ищем не великоновгородцев, а инвазивных захватчиков. Точнее, поправил себя Берзалов, ведём разведку. Пока нас никто не убивает, а только пугают. Вдруг удастся договориться? Иметь таких союзников - большущий плюс. Но судя по всему, все здесь давно передохли, хотя чем чёрт не шутит.

- А вдруг капитан захочет выйти? - спросил он у Архипова. - Убьём, на фиг. Жалеть будем. Ты хочешь убить капитана?

Берзалов поймал себя на мысли, что давно не думал о Варе, о его вечно прекрасной Варе. Это было нехорошо, это было маленьким предательством.

- Нет, - ответил, Архипов и прилепил мину сбоку к штырю, торчащему из земли, а проволоку натянул поперёк туннеля.

Двинули вперёд по всем правилам разведки в горах, то есть двумя группами: Берзалов с Гучей, Кецом и Сэром по правому

флангу, а все остальные во главе с Архиповым – по левому. Правые страхуют левых, левые – правых. Обычная тактика.

– Перед колючкой могут быть мины, – предупредил Берзалов.

– Нашли одну разряженную, – ответил Архипов.

Берзалов опустил бинокль, в который разглядывал «главный» дот, и сказал:

– Может, здесь уже кто-то побывал?

Не нравился ему «главный» дот, ох, как не нравился, но дот был скромн и тих, как целомудренная девушка на первом свидании. Почему в него залез мальчишка-паук, одному богу известно. Однако любопытство придётся оставить про запас, решил Берзалов. Он добежал до «уаз-хантера» и подал знак. Архипов выскочил из-за камней и в три прыжка преодолел расстояние до сгоревшего «маза».

В наушнике прозвучал голос Архипова:

– Всё нормально.

– У нас пока тоже, – ответил Берзалов, разглядывая бензовоз.

Сердце колотилось где-то в горле, страшно хотелось пить. Бензовоз не дополз всего-то метров пяти до цели – двухъярусного дота, его передние колеса попали в канаву, и из-за этого кабину свернуло набок, почти на девяносто градусов. Хороший хук он получил, подумал Берзалов.

Он перекатился под бензовоз и по глухому звуку обнаружил, что цистерна полна бензина. Лужицы под колёсами источали соответствующий запах. По спине у Берзалова пробежал холодок. Значит, здесь боя не было, понял он. А «маз» сгорел раньше, может, ещё до войны. А потом уже кто-то с помощью бензовоза пытался взорвать дот, но по какой-то причине у него ничего не вышло.

Он обогнул кабину, дверь которой была распахнута, и увидел высохшего мертвеца. Его руки сжимали руль, а голова в каске покоилась на клаксоне. Слабый запах тлена ударил в ноздри. Форма на трупе сгнила, и только по звездно-полосатой эмблеме на рукаве можно было понять, что это американский десантник. Однако времени разбираться не было. Подбежали Гуча, Кец и Сэр. Сэр тащил Кеца так, что тот летел, как стрела, но поводка не отпускал.

– За мной! – скомандовал Берзалов.

И вопреки всем правилам вывел всех троих на открытую позицию перед казармой с одной стороны и двухъярусным дотом с другой. И всё из-за страха, что бензовоз может взорваться именно сейчас.

- Живых никого, - доложил Архипов.

- У нас тоже, - ответил Берзалов.

Оказывается, пока он разглядывал водителя в машине, Архипов беспрепятственно успел проскочить позицию через центр и нырнуть в казарму. На своём забрале Берзалов увидел сплошь трупы на койках в два яруса и уже знакомые звездно-полосатые эмблемы. Должно быть, внутри казармы стояла ужасная вонь, потому что Сундуков и Колюшка Рябцев ходили, заткнув себе нос.

- А противогазы, противогазы зачем?! - зло напомнил Берзалов.

- Манкурты-ы... - с удовлетворением произнёс Архипов, словно ему нравилось вдыхать трупные запахи.

- Отлично, - среагировал Берзалов. - Но противогазы надеть!

- Есть надеть, - ответил Архипов, и Берзалов увидел, как Колюшка Рябцев полез в подсумок.

Сами не могли догадаться, разозлился Берзалов, геройствуют. Вашу-у-у Машу-у-у!.. Любят они с русским шиком утвердиться на могиле врага.

- Манкурты, - подтвердил Архипов. - Да, это им не у себя в Америке бананасами питаться и виски жрать. Шлёпнули в одночасье.

- Чему радуешься? - спросил Берзалов и подумал, что убила-то, наверное, их всё та же «умная» то бишь «зелёная пыль». Как бы самим не влипнуть. - Ты там поаккуратнее, - напомнил он, - помни о «пыли».

- Есть помнить, - отозвался Архипов, - только она как песок. Да я и так слежу, Роман Георгиевич. Нет здесь никого.

- Ну и молодец, дойдём до перевала и домой. Нечего здесь делать, - и едва не добавил: «Глаза мозолить непонятно кому».

Берзалов в казарму не пошёл, а вбежал в двухъярусный дот и на первом ярусе увидел уже знакомую картину: «уснувшего» механоида, кучу костей вперемешку с остатками формы и гору пустых «предметов», то бишь батареек. Пока он рассматривал всё это, Гуча проскочил на второй ярус и сообщил:

- Здесь тоже мертвецы.

Берзалов между тем выглянул в амбразуру и понял, что американцы отчаялись вконец и пытались взорвать дот. Должно быть, они направили в ущелье бензовоз, он у них ничего не вышло: водилу каким-то образом убили, а машина застряла. На этом война и закончилась.

- Товарищ старший лейтенант... - тихо позвал Гуча.

- Слушай... - наконец удивился Берзалов, - а из чего они стреляли?

- Как из чего? - переспросил Гуча.

- Вот я и спрашиваю, из чего? Оружие при них есть?

- Нет... - неуверенно ответил Гуча.

- Слышь, Архипов, ты оружие механоидов нашёл?

- Не было никакого оружия.

- Странно... - сказал Берзалов.

В этот момент сработала сигналка в туннеле: раздался громкий свист. Сэр зарычал, Кец дёрнул его за поводок, а Берзалов подскочил к амбразурам и посмотрел вниз. Сигналка ещё немного посвистела, а потом стала выстреливать «звёздки» зелёного и красного цвета. Однако рядом со входом с туннель никого видно не было.

В центре помещения второго яруса стоял стол с остатками трапезы. Кто-то совсем недавно пил чай из большего закопченного чайника и ел американские галеты. По углам всё та же картина: механоиды, кости и пустые «предметы», припорошенный всё той же «умной пылью». Затем Берзалова ещё раз выглянул в амбразуру и сообразил, что тот, кто здесь чаевничал, видел его их ссору с капитаном, а потом спустился по туннелю в горе и развязал его. Быстро капитан нашёл союзника. Неужели Фомин? - гадал Берзалов. А почему не стрелял? Может, боялся привлечь к себе внимание? Или... Точно! Бензовоз! Конечно же, бензовоз. Потому что взорвись он его, никто не уцелел бы. Как будто в подтверждение его мыслей Гуча сообщил, что из дота есть выход в туннель. Берзалов связался с Архиповым и предупредил:

- Слушай, наш капитан и ещё один тип по фамилии Фомин надумали партизанить. Будьте осторожны.

- Так точно, - беспечно продублировал Архипов. - Будем осторожны. Мы здесь механоидов нашли целую роту.

- У нас такого добра тоже полно, - ответил Берзалов, хотя роты у них, конечно, не было, да и Архипов приврал для красного словца.

- А ещё пещеру...

- В пещеру не ходите! - предупредил Берзалов. - Мало ли что.

Собственно, думал он, меня не очень волнует Фомин и капитан Русаков. Фомин, конечно, бывалый, ему с нами воевать не с руки. Не ползет он в драку, потому что укрепрайон Комолодун - это совсем не то, что он хотел обнаружить. Значит, он, как и мы, влип по уши. Может, он охотник за иноземным оружием? Куда-то же оно делось? А вот «умная пыль» может ожить на последнем дыхании, и тогда мало не покажется. Что касается механоидов, то без батареек они всего лишь куски железа. Правда, есть ещё лоферы, изрыгающие пучковую энергию, но пока мы их не видели. А надо бы, потому что, раз американцы с их «абрамсами» и «бресли», не сладили с ними, то у нас шансов вообще никаких.

- Карта не совпадает, - пожаловался Архипов.

- И не только в этом месте, - согласился Берзалов, вспомнив город теневых людей.

- Как же ориентироваться?

- На местности, на местности, - посоветовал Берзалов. - Не впервой. Да, и поищи иноземное оружие. Сдается мне, что мы что-то пропустили.

И тут, в тот самый момент, когда Берзалов решил было, что Комолодун мёртв окончательно и бесповоротно, в тот самый момент, когда подумал, что им повезло и пора возвращаться в бригаду, чтобы доложить о результатах глубокой разведки, раздался тот самый зловещий удар барабанных палочек, а затем запел Скрипей. Только самого пения Берзалов не услышал, просто воздух в доте стал упругим, как вода в водопаде, и ударил по барабанным перепонкам с такой силой, что Берзалов потерял ориентацию, куда-то пополз, лишь бы подальше от Скрипея, и очнулся словно после глубокого обморока. Он обнаружил себя сидящим рядом с бензовозом и мало чего соображал, пока на него не налетел очумевший Гуча. Скрипей давно замолчал, но его свист всё ещё стоял в ушах. На этот раз Скрипей превзошел самого себя.

- Где Кец? - с трудом ворочая языком, спросил Берзалов.

Он услышал собственный голос словно со стороны, как будто с задержкой, как будто в очень плохой игре, когда кричишь, а тебя

не слышат. Гуча что-то промычал и пропал: его рвало. Звуки долетали, как сквозь вату. Выходит, не зря я боялся туннеля, отстраненно подумал Берзалов и пополз искать Кеца. Руки у него дрожали и подгибались. Голова казалась налита свинцом.

Кеца он нашёл во всё том же доте. Он сидел в обнимку с мальчишкой-пауком, с тем самым, которого видел Берзалов.

- Товарищ старший лейтенант, - сказал Кец, - дядя Рома, это Ванька Габелый!

Сэр радостно лизал лицо Ваньке Габелому.

- А-а-а... - беспомощно выдавил из себя Берзалов и даже не услышал своего голоса. Он только удивился тому, что свист Скрипея ни на Кеца, ни на Габелого не подействовал.

- Мы теперь не расстанемся, - поведал Кец.

- Ага... - многозначительно среагировал Берзалов с трудом доставая фляжку со спиртом.

Он стал приходить в себя после второго глотка. Всё это время он слушал разговор Кеца с Ванькой Габелым. Только вначале Кец говорил, а уже потом до Берзалова доходил смысл его слов. А вот Ванька Габелый вообще ничего не говорил, а лишь тихонько посвистывал горлом. Да и пахло от него не человеком, а непонятно кем, но не механизмом. В голове у Берзалова почему-то возникло слово «аттрактант», а в связи с ним появилось стойкое ощущение раздавленного клопа. Однако не было сил анализировать. Клоп, так клоп, может здесь где-то заросли малины? - подумал Берзалов и вдруг понял, что неприятный запах направлен исключительно против него. Прогонял его Ванька Габелый чисто инстинктивно, а Кеца привечал посвистыванием. Посмотрел Берзалов на Ваньку Габелого, но ничего не понял, потом что глаза у него были, как у дикого зверя - бессмысленные и пустые.

- Мы с ним, как братья! - заявил Кец, обнимая Ваньку.

Прежде чем до Берзалова дошёл смысл фразы, его внимание отвлекло совсем другое. Он подумал, что неважно то, о чём говорят пацаны, а важно совсем другое. В забрале он наблюдал за тем, что происходит с группой Архипова. Высыпали они на свежий воздух, беспомощные, как рыбы на берегу, посрывали с себя противогазы и валялись на виду у вероятного противника.

- Архипов, ты слышишь меня? - спросил Берзалов, всё ещё туго соображая.

Нужно было время, чтобы привыкнуть к этому самому новому своему состоянию.

- Так точно, - словно пьяный, ответил Архипов.

- Слушай, дай всем глотнуть спирта и убирайтесь оттуда к бэтээру. Уходим!

Ему показалось, что он только ещё подумал о спирте, но ничего не произнёс, а Архипов уже ползал от одного бойца к другому и давал им приложиться к фляжке. После этого Берзалов закрыл глаза и посидел некоторое время, прислушиваясь к своему организму. Если так дело дальше пойдёт, то мы отсюда не выберемся. Он почему-то вспомнил мёртвых великоновгородцев в туннеле и решил, что их убил Скрипей.

- Гуча! - позвал он, не слыша собственного голоса.

- Я здесь... - простонал Гуча, его всё ещё выворачивало.

- Уходим!

- Почему? - стонал Гуча.

- Второй арии мы не переживём.

- А как же Комолодун?

- Вот это и есть Комолодун, - объяснил Берзалов. - Мёртвый он. Только пугать может.

- Ну его на фиг такой испуг, - согласился Гуча, вползая в дот и тряся головой, словно паралитик.

- Глотни, - Берзалов протянул ему фляжку.

На радостях Гуча приложился так, что всосал в себя больше, чем положено, но зато его перестало трясти, он сел, осмысленно уставившись на Берзалова:

- А где Кец?

- Кец?! Как где? - казалось, прошла целая вечность прежде чем Берзалов осмыслил вопрос. На одно единственно мгновение он потерял контроль над ситуацией. - Здесь был. Кец! С Ванькой разговаривал.

Берзалов вспомнил, что от Ваньки Габелого страшно пахло клопиком-вонючкой. Запах этот всё ещё стоял в доте.

- Я вполз, а его уже нет...

Значит, не я один такой плохой, подумал Берзалов и спросил:

- А я?

- А вы сидели и с кем-то разговаривали.

- Кец! - позвал Берзалов, с трудом поворачивая голову. - Кец!
- Берзалов поднялся. Его качало. Желудок прыгнул к горлу, но замер на полпути.

- Товарищ старший лейтенант... - упёрто мямлил Гуча, - я с вами...

- Вашу-у-у Машу-у-у!.. Марш в БТР! - приказал Берзалов, покоряя первые две ступени, но ему пришлось схватиться за скобу в стене и он потянулся к фляжке.

Спирт, вопреки физиологии, действовал отрезвляюще.

- Не-е-е... не могу, - поведал Гуча, - не могу вас бросить.

- Старший сержант Гуча... - начал сквозь зубы выдавливать слова Берзалов, - Болгарин... пошёл бы ты туда, куда я тебя послал. Хватит мне смертей.

- Я-то пойду... - упёрся могучий Гуча. - Только как вы без меня?!

- А-а-а... чего? - переспросил Берзалов, не заметив того, что едва переставляет ноги.

На втором ярусе Кеца не было. Зато массивная дверь, за которой начинался туннель, была призывно распахнута.

- Кец! - крикнул Берзалов, как в поддувало.

Слова глохли, словно в подушке. В туннеле, как в аэродинамической трубе, гулял ветер. Берзалова впервые охватил паника. Ему показалось несправедливым, что тот, кого ты любишь, с лёгкостью предаёт тебя. Дети - наше будущее, дети не должны отвечать за глупости взрослых.

- Товарищ старший лейтенант... - ныл Гуча.

- Погоди... - сказал Берзалов. - Или я чего-то не понимаю, или я дюже подозрительный.

Как ни странно, свежий воздух туннеля привёл его в чувства, и запах клопа он уже не ощущал. Может, мне показалось, подумал Берзалов.

- Что вы, товарищ старший лейтенант! - испугался Гуча. - Мы на вас богу молимся. Мамой клянусь!

Берзалов криво усмехнулся:

- Погоди... погоди...

Он ещё раз вспомнил слова генерала Грибакина о детях, которые бегают, как страусы и не умеют говорить, а только свистят. А

если они ещё превратились в насекомых, то и до клопиного запаха совсем недалеко.

- А если... - предположил он, - если эти самые инвазивные захватчики заразили детей Земли и теперь они сами становятся захватчиками? То получается... - он не стал пугать Гучу рассуждениями о насекомых, но в голове у него пронеслись самые пугающие картины: Земля принадлежит паукообразным существам.

- Да ну вас, товарищ старший лейтенант! - с укором воскликнул Гуча. - Так не бывает. Мама бы не одобрила.

- Вот послушай, всё сходится к одному.

- Сходится, - легкомысленно согласился Гуча, лишь бы только товарищ старший лейтенант не прогонял его.

- Скрипей заманивает детей в ловушку, то есть в Комолодун?

- Заманивает, - счёл нужным согласиться Гуча.

- А взрослых отпугивает?

- Отпугивает, - насторожился Гуча.

- Дети перестали говорить?

- Перестали, - насторожился он.

- Бегают, как страусы, и по скалам лазают, как пауки, радиацию чувствуют, как мухи варенье.

- Ага... - испугался Гуча.

- Значит... что?

- Что? - оторопело посмотрел Гуча на Берзалова.

- Значит, их пе-ре-де-ла-ли!

- Не может быть... - упавшим голосом произнёс Гуча. - И чем мама думала, когда рожала меня?

- Все гениальное просто.

- Ну да... - не понял Гуча.

- Смотри, на Земле произошла термоядерная война.

- Ага... - согласился Гуча.

- Освободилось место.

- Ну да... - согласился Гуча.

- А если ресурсы у этих самых инвазивных захватчиков ограничены, гораздо проще создать новую расу, подождать немного, а потом уже без хлопот и волнений захватить планету. Тихая аннексия при полном согласии населения.

- Ну вы загнули! - не поверил Гуча. - Так только в книжках пишут. Мама бы не одобрила.

- Я тоже думал, что только в книжках, - вздохнул Берзалов. - Но факты упрямая вещь.

- Так что же нам всем?.. - снова испугался Гуча.

- Может быть, это только начало вторжения? - предположил Берзалов. - А может, конец? Кто знает? Но в любом случае надо бороться.

- Мы и боремся, - легко согласился Гуча, потому что представлял эту самую борьбу как бесконечное сражение с автоматом в руках.

- Мы направим сюда экспедицию и заберём всех детей! - придумал Берзалов. - Мы разрушим Комолодун и остановим инфекцию!

- Я не против, - согласился Гуча, безотчётно веря командиру.

- Так, куда пойдём? - словно очнулся Берзалов. - Наверх или вниз?

- Не знаю, - живо отозвался Гуча. - Вам видней.

- Ты мне это брось, - сказал Берзалов. - Сигналку взорвал кто?

- Кто? - недоумённо переспросил Гуча.

На этот счёт у него соображений не было.

- Ванька Габелый, - пояснил Берзалов. - Значит, мы идём наверх. Внизу делать нечего. Внизу наши.

- Так точно, - обрадовался Гуча.

Он не только сохранил личное оружие, но и тащил два огнемёта «шмель-м». Здоров был Гуча, как платяной шкаф. Перед тем, как нырнуть в туннель, они допили спирт. Берзалов окончательно пришёл в себя, его перестало тошнить, и он забрал один «шмель-м» у Гучи.

Несколько раз туннель разветвлялся, но Берзалов, сам не зная почему, выбирал именно тот, который уводил влево. Теплилась у него надежда ещё раз увидеть Кеца и разобраться во всей этой истории. Хватит с меня тайн, думал он. Я ими сыт по горло. Детей я, конечно, убивать не дам. Мы их перевоспитаем.

Пусть вспомнят, что они земляне, а не какие-нибудь пауки с экзопланеты насекомых.

Наконец впереди посветлело и они выскочили – и не куда-нибудь, а на плоскогорье. Ущелье осталось позади, в горловине которого всё ещё колыхалась зеленоватая мгла, а здесь, прямо как на ладони, лежали небо и земля и горный воздух был прозрачен и свеж. Даже над Харьковым небо вроде бы как тоже посветлело, хотя, конечно же, тучи совсем не исчезли, да и зарницы сверкали не чаще обычного.

Прямо перед ними возвышалась остроконечная гора, а на её склоне лежал огромный цирк, вдалеке же, под следующей горой, находилось что-то массивное. Две-три правильные черточки на фоне всеобщего хаоса, выдавали замаскированный в складках местности объект. Берзалов не успел разглядеть его, потому что увидел две вспышки

– Ложись! – крикнул он, и над ними пронеслась цепочка огненных вихрей.

После этого им пришлось отползать – слишком страшно и жутко шипели огненные шары, хорошо бы дружелюбно, но они были разъярены, как сто тысяч гадюк, и камни плавилась, как снег в апреле – прямо на глазах.

– Да что ж такая за напасть, – ругался Гуча исхитряясь найти укрытие на плоской, как стол, равнине. – Из огня да в полымя. Не дождётся меня мама.

Берзалов давно уже сообразил, что бьют не прицельно, а чтобы отпугнуть. Если бы прицельно, то такое мощное оружие убило бы в два счёта.

Он скатился в ложбину и перевёл дух, а потом высунулся и в бинокль оглядел цирк. Должно быть, когда-то сюда ударил метеорит и разорвал бок горе. Так вот по этому искалеченному боку двигались две фигурки. Берзалов узнал Русакова по штанам и армейским «берцам», а Фомина – по чёрной бороде. Они уже находились на самом крутом месте перед перевалом. Гуча выстрелил. И казалось бы, он прицелился точно, но большое расстояние и воздушные потоки сделали своё дело – ракета разорвалась метрах в ста от цели. В ответ Фомин и Русаков дали очередь из своего иноземного оружия, и огненные шары, шипя, унеслись в сторону ущелья. Тратить вторую ракету было бессмысленно. Берзалов наблюдал: Фомин с Русаковым поднялись на перевал и, погрозив напоследок кулаками, скрылись с другой его стороны.

- Ушли, сволочи! – выругался Гуча и выглянул из такой крохотной канавы, в которой, казалось, не поместится бы и заяц.

- Не страшно, – сказал Берзалов. – Пошли квантор искать.

- Почему? – удивился Гуча.

- Ну здесь-то им не обломилось.

- А оружие?

- А оружие спрятали в туннелях.

- Товарищ старший лейтенант, а вы обратили внимание, что луна-то обычной стала, – испуганно посмотрел на небо Гуча. – Даже как-то непривычно. Привык я к черепу, как к родной маме.

- Как?! – от волнения Берзалов не сразу нашёл луну на небосводе
- она торчала по правую руку, за острым пиком.

Действительно, луна приняла свой естественный вид, какой она была испокон веков. Что бы это значило? Неужели Комолодун окончательно сдох, истратив на нас остатки энергии? – боялся подумать Берзалов.

И тотчас заработала связь с бронетранспортёром.

- Товарищ старший лейтенант!.. Товарищ старший лейтенант!..

- раздался взволнованный голос Архипова. – Кажется, всё кончилось?! Где вы?!

- Мы на перевале. Сейчас обследуем объект и спустимся в вам.

- У нас связь со штабом бригады!

- Отлично! – обрадовался Берзалов. – Сбрось последнее донесение, а на словах скажи, что возвращаемся. Ну и подробности расскажи, но особенно не пугай, а то не прилетят. Дай координаты, пусть высылаю десант.

- Есть, десант! – ещё пуще обрадовался Архипов.

- Всё, мы пошли, следите по «миражу».

- Есть следить по «миражу».

Гуча поднялся:

- А цитадель я не заметил. – Сейчас посмотрим, что это такое, – он отряхнул колени.

- Если я правильно понимаю, – сказал Берзалов. – Здесь они и обитают.

- Кто?.. – упавшим голосом, – спросил Гуча.

- Инвазивные захватчики.

- Хватит меня пугать, - ответил Гуча, а то я спать не буду.

- Ничего, ничего, как раз об этом и напишешь.

- А что, напечатают? - Гуча был полон сомнений.

- Конечно, кто ещё их видел?

- Ну да... - приободрился Гуча. - Я вот думаю, товарищ старший лейтенант, а в журналисты меня возьмут? Мама была бы рада.

- Не знаю, - ответил Берзалов. - В этом я не разбираюсь. Но одно могу сказать, что тебе все карты в руки.

- Да-а-а... - Гуча снял шлем и озадаченно почесал макушку. Волосы у него за эти дни успели отрасти и топорщились ёжиком. - Вы прям меня вдохновили. Я уже думал, что моё увлечение никому не нужно. А здесь такие перспективы. Аж дух захватывает, - и пошёл куда-то в страшном волнении, доставая то блокнот, то карандаш и что-то бормоча себе под нос.

- Гуча... - насмешливо позвал Берзалов.

- А?.. - оглянулся Гуча.

Ясно было, что он находился, где угодно, но только не здесь, в сердце Комолодуна.

- Нам туда, - показал рукой Берзалов.

- Ах, да... - хлопнул себя Гуча по лбу.

Прошло не менее часа, прежде чем они обогнули цирк, дивясь на крутые склоны, затем ступили на едва заметную дорогу. Равнина была усыпана мелкими камнями и поросла мхом и лишайником. Лишь в ложбинах и под защитой скал торчало жалкое подобие деревьев.

Чем ближе они приближались к горе, тем явственней вырисовывалась цитадель. Казалась, она росла и росла прямо из земли, пока не обозначились стена и размеры сооружения: трудно было представить, где она начинается, а где заканчивается.

- Вот это да-а-а!.. - озадаченно сказал Гуча. - Никогда не думал, что в центре России кто-то строил такие крепости.

- А я никогда не думал, что здесь есть какие-то горы, - признался Берзалов, - которых нет на карте.

- Чудеса в решете, - проворчал Гуча. - Тектоника однако ж.

Под ногами стала попадаться всё та же «умная», то бишь «зелёная пыль», однако в гораздо меньшем количестве, чем

в ущелье. Лоферы прятались за валунами, уткнув в землю беспомощные клювы. Чуть скошенная внутрь стена придавали цитадели монументальный вид.

- Я даже швов не вижу, - озадаченно сказал Гуча.

И действительно, передняя стена цитадели, хоть и копировала форму горы, но на её фоне выглядела абсолютно чужеродной.

- Чудеса в решетке, - ещё раз прокомментировал Гуча. - Вот бы мама удивилась.

- И ворота есть, и за нами уже наблюдают, - сказал Берзалов, который рассматривал цитадель в бинокль.

- Кто? - всполошился Гуча, который готов был спрятаться за ближайšie камни.

- Пока не знаю. Но какие-то типы мелькнули и пропали на гребне.

- А ворота где?

- А сейчас увидим.

В тот момент когда дорога, казалось, уперлась в цитадель, она вдруг сделал зигзаг, и в складке стены они увидели узкие, высокие ворота, призывно распахнутые настежь.

- Чую, пропадём, - простонал Гуча, делая свой последний шаг за эту самую стену.

А за воротами находилась гора, пронизанная, как сыр, многочисленными туннелями. Из этих туннелей, как пауки, стали появляться дети. Их было много, тысячи, может быть, даже миллион. Они заполнили все пространство между стеной цитадели и горой и с любопытством зверьков следили за Берзаловым и Гучей. Впереди, словно вожак, выступал Кец. Он держал за поводок Сэра.

- Кец, - позвал Берзалов, - пойдём домой.

- Куда? - удивился Кец.

Было ясно, что только он один умеет разговаривать по-человечески, остальные только слушали. Сэр завилял хвостом и заулыбался. Чувствовалось, что ему нравится находиться среди детей.

- Домой, в экипаж, - грубо сказал Гуча и огляделся на детей, стоявших вокруг плотной толпой.

Были они какие-то странные: с тонкими руками и ногами и все сплошь худосочные, как экспонаты в музее.

- А я уже дома, - ответил Кец.
- Ты же хотел Москву увидеть? - напомнил Берзалов и почувствовал, как его пробирает мороз.
- Нет той Москвы, - безжалостно ответил Кец. - Вообще ничего нет.
- А что есть? - наивно спросил здоровяк Гуча.
- А вот... - Кец показал рукой на гору, пронизанную многочисленными ходами и от этого похожую на огромный сыр. - Это наш дом.
- Пойдём, - устало позвал Берзалов. - Пока не поздно, пока ты ещё человек.
- Дети вдруг загудели, засвистели на все рады, переливчато, и, как показалось Гуче, угрожающе.
- Командир... - сказал он и снял с плеча оружие. - А если они все кинутся?..
- Вашу-у-у Машу-у-у!.. - отрезвил его Берзалов. - Это же дети!
- Неоспоримо, как факт, но мама не поверила бы, - сказал Гуча, не убирая, однако, автомата.
- А Сэр? - привёл последний аргумент Берзалов. - Тебе его не жалко?
- Жалко... - вдруг признался Кец. - Нам кормить его нечем. Сэра я вам отдам.
- А как же вы сами? Что вы будете есть? - спросил Берзалов и сделал шаг, чтобы взять за поводок Сэра.
- Отхлынули дети, как волна с крутого берега. Некоторые быстрее ветра скользнули по горе и исчезли в лабиринте ходов, другие с любопытством выглядывали оттуда.
- Хитрость Берзалова не удалась. Когда, казалось, Кеца можно было схватить за шиворот формы и просто утащить с собой, он уже сидел в одном из туннелей и с превосходством выглядывал из него.
- Кец! - сказал Берзалов. - Так дело не годится. Комолодун умер. Теперь мы здесь хозяева.
- Не верю, - совсем, как Колюшка Рябцев, - ответил Кец. - Нас здесь любят и нас здесь понимают.
- А разве я не люблю тебя? - спросил Берзалов. - И боец Гуча тоже любит, - оглянулся он на Гучу за поддержкой.

Покрутил мордой Гуча и построил самую уморительную физиономию, на какую был способен, хотя на ней всё равно было написано, что уступает он исключительно под давление, что он не то чтобы не любит детей, а относится к ним терпимо, ну а Кеца персонально, конечно же, уважает за твердость характера и весёлый нрав. Но при чем здесь любовь-морковь?

- Дядя Рома, - вдруг сказал Кец. - Уходите вы отсюда. Здесь для вас опасно.

И тотчас, словно в подтверждение его слов, под ногами ожила та самая «умная», то бишь «зелёная пыль».

Гуча отскочил назад, таща за собой на поводке Сэра, и крикнул:

- Командир!

Но Берзалов, казалось, не замечает опасности. Он сделал шаг к Кецу, и «умная пыль» потекла под ногами, как вода. Кец отступил вглубь пещеры.

- Кец... - сказал Берзалов, - вспомни маму... мы найдём её.

- Она умерла.

- Я знаю, что она умерла, но ведь не для тебя?

- Не для меня... - согласился Кец.

- Люди должны жить с людьми, - привёл свой последний аргумент Берзалов.

Он уже был совсем рядом и заглядывал в туннель. «Умная пыль» поднялась до лодыжек.

- Но мы не люди, - ответил Кец. - Мы эти самые...

И тогда Берзалов прыгнул в надежде схватить Кеца. Не было у него другого выхода, как применить силу. Но Кец мелькнул, как заяц, и пропал за поворотом.

- Куда?! - Берзалов бросился следом.

Казалось, он вот-вот схватит Кеца за пятку, но в последний момент он ускользал. Да и Берзалову было неудобно бежать: мешал и автомат и всё то же «шмель-м». Бросить его Берзалов почему-то не решался. Потом вдруг пространство раскрылось, и Берзалов понял, что он в центре горы. В зеленоватом свете инфракрасной подсветки он наконец различил того, кто был хозяином цитадели.

- Кто ты? - спросил Берзалов, сдергивая с плеча «шмель-м».

Существо, у которого не было ни головы, ни рук, ни ног, занимало все пространство под невидимым куполом. Берзалов почувствовал себя маленьким, несчастным человеком, попавшим в силки. Существо шевельнулось – всеми своими многочисленными лапами, но как-то через силу, словно в нём кончилась энергия, а затем обдало Берзалова уже знакомым и очень крепким запахом клопа-вонючки. И Берзалов больше не стал искушать судьбу, а вскинул «шмель-м» и нажал на гашетку.

Больше он ничего не помнил. Впрочем, ему казалось, что к нему уже бегут: Архипов, Колюшка Рябцев и Сундуков с выпученными, как всегда, глазами. Потом почудился вертолётный стрекот, и Берзалов провалился в спасительный сон. И всё равно ему снилась фантазмагорическая чепуха, и он понимал, что это всё неправда, что он так не бывает, что все живы и здоровы. Ну почти все, и вспомнил старшего прапорщика Гаврилова, а потом – Бура, и они тоже были живы и здоровы.

– Где Кец? – спросил он, когда очнулся.

– С Кецом всё нормально, – ответил Архипов. – С ним психологи работают.

– А Гуча?

– Я здесь, товарищ старший лейтенант, – нагнулся Гуча.

– Ну слава богу, – сказал он. – А выпить у нас есть?

– Водки! – крикнул все хором. – Водки товарищу старшему лейтенанту!

Откуда водка? – удивился Берзалов и понял, что лежит он в госпитале и что вокруг всё белое и кафельное.

Прошёл месяц. Наступило лето. В землянке, под крепостной стеной, которую так и не разобрали, сидело первое отделение в полном составе. Славка Куоркис расставлял кружки, Геннадий Белов откупоривал бутылки, а все остальные вскрывали банки с армейской тушёнкой, рыбой и прочей едой.

– Так, всем налил? – спросил Куоркис.

– Да вроде... – ответил Архипов, а Гуча в предвкушении выпивки радостно заёрзал на скамье.

Да и все остальные оживились, перешептываясь: и Сундуков Игорь по кличке Актёр, и Колюшка Рябцев со своей вечно перекошенной физиономией, и Филатов Клим, который,

оказывается, отбивал атаки на бронетранспортёр и таким образом сохранил машину, и конечно же, Кец, которому налили сладкого компота.

Берзалов встал, посмотрел на собравшихся и выпил водку, в которой лежали четыре капитанские звёздочки:

- Старший лейтенант Берзалов звание капитана представил и обмыл.

- Ура!!! - закричали все.

А чёрный пёс по кличке Сэр радостно залаял.

Второй тост выпили за Россию, а третий, не чокаясь - за тех, кого не было вместе с ними. И всем стало грустно и тяжело на душе, но таков был атомный век, и ничего с этим поделать было невозможно.

Конец.

Февраль 2012

-
1. Цистамин - вещество, являющееся радиопротектором, то есть ослабляющее негативное воздействие ионизирующего излучения на ткани организма человека.←
 2. ПРО - комплекс мероприятий разведывательного, радиотехнического и огневого характера, предназначенный для защиты страны от ракетного оружия.←
 3. ВКО - воздушно-космическая оборона.←
 4. Салабон - слабак, малолетка, трус.←
 5. АЗК - армейский защитный костюм.←
 6. Форец - обманщик, пустозвон (одесский жаргон).←
 7. РПГ-7 - реактивный противотанковый гранатомёт.←
 8. АГС - автоматический станковый гранатомёт, вес станка - 12 кг.←
 9. СУО - система управления огнём.←
 10. РГО - гранта ручная оборонительная.←
 11. «Джавелин» - американская противотанковая ракета.←
 12. БЛА - беспилотный летающий аппарат.←
 13. ПКМ - пулемет Калашникова модернизированный на сошке.←

14. Тангента – переключатель на устройстве связи.↵
15. Экселенц – (от франц.), ваше сиятельство, ваше превосходительство.↵
16. АЗК – армейский защитный костюм.↵
17. «Англетер» – гостиница, где погиб С. Есенин.↵
18. М-16 – американская автоматическая винтовка калибра 5,56 мм.↵
19. Астроблема – ударный кратер на поверхности Земли.↵

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>